М. ВЕЛЛЕР

ЗВЯГИН

М. ВЕЛЛЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА

М. ВЕЛЛЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА

Роман воспитания

Пароль
Санкт-Петербург
2006

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 11.10.05.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 25,20. Тираж 7000 экз. Заказ 2656.

В этой книге много тайн, и все они раскрываются на удивление просто. Во-первых, Звягин — не майор. Ну — бывший майор. Во-вторых, приключения его — никакие не приключения. Эта книга — «наука побеждать» и добиваться любой поставленной цели в наших обыденных условиях. Человек может все — вот гениальная идея романа. Может переломить судьбу, стать любимым и счастливым, преодолеть даже смертельный недуг. За десять лет общий тираж «Звягина» приблизился к миллиону.

ISBN 5-17-033962-3
ISBN 985-13-6517-3
(ООО «Харвест»)

© М. Веллер, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2005

«Делай что должен, и будь что будет».

Рыцарский девиз

«Надежда в Бозе, а сила в руце».

Надпись на клинке гетмана Мазепы

Вместо пролога

СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА

— Леня, ты совсем не интересуешься перестройкой, — упрекнула жена из-под вороха газет, в то время как телевизор сулил крушение Ленинграда по всем статьям вплоть до кислородного голодания.

— Да, — флегматично согласился Звягин, — я совсем не интересуюсь перестройкой. — Он перелистнул атлас кошек, изданный в ГДР, которая ныне уже не существовала. — Ты знаешь, чем отличается сиамская пуховая от сиамской короткошерстной?

— Ты аполитичен! — с негодованием констатировала жена.

— Я аполитичен, — кротко кивнул Звягин, любуясь кошачьим портретом.

— А в газетах пишут...

— Я знаю, что пишут в газетах.

— Что же?

— Все то же.

— А именно?

— Что жрать нечего. Что Союз разваливается. Что экономика впадает в столбняк. Что выгоны не разгружены, депутаты продажны, прошлое трагично, будущее мрачно, а вообще я не люблю коллективных неврозов.

— А что ты любишь? — поинтересовалась жена.

— Чтобы было интересно. И лечить людей. Первое — от характера, очевидно, второе — от профессии.

— А это тебе не интересно?! — и она, с характерными интонациями учительницы с двадцатилетним стажем, стала читать о благополучном пенсионерстве палача, пытавшего Вавилова.

— Я бы его убила! — с прямотой звенящей юности отчеканила дочка, появившаяся в дверях.

— М-да? — зевнул Звягин. — И как же бы ты его убила?

— Расстреляла!

— Из чего? Из косметички?

Всклубился легкий семейный спор о преступлении и наказании, причем насколько агрессивна и непримирима была женская часть семьи, что школьница, что школьная учительница, настолько же добродушен и покладист был муж и отец семейства.

— Можно подумать, ты не носил офицерскую форму!

— Что выдавали, то и носил.

— Как ты можешь, с твоим равнодушием к людским страданиям, быть врачом!

— Легко и беззаботно. Тут главное — хорошо выспаться, — и Звягин поднялся с любимого дивана и проследовал в спальню. — Жду жену с первым дилижансом! — крикнул он оттуда.

Утром, вскочив бесшумно (разминка, душ, кофе — было воскресенье, и домочадцы отсыпались), он перелистал газеты, пробежал давешнюю заметку и задумался коротко: в глазах проявлялась улыбка угрюмая.

На «скорой», если воскресенье выпадает на середину месяца и погода приличная — чтоб меньше автослучаев, можно и расслабиться слегка: в свободное время, давно зафиксировано, людям реже требуется срочная медицинская помощь. Судачили — надоело:

— У «Гостиного» болгарские по три ре пачка — всегда...

— И чуть не сотня случаев по городу — потравились все этим узбекским виноградом.

— Продовольственные поставки в рамках джихада!..

— Я все понимаю, но почему шапок-то нигде нет!..

— И что поразительно: бензина нет — а автослучаев больше...

Выехали на вызов, шофер музыку врубил, фельдшер подремывал в салоне — молод, явно нажрался вчера, в субботний-то вечер, несмотря на дефицит спиртного; дефицит женщин ему, судя по темпераменту, слава Богу, не грозит.

— Гриша, — обернулся Звягин, — ты знаешь, что в старые времена говорилось: врач не стал врачом, пока не заполнил своими пациентами кладбище?

— То-то на кладбище очереди, — отозвался Гриша. — И это еще врачей не хватает.

Помолчав, Звягин ответил не совсем понятно:

— Каждому — свое место, — сказал он.

— И свое время.

— Точно, — сказал шофер.

Завизжали виражом под Охтинский мост.

— Увольняясь из ГБ, они меняли фамилии, — сказал Звягин, но на самом деле не произнес вслух, а лишь подумал. Любое лишнее слово нам ни к чему.

Отработав и вернувшись на станцию, плюхнулся в продавленное кресло под окном и скрестил вытянутые ноги: «Основа действий что? — план. Основа плана что? — информация. Основа информации что? — утечка на стыках. Податливые звенья кто? — клиентура. Лучшая клиентура кто? — женщины, разумеется. Так, майор, а теперь проведем археологические раскопки в нашей богатой и замусоренной памяти».

Лишь через сутки, дома, облюбовав страницу в записной книжке, пухлой, как батон, и тяжелой, как граната, он набрал телефонный номер:

— Татьяна Ильинична? Доктор Звягин беспокоит. Как здоровье? Это в порядке вещей... Достанем, какой разговор... Нет, просто так, ничего не нужно. От чайку никогда не отказывался. Свободен. Завтра в семь, так точно.

Посвистел «Турецкий марш», позвонил еще раз:

— Саша? Слушай, есть разговор. Да, ты упоминал как-то... Не телефонный, безусловно. А чего откладывать.

Еще пара звонков, и он заходил по ковру взад-вперед, сунув руки в карманы и удовлетворенно хмыкая; хмык получался с каким-то металлическим холодным мурчаньем.

— Я об тебя руки марать не буду, — ласково пообещал кому-то Звягин. — Я тебя ножками стопчу. В пыль! Понял?..

Лицо его приняло выражение спокойной сосредоточенности, как у рулевого на штурвале, выцелившего точку курса на горизонте.

Татьяна Ильинична, отцветшая блондинка, принимала его в небольшой респектабельной квартирке — полуделовой, полубудуаре хорошо пожившей дамы.

— Какие цветы! Узнаю гвардию. Офицеры и джентльмены — это одно и то же.

Пили французский коньяк крохотными глоточками и цейлонский чай: говорили легко, с игривостью, на подтексте не существующего, но как бы не исключаемого флирта.

— Благодарю, — приняла она две упаковки регипнола. — Только хорошее снотворное может гарантировать хороший сон в наше время и в моем возрасте.

Звягин отвесил комплимент.

— Так чем могу отслужить в свою очередь? — осведомилась хозяйка с весомостью сильного человека, привыкшего выигрывать по правилам игр этого мира.

— Когда-то был я лейтенантом, — сказал Звягин, — и влип по молодости и невоздержанности языка в скверную историю.

— Где и когда это было? — быстро спросила Татьяна Ильинична.

— И мне крепко помог один человек из вашего ведомства.

— Вот не знала о ваших делах с госбезопасностью.

— Недавно я наткнулся на его фамилию в газете. Причем в отрицательном смысле.

— Кто ж сейчас положительно отзывается о КГБ.

— Поскольку по характеру своему я не люблю собак, пинающих дохлых львов...

— Порядочным офицерам это свойственно.

— ...я бы хотел именно сейчас поблагодарить этого человека, уже старика, пенсионера, за сделанное им добро. Чтоб не считал всех подонками. Не люблю сливаться с обществом.

— Узнаю ваши капризы... — сощурилась Татьяна Ильинична.

— Не люблю ничего недоделанного, — ответил Звягин.

— Кто желает, но не действует, тот плодит чуму. Не знаете, кто это сказал? Вильям Блейк.

— Мне бы ваше образование.

— Как его фамилия?

— Тогда его фамилия была Хват.

Она чуть шевельнула бровью.

— В звании полковника или подполковника, очевидно.

— О нем сейчас стало известно много неблаговидного. Если правда то, что пишут, — преступного даже.

— Меня это не касается!

Отпили чай. Она задымила тонкой американской сигареткой.

— Но я не работаю ни в кадрах, ни в архиве, милый Леонид Борисович.

— Простите, если это невозможно — вопрос снят.

— Ну... вовсе уж невозможного ничего нет.

Звягин, отведя как бы в задумчивости взгляд, повернул лицо в наивыгоднейший ракурс, подчеркивающий резкость черт, квадратность подбородка и холодную прозелень глаз.

— Экий вы голливудский киногерой. Так бы и врезалась по уши... да с вами ведь это безнадежно.

Махнула рукой, рассыпала смех.

— Вы не торопитесь? Достаньте-ка во-он ту бутылочку из бара. А просьба ваша — какая ерунда, попрошу из отдела послать запрос. Послушай, Звягин, —

перейдя на ты, взглянула с нагой прямотой, — я тебе нравлюсь?

Звягин мурлыкнул металлически и звякнул бокалом.

«Захотелось мартышке любви со слоном, тут-то она и лопнула, — попомнил он детский анекдот, выходя из ночного подъезда. — Есть и другой анекдот: „Так что, и это не помогло, спросил у дамы парень в белом халате; ну, тогда вам и вправду нужно доктора; а мы кто? да бригада маляров, работаем тут...“ На что только не пойдешь ради торжества справедливости», — съязвил он над собой.

Второй вопрос решился гораздо проще; да в наше время ничего особенно сложного в нем нет.

Саша, интеллигентнейший хрупкий молодой человек, встретил его милой улыбкой и рукопожатием тонкой маленькой руки — деревянными тисками каратэиста; Звягин с трудом пережал эту ручку и удовлетворенно крякнул.

— Мама только что спекла прекрасный торт. Торты — это ее слабость, хотя сейчас удовлетворять эту слабость все труднее, — словоохотливо и приязненно посыпал он. — Знаете, что такое торт «Горбачев»? То же, что наполеон, только без яиц, без сахара, без масла и без муки. Вы как — посидим на кухне или у меня?

Сели в его мужской комнате — квадросистема, книги, нунчаки.

— Ты говорил, что есть возможность кое-что устроить.

— В смысле?

— Время опасное.

— А. Пожалуйста. Что вас интересует?

— По-прежнему все есть?

— Ну, знаете, за гаубицу не ручаюсь, но насчет базуки, скажем, можно постараться.

— Ну, это чересчур.

— Баллончик «черемухи» — для вас двести пятьдесят. Фирменный немецкий — четыреста. Или хотите газовый пистолет? — две тысячи, маленький, легкий, выброс пятнадцать метров.

— Чуть бы понастоящее.

— Да вот как раз можно «Кольт-магнум 53». Три с половиной.

— Это ж слонобой, тринадцать миллиметров.

— И прекрасно! Выкинет человека сквозь дверь на лестничную площадку.

— А грохоту?

— И прекрасно! Страху наведет.

— Пули с мягким кончиком?

— Не знаю этих подробностей. К нему пятьдесят патронов, по пять рублей штука.

— Что-нибудь скромнее. И компактнее, пожалуй.

— Так, может быть, макаров? Это возможно.

— А еще поскромнее?

— Ну, я думаю, спортивный вас не устроит?

— Хотелось бы чуть получше и посерьезнее.

— Гм. Так давайте определим, что вам требуется. Пистолет карманной носки, компактный, достаточно серьезный, без лишних эффектов. Патронов много нужно?

— В крайнем случае и обоймы хватит.

— То есть эта проблема снимается. Тем лучше... Вы ешьте торт, а то кофе остыл уже... подождите, я сейчас сварю новый.

— Не надо, обожаю прохладный.

Саша пожевал торт, чуть покрутил задумчиво подвижным, тонкой лепки личиком.

— Тогда, я думаю, вам вполне подошла бы «беретта» или что-то в этом духе.

— Подошла бы.

— Калибр 6,35, звук несильный, начальная скорость прекрасная, габариты и вес подходят, классическая модель, даже канонизирована в литературе.

— Пойдет.

— Хорошо. Насколько это срочно?

Звягин пожал плечами:

— Жизнь наша; обычный ответ на вопрос: «Когда должно быть сделано?» — «Вчера».

— Ну, у нас не социалистическое хозяйство. А серьезно?

— За недельку сможешь?

— Не уве́рен. Вот за три могу ручаться. А возможно и раньше. Понимаете, я ведь сам, строго говоря, этим не занимаюсь, только так, для друзей. А человек, который этим занимается, мой школьный друг, кстати, в одном дворе росли, вот как-то старые отношения и сохранились, мне он всегда все устроит, сам предлагает, он сейчас в отъезде, как только вернется, мы с ним свяжемся. Понимаете, Ленинград ведь, оказывается, главный перевалочный пункт, через который поступает из забугорья оружие для армянских боевиков. Поэтому есть возможность все доставать, но как бы не совсем регулярно. Да, так если в смысле цены, я всегда готов вам помочь.

— Сколько?

— «Узи» сейчас стоит семь с половиной, калашников — пять. Это, я думаю... а если будет что-то малотипичное — оно дешевле, потому что патроны трудно достать, но если вас устроит всего одна обойма, но что-то вполне надежное, разумеется, — подойдет?

— Вполне. Но проверить надо.

— Естественно, качество — само собой.

— «Беретта», я думаю, должна стоить где-то от полутора до двух с половиной. А что-нибудь ушедшее с производства, но вполне в рабочем состоянии — браунинг номер два, три, скажем, или зауэр, или еще что, — могут и за одну по случаю отдать, с одной-то обоймой. К «узи», скажем, сейчас по пятьдесят рублей патрончик.

— Договорились.

— Как только что-то будет — я вам сразу позвоню.

«Вот зачем нужны доходы от частной практики — шпалеры покупать», — хмыкнул про себя Звягин.

— Как твоя челюсть? — спросил он.

— Спасибо большое, вроде нерв больше не беспокоит. Так что остаюсь вашим должником.

— А глушителями вы не занимаетесь?

— Оу,— Саша поднял руки,— это не по моей части. Глушители там запрещены законом, ведь честному че-

ловеку, равно как и полиции и армии, своей пальбы стесняться не надо, только для спецслужб, этого у нас даже не идет. Делают сами вообще, но вот тут, боюсь, я вам помочь не смогу.

— Да я знаю, — сказал Звягин, — так, на всякий случай.

По улице несло дивную питерскую промозглость, сумерки закручивались метлой, и, войдя в служебную проходную театра, Звягин отер с лица холодную тонкую влагу.

— Мне начальника реставрационных мастерских, — наклонился к стеклянному окошечку вахтерши, — Сыркова.

Она подняла очки от вязания:

— Местный его телефон знаете? — подвинула аппарат и протянула ему трубку. — Вроде был у себя.

Сырков, скандинавистый шкиперюга — лысина, бородища, свитер на груди лопается — сграбастал его, отодвинул, огладил любовно льдистыми немигающими голубыми глазами, неожиданно-опасноватыми на рыжем добром лице.

— Ну, Ленечка, — рокотнул, — с чем пожаловал? Неужто просто так?

— Здор-рово, Владлен! Имя менять не собираешься?

— Только на водку!

В начальническом закутке за мастерскими Звягин поиграл бутафорскими мечами и пистолетами. Сырков спросил о семье, пыхнул голландским табачком, похвастался очаровательным тяжелым револьверчиком, сделанным под малокалиберный патрон:

— Хочу к нему еще цельную обойму сделать, — вывалил барабан вбок.

— Слушай, сделай мне автомобильный номер.

— Чего это ты? Банк грабить собрался?

— Да нужно.

— Сделать-то несложно... А на что он тебе? Ты что, Ленечка, никак с рэкетирами связался?

— Влад, — ну надо. Считай, пошутить над приятелем.

Влад пронизывал немигающе голубыми льдинками удава; рокотал:

— Забавно, Лешунька, этим я еще не занимался. Из интересу можно попробовать. А что, сам не можешь? Я объясню как, дам материалов.

— У меня так не получится. Лучше я вас лечить буду.

— А иначе уж и не будешь?

— Всяко буду, — улыбнулся Звягин, настраиваясь на его тон.

Влад выдул из легких ароматный сноп «Клана».

— И размеры уж, поди, с собой готовы?

Звягин протянул ему бумажку с чертежиком.

— Так. Ясно... Правильно... Ну, допустим... А номер тебе какой?

Звягин зевнул безмятежно:

— Еще не придумал. Придумаю — позвоню.

— Ладно, — обдал радушием Влад. — Уж если Звягин просит — сделаем. Лучше настоящего. Но, Леня, я надеюсь...

— И не вздумай волноваться. Мое слово!

Дома у Звягина, несмотря на его неизменную доброжелательную невозмутимость, что-то зачуяли: не то биотоки из него какие-то исходили, не то угрюмая боевая улыбка прорезалась то и дело в глубине глаз, как перископ подлодки.

— Похоже, и тебя достала действительность, — не без известной насмешки посочувствовала жена.

— Отнюдь. Я ее сам достану, — пообещал Звягин.

Вечером он достал с антресолей две коробки с фотографиями, весь семейный архив, и они втроем перебирали желтеющие реликвии кочевой биографии:

— Ой, папка! Какой ты был стройный лейтенантик, прямо смерть гимназисткам.

Документную фотографию в повседневной майорской форме Звягин сунул в карман. «Правда, петлицы десантные. Но ведь могут быть любые. Так, теперь осталось всего лишь найти хорошего художника... не столько живописца, сколько — кого надо. Ну, Таня-Танюш-

ка, Татьяна трах Ильинична, уж не подведи, старая боевая лошадь... а то ведь повешу, на твоем же крючке от твоей же люстры и повешу, недрогнувшей рукой и на ненамыленной веревке... и хрен дознаются, вот что забавно».

— А теперь — впер-ред, хр-ромоногие! — скомандовал он офицерским рубленым рыком.

— А?! — подпрыгнула жена.

Дочка захохотала, посмотрела на часы и пошла в туалет.

«А слесаришка мне, пожалуй, и не нужен. Разовый глушитель можно и из чертежной бумаги склеить... или капустной кочерыжки вырезать. Эт мы сами с усами, сообразим... Кстати, насчет усов... усы? А что, сейчас каждый третий с усами... театральный магазин, или те же мастерские... только уже не Влад, нет».

Старая боевая лошадь Ильинична сработала первой,— и то сказать, ведомство серьезное:

«Березницкий Яков Тимофеевич, г. р. 1918, прож. г. Москва, Кутузовский пр., д. 84, кв. 19, т. 243-48-70. Пер. пенс. союз. зн.»

Яшенька, значит, ибн Тимофеич. Перпенс, значит. Аж союзного значения... нерушимый республик свободных... тресь — и в дамках. Я т-тя научу родину любить. Молилась ли ты на ночь, Дездемона. Понял, Миша? — вычеркиваю.

И в подтверждение вычерка протрещала телефонная очередь:

— Леонид Борисович? — милейший тенорок. — Ну, кажется, есть то, что вам нужно. Так что заезжайте, когда вам удобно. Но лучше не откладывать.

А зачем нам откладывать.

Звягин раскрыл блокнот и выбрал один из своих рабочих дней посреди недели. Вот накануне с Джахадзе или с Заможенко на этот день и махнемся, а фамилия в графике пусть останется. Билеты на «Стрелу».

...Из «Красной стрелы» он вышел отдохнувший, выспавшийся, весело-спокойный среди мрачноватого и суетного московского люда.

Клиент был на месте, это он знал, потому что вчера позвонили Березницкому, мягкий женский голосок из регистратуры его поликлиники, поинтересовались для уточнения, когда он последний раз проходил флюорографию.

Сдав сумку с кое-каким барахлишком, купленную на один раз в комиссионке, в камеру хранения, он спустился в метро и поехал на Кутузовский. Прошел по противоположной стороне мимо нужного дома, прикидывая место парковки машины. Потом поехал в Ясенево и шлялся там, пока не нашел то, что требовалось: стройку на отшибе за забором; запомнил приметы дороги, вернулся в центр, поймал за пятнашку частника и велел ехать туда, проехав сначала по Кутузовскому, а сам сверялся с картой Москвы и фиксировал путь.

После чего со вкусом и демократизмом пообедал в «Мак-Доналдсе» и отправился в кино, дабы занять время. Нервы, судя по всему, у Звягина отсутствовали напрочь.

В полутьме уже он вернулся на Ленинградский вокзал, забрал свою сумку и в туалете совершил небольшой шпионский маскарад: наклеил черные усики, натянул и приладил вороной парик и увенчал его кепарем-аэродромом. Пойдет.

На стоянке такси волновалась толпа, а в стороне нисколько не волновались таксисты. Звягин сделал жест, и шофер приоткрутил стекло:

— Куда? — с неприязненным равнодушием спросил он, не глядя.

— Шереметьево-два, — с тем же равнодушием бросил в сторону Звягин.

— Полтинник, — сказал шофер.

— Знаю, — упало в сторону следующее слово.

— Садись.

— Открывай. — Последнее слово всегда за мной будет, животное. Я тебе покажу полтинник. Я его тебе в такое место воткну, что институт микрохирургии глаза не выковыряет.

Шофер небрежно курил «Мальборо».

— Здоровье портишь, — без уважения к чужому жалкому достатку сказал Звягин и приоткрыл форточку, устроив сквознячок.

— Дует, — сказал шофер.

— Я тебе плачу, — сказал Звягин. — Сначала на минутку к Ленинградскому рынку, вещи забрать. Дом я покажу.

— За простой — отдельно.

— Конечно, — сказал Звягин.

На Красноармейской он указал подходящий дом, велел стать у подъезда:

— Багажник открой сразу.

Пару минут провел в подъезде. Вполне подходяще. И лампочка не слишком яркая, и мочой пахнет.

— Слушай, друг, — вышел он растерянно, — его дома нет, помоги, пожалуйста, телевизор снести... одному никак не взять, и время в обрез.

— Какой? В багажник не влезет.

— Влезет! Как не влезет? — уверил Звягин. — Японский, не такой большой, но взять неудобно.

— Да я, в общем, не грузчик, — в сомнении отказался шофер.

— Еще пятнадцать рублей плачу, — нервно попросил Звягин.

— Поможем, — вылез шофер.

Войдя в подъезд, по всей логике ситуации, первым, Звягин жестко — конь копытом лягнул! — ударил его локтем под ложечку. Шофер согнулся и замер, распялив рот и выпучив глаза. Примерившись и успев пожалеть, что рукав куртки смягчит удар, Звягин локтем же, сверху, врубил ему — к-ха! — чуть левее темени. Послышался вполне деревянный стук, шофер обмяк и свалился на бок. «В десанте служили мы крылатом, а тут нельзя не быть орлом! — тихо пропел себе под нос Звягин. — Как это называлось там? а, — с расчетом кратковременного рауша. Кратковременного не кратковременного, а полчасика отдохнет. Достаточно».

Он быстро сволок шофера по ступенькам к двери в подвал, вынул из кармана стеклянную четвертьлитровую фляжку и полил ему грудь и бока водкой: «Объясняйся потом с милицией, родимый». Надел на правую руку кожаную перчатку, подпрыгнул и разбил лампочку: тихий дзень.

Все это заняло на несколько секунд меньше запланированной минуты.

Хлопнула входная дверь.

— Опять перегорела,— тихо и злобно произнес женский силуэт, всем существом мимолетно опасаясь проходящего мимо звягинского силуэта.

— Извините, — вежливо сказал Звягин, бренча на пальце ключами от такси.

В трех кварталах он тормознул у урны и сунул в нее парик, усы и кепку. Потом свернул в темный проулок, достал из сумки автомобильные номера и плотно надел, закрепил поверх настоящих.

— 87-19 ММТ, — удовлетворенно прочитал он.— Вышел на смену. Спасибо, чаевых не берем.

В кабине достал из бардачка путевой лист, аккуратно разорвал и выкинул, а на его место положил заготовленный заранее. Глянул техпаспорт. Заменил собственной карточку водителя на приборной доске. Дотронулся до прав в кармане. Серую куртку снял и кинул на пол к заднему сиденью, оставшись в синем свитерке. Кинул в кусты под домом фляжку из-под водки, некогда коньячную. И дал по газам.

Не обращая внимания на голосующих по пути (как истый московский таксист), он с умеренной лихостью гнал к знакомому уже дому. Незадолго до Кутузовского остановился еще раз в тихом месте, снял свитерок, оставшись в скромном темном костюме и голубой сорочке с галстуком, из сумки достал и надел светлый плащ, набросил на шею шарф. Порядок.

Притер тачку к тротуару у «своего дома», глянул номера над первым подъездом — верно. «Куда лезу. Но не ждать же у моря погоды, покуда он сам на тротуар вылезет».

— К кому? — бдительно спросил вахтер из-за обширного письменного стола в светлом, теплом, чистом и вполне домашнего вида подъезде.

— Девятнадцатая квартира, Березницкий, — с уместной дозой будничной беглости и казенной вежливости сказал Звягин. Вахтер, естественно, чуть помедлил, читая его взглядом, и наметил движение в сторону телефона — позвонить в квартиру, представить гостя и получить согласие на впуск. В правильный момент Звягин достал из нагрудного кармана красную корку с гербом и секунду держал перед вахтером. На полсекунды открыл и, профессионально сжав в руке (не вырвать!), подержал еще.

— А вы звоните, — разрешающим тоном бегло сказал он от лифта. — Сергеев.

Пока он ехал на пятый этаж, хозяин был уже извещен и — д-р-р звонок, кратко и уверенно, — открыл двери сам.

— Добрый вечер, Яков Тимофеевич, — с безулыбистой теплотой протянул Звягин руку, шагнув через порог.

— Здравствуйте,— спокойно, в е с о м о отвечал Яков Тимофеевич.

Так вот ты какой, гнида. Росточку неплохого, крепость еще видна, рожа массивная... тупая, уверенная, бронированная рожа. Славный, должно быть, был рыцарь революции: чистые руки, горячее сердце, холодная голова, ага... нет, не трусливый старикашка, но это мы еще посмотрим.

— Извините за беспокойство, но дело неожиданное и срочное, — крайне спокойно сказал Звягин. — Был звонок из референтуры начальнику управления, связано с телегой. Надо гасить без оттяжки, поэтому меня лично — за вами.— И протянул, как своему и старшему по званию, заслугам и возрасту, свое удостоверение, но в руки не дал, хозяин едва заметным внутренним движением отметил это как правильное, и Звягин отметил это его отмечание. Березницкий взял со столика в небольшом, но славном холле очки из китайской плоской вазы

(«У кого реквизировал, сука?») и прочитал не медленно, но внимательно. За удостоверение Звягин был спокоен — лучше настоящего, не мальчик.

— Не телефонное, — сказал он, упреждая вопрос. — Такое время.

Логично. А в чем дело, да?

— Конец дня, — сказал он. — Вечный бардак в любимом ведомстве. В архивах чуток насорили. Остальное — на месте.

Березницкий чуть подумал — тоже крайне спокойно.

— Я на машине, — сказал Звягин. Галстук не обязателен, хотел он добавить и улыбнуться, но воздержался: это уже лишнее.

— Я позвоню, — сказал Березницкий. Соображал он явно уже с трудом, да и никогда, конечно, большой сметливостью не отличался, за то и держали, но рефлексы вжились в нем прочно. — Вы садитесь.

Без «благодарю» Звягин опустился на диванчик перед телевизором и расслабил позвоночник.

— Можете. Но Крупников сейчас у хозяина, там освободятся в (взглянул на часы) восемнадцать пятнадцать.

Шлепнуть бы тебя прямо сейчас, в собственном сортире, и вся недолга. Да не заслужил ты такой быстроты и легкости.

Упоминание фамилии, причем не сразу, а в правильный момент, — это подействовало, разумеется, успокаивающе. Да и обликом Звягин, то бишь Сергеев, был правилен, безупречен. Разве что лицо запоминающееся, так в их управлении это неважно.

— Переоденусь, — сказал Березницкий и вышел. В глубине квартиры перемолвился неразличимо фразами с женой, которая так и не показалась — своя дрессура.

Явившись в синем, немодном и добротном костюме с планками и значком почетного чекиста («А как же! чтоб помнили, с кем дело имеют!»), Березницкий полез в теплый, с подстежкой, плащ.

— Машина у двери, — сказал Звягин о возможной ненужности плотно одеваться. — Обратно тоже доставят, — сказал он, и тут оба чуть улыбнулись профессиональному, для посвященных, юмору этой фразы.

Внизу Березницкий увидел пустое такси.

— Рабочая, — сказал Звягин, и Березницкий понял, согласился, судя по тональности молчания: получше все у начальства, взял оперативную, которая подвернулась, не свою же гонять, жалко, и бензин дорог, нет его.

Звягин сел и открыл правую дверцу:

— Пожалуйста.

Березницкий стоял, чуть ближе к задней. Во рефлексы действуют! — ему мозг выстриги, он на одних рефлексах то же самое делать будет.

— Пожалуйста, — сказал Звягин, открыл, перегнувшись, заднюю дверцу, а переднюю захлопнул, и Березницкий поместился сзади.

— Что тут? — спросил он недовольно, наступая на куртку.

— А, Сашино барахло, отодвиньте в сторону.— И Звягин рванул к центру.

Березницкий посапывал.

Ехали на Лубянку.

Тормозя перед светофором, Звягин попросил:

— Тряпочку протяните сзади, стекло запотело.

Березницкий взял чистую тряпку перед задним стеклом и подал, чуть потянувшись вперед. Звягин обернулся, отпустил руль, рука его скользнула мимо руки Березницкого, он чуть еще приподнялся на сиденье и воткнул выставленный большой палец под мясистый кадык, прямо над узлом галстука.

Березницкий всхрапнул шепотом, остекленел, вывалил язык и обмяк.

— А зачем нам, собственно, Лубянка? — вдумчиво спросил Звягин, за светофором перестроился в правый ряд и свернул, держа в памяти маршрут.

Через минуту стал в темном пустынном проезде. Перегнулся к бездвижному телу, расстегнул плащ и кос-

тюм, из внутреннего кармана достал паспорт, с пиджака аккуратно отстегнул планки и свинтил значок почетного чекиста. Из сумки извлек еще две склянки: первую полил ему на грудь, и в салоне запахло коньяком, вторую вылил на промежность — и запахло мочой.

— Обрубился, пьяная сволочь, — с сочувствием к своей таксистской доле сказал Звягин воображаемому гаишнику, — весь салон обоссал, а мне еще крутить до четырех. На Новоясеневском своем не прочухается — скину в пикет.

И поехал на Новоясеневский, выкинув по дороге как ненужные теперь склянки, так и березницкое барахло.

Он поглядывал на часы, в зеркальце — как там сзади, спокойно готовый к любым неожиданностям, потому что в сущности любые неожиданности были исключены, то есть предусмотрены: все, что Звягин делал, делалось с полной обстоятельностью; впрочем, об этом уже можно было догадаться.

В рамках рассчитанного времени он остановился близ девятиэтажного дома, вплотную к которому и подходил присмотренный днем забор стройки. Не выключая двигателя, огляделся. Спихал все барахло в сумку, туда же положил снятые номера. Сунул Березницкому под нос нашатырь, потер уши, помассировал гортань и грудную клетку. Выволок его, приходящего в себя, и закрыл машину.

— К-хх-х... Ох-хх...

— Пошли. — В бок Березницкого однозначно уперся пистолетный ствол. Сумка висела у Звягина на другой руке, и рукой той он заботливо и крепко поддерживал Березницкого, обняв сзади, под мышку: ведет человек пьяного, бывает.

— Один звук — и стреляю: иди.

Из забора в этом месте были заблаговременно вышиблены две доски. Переждали прохожего на недалекой дорожке под фонарем:

— Не сметь шевелиться, — без звука произнес Звягин, вдавливая ствол между ходящих ребер.

Пробираясь между строительным мусором и скользя в грязи, они дошли до строящегося, абсолютно неосвещенного с этой стороны дома и вошли в стенной проем.

Березницкий начинал оживать, тело его приобретало остойчивость и проникалось крупной редкой дрожью.

— Не бойся, жив останешься,— усмехнулся Звягин.— Просто поговорить надо.

Он поверит в это, потому что ему больше ничего не остается. Как верили те, кого он расписывал.

— Н-не трясись! Пятнадцать минут выяснения отношений — и придешь обратно. Кому ты нужен...

Березницкий переставал дрожать.

— А вот руки, извини — назад!

Березницкий свел на копчике кисти рук, Звягин бросил сумку и, не отнимая пистолета от его позвоночника, быстро захлестнул их веревочной удавкой, закрепил мертвым узлом, — хирурги умеют вязать узлы одной рукой.

— Еще раз извини.— И рот оказался плотно заклеен пластырем.

Звягин достал из сумки и включил фонарик — тонкий веер света через щель, прорезанную в черной бумаге, которой было заклеено стекло, осветил еле-еле, но различимо, хлам под ногами.

— Пошел! — шепотом рявкнул Звягин.

Послушно перебирая ногами, Березницкий, направляемый в спину, как буксиром-толкачом, стальным пальцем пистолета, дошагал до дверного проема, повернул и стал спускаться по лестнице — бетонному маршу без перил...

Оказались в низком подвале под бетонными же перекрытиями. Звягин остановил движение перед разбитым унитазом, косо утвердившимся между ржавых батарей и обрезков труб.

— Пришли,— сказал он и на шаг отступил.— Можешь повернуться.

Березницкий неловко и готовно повернулся к нему лицом.

— Судить тебя буду я, — сказал Звягин, достал из кармана, зажав фонарик под мышку, самодельный глушитель и натянул его на дуло.

— Кто я — тебе знать незачем. Один из тех, кого ты и твоя контора не уничтожили.

Березницкий замычал.

— Никакого последнего слова, — отмел Звягин. — Не будем отягощать себя бюрократическими проволочками буржуазного суда. Итак. Согласно формуле Нюрнбергского процесса, приказы начальства не являются оправданием для исполнителей преступлений перед человечеством. А посему приговаривается Березницкий Яков Тимофеевич к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно.

Березницкий, хрипя и попискивая горлом, замотал головой и тяжко опустился на колени, с безумной мольбой подняв на Звягина взгляд выкаченных глаз.

— Они тоже жить хотели, — укорил Звягин. — Причем не были ни в чем виноваты. Ты что ж думал, приятель, что вся кровь, все муки — так тебе с рук и сойдут? Нет. Кому-кому, а тебе не сойдут.

Лицо Березницкого в слабой полосе фонаря превратилось в маску воплощенного безумия.

Кишечник его с шумом опорожнился, раздался резкий характерный запах.

Звягин, сунув фонарик и пистолет в карманы, приподнял его под мышки и развернул лицом к унитазу. Вот так. Все как положено. В лучших их традициях.

— Ну, вот и все, — с ужасающей простотой произнес он, приставил обрез глушителя к мокрому от пота затылку и нажал спуск. Выстрел треснул глухо, умноженный отраженным подвальным эхом. То, что было Березницким, ткнулось лицом в унитаз и осело вбок.

— Исполнен, — с холодной непримиримостью произнес Звягин.

Пульс проверять не стал: он видел разрушающую траекторию пули, как в анатомическом атласе.

Посветил вправо, подобрал гильзу, завернул в бумажку и поместил в карманчик сумки. Из сумки достал щетку для мусора и стал задом выходить из подвала, аккуратно прометая по своим следам.

Наверху чуть постоял, повторяя, все ли сделано. Следы пальцев в машине протерты. Нигде ничего не забыто. Время — в пределах расчетного.

Дойдя до дыры в заборе в стороне, противоположной той, где они входили, он (береженого бог бережет) открыл баночку из-под цейлонского чая и на протяжении нескольких минут присыпал свои следы, удаляясь, смесью махорки с перцем. Вот уж это никому не понадобится, подумал он. Заигрался в шпионов. В метро все следы теряются.

Дойдя до «Теплого Стана», спустился в освещенное чрево метрополитена и поехал в центр.

Там он погулял в темноте, заглядывая иногда во дворы и выкидывая вещи по одной в мусорные баки: протертый от пальчиков пистолет только кинул в реку; затвор отдельно; патроны отдельно; глушитель отдельно; изорванные в мелкие клочки удостоверение, путевой лист, карточку водителя; сменил большие ему на размер ботинки, купленные в комиссионке, на свои собственные; куртка, свитерок, перчатки, где могли остаться частицы битого лампового стекла и машинного масла и бензина; и, в конце концов, саму сумку. Ищите вещдоки, родимые. Вот вам «глухарь» — и списывайте дело в архив.

На Ленинградском вокзале взял из ячейки камеры хранения свой кейс и пошел к вагону.

Поужинал бутербродами, запил скверным железнодорожным чаем, потрепался слегка с попутчиками и лег спать на приятно, убаюкивающе подрагивающую полку с удовлетворенным чувством хорошо прожитого дня.

Утром, пешочком идя к себе, уже в своем плаще, все свое и ничего чужого, разового, он припоминал вчераш-

ние события как нечто далекое, нереальное, средненькое кино в чужом пересказе. Мысли были больше о дне предстоящем, сегодняшнем.

— Ну как съездил? — спросила жена, целуя его в прихожей и надевая пальто.

— Бесподобно, — ответил Звягин.

— Всех успел повидать?

— А как же.

— Я всегда так волнуюсь, когда тебя нет, — пожаловалась она.

— Пора бы и привыкнуть, — улыбнулся он.

Оставшись один, вырвал из блокнота несколько листков, сжег над раковиной, а пепел смыл мощной холодной струей.

Позвонил на «скорую»:

— Джахадзе на месте? Салют. Ну как там сутки? Нормально? Вот и отлично.

Глава I

НИТЬ ЖИЗНИ

Никто из жильцов пятьдесят пятого дома по Фонтанке не мог потом припомнить, как въезжал Звягин в восемнадцатую квартиру. Хотя находилась она на верхнем, пятом, этаже, и затаскивание вещей должно было сопровождаться определенным шумом и суетой. Не заметили, однако, никакого шума, ни суеты.

Впрочем, в большом городе можно прожить жизнь и не знать соседа по лестничной площадке. Замечание это неприменимо к одиноким пенсионеркам: у них свои каналы добычи информации, непостижимые для непосвященных. А какой же старый ленинградский дом обойдется без одиноких пенсионерок.

Проживала такая пенсионерка, Жихарева Ефросинья Ивановна, всю жизнь в квартире как раз под Звягиным, на четвертом этаже, в комнате окном во двор, где по утрам гулко гремят крышки мусорных баков и перекрикиваются грузчики продуктового магазина.

В прозрачный желто-синий день бабьего лета она, Мария Аркадьевна и Сенькина из десятой квартиры сидели в скверике на площади Ломоносова, именуемой некоторыми ленинградцами в просторечии «ватрушкой» вследствие ее круглой формы; они же трое упорно называли ее по старинке Чернышевской площадью, как бы подчеркивая свою исконную петербургскую принадлежность. И собрание достоверно установило, что но-

вые жильцы поменялись сюда из Ручьев, где Звягин получил квартиру после увольнения из армии, хотя ему всего сорок с небольшим, а на вид моложе, но он служил там, где прыгают с парашютом, и поэтому им военная пенсия идет раньше, по специальности он врач, был майором, а сейчас работает на «скорой помощи», мужчина видный, но, похоже, гордый и злой; что жена его учительница английского языка, дочка учится в седьмом классе, а старший сын — на юриста в Москве; что машины у них нет, и собаки нет, и кошки, и дачи, дома тихо, ремонт делали сами, пьянок не бывает; короче, люди приличные и ничем не выдающиеся.

К сожалению, эта теоретическая оценка не повлекла за собой никаких практических выводов — по той причине, что любознательная и вездесущая Ефросинья Ивановна характером отличалась не столько даже активным, сколько склочным сверх мыслимых границ. Старые соседи как-то с ней уже стерпелись, зато новые очень скоро почувствовали на себе всю скандальную безудержность соседки снизу.

Началось с того, что жена Звягина, в школе — Ирина Николаевна, а во всех прочих местах — просто Ирина, столкнулась внизу у лифта со старухой, или, как теперь принято говорить, с пожилой женщиной. Одета была пожилая женщина в старомодное и поблеклое, но очень аккуратное пальто, а лицо ее выглядело напряженным и поджатым, и встретиться взглядом с Ириной она не пожелала.

С тихим гудением опустился лифт, Ирина открыла дверь, намереваясь пропустить старуху с хозяйственной сумкой вперед, но произошло неожиданное: та резко рванула решетчатую дверь лифта из ее руки, оттолкнула Ирину и, шагнув в лифт и обернувшись, каркнула:

— О новые-то соседи у нас, а! И не здороваются! Я уж не говорю — старую женщину вперед пропустить! — С лязгом захлопнула двери: — Понаехало деревни всякой в Ленинград!.. — И поплыла вверх.

От неожиданной обиды у Ирины свело лицо, затрясло; дома она еще полчаса утирала слезы, пила седуксен

и мысленно произносила душераздирающие речи, взывающие к совести и справедливости...

Эта встреча явилась как бы первой пробой сил в необъявленной войне. И продолжение не замедлило последовать.

В десять вечера снизу в пол раздался грохот, будто там заработал таран. Звякнули чашки. Звягин с интересом посмотрел на то место, где, судя по ударам, располагался эпицентр этого домашнего землетрясения и сейчас взлетят шашки паркета, вспучится перекрытие и образуется кратер.

Жена же повела себя иначе: она побелела, на цыпочках подскочила к телевизору и убавила звук до комариного шепота.

— Что случилось? — осведомился Звягин, читая в ее лице.

— Это она... — подавленно сказала жена.

И, разумеется, не ошиблась: в этот самый момент Ефросинья Ивановна удовлетворенно взглянула вверх, вдохнула поглубже, грохнула в последний раз в потолок бидоном, воздетым на рукоять швабры, и стала слезать со стола, аккуратно застеленного газетой. Она улыбалась мрачноватой боевой улыбкой. Вечер прошел не зря.

Такой пустяк вполне может испоганить настроение. Что с Ириной и произошло. Из своей комнаты высунулась дочка и, уразумев ситуацию, потребовала мести. Звягину испортить настроение было невозможно: он с каким-то даже одобрением высказался так:

— Браво, первая валторна! Боевая старушка.

Жена, не встретив законного сочувствия, обиделась:

— Ты ей еще гантели купи. Для развития мышц.

— И кувалду, — развеселилась дочка.

Но почти двадцать лет армейской службы приучили Звягина уважать достойного противника.

— Нас трое здоровых, а она — одна и старая, — упрекнул он, смеясь резким лицом. — И — не боится, а!

Нет, Жихарева не боялась. Чувство страха было ей, похоже, неведомо. Зато в полной мере было ведомо чувство наслаждения нагонять страх на других.

Лежа ночами в старческой бессоннице, в преддверии дня столь же одинокого и пустого, как прошедший, она измысливала коварнейшие планы и неукоснительно приводила их в действие. Она изучала нехитрый распорядок дня Звягиных, избегать ее было все труднее.

Ирина почувствовала себя затравленной. Жихарева приснилась ей былинным разбойником, поигрывающим кистенем и сшибающим жутким посвистом путников с коней в лесных урочищах. Когда бы ни возвращалась домой — знакомое серо-буро-малиновое пальто, старомодное и аккуратное, фланировало у подъезда. В ненастье пальто ждало в полутьме у лифта. Характер немыслимых претензий был непредсказуем, заготовленные ответы пропадали втуне.

— И нечего по ночам скакать, танцы устраивать! — злорадствовала Жихарева.— Учительница, какой ты пример детям показываешь?

Несчастная Ирина летела наверх, не дожидаясь лифта, и эхо металось вокруг нее, как злая птица:

— А вот я в школу заявлю про твое поведение!..

Дочке заступалась дорога:

— Во ходит нынешняя молодежь — все в обтяжку, ни стыда ни совести! С ранних лет...

Со свойственным юности темпераментом дочка высказала Ефросинье Ивановне в лицо массу неприятных вещей. Ефросинья Ивановна довольно засмеялась и, выждав и рассчитав время ужина, известила о себе бесконечным звонком.

Теснимый от порога в глубь квартиры, Звягин хмыкнул.

— Вот что она говорит! — на басах заиграла старуха, как капитан в шторм. Пересказ Светкиной речи расцвечивался сочными словами.— Позови-ка ее сюда! Мы в ее годы...— И наладилась проводить воспитательную беседу о преемственности поколений.

Светка всхлипнула и промелькнула в свою комнату.

— Были б вы мужчиной помоложе...— мечтательно сказал Звягин.

— Ну ударь меня! — готовно закричала Жихарева. — Ударь!

На площадках открывались двери: там слушали и обсуждали.

— Два заявления от соседей — и вас увезут в сумасшедший дом, — предостерег Звягин. — Слуховые галлюцинации и навязчивая идея.

Жихарева осеклась, уставилась недоверчиво. Такой оборот событий она не предвидела.

— А еще врач, — без уверенности молвила она.

— Месяц лечения — и в дом хроников.

— И не стыдно? — заняла оборону Жихарева. — Старухе грозить...

Но меры она приняла: записалась на прием к невропатологу — мол, чувствую себя хорошо, но на всякий случай... Сочла, что запись в карточке послужит доказательством ее нормальности.

Ночью сон Звягиных разорвал треск телефона.

— Теперь ночей не сплю, — сообщила трубка. — Вам-то что!..

Звягин оделся, взял радедорм и спустился на четвертый этаж.

— Ты куда ночью ломишься, хулиган! — вознегодовала Жихарева, открывая. — Круглые сутки покоя от вас нет!

— Снотворное принес, — невозмутимо сказал Звягин.

Старуха взяла таблетки и запустила по лестнице.

— Сам травись, — пожелала она.

Положение стало невыносимым. Ефросинья Ивановна прибегла к анонимкам. Вряд ли она была знакома с историей европейской дипломатии, но тезис: «Клевещите, клевещите, — что-нибудь да останется», — был ей вполне близок. Техник-смотритель из жэка предъявила открытку с жалобой. Апофеозом явился визит участкового инспектора — он извинился, сказал про обязанности: проверить поступивший сигнал... Эту склочницу давно знает. Помирились бы, а...

— Но как?!

Жена сдалась: меняем квартиру. Звягин возражал: вид на Фонтанку, и вообще — что за ерунда. Семейный совет постановил попробовать мирные средства наведения контактов. Стали пробовать.

— Ефросинья Ивановна, вам в магазине ничего не надо? — обратилась Ирина, смиряя самолюбие и преодолевая дрожь в душе.

Ответ гласил, что многое надо, не ваше дело, некоторые не так богаты, однако в подачках хамов не нуждаются, грох дверьми!

Седьмого ноября Звягин с цветами двинулся поздравлять ее.

Ефросинья Ивановна растерялась. Цветы ей за последние сорок лет дарили один раз — когда провожали на пенсию.

— Спасибо, — тихо пробурчала она, глядя в сторону.

Звягин поцеловал ее в пахнущую мылом морщинистую щеку и пригласил в гости.

Жихарева вспотела. В ней происходила отчаянная борьба, которую моралист назвал бы борьбой добра и зла, а психолог — борьбой между самолюбием и потребностью в общении. Самолюбие победило.

— Нет, — сухо сказала она, с трудом превозмогая себя.— Я уж у себя посижу, посмотрю телевизор.

Но глаза у нее были на мокром месте, и прощалась она со Звягиным не без ласковой приязни.

Так и хочется закончить, что с этого момента наступил перелом, добро возобладало, и соседи превратились в лучших друзей. Такое тоже бывает. Но, видимо, не в столь запущенном случае...

Перемирие длилось неделю — а потом все началось сызнова: на больший срок, к сожалению, растроганности Ефросиньи Ивановны не хватило, и застарелая привычка, давно превратившаяся из второй натуры в натуру первую, взяла верх.

Нет ни необходимости, ни возможности перечислять все те ухищрения, с помощью которых можно вконец отравить существование ближним. Ефросинья Иванов-

на владела полным арсеналом с искусством профессионала. Неизбежный кризис назрел.

— Не судиться же, в самом деле, с несчастной старухой, — сказал Звягин. — Одинока она, вот и мучится.

— Но почему мы должны мучиться из-за нее? — справедливо возразила жена. Ее нервы сдали.

— А тебе ее совсем не жалко?

— А меня тебе не жалко?.. — не выдержала она.

Звягин подтянул галстук, накинул пиджак и пошел по соседям.

В этот вечер он многое услышал от Марии Аркадьевны и Сенькиной из десятой квартиры — двоих из тех, кто в цвете молодости, сожженной войной, пережил здесь блокаду — санитаркой, телефонисткой, зенитчицей, токарем, или в первое послевоенное время, полное тягот и надежд, приехал из разных краев работать и искать свою долю в прославленном и прекрасном городе, обедневшем людьми.

И он узнал в этот вечер, что родители Жихаревой умерли в блокаду, муж и брат погибли на фронте, а трехлетнего сына эвакуировали через ладожскую Дорогу жизни на Большую землю, но колонну бомбили, и их машина ушла под лед... Помнили время, когда молодая Фрося была веселой и заводной, не найти никого приветливее, — а после войны это был уже совершенно другой человек, замкнутый и скорый на злость. А как вышла на пенсию — тут просто спасу от нее не стало. Ее жалели — но для жалости требуется дистанция, потому что когда человек ежечасно отравляет тебе жизнь, жалость как-то иссякает и уступает место злости, в чем проявляется, видимо, инстинкт самосохранения.

Звягин вернулся в полночь задумчив, налил ледяного молока в высокий желтый стакан, кинул туда соломинку и застучал пальцами «Турецкий марш»: ловил смутную мысль, принимал решение.

— Ведь она нам просто-напросто смертельно завидует, что у нас все в порядке, — проговорил он. — Больно ей...

— А что делать? — безнадежно спросила жена.

— Чтоб не завидовала... — был неопределенный ответ.

— Ты предлагаешь мне овдоветь? — съязвила она.

Ночной разговор в спальне был долог. Подытожил его Звягин философской фразой:

— У нас есть только один способ стать счастливыми — сделать счастливым другого человека.

После чего выключил торшер и мгновенно заснул.

Сутки на «скорой» выдались удивительно спокойные, все больше гоняли чаи на подстанции. Посмеиваясь, Звягин обсуждал с Джахадзе, как искать пропавшего человека. «Обратиться в милицию». — «Милиция ответит, что такого нигде нет...»

Наутро после дежурства он входил в высокие стрельчатые двери Музея истории Ленинграда.

Завотделом истории блокады, огненноглазый бородач, пригласил его в крохотный кабинетик и уловил суть дела сразу:

— Мы вам помочь ничем не сможем. Вот телефоны городского архива, фамилия завсектором блокады — Криница, сейчас я ей позвоню, что вы от нас.

Он обнадежил Звягина: случаи, когда считавшиеся погибшими люди обнаруживаются через десятки лет после войны, бывают много чаще, чем обычно думают: «Ведь десятки миллионов судеб перепутались!..» Взглянул на часы и побежал в экспозицию.

В проходной архива пропуск на Звягина уже лежал. Звягин настроился встретить дребезжащих старушек вроде «веселого архивариуса» из передачи «С добрым утром», но в комнате без окон, оклеенной рекламами, девочки после университета пили кофе и обсуждали фильмы Алексея Германа. Девочки стали строить глазки.

— Если вы точно знаете даже число отправки через Ладогу, это будет несложно, — улыбнулась Криница, крупная яркая блондинка.

Ему дали заполнить бланк и велели зайти завтра.

Жена, заразившись идеей поиска, весь вечер выспрашивала подробности и выдвигала варианты, типа привлечения юных следопытов.

— Хватит и того, что я на старости лет устроился в следопыты, — скептически сказал Звягин.

Конец ниточки нашелся.

Криница положила перед ним толстую серую папку:

— Вот — эвакуация детей школьного возраста в марте сорок второго года.

— Впервые в жизни радуюсь бумажной бюрократии и всяким справкам, — признался Звягин. — Во всем есть хорошая сторона, м-да.

На заложенной странице 317-Б была строчка среди прочих:

«Жихарев Петр Степан., 1938 г. р., 12 марта 1942 г.»

Криница перелистнула несколько страниц назад:

— Направление транспорта — Войбокало на Вологду.

Из документов эвакуационного бюро явствовало, что триста пятьдесят пять детей в сопровождении одиннадцати воспитательниц отправлены через Ладогу в эти сутки. Чем и исчерпывались данные.

— Надо запрашивать Вологду, — сказала Криница.

— В Вологду такой не прибывал... — ответил Звягин.

Принялись строить версии. Могли утопить машину на Ладоге, да. Могли обстрелять. Могли бомбить поезд уже восточнее. Мог в эвакуации уже умереть от элементарной дистрофии, — но тогда была бы запись на месте, легко выяснить. Это — худшие варианты.

А мог ведь и остаться в живых. В сутолоке тех страшных военных дней мог отбиться от своей группы, потеряться на станции, могли перепутать вещи и одежду в санпропускнике, мог список погибнуть, вместе с воспитательницей или старшей сопровождающей, мог быть ранен или контужен и забыть по малолетству свои имя и фамилию, да мало ли что могло быть... Все могло быть.

Запрос в Вологду Звягин направлять не стал. А попросил на работе поставить ему дежурства в графике на декабрь так, чтоб вышла свободная неделя подряд: взамен он отдежурит тридцать первого декабря и второго января.

Слякотным и мглистым декабрьским утром он кинул в портфель чистые рубашки, бритву и блокнот, принял заказы домочадцев на «настоящие вологодские кружева» и поехал в аэропорт.

В Вологде скрипел и искрился снег, воздух был розов, дышалось легко, Звягин пожалел, что по офицерской привычке не таскать с собой ничего лишнего он не захватил тренировочный костюм: взять бы в прокате лыжи и пробежаться хоть часок.

Он снял койку в гарнизонной гостинице, где всегда легче с местами, и позвонил в архив.

Размещался архив в стареньком двухэтажном здании, и пахло в нем именно классическим архивом: старой бумагой пахло, пылью и мышами. Опекаемый старенькой бодрой заведующей, Звягин провел здесь остаток дня и еще весь день, и узнал следующее.

Из трехсот пятидесяти пяти детей и одиннадцати воспитательниц, фамилии которых он скрупулезно переписал в Ленинграде, в Вологду прибыло триста девятнадцать детей и десять воспитательниц. Жихарева Петра среди прибывших с той партией эвакуированных ленинградских детей — не значилось. Следовало предположить, что да, одна машина Ладогу не пересекла...

Новостью это не было — подтверждалось лишь известное.

Больше заинтересовало Звягина другое. В том же марте сорок второго года 37-й детский дом имени Маршала Тимошенко принял в числе поступивших еще с двумя партиями из Ленинграда четырнадцать человек с пометкой «родители не установлены»: малолетки, чьи документы каким-либо образом затерялись, и кто не мог назвать ни родителей, ни адреса, ни порой фамилии и даже имени. В мае сорок третьего года при слиянии двух детдомов они были переведены в Киров, в детский дом для сирот войны.

Четверо из них были мальчиками, возраст которых записали как трехлетних.

— Спасибо, — сказал Звягин, вручая старушке-заведующей торт, — кое-что я, кажется, нашел.

Ночь он проспал в приятно постукивающем поезде и сошел в Кирове с ощущением близости цели.

В облоно все нервничали, бумаги летали, вихрь проносился по коридорам: грянула какая-то проверка.

— Я к вам из Краснознаменного Ленинградского округа, — нагло представился Звягин в отделе кадров. — Требуется справочка...

Оказалось, что детский дом закрыт в шестьдесят первом году.

— Списки хранятся, безусловно. Срочно? Зайдите завтра...

В списках значились и те четверо уроженцев Ленинграда, эвакуированных в марте сорок второго года; именовались они как Петрищев Сергей Анатольевич, Середа Николай Александрович, Вязигин Павел Гаврилович и Хабаров Павел Павлович. В сохранности были и личные дела. («Имена, фамилии? Называли в честь близких, друзей, спасителей, писали иногда свою фамилию или придумывали что-нибудь — ведь без имени и фамилии человеку никак...»)

Вязигин в пятьдесят третьем году был осужден к трем годам колонии для несовершеннолетних, дальнейших сведений облоно не имело, и его Звягин из поисков исключил.

А областное управление внутренних дел располагало лишь информацией, что трое других в октябре пятьдесят седьмого года были призваны в армию и с тех пор по Кировской области не значатся.

— Подавайте на розыск, — посоветовал усталый капитан. — Через пару месяцев придет ответ; человек у нас потеряться не может.

Звягин составил заявление, заполнил три листка данных, положил на полированный стол и поехал брать билет на самолет.

...Отсиял елочными гирляндами Новый год, отсвистел ветрюгой с Балтики редкостно студеный январь, сыпануло ворохом открыток от старых сослуживцев 23-е февраля, — когда в официальных конвертах стали приходить извещения на запросы.

Хабаров жил в Кемерове. Петрищев — в Николаевской области. Середа Н. А. в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище и погиб девятого октября семьдесят третьего года при выполнении задания.

Звягин заказал по междугородному телефону Кемеровское и Николаевское УВД, объяснил ситуацию: ищет человека, спасибо за сведения, как узнать некоторые дополнительные обстоятельства?..

Минуло немало времени, пока он в последний раз перелистал ворох накопившихся справок и выписок, аккуратно подколотых к заполненным страницам блокнота, нашел нужную и позвонил.

— Зоя Ильинична? Беспокою вас по поводу военных лет...

Выстроенная версия оборачивалась реальностью.

Вот таким образом случилось, что Сергей Анатольевич Петрищев получил из Ленинграда следующее письмо:

«Уважаемый Сергей Анатольевич!

Пишет незнакомая вам, но хорошо вас помнящая Зоя Ильинична Теплова. Вы меня, конечно же, помнить никак не можете, я — та самая воспитательница, которая сопровождала машину с детьми через Ладогу двенадцатого марта сорок второго года. Машина эта до Войбокало не дошла — была уничтожена немецким пикировщиком. Вы, трехлетний мальчик, сидели в кузове у кабины рядом со мной, и когда после взрыва бомбы машина накренилась на расколотом льду и заскользила в воду, я успела только схватить вас, а потом все скрылись в ледяной воде, я стала тонуть, но меня вместе с вами успел вытащить шофер, в последний миг выскочивший из кабины.

Колонна машин уже объезжала полынью, останавливаться было нельзя, нам кричали бежать и садиться быстрей! Сели в чужую машину, немного отстав от своей колонны, с одежды текло, мы сняли с вас все и закутали в чей-то платок, боялись воспаления легких. Я оказалась ранена осколком, сразу сгоряча не почувствовала, у первой же перевязочной палатки меня высадили, и вас

передали регулировщице рядом со мной, ведь я за вас отвечала, а думать, что делать, было некогда, машины шли и шли, и та машина ушла, в ней осталась ваша мокрая одежда, а вещи утонули раньше. Я все слабела, регулировщица, поняв, что случилось с вами, выругала меня и передала вас на проходящую машину, в кабину, чтоб не замерзли.

Мне сделали перевязку, потом в Войбокало оперировали, а после поправки я окончила курсы и ушла санинструктором на фронт.

Я долго переживала, что вас отправили дальше без всяких примет личности, отставшим от колонны, а когда ребенку всего три года и он пережил такие страшные испытания, что и взрослым порой не снести, то мало ли что может случиться, вдруг потеряется, кругом война...

Потом было очень много и тяжкого, и хорошего, я воевала, была еще раз ранена, кончила войну в Восточной Пруссии, вынесла с поля боя пятьдесят семь бойцов, была награждена медалями, но вас помнила, такое не забудешь, вы были мой первый спасенный.

Вот и прошла моя жизнь, теперь я на пенсии, но чувствую себя еще неплохо, стараюсь бодриться. Осенью была на экскурсии в Вологде, и как меня кольнуло: может узнаю что о вас. Вспомнила как живое: и висящие в черном небе люстры на парашютах с их мертвым светом, и вой самолетов, зенитки стучат, вы все плачете в кузове, я вас криком успокаиваю, а у самой сердце обрывается, и тут взрыв рядом, и мальчик, которого я схватила и не выпускала, пока саму не вытащили с ним вместе на лед...

Оказалось, что того детского дома давно не существует. А главное — что с тем транспортом эвакуированных из Ленинграда Петя Жихарев не поступал. А Петя Жихарев — это тот мальчик и был.

Вы, наверное, уже поняли, что Петр Жихарев — это вы и есть...

Здесь ошибки быть не может, потому что никакого Петрищева Сергея Анатольевича из Ленинграда в тот

период не эвакуировалось, зато с тем самым транспортом прибыл трехлетний мальчик без личных вещей и в одежде чужих размеров, контуженный при бомбежке на Ладоге, который ничего про себя сказать не мог, знали только, что раненая воспитательница вытащила его из потопленной машины.

А новое имя вам дали при записи в детском доме, и об этом сохранилась пометка. Вот так Петр Жихарев, на самом деле не погибший, а живой, превратился в Сергея Петрищева.

Я долго наводила справки, куда только ни обращалась, и из Центрального военного архива узнала, что ваш отец, Жихарев Степан Михайлович, пал смертью храбрых двадцать четвертого июля сорок первого года под Лугой.

А теперь самое главное. Ваша мать, Жихарева Ефросинья Ивановна, жива, живет в Ленинграде...»

Так связалась нить, которая привела к дверям шестнадцатой квартиры немолодого уже мужчину с чемоданом в одной руке и огромным букетом южных роз — в другой.

— Мне Жихареву Ефросинью Ивановну, — неестественно высоким напряженным голосом произнес он.

— Зачем еще? — подозрительно спросила Жихарева. — Ну, я это...

Он сделал глотательное движение горлом, попытался улыбнуться, бросил чемодан, сказал:

— Мама... — и заплакал.

Старуха побледнела, глаза ее сделались огромными и черными, невидимая молния прошла сквозь нее, она дрогнула и сжала зубы в крике, когда мужчина обнял ее, неловко роняя на серый кафельный пол красные розы.

Свет в окне на четвертом этаже, выходящем во двор, погас в эту ночь в половине шестого утра, когда зашумели по улицам первые автобусы.

А назавтра они сидели за уставленным снедью столом втроем с Зоей Ильиничной, и она все повторяла историю многомесячных поисков и раскладывала бесчисленные

справки, заверенные всевозможнейшими подписями и пестреющие разнообразными печатями архивов.

Петр Степанович, постепенно привыкающий к своему имени-отчеству, закатил счастливой матери турне по магазинам, завалил нужной и ненужной всячиной, прогостил три дня (на столько его отпустили со стройки, где работал), а в воскресенье свел ее под руку к такси, ждущему внизу, побросал чемоданы в багажник, и они отбыли в аэропорт:

— Поедем, мама. Поживешь у нас, увидишь внуков, с невесткой познакомишься... у нас уже тепло.

Старуха помолодела на десять лет, сияла и утирала слезы, не сводя глаз с сына — взрослого, самостоятельного, с семьей, уважаемого людьми, хорошо зарабатывающего. Что еще надо для счастья.

— Вот и все, — задумчиво сказал Звягин вечером. — Теперь ей есть ради кого жить. А кто счастлив сам — другим зла не желает.

— Почему ты им не сказал, что это ты его нашел? — задето спросила дочка, шествуя из ванной спать.

— Зачем? — пожал плечами Звягин. — Я это делал из интереса.

— Несправедливо. Деньги на поездки тратил... И где спасибо?

— А разве справедливо, когда у одних все хорошо, а у других — плохо? Считай, что мы просто отдали долг. И — брысь в кровать!

Наливая в термос сваренный кофе, чтоб утром не возиться второпях, жена тихо спросила:

— Ты уверен, что они никогда не узнают?

— Абсолютно... Теплова — единственная воспитательница из тех одиннадцати, живущая сейчас в Ленинграде. Она все поняла и согласилась сразу; она не скажет. Проверить все через столько лет уже невозможно: людей не осталось... Я подставил одну-единственную цифру в одной справке: дата прибытия в Вологду. И не станут никогда люди разуверять себя в том, во что им необходимо верить.

Он чувствовал моральную потребность оправдаться.

— Честное слово, я ведь это не для того, чтоб от нее избавиться, — сказал он. — Мы к ней уже, в общем, и привыкли. Жалко человека. Усыновляют же чужих детей. Если у сына есть мать, а у матери — сын, что ж здесь плохого, а. Пусть радуются, пока живы.

— Боишься, что тебя заподозрят в корысти? — улыбнулась жена.

Звягин налил себе молока, потянул через соломинку, хмыкнул:

— Город Николаев — интересно, в честь кого так назван?..

Недавно, споткнувшись о название города Мама, он увлекся топонимикой. Уволившийся в запас офицер еще долго ощущает некую пустоту: излишек свободного времени и сил. А этого Звягин не терпел — его натура требовала постоянной занятости.

Глава II

ЧТО ТАКОЕ НЕ ВЕЗЕТ И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ

Не замечая духоты в автобусе, Звягин погрузился в «Историю античных войн»: Александр Македонский прорывал строй персов...

Сначала раздался треск рвущейся материи. Потом кто-то присвистнул. Ахнул ужасающийся женский голос. И лишь после этого дрожащий мужской фальцет пробормотал:

— О, мамочки мои!..

И чей-то непроизвольный хохот.

Ситуация была, что называется, трагикомическая: сошедшая девушка у дверей автобуса выдергивала разорванный до талии подол платья из-под ноги обмершего мужчины на верхней ступеньке площадки.

— Поднимите же ногу, идиот, — чуть не плача, воскликнула она, пунцовая от горя и стыда.

— А? Да, конечно, пожалуйста, — с растерянной готовностью отозвался он, выходя из столбняка, и поднял наконец ногу, неловко поклонившись. Поднимая ногу и одновременно кланяясь, он потерял равновесие и вывалился из автобуса прямо на свою жертву.

— Мммм, — простонала она, зажмурясь от ненависти и унижения, одной рукой придерживая раздуваемый подол ниже спины, а другой отпихивая съежившегося от страха человечка, лепечущего извинения.

— Я... я зашью, — бессмысленно утешал он. — Это ничего... закрепить булавкой... у вас есть? У вас прекрасная фигура, — уж вовсе неуместно добавил он.

Смех юнцов на остановке прозвучал ему согласием. Лицо девушки превратилось в маску разъяренной тигрицы. Человечек втянул голову в плечи и закрыл глаза, готовый к справедливой каре и полагаясь лишь на милость судьбы...

Когда он открыл их, на девушке белел медицинский халат, и она утиралась пуховкой, глядя в зеркальце, — а перед ним стоял сухощавый, резколицый человек и разглядывал его с холодным любопытством.

— Пили? — Звягин потянул носом.

— Н-нет... я просто так, — умоляюще пробормотал человечек, в качестве объяснения разводя руками.

— Просто так? — с интересом переспросил Звягин. — Ну-ну.

И повел девушку к стоянке такси.

Они не успели отойти, как визг тормозов и залп брани возвестил следующее представление. Человечек стоял перед грузовиком, упершись руками в радиатор, а сверху из кабины перекошенный шофер интересовался наличием у него глаз, мозгов, совести и желания жить, а если нет, то почему он, шофер, должен платить за это своей свободой?

Звягин сощурился. Секунду подумал.

— Простите, — сказал он девушке, — но этим может не кончиться, а? — И двинулся к месту происшествия.

Таксист неодобрительно обозрел странную компанию: заплаканную девушку в явно чужом белом халате и спотыкающегося мужичонку совершенно неопределенного возраста, цвета и размера, опирающегося на невозмутимого, подтянутого человека. «Отставной спортсмен или оперативник? А эти кто?»

— Пьяных не вожу, — на всякий случай уведомил он.

— Это больной, — успокоил Звягин, хлопая дверцей. — Как вас зовут, больной?

— Толя, — пискнул человечек. И — сорвавшимся баском: — Епишко Анатолий!

— А вас? Галя? Куда вас везти, Галя?

В подъезде Звягин взял у нее свой халат.

— Не хотите чашку кофе? — Ее взгляд был лучшим комплиментом.

— А вы меня не интересуете, — сказал Звягин. — Вот тот, в такси, — тот да, интересен.

В такси водитель разорялся из-за прожженного сиденья.

— Я закурил, чтоб успокоиться, — виновато объяснил Епишко. — А искорка отвалилась... такие сигареты делают...

— Чтоб у тебя не то отвалилось, — ярился водитель. — А кто платить будет?

— Я, — отрубил Звягин. — Фонтанка, 55!

Он долго подпихивал вяло сопротивляющегося Епишко вверх по лестнице: «Я тебе жизнь спас, а ты со мной и чаю не выпьешь? Жена на работе. Дочка в школе. Что? — я с дежурства. А полосу невезения лучше переждать, не дергаться!»

В кухне Епишко мгновенно смахнул чашку на пол: дзыннь!

— Я вас предупреждал, — скорбно сказал он, садясь к столу и с треском стукаясь головой об угол настенного шкафчика.

Звягин задумчиво посмотрел.

— Правильно, — сказал он. — Чашки нельзя ставить близко к краю, а шкафчик давно надо перевесить на двадцать сантиметров левее. Возьми, чтоб не волновался, — и налил ему дымящегося черного чаю в эмалированную кружку.

— Ну, — сказал он тихо и добро, сев рядом, — а теперь расскажи все. Выложи, облегчи душу. Без этого в жизни плохо. Не бойся, я пойму. Я ведь все-таки врач.

Епишко помолчал, вдруг хлюпнул носом и махнул рукой.

— Просто я неудачник... — ответил он.

— Это бывает, — успокоил Звягин.

— Мне во всем не везет. Я уже привык...

— И с чего же начались твои невезения, можешь вспомнить?

Епишко виновато пожал плечами:

— Начались? Хм... Родился до срока...

...Через два часа летопись его жизни развернулась в кошмарный вариант Тысячи и одной ночи. Неудач, выпавших на его долю, хватило бы сорвать завоевательный поход Тамерлана. Там ломались часы и ноги, разбивались вазы и судьбы, терялись документы, горели провода и буйствовали стихийные бедствия. Аккуратная белая кухня с внимательным Звягиным превратилась в автономный оазис средь рушащихся карточных домиков Епишкинского неблагополучия.

— Вашей трагедии хватит на пять комедий, — развеселился Звягин.

...В пятом классе он сломал руку на физкультуре, упав на ровном полу; это до конца школы избавило его от физкультуры (для спокойствия физрука), но не от травм. В шестом — отстал от поезда, когда семья ехала в отпуск. Он взрослел, и несчастья взрослели вместе с ним. Апофеозом удачливости явилась женитьба, которая не состоялась.

Это судьба, покорно рассказывал Епишко. Он был тогда студентом, выгнали его позднее. Сначала он заболел бруцеллезом, напившись в колхозе молока от единственной, очевидно, бруцеллезной коровы в республике. Корову прирезали, в отличие от Епишко, который долго мучился, хотя в конце концов выздоровел. Свадьбу пришлось перенести, и в оставшееся время он успешно завалил сессию, пересдавая экзамены с потом и страданием, — вместо прогулок под луной... Везя из ателье свадебный костюм, он вывалился с подножки автобуса — толчея, час пик — и отбыл на скорой под сиреной и с сотрясением мозга. Излишне говорить, что пакет с костюмом исчез.

В больнице невеста увидела его лицо, отутюженное мостовой, и заплакала; но плач у нее выходил какой-то задумчивый. Думы эти были, видимо, о будущей жизни.

Спеша в такси к невесте, откуда они должны были следовать во Дворец бракосочетаний, Епишко попал в бесконечную пробку: все улицы перекрыли для какого-

то марафона. Он прибежал часом позднее и застал истерику. Родители суженой с бóльшим радушием встретили бы насильника и убийцу. Он им вообще не нравился.

Во Дворце их очередь уже прошла: ждать две недели! Невесту отпаивали валерьянкой, администратора молили, Епишко предлагали покарать физически. Обошлось — уговорили. Тогда оказалось, что у Епишко нет паспорта.

Невеста окаменела и тут же вернула Епишко слово, прибавив к нему много других слов, за которые ее попросили выйти из Дворца. Женить Епишко по студенческому билету администраторша с негодованием отказалась. Он понесся в общежитие, но паспорта не нашел — очевидно, потерял, когда бежал к невесте...

Когда через десять дней он вернулся к невесте вымаливать прощение, с двумя паспортами в карманах — выданным взамен утерянного и утерянным, найденным в пакете с горчичниками, — он был спущен с лестницы крепким пареньком, который занял его место подле невесты, и занимает его до сих пор — в качестве мужа.

Епишко пожелал ему большого личного счастья и пошел в милицию, соображая, какой паспорт сдавать — старый или новый, потому что жить по двум паспортам запрещено законом. Увлекшись этой мыслью, он потерял оба; все равно жениться было уже не на ком.

— Если я стою в очереди, то все кончается передо мной, — жаловался он. — Если я не опаздываю на поезд, то на моем месте уже сидит пассажир с таким же билетом.

— А вы на самолете летать не пробовали? — с интересом осведомился Звягин, снимая с газа манную кашу и кладя в тарелки чернослив.

— Вообще я боюсь... раз рискнул в командировке, мы сели вместо Краснодара в Ростове, кто-то по ошибке взял мой чемодан, а там техдокументация, — короче, уволили с работы.

— И кем ты теперь работаешь?

— Пожарным, — мучительно сознался Епишко, ляпаясь кашей.

— Где?!! — поразился Звягин.

— В театре...

— И он еще не сгорел? А говоришь, не везет.

Но неужели он не пробовал бороться с невезением? Переломить судьбу?

Пробовал; но она не переламывалась. Он покупал летний костюм, делал прическу в мужском салоне, собирал всю свою волю к жизни — и садился на окрашенную скамейку, сверху его поливала поливальная машина, а ключи от дома проваливались в решетку люка.

—. Нет, — заключил он, — мне помочь невозможно. Деньги ваши я потеряю, на новой работе что-нибудь выкину...

— Деньги? — вздернул бровь Звягин. — Работу? Вы меня не за старика Хоттабыча приняли? Я не благотворитель, вы не калека. В армии служили?

— Нет, знаете: здоровье...

— Жаль, — искренне посочувствовал Звягин. — Толковый сержант необыкновенно полезен для здоровья хрупких юношей. — Он швырнул тарелки в мойку и открыл кипяток. — Сейчас вызову вам такси.

— Не дозвонитесь, — предрек Епишко. — Там всегда занято.

— Покупайте телефон с кнопочным набором: как только абонент освобождается — он мигом соединяет. Не ройтесь в карманах — шоферу я заплачу сам. Куда вам?..

Весь вечер он расхаживал со стаканом молока и соломинкой, мурлыча «Турецкий марш». Вдруг остановившись перед столом, где жена проверяла тетради, он зло рявкнул:

— Я т-тебя научу любить жизнь!

— Что?! — жена уронила очки.

Звягин мотнул головой, выныривая из своих дум:

— Прости, замечтался... Что такое невезение? — допросил он.

— Влезаешь в очередную авантюру? — Жена вздохнула, выключила настольную лампу и подперла ладонями щеки. — Вот, думала, уволишься из армии, поедем в большой город, не надо будет тебя ждать с вечных учений и прыжков, — а тебя опять никогда дома нет...

— Во-первых, — Звягин загнул палец, — невезение — это когда человек хочет больше, чем может. Этим надо быть скромней.

Второе: не умеет учитывать все жизненные обстоятельства.

Третье: не готов к худшему.

Четвертое: принимает мелочи близко к сердцу.

Жена слушала историю невезучего Епишко и стелила постель.

— Вечно ты кого-нибудь жалеешь, — печально сказала она.

— Плевать мне на него! — возмутился Звягин. — Мне просто интересно, как и что тут можно сделать.

— С невезением?..

— Ерунда! Невезение — это судьба. Судьба — это характер и обстоятельства. Характер можно изменить, а обстоятельства — создать. И очень просто! Гаси свет.

И утром Звягин вырос в дверях несчастного Епишко.

— Дрыхнешь? — грубо спросил он вместо приветствия. — А это что на тебе за обломовский халат?!

— Так суббота же, — пролепетал ошеломленный Епишко, стыдливо запахивая засаленную хламиду.

— Позвольте, — решительно сказал Звягин, содрал с него, преодолевая сопротивление, халат и запихал в помойное ведро.

— Соседское! — взвизгнул Епишко, бросаясь к ведру и путаясь в длинных сатиновых трусах.

В ободранной берлоге, пока Епишко, прыгая на одной ноге, влезал в брюки и путался в рукавах свитера, Звягин снял со стола чайник, полил на стул, тщательно вытер подозрительным полотенцем и уселся, скрестив вытянутые ноги.

— Свински живешь, хозяин, — был результат осмотра.

— У меня была депрессия, — обиженно пояснил Епишко.

— Так ведь депрессия, а не паралич, — справедливо возразил Звягин. — Пол-то вымыть можно? Вот и тряпка, — брезгливо ткнул в епишкинский свитер.

— Слушайте, мне сержант не нужен! — От обиды Епишко осмелел.

— Я был майором, — успокоил Звягин. — Медицинской службы.

И погнал хозяина готовить завтрак.

— Стаканы перемыть, — приказал он, взглянув их на свет. — За такое в повторный кухонный наряд гонят. А это что — чай?.. Это моча дохлого поросенка. Чай заваривают из расчета чайная ложка на стакан. Учитывая сортность, можно больше.

Епишко ощутил себя в стальных тисках чужой воли.

— Веник есть?

— Вообще-то есть... — неопределенно отозвался он.

— Холодильник сломан?

— Если видели, так чего спрашивать.

— Я не видел, я догадываюсь. Одежду часто рвешь?

— А? Ну рву иногда...

— Молодец, — глумился Звягин. Сильными длинными пальцами согнул торчащий в стене гвоздь, раскачал и выдернул. Та же судьба постигла гвоздь в подоконнике и дверном косяке. — Эх, — с вожделением сказал он, — сдать бы тебя на пару лет в хороший стройбат! Лентяй. Бездельник. Неряха. Ты в труд веришь?

— Не знаю, — уныло ответил Епишко, пытаясь сообразить масштабы очередного несчастья, обрушившегося на него в виде напористого диктатора, благоухающего французским одеколоном.

— Труд создал человека, — ободрил Звягин. — Ну — немного трудотерапии! Прачечная у тебя далеко? Эх, занавесочки... эх, скатерочка... это что, наволочка? а по виду и не скажешь...

— Уйдите, — прошептал Епишко и отвернулся, вытирая слезы бессильного унижения.

— Оскорбился, — презрительно заметил Звягин. — Нюнит. Так дай мне в морду, если ты мужчина!

— И дал бы, если б мог, — неожиданно с вызовом ответил Епишко.

— О. Это уже лучше, — одобрил Звягин. — У тебя мама жива?

— Жива...

— Вот ее жалей, а не себя. «Надежда и опора»! Выпороть бы тебя ради твоей мамы, да устав телесные наказания не позволяет. Давай чемодан! И сумку давай. Потащили твое голландское белье к трудолюбивым прачкам.

Солнце катилось по сияющим трамвайным рельсам. Девушка в окне четвертого этажа мыла рамы в веселом магнитофонном громе. Звягин мигнул ей, она засмеялась и уронила тряпку.

...На обратном пути Епишко сгибался и семенил под грудой полезных вещей: совок, швабра, веник, молоток, обои, гвозди, и проч., и проч.

— Какое прекрасное утро! — с чувством сказал Звягин, вздевая руку к легким облачкам.

Епишко мрачно сопел. Дома он с грохотом свалил все в угол и утер пот.

— Мой дом — моя крепость! — Звягин отодрал болтающийся клок обоев, с треском распахнул пыльное окно: — Ты стекла мыть умеешь, пожарник?

Епишко незамедлительно выдавил стекло, порезав руку, и горестно наблюдал, как тонкая струйка крови смешивается с мыльной водой и капает в лужицу на полу.

— Наплюй, — посоветовал Звягин, — в понедельник купим в магазине новое.

— Там не будет.

— Тогда у столяра в жэке.

— Его не поймать.

— Дома поймаем.

— У него стекла не будет.

— За живые-то деньги? с чего бы не быть? Не делай проблем. У тебя пластырь есть? А бинта тоже нет? А йод? Ну хоть анальгин-то есть? — у меня от твоих подвигов уже башка потрескивает.

Жизнь переворачивалась: обои клеились, двери красились, барахло выкидывалось, изнемогающая от любопытства соседка звала есть оладьи и томно блестела глазами. Мельтешащий Епишко с завистью следил за скупыми точными движениями Звягина. Загрузил в новый

таз гору носков и приступил к стирке, брызгая и суетясь, как енот-полоскун.

— Торопиться,— наставительно сказал Звягин,— означает делать медленные движения без перерывов между ними. Заповедь первая: не суетись. Не дергайся.

За полночь он вернулся домой и полез под душ.

— Тебе же завтра сутки дежурить, — вздохнула жена, открывая холодильник. — Ты родной дочери неделями не видишь.

— «Неудачей от него разит, как псиной», — сказал Звягин, кидая соломинку в стакан с молоком. — На что может рассчитывать человек, когда у него все в полном беспорядке?..

— Ну создашь ты ему порядок... Надолго ли?

— Понимаешь, он словно провоцирует все мыслимые и немыслимые происшествия обрушиваться ему на голову. Некоторым ведь втайне нравится быть страдальцами. Они от этого получают удовлетворение, раз не могут получать удовлетворения от другого.

— Ну что же ты тут можешь изменить, Леня?..

— Дать ему понюхать удачи. Ощутить ее вкус. И отучить его жалеть себя и растравлять свои горести. Налей еще...

Он посчитал, что полученного заряда Епишко хватит на три дня, и навестил его на четвертый.

— Почему верхний свет не горит?

— Лампочка перегорела.

— Почему новую не вкрутил?

— Нету..

— Не мог купить?

— Да вроде была... а стал искать — не нашел... — Епишко пребывал в самом мрачном расположении духа. Он сел в старенькое кресло в углу и нахохлился, как мокрый воробей.

— Вы говорите: то, се... Но как бороться с тем, что автобус уходит из-под носа? Что твоя очередь к кассе всегда медленнее других? Что в магазине оказывается санитарный день, а часы в самый неподходящий момент встают?

— Тьфу. Выходить на автобус за пятнадцать минут. Не обращать внимания на соседние очереди. Раз в год отдавать часы чистить и регулировать. В магазин перед выходом звонить. Усвой простое правило: делать все не в последний миг, а сразу, как только можно.

— А билет на поезд?

— Закажи за тридцать суток с доставкой на дом — это свободно.

— А выберешься за город — и вдруг дождь?

— Слушай прогноз погоды. Возьми зонтик.

— А он теряется!

— Сунь в сумку, повесь через плечо.

— А то, что ногу подворачиваешь по дороге?

— Бегай по утрам, делай зарядку, разминай суставы, связки.

— От судьбы не застрахуешься, — упорствовал Епишко. — Я вот знаю случай: в грозу человека в чистом поле убило.

— А не лезь в грозу в чисто поле! — обозлился Звягин. — А влез — так держись по низинкам. Короче: жить хочешь? Если нет — я пошел.

— Хочу, — тоскливо сознался Епишко.

— Тогда держи, — Звягин достал подарок: блокнот и ручку. — Вставать — в семь ноль-ноль. И в течение получаса подробно записывать, что и когда сегодня надо сделать. Каждому делу отводить на двадцать минут больше нужного: иметь в запасе десять минут до начала и десять — после конца.

— У меня будильника нет, — облегченно сказал Епишко.

— Я предупредил соседку: уж позаботится, чтоб ты не проспал!

Неделю Епишко старался, как прощенный второгодник. Стосковавшись по утреннему сну, объявил грохочущей в дверь соседке, что болен, температурит, и позднее пойдет в поликлинику. Но до поликлиники он не дошел. Медицина явилась к нему на дом, с треском распахнув дверь ногой и роняя капли с зонта.

— Ну? — угрожающе спросил Звягин.

— К-как вы вошли?.. — всполошился Епишко.

— Взял запасной ключ у твоей соседки. Что болит — мозоли от подушки?

Раскрыл сумку:

— Градусник сюда... Покажи-ка язык... пульс... кулак сожми — давление хоть в десант... Скудоумный симулянт! Клистир и холодную простыню — вот что я тебе прописываю! И учти — с живого я с тебя не слезу, — пообещал Звягин.

Подстанывая от старательности, Епишко кинулся приводить себя в порядок.

— Холодильник исправен?

— Нет... Я не успел зайти в ателье!

— Чем так был занят?

— Там все равно на год очередь... У меня денег нет!

Звягин нехорошим взглядом обвел комнату:

— Сейчас будут. — И снял с тумбочки телевизор.

— Что вы делаете?! — закричал Епишко.

— Придержи дверь. — Звягин боком прошел в коридор. — Беги ловить такси.

Выйдя из скупки телевизоров на Апраксином, он протянул Епишко шестьдесят рублей:

— Получи цену крови за свой антироботин.

— Зачем вы продали мой телевизор?! — взбунтовался Епишко, наскакивая на Звягина к немалому развлечению прохожих.

— Чтоб ты делал свою жизнь, а не смотрел на чужие, — вразумительно отвечал Звягин.

В буфете «Европейской» он купил коробку конфет, которую и вручил приемщице в ателье ремонта холодильников: осклабился, прищурился, пророкотал ей что-то на ушко. Приемщица засмеялась, заволновалась и исчезла.

— Завтра в первой половине дня, — щебетнула она, выныривая из-за занавески и улыбаясь обольстителю.

— Учись, пока я жив, — посоветовал на улице Звягин ослепленному этим фейерверком Епишко. — Холодильник вообще полезнее телевизора — не отнимает время, а наоборот экономит, храня продукты, — а в здоровом теле здоровый дух. Кстати о теле — сейчас купим тебе

гантели и тренировочный костюмчик подешевле: бегать по утрам будешь.

— Я под машину попаду, — мстительно сказал Епишко.

— Похоронят, — равнодушно отозвался Звягин.

И стал рассуждать о везении и невезении. Вечный вопрос. «Что было бы, если б такой-то избежал невезения...» Говорят, в характеристиках западных капитанов даже есть графа: «Удачлив ли?» На удачу надо плевать — тогда она придет сама. И быть к ней готовым: недостойному она не поможет — он не сумеет ею воспользоваться, удержать. Ее надо добиваться, но на нее нельзя рассчитывать: везет тому, кто сам себя везет. Когда человек может и без удачи, своим горбом и разумом добиться цели — при любых обстоятельствах! — вот тогда удача сама идет навстречу.

Газовали грузовики, мигали светофоры, текла толпа, — Звягин рубил воздух ладонью, вбивая в Епишко тезисы, как патроны в обойму. Неудачи бессильны против того, кто твердо гнет свою линию. Раз не везет, два, сто, — но не бесконечно. И когда человек обретает умение и мужество держаться вопреки любому невезению — вот тогда он в порядке; и с первой крохой удачи — а эти крохи выпадают всем! — он попрет, как танк.

В дальние дали несло бледнеющего Епишко напором чужой страсти. Но страшно было оторваться от привычного причала.

— Но ведь бывают случайности, когда рушится все?

— У настоящего человека — практически нет! Цезарь в лодчонке нарвался на весь вражеский флот — приказал править к флагманскому кораблю и объявил всех своими пленниками! Верить в себя! Верить. И делать все возможное — тогда невозможное получится само!

«Его нельзя оставлять без присмотра... Но не могу же я пасти его ежедневно: у меня десять суточных дежурств, семья и собственные заботы...»

Расхаживая дома вдоль книжных полок, Звягин составлял список:

1. Джек Лондон. «Мартин Иден», «Морской волк», рассказы.

2. Э. Войнич. «Овод».

3. Б. Полевой. «Повесть о настоящем человеке».

4. В. Богомолов. «Момент истины».

5. Тарле. «Наполеон», «Талейран».

6. А. Парадисис. «Жизнь и деятельность Балтазара Коссы».

7. Р. Сабатини. «Одиссея капитана Блада».

8. Дюма. «Три мушкетера».

9. С. Цвейг. «Звездные часы человечества».

10. Трухановский. «Адмирал Нельсон».

11. Джованьоли. «Спартак».

Дочь заглянула ему через плечо:

— Если это список рекомендательной литературы мне на лето, папочка, то биографий я терпеть не могу, а остальное, кончив уже восьмой класс, давным-давно читала!..

— Это не тебе, — Звягин взъерошил ей светлую короткую стрижку.

— А-а, твоему неудачнику! Он еще не стал суперменом?

— Уже научился злиться, следить за собой, мечтать, кажется, начинает... Парень впечатлительный, пусть читает книги, укрепляющие дух: они заразительны. Не помешает.

Епишко честно читал Лондона, сидя в честно убранной комнате, когда Звягин ввалился к нему с шахматами и учебником для начинающих:

— Семь рублей сорок копеек — с тебя. Доставка бесплатно.

— З-зачем мне шахматы? — удивился Епишко. — Я гантелями занимаюсь! — гордо добавил он, надувая грудь и топыря плечики.

— Дисциплинировать мышление. Уметь сосредотачиваться. Искать варианты и не зевать. Защищаться и добиваться победы. Игра древних владык, — а уж они понимали толк в судьбе. Расставляй!

И трижды разнес хозяина в дым, даже не трогая тяжелых фигур.

Через неделю Епишко, проработавший пол-учебника, неким чудом сумел свести вничью.

— Прогресс,— обронил Звягин.— Когда сумеешь выиграть, сделаю тебе один подарок. Не угадывай, не представишь.

Заинтригованный Епишко зашел раз-другой в Екатерининский садик, где на скамейках под сенью листвы разыгрывали баталии всевозможные любители шахмат: уж они-то знали и умели все. Настал день, когда он звенящим от торжества голосом объявил противнику мат.

— Ты смотри! — кисло признал Звягин.— Способности, что ли?

— Я еще в школе когда-то немножко играл,— сияя и конфузясь, утешил Епишко.— Вы просто в миттельшпиле попали в ловушку, это Алехин...

— Алехин,— пробурчал Звягин.— По утрам бегаешь?!

— Бегаю...

— А брюки кто гладить будет?!

— Я в понедельник гладил...

— Развел опять свинарник!

— Леонид Борисович,— осмелел Епишко,— а... подарок?..

— Обещал — сделаю. В воскресенье.

Но еще до воскресенья, когда на подстанции «скорой» он дремал в комнате отдыха после выезда на дорожное происшествие, его позвали к телефону.

— Леонид Борисович! — ликующе заорала трубка.

— Чего орешь на всю станцию? — спросил Звягин.

— Мне дали премию!!

— Государственную?

— И благодарность в приказе! К годовщине театра! И десять рублей!

— Ну и нормально,— сказал Звягин.— Так и должно быть. Поздравляю, Толя.

— А что это у вас там хлопает?

— Бригада на выезд поехала. Ну, будь, не занимай телефон.

Он протянул трубку в окошко диспетчерше Валечке, положившей ее.

— У вас радость, Леонид Борисович? — полюбопытствовала Валечка.

— Больной на поправку пошел, — ответил Звягин. — А что, Валечка, похож я на афериста?

Дело в том, что премия Епишко стоила ему двухчасового уламывания начальника пожарной охраны («Епишке благодарность?!») и разъяснительной беседы с директором театра, которому он пообещал достать дефицитное лекарство для жены; с них еще была взята клятва хранить тайну.

Что же до воскресного подарка, то он был преподнесен в ЦПКиО. Первый желтый лист слетал на песок аллеи. Епишко лизал мороженое, изгибаясь вопросительным знаком, чтоб не закапать брюки.

— В блокнот все свои дела с утра записываешь?

— Записываю... почти все.

— На работу не опаздываешь?

— Всего один раз... чуть-чуть.

— А вот и подарок, — объявил Звягин, простирая руку. — Первый прыжок!

Они стояли перед парашютной вышкой. Епишко задрал голову, уронил мороженое и попятился.

Девичья фигурка встала на фоне неба, шагнула и поплыла вниз под куполом, скользящим по вертикальному тросу.

— Восемнадцатилетние пацаны прыгают с самолетов, ночью, на воду, на лес! — а тут тебя еще внизу страхуют.

Дядька под вышкой приобнял парашютистку; отстегнул лямки.

— А лямки не расстегнутся? — шепотом паниковал Епишко, подпихиваемый по крутой лесенке крепкой дружеской рукой.

— У меня семьсот прыжков, — успокоил Звягин, — исключено.

— Можно с-сломать ногу...

— А зачем?

Он пожал руку и шепнул что-то инструктору наверху, лично проверил мелко дрожащему Епишко крепление — и неожиданно сильно столкнул вниз:

— Аxx...

Ужинать он привел его к себе. Счастливый Епишко сидел за белой скатертью и неумело ковырял ложечкой пирожное: он стеснялся.

— Терпеть не могу условностей, — сказал Звягин и, подцепив пальцами пирожное, отправил в рот. — Аристократа не может уронить ничто. Всегда поступай как удобнее — и все будет отлично.

— Простите, вы каким видом спорта занимались? — спросила проинструктированная жена.

Епишко покраснел.

— У вас, знаете, такая упругая походка человека, много занимавшегося спортом.

Правда, прощаясь, Епишко опрокинул-таки вешалку, на что умница-дочь мгновенно закричала, что эта проклятая вешалка падает на нее каждый день, и давно пора ее выкинуть!

Проснувшись среди ночи, жена обнаружила Звягина на кухне: поигрывая желваками и жестко щурясь, он писал крупным почерком:

«Я ЖЕЛЕЗНЫЙ.
Я ВСЕ МОГУ.
Я ВСЕГДА ДОБИВАЮСЬ СВОЕГО.
ТРУДНОСТЕЙ ДЛЯ МЕНЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.
Я СМЕЮСЬ НАД НЕВЕЗЕНИЕМ.
ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ПОБЕДИТЕЛЯМ.
СДЕЛАТЬ ИЛИ СДОХНУТЬ!
Я ДОБИВАЮСЬ СВОЕГО ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.
Я ИДУ ПО ЖИЗНИ, КАК ТАНК.
Я ОБАЯТЕЛЕН, СИЛЕН, НАХОДЧИВ, ВЕСЕЛ.
Я ГНУ СУДЬБУ В БАРАНИЙ РОГ.
УДАЧА ВСЕГДА СО МНОЙ.
ЖИЗНЬ — ЭТО БОРЬБА, И Я НЕПОБЕДИМЫЙ БОЕЦ.
Я НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ.
Я ПОБЕДИТЕЛЬ, И ЖИЗНЬ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!
Я УВЕРЕН В СЕБЕ.
Я НЕПОБЕДИМ».

Жена вытаращила глаза:

— Ты начал писать белые стихи или заболел манией величия?

Звягин нацедил в стакан молоко из холодильника и кинул туда голубую соломинку.

— У него сильнейший, застарелый комплекс неполноценности, — сказал он. — Это надо было переломить. Сейчас дело сдвинулось, он на взлете. Это надо развить, поддержать, закрепить. Вот — как бы аутотренинг. Пусть по утрам и на ночь повторяет себе сии заповеди. Человек ведь может убедить себя в чем угодно, — так надо убеждать в хорошем, а не плохом, нет?

— Думаешь, он уже переменился?

— Нет, конечно. Еще не раз начудит, падет духом, станет опускаться опять. Тут и надо будет ставить подпорки, как под провисающие провода. А там и выздоровеет. Его невезение — как вирусы, которые здоровый организм давит автоматически. Его духу я и прописал цикл антибиотиков. А что, разве плохую «молитву» сочинил? — спросил он с авторской гордостью.

...Предоставленный сам себе Епишко продержался без опеки две недели. По истечении этого контрольного срока Звягин обнаружил признаки упадка:

— Чего рожа кислая? Веник! Швабру! Совок!!

С мусором из-под дивана вылетел пожухший лотерейный билет.

— Проверял... это старый.

Звягин брезгливо поднял двумя пальцами билет:

— Тираж двадцатого августа — какой же старый, пять дней прошло. Пусто?

Епишко неопределенно пожал плечами.

— Газеты нет? Нет. Спроси у соседки, это совсем недавно.

Епишко покорно, подчиняясь бессмысленному приказу, пошаркал ногами к соседке и принес «Труд». С неохотой повел пальцем по таблице — и открыл рот:

— Электрофон «Аккорд-стерео», девяносто рублей!..

— Врешь, — не поверил Звягин. — А серия? Покажи.

— Впервые в жизни,— ошарашенно прошептал Епишко.— Ур-ра!..

— Можно подумать, «Жигули», — сказал Звягин. — Нормально. Завтра получим в сберкассе и отоварим. Порядок давай!

Девяносто рублей употребили с толком: выбрали светло-серый пиджак вроде звягинского, брюки и голубую сорочку. Старый пиджак Звягин тут же сунул в урну: «Чтоб и духу его неудачливого не оставалось!» На оставшиеся два рубля Епишко вознамерился постричься «у мастера», и стал похож на помощника режиссера.

Позднее жена как-то поинтересовалась у Звягина, где его часы. Он досадливо дернул углом рта: потерял, — видимо, расстегнулся браслет, когда на выезде тащил носилки.

— Леня!

— Ну что?..

— Ты никогда ничего не теряешь.

— Ну вот — начал терять... Может, невезение заразно?..

— Заразно! Скажи правду. Почему ты должен еще свои деньги тратить на этого охламона! Ведь продал, продал?..

— А если б подарил? — укорил Звягин. — Ну, продал. Я не курю, не пью, не собираю марки — могут же у меня быть хоть какие-то самочинные мужские расходы? Ну купил я ему в сберкассе у одного выигравший билет... всего-то девяносто ре — а может они ему всю жизнь изменят.

Жизнь посредством девяноста рублей изменяться не спешила. На спинке стула висел вспученный пиджак в мерзостных разводах, а на самом стуле сидел Епишко и горевал.

— Я его постирал, — пожаловался он.

— Браво, первая валторна! — поздравил Звягин. — Стирал — уже хорошо. А зачем? Профилактически? Или цвет плохой?

— Да я на улице об машину запачкался...

— Хорошо: ведь не попал под нее. У меня вчера на выезде человек поскользнулся и влетел головой в витрину — вот это да. А таких запачканных — полная химчистка. Почему туда не сдал?

— Там долго...

— А срочная? Встань-ка; мышцы окрепли, спина распрямилась, все в порядке, — да ты посмотри на себя в зеркало: у тебя же глаза другие стали! Мужчине жалеть тряпку, тьфу!

В «Мужской одежде» Звягин высмотрел серый костюм-тройку. Епишко сглотнул слюну.

— Бери. Рекомендую. Самое то.

Епишко удивился:

— Откуда деньги-то?

— А? — удивился Звягин.— А почему не заработаешь?

— Как?..

— Так же, как все... Ну — нет, так нет. Пошли.

Он оставил Епишко в глубокой задумчивости: почему одни зарабатывают деньги, а другие нет. И можно ли перейти из одной категории в другую.

В этих размышлениях его застала телеграмма от когда-тошнего приятеля из Москвы: собирался приехать, по телефону не застал, можно ли у него остановиться? Телеграмму принесла милая девица, картавая и торопливая, которая с ходу подвернула на ступеньке ногу: только охнула. Епишко оказал первую помощь: довел до своей комнаты, туго перебинтовал лодыжку (аптечка давно была!) и на всякий случай налил валерьянки — успокоиться. Говорливая почтальонша развеселилась, затарахтела: учится заочно, работает в отделе кадров, телеграммы утром разносит для приработка, на почте люди нужны, у них многие прирабатывают, даже мужчины, студенты, вот он (Епишко) утром дома — так что тоже может, приходите к нам, ха-ха, спасибо, ох, вы не поможете мне дойти?

Зерно упало на удобренную почву: доведя девицу до почтового отделения, Епишко набрался духу для разговора с заведующей — и написал заявление. Справку на совместительство он взял без труда. Несложные арифметические выкладки: скоро серый костюм-тройка перейдет в его собственность.

«И шил костюмы, элегантней чем у лорда», — украдкой насвистывал он по утрам, скача по лестницам и лифтам и звоня в звонки.

— Прирабатываю,— небрежно ответил он на вопрос Звягина, почему утром его никогда нет, коли работает он вечерами.

— Дело. Правильно,— отреагировал Звягин, тщательно организовавший всю эту тайную акцию с телеграммой, девицей и заведующей. Трудно было лишь одно — незаметно выспросить у Епишко о знакомом в другом городе: адресное бюро и междугородный телефон функционировали исправно, знакомый и заведующая оказались понятливы, а девица попалась просто прелесть и коробку шоколада отработала на пять баллов.

...Нет, Епишко не выглядел еще суперменом, но уже не выглядел пугалом. Не выделялся из толпы: человек себе как человек, самый средний. И даже если он ступал из автобуса в лужу, или ронял деньги у кассы, или попадал без зонтика под неожиданный дождь,— это не выглядело уже комедией из немого кино, равно как и трагедией измученного издевкой судьбы человека: ну, чего не бывает, какая ерунда.

Епишко стал-таки костюмовладельцем, но Звягин опасался, что после исполнения мечты он может остыть, захандрить: чего добиваться дальше-то?.. «Поддернуть его, поддернуть, да у-ухнуть!»

— Ничего костюмчик,— кивнул он, обойдя вокруг Епишко.— Носи небрежнее, не жмись. А вот скажи: ночью снимут его с тебя, ограбят,— что будешь делать?

— Нечего ночью невесть где шляться,— предусмотрительно возразил Епишко, запахивая пиджак поплотнее.

— Ну а — прямо в парадной? В общем — снимут?

Епишко вздохнул, подумал:

— Куплю другой...

— На какие деньги?

— Заработаю.— Епишко понял условия игры и улыбнулся.

— А с почты уволят? Ну не понадобишься ты им больше?..

— Что, работ мало, что ли,— сказал Епишко.— Да ладно вам меня экзаменовать, Леонид Борисович, что я, мальчик...

В последнее воскресенье сентября они поехали за грибами — подальше. Поездка планировалась как важная воспитательная акция. Звягин облачился поверх всего в старый маскомбинезон: комбинезону этому отводилась не последняя роль.

— Нож? Спички? Компас? Пошли...

Они углубились в черно-желтый лес, шурша палой листвой.

В лесу Епишко заблудился.

— Э-ге-геээ! — заорал он.

Дальнее эхо аукнуло в чаще и смолкло. Откуда-то — с неожиданной стороны — донесся еле слышный отзыв. Епишко с кликами и треском ломился в том направлении — но отзыв оказался сбоку, потом едва различимо долетел сзади, — и исчез вовсе.

Ему стало страшно. Панически заметался туда-сюда, нервно вскрикивая. Достал компас и непонимающе смотрел на пляшущую стрелку: где что?

Устав, перевел дух, утер пот. Спокойно. Звягин его уже наверняка ищет. Конечно ищет! И главное — не блукать без толку, бредя невесть куда, а оставаться на месте и ждать помощи, регулярно подавая сигнал.

«И вот этот паршивец, — рассказывал Звягин, — преспокойно садится под дерево и жует бутерброд, время от времени трубя, как слон: мне, значит, ориентир дает. Дождь пошел — так он под старую ель перебрался. А еще час-другой — и темнеть начнет!»

В бесконечном лесу, глушащем голоса, Епишко мог долго оставаться ненайденным; трепеща перед таким вариантом, он принял решение выходить самостоятельно. Но в какую сторону? Попытался представить себе карту — не представлялась... Но главное шоссе идет примерно с севера на юг, они пошли с него налево... значит, надо держать на запад! Он достал компас и пошел на запад, спотыкаясь и беря иногда чуть вправо, как учил Звягин: у человека шаг правой ногой на пару сантиметров шире, чем шаг левой, и двигаясь без ориентира он описывает круг.

Иду по азимуту, гордо сказал себе Епишко. Пржевальский, подумал он. Колумб. Вот так путешествуют.

Ему стало хорошо и как-то мужественно. Вскоре он сообразил, что при компасе «поправка вправо» излишняя — и так направление держится.

Через полчаса дорога неожиданно открылась сбоку: за деревьями прошумел тяжелый грузовик.

— Молодец, — умиленно сказал себе Епишко, выходя на шоссе. — Умница, мальчик. Вышел, не запаниковал, сумел! Сам, ни на кого не надеясь.

(Сейчас ему, счастливо спасшемуся, искренне так казалось.)

Шоссе прорезало лес и было в этот предвечерний час вполне пустынно. Он дошел до автобусной остановки, где они сошли. Солнце брызнуло алым в щель туч над горизонтом.

Но где же Звягин? Епишко снова занервничал. Не мог же он заблудиться! Уже вышел и уехал в город? — нет, разве Звягин мог его бросить!..

— Я зде-еесь! — закричал он в чащу. — Ээ-ээй!!.

Да: там бродит в темных буреломах Звягин и ищет его, а он, благополучно вышедший, стоит здесь в бездействии!

Он потоптался — и ринулся обратно в лес. «Надо делать ножом засечки, чтоб не заблудиться!»

Засечки белели на деревьях. Впопыхах Епишко порезал руку, слизнул кровь, сплюнул; стал внимательнее. Каждую минуту — по часам — издавал вопль, все более хриплый (голос сорвал); искал заблудившегося Звягина.

Звягин, находившийся все эти часы метрах в сорока от него, оценивающе наблюдал действия по своему спасению. Натыкав веточек в петли маскомбинезона, сливаясь с зарослями, он бесшумно сопровождал подопечного, поглядывая на часы.

(«До дороги — метров пятьсот. Суетится он, как таракан на горящем корабле! Пишет по лесу зигзаги, пыхтит и на компас смотрит, засечки режет. Но ведь — вышел! И вновь полез — меня искать, не бросил!»)

Помучив Епишко до сумерек (дабы увеличились размеры подвига), он тихонько аукнул, направляя звук ладонью в другую сторону. Выкинул веточки с халата, расстегнулся и взъерошился, изображая утомление.

— Ффу-ух, — шумно выдохнул он, выламываясь из кустов навстречу ликующему Епишко. — Ты где был-то? Я уж тут и сам почти заблудился... В какой стороне дорога-то у нас, представляешь?

Он хотел еще подвихнуть ногу: пусть бы спаситель попотел, но это бы могло уже показаться подозрительным. Поднимая подопечного до своего уровня, нельзя впадать в ошибку и спускаться самому до его уровня; а если и можно, то незаметно, так, чтоб авторитет в его глазах не мог упасть, подумал Звягин.

— А чего кровь на щеке?

— Где? А... Сучком поцарапал. Хорошо, что не в глаз, — весело ответил Епишко. Его триумф не могло омрачить ничто.

На подходивший автобус он смотрел так, словно сам этот автобус сделал и доставил сюда. Кругом была жизнь, та самая, которая борьба, и он в этой жизни был хозяин.

Теперь раз в неделю они со Звягиным играли в шахматишки, болтали; Звягин давал ему новые гантельные комплексы и списки литературы (доверенные жене). В Епишко почуялась какая-то новая задумчивость — не меланхоличная, как встарь, а с неким прикидывающим, конкретным выражением. Звягин расшифровал это выражение как мысли о будущем.

— Блокнот, — он протянул руку.

Епишко достал свой «организационный» блокнот, исписанный почти до конца, покраснел, поколебался (его уже давно не контролировали). Демонстративно не замечая его смущения, Звягин перелистал последние записи.

— Смеяться не надо, — тихо попросил Епишко.

— А над чем, — спокойно сказал Звягин. — Извини, что посмотрел. Мы же друзья.

Епишко отважился взглянуть ему в глаза:

— У вас легкая рука.

— Я знаю. На самом деле — у тебя тоже. Просто тебе долго не везло. Это ведь и вправду бывает. Я только помог тебе переломить невезение. А дальше ты и сам можешь.

«Обширная программа... Расчет верен: он настолько отстал от сверстников — и работа, и семья, и жилье, и

образование — ничего нет, но еще не поздно; ему есть чего добиваться — есть стимул. А там он будет уже в колее — и никуда не денется...»

И сеялся снег за синим окном, когда по ноябрьскому, первому, праздничному морозцу ввалился Епишко без предупреждения в гости.

— Я не девица, — мрачно сказал Звягин букету роз.

— Жене... хозяйке-то можно?

— Откуда узнал, что она именно розы любит? — смягчился Звягин.

Епишко радостно откашлялся:

— Хочу лично посоветоваться, Леонид Борисович...

Ему подвалила грандиозная удача — предложили работу по специальности. Перед театром столкнулся со старым приятелем, заговорили о жизни, — и всплыла должность техника в их проектном институте. Образование неоконченное высшее у него есть, перед начальством и в отделе кадров приятель обещал все уладить. Видимо, потребуется заочно кончать институт. Зарплата для начала не шибко большая, но — главное зацепиться.

— Нет чтоб самому работу искать, — ждешь, пока она сама тебя найдет! Везенье везеньем — но вези себя и сам!

— Да я уж начал подыскивать, — оправдывался Епишко. — Я ж понимаю — не всю жизнь в пожарных...

— Оденешься как следует, — советовал Звягин. — Спросят о причинах театральной твоей одиссеи — туманно намекай на трагическую любовь, люди склонны такому сочувствовать. Соври, что в студенческом научном обществе занимался некогда именно той темой, на которую сейчас тебя посадят. Цветочки-конфеточки сунь в портфель для дам из отдела кадров...

За спиной Епишко вырастали крылья, и он пробовал их на прочность.

— Шахматишки?

Епишко выиграл и удалился победно, благословленный.

— Зачем ты ему проиграл? — уязвленно спросила дочь.

— Пусть будет уверенней в себе, — отмахнулся Звягин.

— Что ж ты тогда его для большей уверенности в себе в кооператоры не пристроил? Хоть деньги бы получал, а что там в этом институте...

— Ставлю тебе диагноз: ранний американизм. К волчьей борьбе на свободном рынке парень еще не готов: сожрут, обманут, подставят. Пусть пока походит в загородочке на полтораста рублей.

— Находил его однокашников, звонил по квартирам, уламывал в институте, а он и знать ничего не будет...

— А зачем?

— Хоть бы спасибо сказал... Обидно.

— Кто я? — требовательно спросил Звягин.

— Кто ты... Мой папа.

— Кто я? — повторил он.

— Врач, — продолжила она перечисление его ролей в жизни.

— О! — Звягин сунул руки в карманы и с фатовским видом плюхнулся на диван, откинувшись и закинув ногу на ногу. — Стоит ли вкалывать, — он сощурился, — спасая человеков, падающих, разбивающихся и тому подобное, чтобы они были несчастными неудачниками? А потом, — он засвистел начальные такты «Турецкого марша», — много ли ты знаешь людей, умеющих делать невозможное? Заметь: без всяких чудес — и не зная осечек. А?

— Ты у меня ужасный хвастун, — влюбленно сказала дочь.

— А теперь подай отцу стакан холодного молока. — И Звягин раскрыл «Историю античных войн», заложенную на битве при Гавгамелах. Увлечения его бывали непредсказуемы.

Глава III

НЕКРАСИВАЯ

— Не люблю я сказки, — насмешливо отрезал Звягин, оглядываясь на витрину охотничьего магазина.

В это воскресенье он не дежурил, и жена вытащила его гулять на Невский: ноябрь проблеснул солнцем.

— Сказки?! — обиделась жена. — Суть «Пигмалиона» не в сюжете, а в социальных отношениях людей...

Перед светофором с визгом тормознула «скорая», из нее высунулась пиратская рожа Джахадзе и прогорланила:

— Папе Доку привет!

Звягин махнул перчаткой из толпы. «Скорая» выкатила на осевую и рванулась мимо стоящих автобусов.

— ...искусство — это всегда условный мир, отражающий...

— А я живу в безусловном мире! Я человек конкретный. Я врач, я восемнадцать лет носил погоны, я привык видеть жизнь такой, какая она на самом деле, без стыдливых умолчаний и прикрас. А от твоих сказок — один вред!

— От «Пигмалиона» вред?! — задохнулась жена. Двадцать лет семейной жизни не отучили ее от безуспешных попыток приохотить Звягина к шедеврам мировой литературы.

— Вред и бред, — упорствовал в ереси Звягин. — Еще и за правду себя выдает! Вот и начнут грезить замухрыш-

ки о добром дяде: подберет, обеспечит, научит красиво говорить... помоет-приоденет — и готова герцогиня. Ха-ха.

Они перешли к Казанскому собору: очередь у входа, голуби в сквере...

— ...а закроет несчастная мечтательница книжку, посмотрит вокруг: «Где же обещанное чудо?..» — и вешает унылый нос... Делать-то все приходится без чудес и добрых волшебников.

— Ты путаешь литературу с жизнью, а сам вещаешь прописные истины!

— То-то и беда, что из-за твоих сказок люди отделяют литературу от жизни и забывают прописные истины!

И он завертел головой по сторонам, словно искал подтверждение своим мыслям.

Здравые мысли имеют обыкновение раньше или позже подтверждаться. В данном случае это произошло незамедлительно.

— Любуйся, — с холодным удовлетворением указал Звягин. — А?

Существо стояло на автобусной остановке, сунув руки в карманы широченной блекло-черной (по моде) куртки. Зато джинсы были в облипку, и даже самый скверный геометр не назвал бы линии ног прямыми.

— Это он или она? — усомнилась жена в нелепом силуэте.

— Оно! — полыхнул сарказмом Звягин. — Одета-обута, грамотна-обеспечена, страшила-страшилой.

Из-под вязаной шапочки по ним презрительно скользнули глазки, крохотность которых искупалась размерами носа, наводившего на мысль об орлах и таранах галер.

— Поможет несчастной страхолюдине твой профессор Хиггинс со своей ванной и фонографом? Говорить нынче умеют все: телевидение! — дурак дураком, а шпарит как диктор. И манер в кино насмотрелись. И одеваются по журналам: нищих нет...

— Да, да, — поспешно согласилась жена, таща его вперед. Но немного не успела.

«О, какая ужасная селедка», — тихо поразился юный басок. «Гибрид швабры и колючей проволоки», — согласился тенор. И пара приятелей остановилась было рядом.

Нелестная характеристика услышалась и той, кого касалась. Вздернув губу, девица отрубила фразу — не из словаря диктора телевидения. Приятелей шатнуло.

— Развлекаемся? — спросил их Звягин, улыбаясь мертвой улыбкой; шрамик на скуле побелел.

— Леня, — тревожно сказала жена, меняясь в лице, — мы идем в Эрмитаж!

Приятелей сдуло.

Публика изображала непричастность к происходящему. Скандализованная старушка обличала «нынешних». Запахло склокой. Девушка тщетно принимала независимые позы. Напряжение гонимого существа исходило от нее.

— Мои ученики ходят в Эрмитаж чаще, чем мы...

Звягин задумчиво сощурился. Глаза его затлели зеленым кошачьим светом. «Пигмалион»! — процедил он. — «Хиггинс! Шоу!»

Он переступил на месте.

Подошел автобус.

— Ира, — Звягин поцеловал жену, — сходи сегодня сама! Ну пожалуйста.

Ответ не успел: он как-то сразу отдалился от нее и переместился к остановке, будто влекомый посторонней силой. Вслед за девицей втиснулся в автобус, и двери захлопнулись.

В автобусной толчее он бесцеремонно в упор разглядывал злополучное создание. Через минуту оно задрало прыщеватый подбородок и, ответив ему высокомерным взглядом, отвернулось с оскорбленным лицом. За четверть часа на лице сменились все оттенки независимости и неприязни. Резкие черты Звягина не выражали ничего, кроме интереса естествоиспытателя.

На Суворовском она выскочила и понеслась размашистой походкой матроса, опаздывающего из увольнения.

— Девушка, одну минутку!..

Она резко свернула и на красный свет перебежала проспект — прямо в объятия милиционера. Милиционер оживился и отдал честь. Девица стиснула зубы, испепеляя его взором.

— Мы опаздываем к больному, — уверенно представился Звягин за ее спиной, извлекая удостоверение — в подтверждение своих слов — и деньги в подтверждение своей вины.

Милиционер поколебался. Признанный хозяином положения, он ощутил более достоинства не в строгости, а в благородстве.

— Больше не нарушайте. — Он снова отдал честь и отодвинулся, давая понять, что инцидент прощен.

На ходу глядя в сторону, девица пролаяла:

— Что вам надо? Все разглядели?

— Давайте выпьем кофе, — мягко предложил Звягин.

— А-а: вы одиноки. Вы, наверное, кинорежиссер. Или художник. Нет? Ну тогда засекреченный ученый. А, — вы шпион и хотите меня обольстить и завербовать!

— Ну, еж колючий, — рассмеялся Звягин.

— А вы... отцепитесь, старый козел! — отчаянно выпалила она.

Встречная красавица, грациозная стрекоза, улыбнулась Звягину уголком детских губ. Он не был похож на старого козла.

— Крута, — оценил Звягин, — крута. Не хотите знакомиться... Тогда позвоните мне, пожалуйста, — протянул ей визитную карточку. — Всему можно помочь, — добавил он.

— О чем это вы? — не поняла она. — Еще чего не хватало! — И сунула карточку в карман.

Остаток воскресенья Звягин посвятил доведению квартиры до адского блеска — во искупление вины. Дочка металась на подхвате: сочувствовала; и хихикала. К ужину жена оттаяла.

— Полчаса стояла перед Боттичелли, — делилась она. — Никто, наверное, не умел так видеть красоту...

— А что такое красота? — живо спросил Звягин, хлюпая молоком через соломинку.

Жена готовно приняла учительскую позу.

— Платон, — сказала она. — Сократ. Чернышевский. Эстетика.

— Сократ, — сказал Звягин, поднимая руки вверх. — Я понимаю. Ты мне скажи, чем красивая женщина отличается от некрасивой? Конкретней. — Он приготовился загибать пальцы.

— Черты лица... фигура... — она растерялась. — Ну глаза, нос, рот... волосы...

— Волосы, — сказал Звягин. — Да-да. Ноги и шея с ушами.

— Шарм, — сказала дочка. — Прикид.

— Хорошо — мода. Условность, привычка: у каждой эпохи, расы и так далее — свои понятия о красоте. Так: биологическая основа, целесообразность: продолжение рода, — он изобразил руками формы секс-бомбы. — Но почему красивы и черные волосы — и золотые, и карие глаза — и синие, и курносый носик — и прямой? Зачем нужны длинная шея и ровные зубы — что ими, проволоку грызть?..

— Почему ты этим заинтересовался? — проницательно спросила жена.

— Папа хочет знать, что такое красота, прежде чем браться ее делать, — объяснила дочка, догадливое юное поколение. — Он сегодня весь день «Турецкий марш» пел: что-то задумывает!

— Опять твои безумные прожекты, — вздохнула жена. — Теперь — та страшненькая, да?

— Ура, — успокоила дочка. — Она уродина? значит, ты можешь не ревновать...

Дотошный допрос не кончался.

— Если красота — это совершенство, то почему заурядная лань красивее самого совершенного крокодила?

— Линия, цвет... ассоциативный образ: теплое, гладкое, чистое, легко движется. Вызывает приятные ощущения...

Дочка, проходя перед сном из ванной, резюмировала эстетический диспут кратко:

— От разговоров еще никто красивее не делался.

Девица не позвонила, к некоторой досаде Звягина. Но общежитие, куда она вошла, он заметил.

Ночью на кухне он отшвырнул Платона и учебник по эстетике и нацедил ледяного молока из холодильника. Обстоятельно перечислил на бумаге:

«1. Глаза.
2. Нос.
3. Зубы.
4. Волосы.
.....
.....
23. Ногти.
24. Голос.»

Он пожалел, что не знаком с условиями конкурсов красоты. Против каждого пункта, добросовестно вдумываясь, проставил оценки по пятибалльной системе. Средний балл у девицы получился два и три десятых. Подбив неутешительный итог, Звягин зло засопел и достал еще бутылку молока. В верху списка надписал: «Имеем», на чистом листе: «Требуется», на другом: «Что делать»...

Утром, вернувшись на подстанцию с первого вызова, он изучающе вперился сквозь окошечко в диспетчершу.

— Леонид Борисович?! — изумилась она, краснея.

— Валечка, дай-ка мне телефончик своей косметички...

Летя в «скорой» по Обводному, обернулся в салон к фельдшеру:

— Гриша, ты где мышцы качаешь? На стадионе Ленина? Познакомишь меня завтра с тренером.

Перечень действий оснащался конкретными адресами и фамилиями. Лохматый Гриша перемигивался с медсестрой.

Девица позвонила на третий день.

Они встретились в полупустом по-утреннему кафе.

— Клара, — назвалась она, взбивая волосики.

— И имя-то у тебя какое-то... царапучее, — он вздохнул.

— Горбатого могила исправит, — беспощадно сказала она.

Он пожевал апельсиновую дольку, сплюнул косточку, откинулся на спинку стула: обозрел Клару критически и деловито — так папа Карло, наверно, смотрел на чурку, из которой собирался вырезать Буратино.

— Можно и раньше, — лениво пожал плечами. — Это все исправимо...

— Предлагаете мне себя и песца на воротник в придачу.

— Ни меня, ни песца ты не получишь, — открестился Звягин. — Но у меня вот какие соображения...

Соображения были прерваны скрипучим смешком:

— Ага! Прическа, модная одежда, гимнастика, самовнушение: «Я самая привлекательная, я самая обаятельная!..» Хватит, нахлебалась уже в кино подобной чуши... розовых сказочек для дурачков.

— Сказочек не будет, — уверил Звягин. — Только реальность. Знаю я в Риге хирурга, который удлиняет калекам ноги на двадцать пять сантиметров: приживляет консервированную кость. Знаю женщину, которой академик Углов сделал серию операций на голосовых связках — мелодичный голос вместо хриплого баса.

Перечень был длинен.

— Сказочки не для нас. Для нас — работа. Усталость. Боль. Терпение. Только так все в жизни и делается.

Теплая волна доброты, уверенности, надежности исходила от него. Это ощущение покоя и добра было настолько сильным, что Клара неожиданно для себя улыбнулась. Баюкала песня сирены, что все достижимо и все будет хорошо, но у сирены был жесткий металлический баритон и несокрушимая логика.

— А с виду вы злой и самовлюбленный, — сказала Клара.

— Завтра я дежурю, а послезавтра в четыре жди у метро «Маяковская». И возьми с собой купальник.

— Это еще зачем?! — ощетинилась Клара.

— В физкультурном диспансере тебя посмотрит одна умная старая врачиха — для начала.

Колесо событий подхватило ее, швыряя в решительные перемены: она более не сопротивлялась.

(«Исчерпал все обаяние,— смешливо жаловался Звягин жене. — Хуже, чем когда ухаживал за тобой в институте».— «Да? — удивилась она.— А я всю жизнь была уверена, что это я за тобой ухаживала».)

Врачиха в диспансере оказалась не такая старая.

— Сделай двадцать приседаний... Быстрее! Пульс... сто четыре. Давление... сто двадцать пять на семьдесят пять. Вдохни — дуй. Легкие — две семьсот. Сюда. Выпрямись. Рост — сто шестьдесят шесть... Вес... сорок девять триста. А кажешься выше...

— Это оттого, что сутулится,— сказала медсестра.

— Сложение стайера... ты на длинные дистанции никогда не бегала?

— И незачем,— отверг Звягин, неожиданно входя: в белом халате и с какими-то бумажками — Клариными анализами.— Проверь-ка ее на велоэргометре.

Здесь он был — врач, и Клара не застеснялась.

— Нормально,— обронил он.— А рефлексы?

По слякотному Невскому он проводил ее до остановки.

— Ну — и как я вам понравилась? — вызывающе спросила она. Она уже ненавидела себя за этот стриптиз, дура набитая, уродина кривоногая. И купальник идиотский, мерзкого фиолетового цвета. Интересно, какая у него жена. Красивая, конечно...

— Ничего, неплохо,— с энтузиазмом сказал Звягин и положил тяжелую руку ей на плечи.

— Что — неплохо? — зло и недоуменно уставилась она.— Хотите сказать, что вам было приятно смотреть на меня голую?

— От голых у меня за двадцать лет работы, милая, в глазах рябит,— сказал Звягин.— А хорошо то, что ты здорова и тебя можно раскармливать и тренировать. И сложена не так ужасно, как кажется.

— Ах-х — немного труда, и все исчезнет! Да?

— Нет. Много труда. Очень много. Ничего, потерпишь.

— А если не потерплю?

— Голову сверну, — промурлыкал он.

Она отвернулась: почувствовала, что сейчас заплачет, захотелось уткнуться в его серый реглан, и чтобы он обнял ее своими тяжелыми руками, и пусть свернул бы шею — но никому больше не дал бы тронуть.

— У меня никогда не было отца, — вдруг сказала она, поддавшись течению своих мыслей.

— Я знаю, — отозвался он и обнял ее именно так, как она только что мечтала.

И тут она заревела. Совсем нервы сдали.

«Как ужасно, как ужасно быть такой! Сначала в детстве не понимаешь, я любила драться с мальчишками, гордилась собой... А потом, лет в шесть, особенно в школе, уже чувствуешь: с тобой меньше играют, меньше зовут, как-то все радости тебе достаются во вторую очередь... Учительница ласкова, справедлива, и от этого несправедливость других еще больнее, а внутри уже поселилась неполноценность, горе второсортности, комплекс милостыни — что все хорошее, выпадающее тебе — это не от сердца дают, а по обязанности, подчеркивая справедливость, и уже кажется, что это не заслуженно, а из милости, и надо усиленно благодарить кого-то... Но в восемь лет это только смутные чувства, а потом начинаешь понимать, происходит страшное — когда другие хорошеют, превращаются в девушек, а ты... в классе появляется напряженность между девочками и мальчиками, и когда дразнят или даже бьют — в этом какой-то дополнительный смысл, стыдный и счастливый... А ты в стороне, сама вступишься за кого-нибудь — накостыляют тебе, а даже лупят совсем не так, как красивую, равнодушно и больно лупят — без интереса. И лето, и физкультура, все украдкой разглядывают и оценивают друг друга, сравнивают... красивые так беспечны, веселы, уверенны, — значительны, уже ходят на танцы; и начинаешь реветь ночами в подушку, и не жизнь раскрывается впереди, а черная истина...

бьешь себя в ненависти по лицу, до одури смотришь в зеркало: чуть лучше? выправляется!!! вдруг нравишься себе: ничего, кое-чего стою, даже мила, — но обман смывается безнадежной тоской: мерзкий лягушонок, доска... Семнадцать лет, все веселятся, у кого-нибудь вечером с тобой тоже танцуют и шутят, так чудесно, да никто не проводит, не ходит с тобой. На праздник не позвали, делаешь вид, что и не знаешь о собирающейся компании, а внутри все дрожит, до самого конца надеешься — спохватятся, позвонят... и весь праздничный день сидишь у телефона: сейчас извинятся, пригласят... — нет.

Возьмет с собой красивая подруга — так ведь для удобства, из приличия, ты ей не соперница. И знаешь это — а все равно идешь, потому что жить хочется, радости, любви, вечно одна, а позвали мальчики — так это не тебя позвали, а чтоб ты ее с собой привела, красивую.

И посмотрит на тебя только такой же урод, как ты сама. И не потому, что нравишься, — на других, покрасивее, он смотреть боится, не надеется; а ты — что ж, ему под стать, два сапога пара, уж лучше с такой, чем ни с какой, с кем же тебе, мол, быть, как не с ним... и такая к нему ненависть и презрение, что ногой бы раздавила, как червяка...

Выходят замуж, белые платья, поздравляешь их, красивых, счастливых, целуешься, а внутри как маятник: то плачешь, так их любишь и счастья желаешь — будьте счастливы и за себя, и за всех неудачниц, — а то позавидуешь такой черной завистью — взглядом убила бы, и сердце болит, как бритвой пополам режут.

А иногда махнешь: гори все огнем, один раз живем, что ж за монашество, давай во все тяжкие, как сумеем — так повеселимся... да после самой противно. И смотришь волком, и ходишь каракатицей, ладно еще, что не я одна такая: соберемся вместе и проводим время как можем, здесь мы друзья-товарищи по судьбе и несчастью, и ничего, живем не хуже других: и одеваемся, и в театр ходим, и в отпуск ездим...

Я уже привыкла, смирилась: ну одинокая, ну мало ли таких... не инвалид — и то счастье. А тут вы... эти надежды... прикажете — я в огонь пойду, в прорубь брошусь!.. — прожить один год — год бы! красивой и молодой — ничего за это счастье отдать не жаль...»

Пять часов Звягин просидел на телефоне и через пятые руки снял комнату, не сходя с места. (Он вообще любил телефон — признавая в разговорах только кратчайший телеграфный стиль.)

— Для любого дела нужна база, — сказал он, обводя интерьер рукой и вручая Кларе ключ. — Платить за нее твоей зарплаты хватит. — И по-хозяйски раскинулся в единственном кресле.

Клара поставила на стул спортивную сумку и принялась обследовать квартиру, как обживающая новое место кошка. Звягин выложил из портфеля книгу по диетологии и общую тетрадь:

— Сладкое, жирное, мучное — без ограничений! — С мечтательным видом ободрил: — Сколько женщин, мечтающих похудеть, завидовали бы твоей диете — с ума сойти.

Клара внимала приказному тону:

— Утром натощак и перед сном — на поллитровую кружку пивных дрожжей сто граммов сметаны, два сырых яйца и щепоть соли. (Она поморщилась.) Что?! Так спортсмены быстро набирают вес для перехода в другую весовую категорию. Халву любишь?

— Халву? Люблю. Я еще курицу люблю, — сообщила Клара, ревизуя свои гастрономические интересы.

— Познакомлю тебя с девочкой в «Восточных сладостях», будешь у нее покупать. Есть на ночь, чтоб не перебивать аппетит. Куры без толку. Раз в день — жирная жареная свинина с картошкой. Белый хлеб, масло, макароны с сыром, картофельные салаты с майонезом... в чай — больше сахара и сливки или сгущенку. Ты печь умеешь?

— Что печь? — озадачилась Клара.

— Ты, я чувствую, хотела поправиться по-щучьему велению! — рассердился Звягин. — Ну что пекут? Пи-

роги! Блины! Не умеешь? — так я и знал. Держи кулинарное пособие, плита с духовкой на кухне, с соседями подружишься сама. Меня встречать серым пирогом с капустой.

— Да я ж себя не прокормлю, — мрачновато оживилась Клара, листая тетрадь с меню.

— Я твои доходы и расходы уже подсчитал за тебя, — хмыкнул он. — Ты получаешь на своем ЛОМО под двести рублей и тратишь только на себя, не прибедняйся. И не жди результатов сразу, если за первый месяц прибавишь полкило — хватит.

— А если не прибавлю?

— А куда ты денешься, — уверил Звягин. — Спишь сколько?

— Ну, часов семь, восемь... иногда меньше.

— Отставить. Молодые женщины и спортсмены должны спать по десять часов.

Вечером она блаженствовала в ванне с хвойным экстрактом (приказано — ежедневно, для общего тонуса) и собиралась с духом перед завтрашним решительным шагом — первым решительным шагом на обещанном тернистом пути в обещанное счастье.

— Не слишком ли ты жесток к девочке? — предостерегла жена Звягина.

— Толку ей в моей жалости, — фыркнул он. — А в простые средства я верю.

И в субботу в семь утра, когда в парикмахерской было еще пусто, и мастерицы в служебке пили чай и говорили о модах Пьера Кардена, Клара села в кресло и кратко велела:

— Под машинку.

— Как? — не поняла матрона в перстнях.

— Под ноль! — повторила Клара, от неловкости вызывающе и громко.

В глазах матроны отразилась работа мысли. Из дверей высунулись любопытные лица мастериц. Клара закрыла глаза.

Прохладная стрекочущая тяжесть машинки ходила по голове. Экзекуция длилась минуту. Эта минута вос-

принималась как бесконечное преодоление смертельного рубежа. Рубикон был перейден, жребий брошен, пути назад не было. План Звягина был адски точен.

— Пожалуйста, — обиженно сказала матрона, сдергивая простыню. Как с открывающегося памятника, подумала Клара.

Чужая неумная физиономия глянула из зеркала. Физиономия была большая, а бесстыже-голая белая головенка — маленькая. Топорщились безобразные уши. Головенке было холодно.

Клара судорожно втянула воздух. Да, волосы были реденькие, бесцветные, жалкие, — но это...

— Двадцать копеек,— матрона стряхнула жидкие пряди с простыни.

Из-за дверей послышался сдавленный смех.

На чужих деревянных ногах Клара прошагала из зала, натянула до шеи вязаную шапочку и выскочила вон.

Дома поревела, померила одолженный у подруги парик, успокоилась, развеселилась; сделала компресс из хны, намотала полотенце тюрбаном... В таком виде и застал ее Звягин.

— Салют мужеству! — весело приветствовал он, вручая сверток — портативный кварц. — С тебя двадцатка, доставка бесплатно.

— Где вы взяли? — Она уже видела себя загорелой среди глухой сине-белой зимы.

— В магазине медтехники, о существовании которого ты вполне могла бы знать. Где мой пирог? М-да, первый блин комом... Ну — собирайся!

В спортзале с грохотом рушились штанги. Полуобнаженный атлет бросал указания, обходя свое царство с владетельным видом, играя мускулатурой. Он приблизился — и оказался мал и тонок в кости, как подросток.

— Раньше железом занимались? — утвердительно-хмуровато спросил он, оценивая развернутые плечи Звягина.

— Заняться надо девушке.— Звягин не удержался от мальчишеского удовольствия до хруста стиснуть тренеру руку. Тот поднял брови, напрягся, крякнул, расцвел.

В комнатке наверху, оклеенной фотографиями гераклов и заваленной журналами, он дважды медленно обошел вокруг Клары, готовой провалиться в своем купальнике и парике. Помычал, покивал, бесцеремонно ощупал мышцы мозолистыми царапучими пальцами.

— Сырой материал, — удовлетворенно заключил он.

В зале проверил, как Клара трепыхнулась под перекладиной, подергала динамометр, присела с пудовой гирей — не встать. Вернувшись с ней наверх, спросил ждавшего Звягина:

— Почему не пошли в секцию женской атлетической гимнастики? Их сейчас полно. Там все условия.

— Слышали именно о вас, — ответил Звягин. — Нужна консультация и руководство для занятий дома — посещать зал не будет возможности. Нужен максимум результата в минимум времени.

Польщенный тренер подумал, кивнул. Стал чертить и писать в тетрадке:

— Накачиваем внутреннюю поверхность бедра: длинную приводящую мышцу; полусухожильную; нежную; портняжную. Затем большие ягодичные и икроножные. По старой системе Уайдера: четыре серии по четыре повторения, восемьдесят процентов от максимальной нагрузки... Прямая и косые живота... Для грудных мышц...

Он вручил Кларе папку с вырезками из журналов и переводную со словацкого книжку Яблонского:

— Изучишь, перепишешь, через неделю отдашь. Заниматься — через день, без всяких пропусков! Хватит упорства?

— Хватит, — сказал Звягин.

— Завтра пусть приходит на тренировку: поставлю ей первый комплекс. Потом, если захочет заниматься дома, раз в две недели — показываться сюда мне. Через год будет фигура принцессы. Быстрее невозможно!

Весы, эспандер и гантели были куплены. Наклонную скамейку и стойки для штанги сделал столяр в жэке. Штангу же Звягин соорудил из куска водопроводной трубы и двух мешков с песком: «Для твоих целей — в самый раз».

— Английские морские кадеты, — сказал он, — полчаса утром стоят у стенки, прижимаясь к ней пятками сомкнутых ног, икрами, задом, локтями, лопатками и затылком. Так они вырабатывают безукоризненную осанку офицеров флота. Мысль уловила? Полчаса!

Масла в огонь подлила старая балерина, ведущая хореографический кружок в Доме культуры.

— Дружок, — ужаснулась она, — у вас походка каторжника! Вы совсем не умеете пользоваться ногами, девочка!

— Я не балерина, — угрюмо сказала Клара, ненавидя Звягина за очередное унижение.

— Вы женщина! — воззвала балерина, откидывая гордую седую голову. — Разверните носки! Больше! Идите к зеркалу. Подавайте ногу не коленом вперед, а бедром, бедром! Видите? носки развернуты, икры сблизились, линия бедра выпрямилась, нога стала стройной, а не кривой, вы видите?!

— Обман зрения, — ухмыльнулась Клара.

— Явить красоту там, где ее не было — это искусство, а не обман, — возразила балерина. — Из уважения к вашему опекуну я поработаю с вами, дружок.

...Идея перевоплощения открывала бесчисленные свои стороны и овладевала Кларой все полнее и бесповоротнее. Вечерами она училась печь. Блины горели, булки обугливались снаружи и оставались клейкими внутри. В синем чаду искушающий джинн рисовал картины счастливого будущего: красавица принимает влюбленных гостей за роскошным праздничным столом.

Теперь она крутилась, как белка в колесе, и колесо это все явственнее превращалось в колесо фортуны. Осанка, тренировка, походка, аэробика, готовка, питание, самомассаж, кварц, ванна, взвешивание... Она купила самую дешевую электробритву и раз в неделю брила короткий колючий ежик на голове: рыхлая белая кожа посмуглела, стала плотной, парик уже не мешал на работе. Она поймала себя на том, что зеркало из врага превращается в друга: надежда укоренилась в ней, как неистребимый репейник на пустыре.

Приходил Звягин, валился в кресло, откусывал пирог, безжалостно волок ее за шиворот дальше:

— Что значит — времени нет?! Вот будет у тебя муж, да дети, да болеют, да стирать, готовить, доставать, да самой на работу — то ли запоешь!.. Это все цветочки — дождешься ягодок.

К Новому году Клара прибавила, наконец, килограмм. Звягин торжествовал победу: «Самое трудное — дело сдвинулось с места! Дальше пойдет легче».

После очередного телефонного рапорта Клары жена не выдержала:

— Леня, ну зачем ты так мучишь девчонку несбыточными иллюзиями! Раньше или позже тебе это надоест, как надоедали все твои ненормальные увлечения, и с чем она тогда останется?..

Хорошее настроение Звягина было несокрушимо:

— С приличной внешностью — вот с чем она останется! Если красивая женщина отличается от некрасивой, собственно, лишь некоторыми деталями, то каждую деталь по отдельности можно — и нужно! — привести в порядок. Это предельно просто и очевидно.

Относительно простоты он немного преувеличивал: хорошего протезиста-стоматолога пришлось поискать.

Громоздкий и ловкий, как медведь, стоматолог сунул Клару в кресло, включил слепящую фару и полез ей в рот:

— Так, хорошо, правильно... — поощрительно урчал он. — Через месяц можете сниматься на рекламу зубной пасты. — И достал из стерилизатора шприц.

В животе у Клары похолодело тягуче и жутко.

— Прямо сейчас... уже?.. — в панике спросила она, надеясь на первый раз отделаться осмотром.

— Женщины вообще храбрые, — сказал стоматолог. — Недавно у меня один здоровый мужик — увидел шприц — и потерял сознание.

Клара зажмурилась, открыла рот и судорожно вцепилась в ручку кресла.

— А что вы вцепились в кресло? — обиделся стоматолог. — У меня больно не бывает.

Страх инквизиторской пытки сменился радостным удивлением: оказалось вполне терпимо. Мохнатая лапа стоматолога, в которой щипцы выглядели маленькими, действовала без видимого усилия. Звякнуло в плевательницу — раз, два, три... четыре...

— И как вы эту гадость во рту терпели... — сочувствовал стоматолог. — Во-от сюда мостик поставим... короночку, и здесь... эти пеньки сточим и на штифтики поставим фарфоровые — как по ниточке ровно будет.

— Шпашибо, — прошамкала Клара, вставая.

— Не разговаривай. Через неделю подживет — и начнем...

Дома она долго скалилась в зеркало. «Как прореженный огород...» Всплакнула, но долго плакать было некогда: упражнения для ног, аэробика, компресс на голову, ванна, — а завтра в шесть вставать на работу.

Последующие визиты слились в цепь дней, четко делившихся на две половины: страх и тоска ожидания — и некий блаженный хмель от того, что все прошло небольно и хорошо. Она садилась в кресло, и в мозгу словно открывала работу слесарная мастерская: грохот, скрип, тряска, во рту жужжало и хрустело, пахло едким лекарством и жженой костью, аж дымилось, губы оттягивались ватными тампонами, и вдруг проливалась на язык прохладная струйка воды. От напряжения она забывала дышать. Стоматолог промакивал ей пот салфеткой и успокаивающе урчал.

Она подсчитывала, во что ей обойдутся новые зубы. Черная касса, продать новые сапоги, подзанять... ничего, рассчитается.

— Какая ерунда! — гремел Звягин, гоняя ее в магазин за молоком. — Дубленка стоит дороже, чем все твои акции по перевоплощению!

Кончался январь — темный, морозный, радостно-трудный.

— Вот так! — довольно рявкнул стоматолог, навинтив на штифт последний белоснежный фарфоровый зуб, и щелкнул по нему ногтем. Взял со стеклянного столика с инструментом зеркальце и поднес Кларе:

— Устраивает?!

Она не могла насмотреться. Зубы сияли — ровные, белые, плотные, кое-где с крохотными щербинками — неотличимые от настоящих.

— Миллион за улыбку! — взревел стоматолог и выключил свою слепящую фару. — Сияй на здоровье.

«Ах», — сказали девочки в цехе. Клара сияла. «Подождите...»

— Подождите, — скромно пообещал Звягин домочадцам, — я ее еще устрою работать диктором на телевидение.

— Лучше в немое кино, — посоветовала дочь, гладя школьное платье.

— У нее голос, как у нашего коменданта гарнизона, помнишь? — пояснила жена. — Или это телефон так искажает?

— Я уже свел ее с преподавательницей художественного слова из театралки, — парировал Звягин. — Голос отличный, просто она не умеет им владеть. Научится. Защебечет птичкой!..

Клара «щебетала птичкой» сорок минут перед сном в ванне — больше времени в сутках не оставалось. Гортань, связки, диафрагма, дыхание... «Даже низкий и хриплый женский голос может быть красивым и обаятельным, — повторяла она услышанное, — если правильно пользоваться им: говорить негромко, без резких пауз и ударений, выработать легкое грудное придыхание, снижать иногда к полушепоту...»

— Зачем вы меня провожаете, Леонид Борисович? — спросила она «с легким грудным придыханием», когда по заснеженному бульвару Профсоюзов они шли к косметической клинике (подошла ее очередь на операцию). — Вы тратите на меня уйму времени...

— Ах, молодость! — мушкетерским тоном отвечал Звягин. — Прогулка с девушкой — что за отрада для старого солдафона, заскорузлого от чужих страданий эскулапа. А главное, — добавлял он, — жена меня к тебе не ревнует. Вот когда станешь выглядеть так, что заревнует, — все, больше времени не найдется.

— Совсем? — скрипнула Клара несчастно.

— Тогда уже у тебя не найдется времени для меня — человека немолодого, женатого, некрасивого и неинтересного.

— Это вы некрасивый и неинтересный?!

Звягин лукавил. Навязав Кларе свою волю (так он считал), — он относился к ней с ревностью собственника, сродни ревности художника к своему творению. И, не полагаясь полностью на непостоянный женский характер, провала своей затеи допустить не мог: подстраховывал каждый шаг. В тайной глубине души будучи убежден в безграничности человеческих возможностей — он был невысокого мнения о воле и характере большинства людей. «А ошибаться, — пожимал он плечами, — я предпочитаю в лучшую сторону».

Хирург, склонив голову на бочок, по-петушиному посмотрел на Клару сначала одним глазом, потом другим. Прыгнул вперед и внимательными пальцами стал мять ее лицо.

— Но-ос, нос-нос-нос... Ну и шнобель! — забормотал он.

Схватил рентгеновские снимки, завертел, глядя их на свет. Задумался, замычал, раскинул альбом с фотографиями:

— Будет вот так. Согласны?

Слева красовался профиль с устрашающим тараном поболее Клариного, справа — то же лицо с носом... ах, с чудесным, нормальным, заурядным носом — не нос, а мечта... Другие фото впечатляли столь же.

Клара в головокружении представила себя роботом, дождавшимся наконец спасителя-механика с набором дефицитных запчастей.

— Почему вы не обратились раньше? — вился хирург. — Иностранцы прут толпами, — скромно хвастался он, — у них операция обходится в целое состояние. — Посмотрел Кларину карту, анализы; часы на его руке зажужжали. — Приступим? А? Увеличиваем оборачиваемость койко-мест — по мировым стандартам: до минимума сокращать пребывание в стационаре, — пояснил он Звягину.

— Посмотреть разрешишь, Витя? — любопытствуя, попросил Звягин.

— С моим удовольствием. Это тебе не упавших по улицам собирать, — поддел тот.

Удивительно просто и быстро. Нянечка свела Клару в душевую, выдала пижаму. Померили температуру, давление и — в операционную, где хирург, уже в маске, кивнул анестезиологу, а рядом, тоже в маске и зеленом халате, щурил зеленые глаза Звягин.

Сестра протерла ей, лежащей на столе, сгиб локтя и подала анестезиологу шприц.

— Рот открой шире... сейчас мы тебе эту трубочку осторожно введем... во-от, все, дыши на здоровье...

Электрические лучи в белом кафеле расплылись, затуманились, и она поплыла в восхитительную страну, неотчетливую и прекрасную, а прекраснее всех была она, Клара, и это и было тем счастьем, которое снилось в детстве.

...Появились какие-то ощущения, ощущения эти определялись и стали неприятными: слегка мутило, и лицо стянуло, будто заскорузла мыльная корка. Кто-то склонился над ней и похлопал ласково по руке.

— Не разговаривай, — сказал Звягин. — Это повязка. Все отлично, молодец.

Оставил ей в тумбочке томик Цвейга (выбирала, естественно, жена) и кульки с апельсинами и халвой.

Завтрашним дежурством махнулся с Джахадзе и встретил Клару внизу:

— Чтоб не так стеснялась идти по улице в своей повязке, — проворчал. — А то подумают, что нос тебе в драке разбили...

Неделю она, в повязке, вылезала из комнаты только в магазин, сокрушаясь, что пропускает упражнения для ног и груди — чтоб не напрячь случайно лицевые мышцы и не повредить свежие швы. Нетерпение томило ее.

— Не пугайтесь, — предупредил хирург, освобождая ее от проклятого целебного намордника. — Прошу.

Клара осторожно и со страхом, чуть разжав веки, в щелочку между ресниц поглядела в зеркало. Глаза распахнулись, рот раскрылся горестно:

— Охх!..

Бесформенная сизая свекла топорщилась на отекшем лице.

— Дивно! — возрадовался хирург, бережно трогая свеклу.

— Ы-ы-ыы... — безнадежно провыла Клара.

— Не смей реветь, сопли потекут! — закричал хирург. — Его надо беречь, он еще нежный! Не «ы-ы», а пять баллов, — ярился он. — Через пару дней отек спадет, тогда увидишь, что не «ы-ы», а «о-о»! Вот тебе для компрессов...

Эти дни она провела перед зеркалом. Зеркало исправно являло волшебство. На пятые сутки отек спал совершенно. Швы в крыльях носа не замечались.

Это было другое лицо; она поймала себя на самозабвенной и бесстыжей любви к этому лицу. Пользуясь ходульным выражением — ее распирало от счастья. Упругий ветер перемен достиг весны.

— С Восьмым марта! — поздравил Звягин, явясь с мимозами. Потянул носом запах озона (после кварца), подергал крепления мешков на штанге, полез с ревизией в холодильник.

— Плюс три триста! — отрапортовала Клара, после приседаний глубоко дыша по системе йогов. — Спасибо, Леонид Борисович.

— Не сутулься! — гаркнул он. — Носки врозь! Что — скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается?

Дело, однако, делалось. Еще как делалось.

Звягинские три листочка распухли за зиму в «дело Клары» — папку с адресами, телефонами, рецептами и расписаниями. Он привез гримера с «Ленфильма» к знакомому офтальмологу, и втроем они два часа подбирали Кларе оправу для очков — такую, чтоб глаза казались больше, чтоб выглядела украшением. Подобрали, но это был единственный образец, и Звягин перерыл пол-Ленинграда, пока достал требуемое. Клара нацепила очки, засмеялась и отныне снимала их только перед сном (десять часов!).

(«Как девочка?» — самолюбиво спросил Звягин. — «Ничего», — с мужским глубокомыслием решил офтальмолог. Звягин хмыкнул: «Одеваться не умеет».)

Мужчине редко удается понять, как захватывающе увлекательна проблема женской одежды. Заваленная журналами мод и книгами по истории костюма, квартира Звягина превратилась в избу-читальню: жена и дочь обменивались восклицаниями — и вздыхали...

— Конечно, если одеть ее в туалеты от Диора... — язвила дочь...

Если и было на свете что-то невозможное — так это смутить Звягина.

— Диор нам не по карману, — без сожаления объявил он Кларе очевидное. — И ладно. Простое правило: носить надо не самые красивые и модные вещи, а те, в которых ты сама выглядишь красивой и привлекательной. Лучше прекрасная золушка, чем уродливая миллионерша, не согласна?

Клара возразила в том духе, что лучше прекрасная миллионерша. Задетый Звягин (теоретически подковавшись до уровня едва не законодателя мод) в ответ перекроил ее спрессованное расписание и загнал строптивицу на курсы кройки и шитья: «Вот и шей себе что хочешь».

— Без фирменных тряпок сейчас никуда не денешься, — упорствовала Клара.

— Лучшая одежда для таких, как ты — смирительная рубашка! — негодовал Звягин. — Нет ничего нелепее самоходной вешалки из ателье мод! Никогда царица Савская не надела бы брюки «диско» или короткую юбку: у нее были кривые ноги — а худо-бедно она слыла красивейшей в мире. Для тебя изобретены свободные сверху брюки, шея длинная — ворот раскрыть, талию перетянуть широким поясом...

— Их никто не носит!

— А ты будешь! Или тебе это все надоело? — зловеще спросил он.

Клара ослепительно улыбнулась и поставила ноги в первую позицию.

— Не надоело, Леонид Борисович, — вкрадчиво прошелестела она. — Я буду паинькой. Я буду ходить в казацких шароварах и перетягиваться офицерским ремнем. Вы меня не бросите?

— Браво, первая валторна! — изумился Звягин. — Теперь ты понимаешь, что форма определяет содержание?

Она вынула из духовки горячий пирог, принесла специально купленный высокий стакан с ледяным молоком. Выпятила грудь, присела «пистолетиком» на одной ноге; брякнула:

— Хочу сменить работу... Не очень-то приятно, знаете, когда в тебя за спиной тычут пальцем и пристают с расспросами...

— Отрезать прошлое, — согласился Звягин. — Потерпи до лета. А швейную машинку — в кредит — чтоб купила с получки!

— Денег не хватит...

— Одолжу.

Весь вечер дома он просидел перед телевизором, мрачен и задумчив. Жена ни о чем не спрашивала и пропускала ошибки в проверяемых тетрадях.

— Доигрался? — не выдержала она за ужином. — Заморочил девочке голову?

— Весна, — заступилась дочка. — Я бы на ее месте тоже в тебя влюбилась, — нахально заявила она.

Звягин хлюпнул молоком, беспечно свистнул и подвел итог:

— Пожалуй, хватит. Собственно, немного и осталось.

Ночью он сидел на кухне и красным фломастером аккуратно зачеркивал пункты своего плана, составленного полгода назад. Оставалось немного.

— Нормально, — сказал тренер.

— Совсем иное дело, — сказала балерина.

— Хорошо, пусть осенью приходит, — сказал начальник отдела кадров радиозавода.

— Готовить умеет? — спросил археолог. — А лопатой работать может? Только платим мы в экспедиции немного, учтите. И пусть принесет с работы справку об отпуске.

Первого мая Звягин велел Кларе начать отращивать волосы: «Хватит». А на Черное море она поедет бесплатно — в археологическую экспедицию: вода, солнце, физические нагрузки и общество. Нет, никаких хлопот — достаточно было зайти в Институт археологии.

Клара посмотрела в сторону и сунула ему в руки сверток.

— Это еще что? — удивился Звягин, разворачивая свитер.

— С праздником, — сказала Клара.

— Зачем?

Она стояла на фоне окна, сияющего майской голубизной, — стройная, мило очкастенькая, печальная.

— Не бойтесь, это недорого, я сама связала... Давайте погуляем... Погода хорошая, праздник... Я вас долго не задержу.

Второго мая, на дежурстве, между вызовами, Звягин играл в шахматы на двух досках — с Гришей и Джахадзе. Гриша продул быстро и пошел на кухню жарить бифштексы и накрывать стол.

— С хорошей девушкой ты вчера гулял по Петроградской, — по-свойски одобрил Джахадзе, зевая белого слона.

— У каждого свое хобби, — улыбнулся Звягин. — Шах.

Явился Гриша, делая метрдотельский приглашающий жест, но вместо формулы: «Пожалуйте к столу» врубился селектор:

— Десять тридцать два, на выезд. Черная речка, падение с высоты.

— Мат, — объявил Звягин, вставая. — Если до возвращения кто съест мое мясо, пусть пеняет на себя — растерзаю.

Спустился по лестнице и пошел к машине — прямой, беспечный, легко обогнав Гришу своей внешне медлительной походкой.

...В августе, вернувшись с семьей из отпуска, Звягин достал из почтового ящика два письма от Клары.

«...Здесь так чудесно, море, солнце, рядом виноградники, ем виноград корзинами и толстею... волосы растут так быстро... народ замечательный, столько интересного... сделала штангу из ручки лопаты и мешков с песком... неужели это все правда...

Помните, вы говорили, что у меня „царапучее имя“? Ну, так уж если быть другим человеком, пусть я буду

не Кларой, а Клавой, — подумаешь, всего одна буква. Приеду обратно — сменю паспорт, и дело с концом. Это, конечно, смешно, но у меня такое чувство, будто прежнее имя не имеет отношения ко мне нынешней...

И вообще за мной тут один ухаживает, но пока не знаю...»

«...Не бойтесь, я не собираюсь ни о чем таком личном вам писать, но мысленно я часто с вами разговариваю. Я перебираю прошедший год день за днем, вспоминаю вновь и вновь, переживаю, радуюсь и немножко грущу от того, что это все уже позади, навсегда, и никогда больше не повторится. Мне нечем с вами сквитаться, нечем отблагодарить, что я вам?.. Мысленно я говорю вам то, чего никогда не посмею сказать наяву, — и вы отвечаете мне то, чего никогда не ответите... И я спрашиваю вас: „Леонид Борисович, на что я вам сдалась? Почему вы подошли ко мне тогда, зачем возились со мной?“ И вы отвечаете — я знаю, что так:

„Каждый порой мечтает о том, чтобы кто-то, сильный, умный и добрый, пришел на помощь в тяжелый час. Чтобы он понял твою душу, утешил горести, сказал, что все исправимо, — и исправил. Чтобы он был надежный и всемогущий, и с ним стало исполнимо и просто все, о чем мечтаешь. Чтобы он заряжал безграничной энергией, неколебимой верой, которых так не хватает человеку в борьбе с судьбой. Потому что все в жизни возможно, просто не хватает сил, или храбрости, или денег, или знания, или желания, или здоровья, и самому иногда не справиться.

Каждый мечтает порой о таком чуде. О везении. О помощи. О понимании. О всесильном и любящем друге-покровителе, который рассеет беду, отведет несчастье, с легкостью совершит невозможное. Выручит, спасет, не даст пропасть: улыбнется, ободрит, объяснит и все сделает. И все будет хорошо...

Это нужно человеку.

Поэтому я здесь.“

Скажете, что я глупая девчонка, романтичные бредни, да?..»

Звягин встал с дивана, растворил окно, засвистел было «Турецкий марш» и улыбнулся.

Вечерние тени закрыли набережную. Оглашая Фонтанку музыкой, прошел плоский прогулочный теплоход. Темная вода пахла осенью, моросью, дымом: отпуск кончился.

За спиной Звягина дочка прочитала лежавшие на столе письма, подошла и потерлась носом об его плечо.

— Просто я работаю волшеб-ни-ком, — полушепотом пропела она. — Папка, сделай меня кинозвездой, раз ты все можешь, а?

— Долго вас ждать с ужином? — закричала жена из кухни.

Моя в ванной руки, Звягин иронизировал:

— Что за наказание! Невозможно делать то, что тебе интересно: мигом объявят благодетелем и начнут благодарить. За что?.. Если мне просто нравятся красивые женщины и не нравятся некрасивые. Нечего превращать меня в сказочную фею! А то начитаются сказок, идеалисты, и не видят нормальной жизни вокруг.

Глава IV

ИГРА В ИМПЕРАТОРА

«Мой папа самый сильный и храбрый. Его все любят и уважают. Он все может. Он всегда всем помогает. Он самый красивый и веселый. Он спасает людей. Он все знает. Его все знают и ценят. Он добрый и справедливый».

— Если ты не притрагивался к вещи два года — можешь смело выкидывать на помойку: она тебе не нужна, — сказал Звягин, спрыгивая со стремянки. Генеральная уборка достигла той кульминационной стадии, когда ничего еще не убрано, но все уже перевернуто и вывалено со своих мест.

Жена решительно отобрала у него пачку пожелтевших тетрадей:

— Не смей! Это Юркино сочинение в первом классе.

— Вольно же детям так идеализировать родителей, чтобы потом разочароваться в созданном идеале и вовсе их не уважать.

— Ну, тебе-то на неуважение жаловаться не приходится, — заметил сын, выволакивая из пыльных глубин антресолей два брезентовых мешка с разборной байдаркой.

— А за что нынешнему студенту уважать простого врача? — самоуничижительно хмыкнул Звягин. — Открытий не совершил, миллионов не нажил, карьеры не сделал. С точки зрения юных прагматиков из столичного университета я должен казаться неудачником. Нет?

Жена отставила шваб . Ее больное место было задето.

— С твоей головой и энергией давно б мог стать профессором, — сказала она. — Чего тебе не хватает — так это усидчивости!

— Узнаю речи школьного учителя, — улыбнулся Звягин.

— Папе и сейчас не поздно достичь чего угодно, — убежденно заступилась дочка, протирая газетой визжащее оконное стекло.

Большие уборки чреваты неожиданными находками. Неожиданная находка иногда попадает в настоящую минуту, как игла в отверстие пуговицы. Листок выпорхнул из веера ветхих страниц в руках жены и спланировал в таз с мыльной водой.

— А это что?

«1. Целеустремленность. Отметать все, не способствующее успеху.

2. Крепить в себе самообладание, терпение, волю, веру в успех.

3. Постоянный анализ поступков: разбор ошибок, учет удач.

4. Готовность на любые средства и поступки во имя цели.

5. Приучиться видеть в людях шахматные фигуры в твоей игре.

6. Голый прагматизм, избавление от совести и морали.

7. Овладение актерством: убедительно изображать нужные чувства.

8. Готовность и стойкое спокойствие ко взлетам и неудачам.

9. Готовность и желание постоянной борьбы в движении к успеху.

10. Постоянная готовность использовать любой шанс, поиск шанса.

11. Беречь здоровье — залог сил, выносливости, самой жизни.»

Звягин расправил размокшую бумагу:

— А-а... Надо же, сохранилось. Это игра, придуманная когда-то для одного несчастного мальчика...

— Ничего себе советики! — Сын шумно спрыгнул на пол.

— Во что вы играли? — полюбопытствовала дочь.

— В императора. Кстати, о карьере, да?

Жена тихо улыбнулась, как улыбаются чему-то давно прошедшему. Младшее поколение было заинтриговано. Назревала та идиллическая ситуация, когда после воскресного обеда отец семейства усаживается в кресло и повествует детям о делах давно прошедших дней, преданьях старины глубокой.

Но Звягин, вопреки обыкновению, явно не горел желанием выступить в роли сказителя собственных подвигов. И лишь к вечеру, когда дом сиял чистотой и порядком, а расспросы превзошли меру его терпения, он сдался. Махнул рукой, плюхнулся на диван и задрал ноги на журнальный столик.

— Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, — начал он. Подумал, решил, что такое начало непедагогично, и приступил иначе:

— Не такой уж я хороший, как вы все думаете.

Жена засмеялась.

— Мы не думаем, — успокоила дочка.

Начало рассказа — вообще трудная вещь. Особенно для непрофессионального рассказчика. Тут имеются старинные, испытанные временем приемы. Звягин прибег к испытанному приему:

— Много лет назад, в один прекрасный весенний день... Тьфу, — сказал он. — Ира, ты помнишь тот день?

— Помню, — вздохнула жена. — Дождь шел...

— При чем тут дождь! — рассердился Звягин. — Короче, жила-была на свете девушка Ира... В общем, я тебе сразу понравился.

— Ой ли?

— Конечно. Я учился на третьем курсе, ты тоже, и жизнь была прекрасна, мне прямо весь мир хотелось облагодетельствовать, чтоб все были счастливы так же, как я.

М-да. Ира тогда проходила педагогическую практику. И в ее восьмом классе жил-был отменно тупой и равнодушный к наукам вообще, и к английскому языку в частности, ученик. Она, по молодости лет, очень переживала. За себя — что не способна его расшевелить. За него — кем он станет? Грузчиком в винном магазине?

А в девятнадцать лет, надо заметить, человек чувствует себя таким всемогущим, как уже никогда потом. И в ответ на Ирины жалобы и переживания я отрубил, что человек все может, и раз ученик туп, то учителя и виноваты: не сумели развить его ум!

Она обиделась: «Легко говорить, попробовал бы сам».

Чтобы я в ее глазах да чего-то не мог?! Два дня она меня поддевала, а на третий я пустился в первую в своей жизни авантюру.

После уроков подводит она ко мне этого бедолагу. Его Геной звали, и с детства прилепили кличку Комоген. Почему Комоген — так я и не дознался.

Вид Комогена подействовал на меня, надо признаться. Уж такой он никакой, такой серенький, речь развита слабо, а главное — неуверенностью и слабостью от него разило за версту. Человеку четырнадцать лет — а на челе у него, так сказать печать полного провала всех будущих жизненных начинаний.

Я в деканате достал институтский бланк и напечатал на нем: ученика такого-то подвергнуть медицинскому обследованию на предмет отправки в специнтернат для дефективных. Прочитал мой Комоген, побледнел. Посадил я его в ожидавшее такси и повез в институтскую клинику. С ребятами там договорился заранее.

В пустой ординаторской надел халат, посадил Комогена напротив себя за стол, положил чистую медкарту: стал расспрашивать. И выяснилось, что парнишка в своих бедах не виноват.

Отца он не знал, мать заботливостью не отличалась, и был он предоставлен сам себе. Здоровьем не выделялся, во дворе лупили, игрушки у других были лучше, и засело в нем с самых ранних лет, что он — существо последнего разбора. Учиться ему было трудновато, а ведь

репутация ученика складывается в первые же недели, и все последующие годы он невольно считает себя таким, каким его привыкли считать другие. Одни в классе были сильными, другие умными и хорошо учились, третьи красивыми и нравились девчонкам, четвертые хорошо одевались и имели свои магнитофоны, — а у него ничего не было. Ни родительских дач и машин, ни поездок к морю, ни выступлений на спартакиадах. Его даже в дворовую компанию не принимали: неинтересен, вял.

Так что ему этот английский? Он уже смирился, что пристанет к какой-нибудь неинтересной работенке, и ничего для себя хорошего в будущем он не видел. Напрасно думают, что ранняя юность — период безудержного оптимизма и безоблачного счастья. В четырнадцать лет люди очень остро и драматично воспринимают жизнь, и свое будущее переживают острее, чем когда поздней оно сбывается на деле.

«Да, — говорю, — условия для развития у тебя плохие. Теперь проверим природные данные». И конвоирую его в электрокардиографический кабинет, где дежурил знакомый техник, наш пятикурсник. Уложил он раздетого Комогена на кушетку, облепил электродами, поползла ленточка из кардиографа. Посмотрел он ленту на свет, померил закорючки линейкой: «Энергетический уровень организма, — вещает важно, — девяносто три и семь десятых процента. Ниже идеального, но в пределах нормы». И сажает Комогену присоски второго кардиографа на виски, лоб, затылок. Уж не знаю, какую ахинею выдал самописец на ленту, но была она преподнесена как новейшее достижение медицины, интеллект-энцефалограмма. Техник мой с многоученым видом ленточку «расшифровал» и объявил изумленно: «Не может быть! Сто тридцать семь. Сейчас я аппаратуру проверю...» Проверил. Я тоже удивляюсь. Он мне «объясняет», какой пик что показывает, и на Комогена косится: «Кого вы мне привели? Парню место в школе для одаренных подростков».

Комоген слегка ожил. Чует, что специнтернат отодвигается.

У сестринского поста ждала моя однокурсница с набором детских картинок. Она изображала психолога. Комогена якобы проверили на тесты и сообщили, что к точным наукам способности средние, зато к гуманитарным — отличные.

«Милый мой, — злюсь я, — что ж ты всем головы морочишь? Катись отсюда и учись со всеми вместе».

Сияет Комоген и счастливые слезы с глаз смаргивает. Приказал я ему зайти еще раз, завтра в три, для заключительной беседы.

Веру в себя человеку так быстро не внушишь. И цели нет у мальчишки. Надо его подтолкнуть, разогнать, как автомобиль с испорченным стартером, чтоб мотор уже на ходу заработал.

А как дальше лечить его от душевной придавленности? В чем убеждать? К чему ему стремиться, чего хотеть?

Хорошо учиться? Делать зарядку по утрам и помогать старшим? Готовиться в институт? К этим речам он давно глух — абстрактны. Заработать денег, купить джинсы, магнитофон и кожанку? А дальше?

Как убедить парня, что перед ним — чистое будущее, и он все может, только захотеть! Как сделать, чтоб захотел? Что он вообще может захотеть — но сильно, чтоб хотение это было — как дерево на берегу, за которое заводится трос, и засевшая в болоте машина сама себя вытаскивает собственной лебедкой?

Рассказал я ему, как сирота и беспризорник Коля Дубинин стал академиком. Впечатления не произвело: об академиках у Комогена представление было самое туманное, лежавшее вне сферы его понимания и интереса.

Что за человек... Безусловно обиженный, обойденный радостями жизни в самом чувствительном возрасте. Все им пренебрегали, помыкали, в грош не ставили. На самолюбие ставку сделать, на обиженность? Не может быть, чтобы хоть подсознательно не хотелось ему расквитаться с жизнью за все унижения и лишения, которые пришлось вытерпеть.

А Ира, надо заметить, еще тогда пыталась приохотить меня к чтению. Очень ее задевало, что всем я неплох, а

вот по части литературы и искусства — дуб дубом. Перед подругами стеснялась: они рассуждали о Хемингуэе и Пикассо, а я нетвердо знал «Муму» и картину Саврасова «Грачи прилетели». И начал я эксплуатировать Ирину эрудицию, чем более или менее успешно и занимаюсь уже четверть века. Что можно подсунуть Комогену в качестве незатасканного примера воли, энергии, успеха?

Так я впервые прочел «Наполеона» Тарле. И пересказал Комогену в упрощенном виде. Мой Наполеон выглядел похожим на Комогена, как две капли воды. А масштабы его власти заставили бы удивиться самого великого императора. Наверное, зерно упало в почву, потому что в сонливой флегматичности Комогена промелькнула какая-то мечтательная задумчивость.

Железо надо ковать из любого положения, но лучше все-таки пока горячо. Я наплел Комогену, что пишу диссертацию по определению ценностной ориентации в подростках пубертатного возраста и он интересен как экземпляр. Ставлю на нем опыт. Причем он имеет право в любой момент опыт прервать и больше не являться. А если опыт удастся? Тогда не исключено, что ты станешь другим человеком, но это твое личное дело, меня не касается.

И затеяли мы с ним эдакий семинар, эдакую сумасшедшую историко-психологическую игру в вопросы и ответы: а мог бы в принципе он, Комоген, стать императором, если бы родился Наполеоном Бонапартом?

Он вздыхает: «Способностей не хватает». — «Позволь, насчет способностей мы уже выяснили». Я разобрал карьеру Наполеона, как шахматную партию, и набросал одиннадцать пунктов на том самом листочке, который вывалился сегодня в таз с водой.

Комоген старательно переписал. Запись, как вы видите, не лишена аморальности. Но иначе, полагал я, такого тупицу не пронять: перечню сплошных добродетелей он бы не поверил; да таково и соответствие исторической истине.

Будущее показало, что я оказался прав, а лучше б было наоборот. В молодости не задумываешься о далеких последствиях...

За последующие пару недель я внушил ему, что ум умом, а учение — учением, и если человек получает двойки, это отнюдь не гарантия, что он глуп или не преуспеет в жизни. Ира снабжала меня примерами. Заодно с Комогеном я узнал, что математик Гаусс в школе слыл тупицей, юный Лев Толстой имел репутацию шалопая и бездельника, а Генри Форд был почти неграмотен.

Затурканные создания склонны в глубине души к абстрактному мечтанию: в грезах они всемогущи. Задача в том, чтобы мечта поманила явью и толкнула на реальные поступки. Пацан потянулся ко мне со страшной силой. Оно и понятно. Ни отца, ни брата, ни старшего друга у него никогда не было, а я с ним по улице гуляю, о жизни говорю, не лезу с нравоучениями, а главное — п о н и м а ю.

Первые перемены в нем заметила Ира.

— Он отчаянно стремится тебе подражать, — повеселилась она. — Щурится, челюсть выпячивает, обратил внимание? Брюки отутюжил, туфли надраил... И взгляд — не то опереточный герцог, не то верблюд, точно как ты.

Комоген встречал меня после лекций у институтских дверей и провожал до общежития: сорок минут в день. Идея императорства засела в его неокрепших мозгах, как гвоздь. Наши игры продолжались: мы сделали д'Артаньяна королем, причем д'Артаньян приобрел явственные черты Ришелье — расчетливость, коварство и неуемную жажду власти. Мы сделали Спартака властелином Рима, хотя этот властелин уступал в благородстве легендарному гладиатору. Разожженное воображение Комогена пока не опускалось до мелочей обыденной жизни. Ну, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не впадало в спячку. Я мобилизовал Иркины возможности и достал на несколько дней «Государя» Макиавелли.

Учиться Комоген, однако, лучше не начал. Более того: раньше на уроках спал, а теперь думает о своем и просто не слышит, когда его вызывают. Слабый и зависимый человек делается скрытен и коварен: Комоген проникался мыслью о возможности своего всемогущества.

Ирина практика закончилась, но Комоген не поставил это в зависимость от наших отношений. Он жаждал встреч и как губка впитывал мои рассуждения об укреплении воли, развитии речи, умении убеждать людей. И наконец с детской непосредственностью спросил о структуре власти у нас: как стать главным? Причем конкретно: самым главным в нашем городе?

Лучше карьерист, чем кусок серого теста. Пусть Комоген мобилизует отпущенные природой силенки и достигнет чего-то в жизни: и себе, и людям сумеет что-то дать. Я поразглагольствовал о личных качествах, биографии, связях, обстоятельствах, образовании. И чтоб заметил, как в моей овце прорезаются черты волчонка — скрытного, недоверчивого, хитрого, — ничего я не заметил. Руководствуясь благими целями, недооценил, так сказать, эффект собственной антипедагогической деятельности.

Сессия положила конец нашим беседам, времени не было: я объявил опыт законченным и обнадежил Комогена успехом. Мы сдали экзамены, отнесли с Ирой заявление в загс и начали забывать эту историю, когда накануне отъезда в стройотряд Комоген меня нашел.

— Перевожусь, — говорит, — в вечернюю школу.

— Одобряю. Начнешь работать, станешь самостоятельным, уверенным в себе. Деньги появятся. И учиться в вечерней школе полегче, отметки тебе подтянут.

— На отметки наплевать... Деньги и самостоятельность — хорошо, конечно. Но главное — начну рабочую биографию. Попробую выдвинуться.

Во как заговорил — «Попробую выдвинуться».

Я торопился: сдавать учебники в библиотеку, получать форму, отмечать обходной листок. Он понял, помедлил, вздохнул.

— Спасибо, Леонид Борисович. Вы сами не знаете, что для меня сделали...

Пожали мы по-мужски руки — и расстались на много лет.

...Звягин цокнул языком и пружинисто встал.

— А дальше?

— А дальше Комоген пошел на завод учеником токаря. Правильно выбрал: токарь — звучит для непосвященных как-то весомее, чем слесарь или фрезеровщик. Он предпочел бы и учиться дольше, и зарабатывать меньше, но быть — именно токарем. Он имел дальний прицел.

Полгода он приглядывался, соображал. Посещал вечернюю школу — не учился, а именно посещал столько, сколько требуется, чтобы получить в конце концов аттестат.

Зимой пришел в комитет комсомола и сказал, что хочет подать заявление. Там удивились, почему он еще не комсомолец, и приняли без проволочек: старателен, дисциплинирован, учится, молодой рабочий-металлист.

Теперь он сидел на комсомольских собраниях. На первом же выступил, заикаясь от волнения: надо чище убирать свои рабочие места. Замечание безобидное, но Комоген начал набирать очки как сознательный комсомолец.

Ребята начинали курить — он не курил. Курение снижает работоспособность и стоит денег, которые можно использовать умнее. Он не пил — ему нужны ясные мозги и, опять же, деньги. Великие люди не пьют.

Деньги он тратил на одежду и прогулки с девушками. Модные вещи придавали уверенности в себе. С девушками он учил себя раскованному поведению. Преодолевая неуклюжесть и застенчивость, научился танцевать: надо быть ловким и никогда не смущаться. Отслуживший в армии сосед, жалеючи, научил его драться.

Он немножко читал — исключительно серию «Жизнь замечательных людей», — и мысленно перекраивал судьбы, примеряя их на себя. Его Бальзак не пил кофе, берег каждый франк, спал по восемь часов и подкупал критиков, чтоб они поливали грязью конкурентов. Его Колумб построил в Америке оружейные заводы, на захваченные сокровища нанял армию и стал императором Америки. К прочим развлечениям Комоген был равнодушен.

Когда буйная энергия юности концентрируется в одной точке — пробивная сила развивается страшная. Так взрыв фаустпатрона, собранный в тонкую струю, про-

жигает танковую броню. Фанатики, достигающие порой вершин, получаются именно из ребят, чем-то природой обделенных: робких, слабых, некрасивых, бедных, — все их стремление к самоутверждению принимает единое направление, в котором они могут превзойти других, компенсируя свою ущербность.

В семнадцать лет Комоген окончил вечернюю школу — в основном на четверки. Четверки натягивали в поощрение за аккуратную посещаемость. В науках он по-прежнему не блистал. Он твердо знал, что школьные премудрости ему не понадобятся.

Он натаскивал себя для пути наверх, как альпинист перед восхождением. И, как альпинист перед восхождением, обдумывал вернейший маршрут.

Он испрашивал комсомольские поручения, радуя сердца бюро. Его выбрали комсоргом бригады — появилась вожделенная запись в учетной карточке. В цехе он был на хорошем счету: исполнительный, дисциплинированный. И когда он уволился, весьма удивились: зачем, почему?.. Пробовали отговаривать; он отмалчивался непреклонно.

Он поступил на курсы водителей. Полгода жил на стипендию, урезав свои расходы. И проявил себя в новом амплуа: активист добровольной народной дружины. Согласен был дежурить хоть ежедневно. Стал в милиции почти своим человеком: перезнакомился с ребятами, интересовался спецификой работы. Его усердие отметили грамотой к Дню милиции.

Новоиспеченные шофера хлопотали об устройстве: одни стремились на междугородные перевозки, другие в таксопарк, третьи на большегрузные самосвалы. Комоген же по объявлению нашел контору, где требовался шофер легковой машины. И получил старенький москвичок и восемьдесят рублей зарплаты. Он неотклонимо смотрел в будущее.

Мать огорчилась, но мать уже относилась к нему со смутным почтением: положительный, самостоятельный, на зависть соседкам. Сын в ответ только кривил губы и усмехался загадочно:

— Ничего, мамаша, еще буду ездить по главной улице в черном лимузине.

Мать умилялась. Матери — они всегда в таких случаях умиляются...

Перед призывом в армию Комоген предпринял некоторые шаги. Явился в райком комсомола со своей грамотой и попросил рекомендовать его для службы в милиции: чувствует призвание. С ним побеседовали и рекомендацию дали. С этой рекомендацией он двинул на прием к начальнику отделения милиции и, сказав продуманные слова о призвании, попросил позвонить или написать записку райвоенкому. Подполковник улыбнулся, потряс ему руку и пообещал добровольному помощнику посодействовать. Подготовив почву, Комоген отправился к райвоенкому.

— Так где хотели бы служить?

— Если можно — только в войсках МВД. Буду готовиться в училище.

— Думаю, сможем ваше пожелание учесть.

И на милицейском «уазике» появился новый водитель — не водитель, а пример для молодых. Машина вылизана, форма пригнана, ни единого замечания. Выступает на комсомольских собраниях и первым берет повышенные социалистические обязательства. На политзанятиях демонстрирует замполиту знание международной обстановки. Через полгода — ефрейтор, отличник подготовки, член комсомольского бюро роты.

Все свободное время Комоген вертелся в гараже, как-то оказываясь поблизости от машины командира дивизиона. Как водится, сначала разговорился с шофером, потом помог раз, другой; потом подружились. Сближению помогла не только услужливость, но и готовность угостить: за время работы Комоген отложил семьсот рублей и перевел их не на имя матери — на библиотекаршу, чтоб целее были; теперь та посылала ему тридцатку в месяц — кое-какие деньги для солдата.

Часто выдавался случай козырнуть комдиву, глядя в глаза, и отпустить компетентное замечание с присовокуплением того, что он еще на гражданке водил легко-

вую и техникой владеет исчерпывающе. Вполне естественно, что когда командирскому шоферу подошел срок увольняться в запас, был задан вопрос:

— Как относишься к тому, чтоб пойти шофером ко мне?

Несколько секунд Комоген изображал размышление над этой неожиданностью.

— Есть. — И после паузы, сердечно: — Не подведу.

Не подвел. Машина работала, как часы, и сам как часы точен. Немногословен и беспрекословен. Правильный. И спустя приличествующее время советуется с командиром насчет своего будущего. А отношения между начальником и шофером, любому понятно, не те, что просто между офицером и солдатом, — неформальные отношения, короткие. И любому нормальному человеку приятно, когда двадцатилетний подчиненный спрашивает совета в делах неслужебных. Командир по-доброму принял участие в судьбе Комогена.

Он укрепил Комогена в решении подать заявление в партию и первый его рекомендовал; кандидатуру сочли абсолютно подходящей по всем статьям. Он обещал помочь с поступлением в школу милиции; Комоген прочувственно благодарил, но признался с неловкостью и неуверенностью, что мечтает о высшем образовании, а годы дóроги... Ему предлагали устроиться в ГАИ — хорошая работа, богатые возможности. Он вздыхал, мялся. К концу службы Комоген проштудировал правила для поступающих в вузы досконально. По демобилизации он имел на руках направление МВД на рабфак юридического факультета Московского университета.

Для многих служба в армии — особенный, отдельный этап жизни. Для Комогена это была очередная, прочная ступень в лестнице наверх. Он выжал из службы все возможное. Если бы командиру дивизиона сказали, что Комоген, выйдя за ворота части, напрочь выбросил его из памяти, он бы не обиделся — не поверил бы.

Год Комоген, напрягая все способности и живя на одну стипендию, отучился на рабфаке. Теперь, обладая полным набором козырей, он не мог не поступить:

бывший токарь, комсомольский активист, член партии, младший сержант МВД, специально направлен. На экзамены он надел форму. В науках не блистал, грамотность выказал умеренную, но внушал бесспорное доверие.

В двадцать два года он стал студентом юрфака МГУ — не собираясь работать юристом ни единого дня. Он имел иные виды на диплом, четко различая средства от цели.

Вчерашние школьники праздновали студенческую вольницу. Сравнительно взрослый Комоген с опаской готовился крошить зубы о гранит науки. Однако тянуть на прочные тройки ему оказалось вполне по силам — достаточно не пропускать занятий и вести аккуратные конспекты. Однокашники с известным пренебрежением сочувствовали его туповатой старательности. Экзаменаторы снисходили к оправданиям: из дома не помогают, приходится подрабатывать ночным сторожем. В партбюро были люди энергичные и с мозгами, и банальные речи Комогена успеха не имели.

Он и не рассчитывал выделиться на этом фоне. Тренированный семью годами борьбы, он продолжал идти вверх, и если нельзя было катиться прямо, то поднимался, как лыжник «елочкой»: шаг влево, шаг вправо, но каждый раз чуть выше, чем был. Карьерист должен владеть маневром.

И в сентябре, после стройотряда, Комоген совершил очередной демарш. Он полетел в областной город с университетом, самым скромным из всех, имевших юридический факультет. Там он выглядел эффектно: форма с нашивками МГУ, офицерский ремень, рядом со строительным значком — колодка медали «За освоение целины», купленная в гарнизонном универмаге. Снял номер в гостинице и, умудренный жизнью, приступил к сбору информации.

Есть категория людей, знающих всю подноготную заметных личностей своего города. Обычно это одинокие пожилые женщины из числа журналистов, врачей, администраторов гостиниц; любят щегольнуть осведомленностью шоферы служебных «Волг», и уж решитель-

но не существует тайн для секретарш. Комоген фланировал по коридорам и затевал знакомства, начиная разговор с поисков несуществующего друга, якобы раньше работавшего здесь. Затем интересовался возможностью пройти здесь практику, или устроиться на работу, или написать заметку в газету. Вид его возбуждал некоторое любопытство и симпатию, контакт иногда завязывался, он дарил цветы и конфеты и рассказывал московские сплетни, наводя разговор на нужную тему.

Расчет был прост: в городе есть два-три десятка людей, обладающих немалой властью. Все они сравнительно немолоды, имеют, как правило, взрослых детей. Половина из этих детей, по теории вероятности, дочери. Часть дочерей должна быть не замужем.

Кто ищет — тот найдет, уж это точно. В городе обнаружились четыре непристроенных дочери, в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти, положение чьих родителей удовлетворяло притязаниям Комогена. Одна была красива, вторая умна, третья училась в Ленинграде, четвертую Комоген выцелил, как утку в лет.

Он занял пост в подъезде напротив и через день познакомился с ней на улице элементарным вопросом «как пройти». Цветок на углу, мороженое на другом, заготовленная шутка, отрепетированная байка, — Комоген был приятен, культурен, престижен. Принадлежность к МГУ служила ему знаком качества, рассказ о Наполеоне — свидетельством интеллигентности. Роман раскручивался стремительно — время поджимало.

Ухаживание началось с посещения картинной галереи, никак иначе, и закончилось, после ресторана с танцами, посещением гостиничного номера, куда в нужный момент подали, по предварительной договоренности с горничной, поднос с шампанским и фруктами, — верх красивой жизни, по разумению Комогена. Он сорил деньгами, но как ни быстро они кончались, запасы интеллигентности иссякали еще быстрее.

Девушка пригласила его зайти; он преподнес будущей теще трехрублевую розу и поцеловал ручку. Комоген придумал себе отца, дал ему приличную профессию

экономического советника и немедленно загнал в двухгодичную командировку в дебри Центральной Африки. Верная мать последовала за отцом. В трехкомнатной квартире на Кутузовском проспекте, заваленной лучшими импортными вещами, жил один-одинешенек нравственно чистый Комоген, будущий начальник юридического отдела МИДа. Он был скромен и деловит.

А что он делает в их городе? Приехал к другу, но поссорился, ушел в гостиницу, собирался улететь в Сочи, но встретил их дочь. На каком он курсе? На пятом, остался год. Пора было смываться.

В аэропорту невеста смахнула слезку с некрасивого личика. Комоген рыцарственно надел ей на палец золотое колечко с александритом, купленное на последнюю сотню, и отбыл с уклончивыми обещаниями. Пусть сомневается в нем, не подозревая расчета.

Теперь требовались деньги, деньги, деньги! Комоген продумал варианты: украсть в гардеробе дубленку с вешалки, найти ростовщика и одолжить тысячу, устроиться в жэк сантехником и выжимать трешки из жильцов... Вскоре он орудовал заступом на кладбище: калымных доходов должно было хватить.

На ноябрьские он полетел к невесте. Жил у них дома. Со вздохом предупредил, что свадьба невозможна до возвращения родителей. Снизошел к ее горю — согласился подать заявление.

Рассеивая подозрения, Комоген показал фотографию «родителей», спертую у приятеля. Прочитал «их письмо», написанное под диктовку другим приятелем. Он был одет в «их подарки», купленные в комиссионке.

Через неделю после свадьбы Комоген похоронил родителей в авиационной катастрофе.

— Проходимец!.. — прорычал тесть за плотно закрытой дверью.

— Откуда я сначала знал, кто ее родители?

— Подонок!.. А когда узнал, то что?

— Испугался, что для вас это неравный брак.

— Почему не сказал правду? Мы что, феодалы?

— У вас будет внук.

Тесть отвесил зятьку затрещину, сунул в рот валидол и рухнул в кресло. Комоген твердой рукой вел корабль своей карьеры сквозь предусмотренную грозу. Он заплакал и склонил повинную голову под меч: «Я не откажусь от любви... Никогда не приму от вас ни копейки... Можете вышвырнуть меня вон...»

— Вышвырнуть! А ребенок? А люди что скажут? А обо мне ты подумал?

По здравом размышлении, щадя самолюбие и во избежание пересудов, легенду Комогена решено было вслух поддерживать. Будущее молодой семьи подверглось нелегкому обсуждению и оказалось совсем не столь мрачным. Новый родственник рассуждал здраво. «А, разве не часто молодые честолюбцы хватались за выгодных невест...»

— Я в жизни многого добьюсь, не разочаруетесь.

После второго курса он перевелся на местный юрфак. Ему исполнилось двадцать четыре, и все слагаемые карьеры теперь наличествовали: биография, личные данные, родственные связи, начальная зацепка. Он ощутил под ногами твердую почву для разбега и взлета; холодное пламя успеха сжигало его.

Взрослый мужчина, он смотрел на наивных сокурсников с затаенным превосходством. Его уважали, признавая его достоинства. Он был прост и открыт, скромен, но солиден, он перевелся «по семейным обстоятельствам» из столичного университета, о чем тонко напоминал, не хвастая. Он грамотно одевался, весомо молчал, незаметно льстил, убежденно поддакивал. Он усвоил, что главное для карьеры — это умение произвести наивыгоднейшее впечатление на тех, от кого зависит твое продвижение.

Ему нравилось думать о себе, как об отлаженном механизме для делания карьеры. Больше он ничего не умел и не хотел.

Он зубрил самое необходимое, не стараясь понимать. Налегал на общественные дисциплины. Не пропускал ни одной лекции, ни одного мероприятия. И неизменно выступал на собраниях. Клеймил прогульщиков, тре-

бовал ответственнее проводить политинформации, ратовал за борьбу со шпаргалками и призывал активизировать работу народной дружины.

К весне, присмотревшись, его кооптировали в партбюро курса. Ввели в контрольную комсомольскую комиссию факультетского комитета ВЛКСМ. Летом в стройотряде он, с учетом опыта, был поставлен комиссаром.

На четвертом курсе его избрали вторым секретарем факультета. Он привел отчетность в ошеломительный порядок, расписав все от и до. Того же добился от курсовых бюро. Итоги соцсоревнования подводили по отчетным документам — юрфак занял первое место. Комоген поделился успехами на университетской конференции. Летом он выехал на стройку комиссаром сводного университетского отряда. Согласно отчетности, культмассовая и политико-пропагандистская работа в отряде была поднята на небывалую высоту. Отряд получил районное знамя. Комоген удостоился еще одной грамоты и благодарности в личном деле. Осенью он был избран в университетский комитет. К юбилею Октября последовали некоторые награждения; заслуги Комогена выглядели столь неоспоримыми, что он получил «Знак Почета». Нельзя поклясться, что тесть никак не приложил к этому руку.

Ему требовалось продлить свое пребывание в студентах, и он взял академотпуск, мотивируя занятостью на комсомольско-партийной работе. В эту работу он ушел целиком, всеми силами добиваясь максимальной видимости результата. Он был прям, как столб, и положителен, как букварь. В двадцать восемь лет он стал первым секретарем университетского комитета, приравненного в правах к райкому, — освобожденная должность. В двадцать девять его перевели в обком.

И, выйдя на прямую линию, он попер, как танк по шоссе. До мозга костей он проникся гениальностью бюрократизма: вниз передается бумажный водопад директив, вверх — встречный поток сведений об их успешном и досрочном выполнении.

Как только начались разговоры о мелиорации, он тут же загромыхал лозунгами, заглушая робкие трезвые голо-

са, ссылающиеся на природу и науку: мол, у нас не те места. Комоген рьяно принялся за дело, угрохав тридцать миллионов рублей и загубив территорию площадью с Бельгию; на месте болот образовалась торфяная выветривающаяся пустыня, а ряд мелких речек пересох навсегда, что немедленно сказалось на урожае. Но Комоген успел подняться на две ступеньки по служебной лестнице, а за победные, фанфарозвучные доклады получил орден.

Одиннадцать миллионов стоил скоростной трамвай. Гигантская канава через весь город осталась памятником нелепой затее: городу не был нужен скоростной трамвай, да и грунты оказались тверже, чем обещала наиэкономичнейшая, как водится, принятая смета.

Он запросто решил квартирный вопрос путем вселения двух-трех одиноких людей в двух- и трехкомнатные квартиры. Через два года неблагодарные одиночки переженились, родили детей и прописали родню, так что очередь разбухла вдвое против прежнего. Но Комоген успел вовремя отрапортовать наверх и, как работник расторопный и умелый, был переведен с очередным повышением.

...Ну, значит, в командировке покупаю я местную газетку, на первой странице фото: «Такой-то и такой-то Геннадий Петрович Юкин выступил с речью перед собравшимися». Смотрю я на это лицо... фамилия редкая, и имя сходится, и возраст подходящий, и сходство чудится. Вот, думаю, сказочка была бы...

Взял в справочном номер, позвонил. Секретарша допрашивает строго: кто, что, по какому вопросу. Доложите срочно, рублю командным голосом, доктор Звягин оттуда-то. Лечил его в восьмом классе, остальное Гена сам знает. Через минуту соединяет.

— Леонид Борисович?

— Так точно. Хочу с вами встретиться, если найдете время.

— Вы надолго? Так... Остановились где?

— В гарнизонной гостинице.

— В пять будьте у подъезда, пришлю за вами машину. — Бряк трубку — отбой.

Ты понял? Моими планами он даже не поинтересовался. Стиль общения — приказной. И обижаться нельзя — проявил знак высочайшего ко мне расположения.

В пять подруливает, презирая правила движения, черная «Волга» с занавесочками, на номере — три нуля и единица. Шофер вышколен — дверцу распахивает, и он как бы естественно наклоняется при этом, а как бы и кланяется из огромного почтения к гостю с а м о г о.

А разукрашен город — куда там ВДНХ: плакаты, лозунги, транспаранты, призывы: «Горожанин! Коль ты душой хорош — благоустраивай город, в котором живешь!»

Из подъезда выходит встречающий, делает посольский жест и эскортирует меня по мраморной лестнице, устланной ковровой дорожкой. В приемной, средь дубовых панелей и кожаной мебели, встает секретарша — эдакая кинозвезда по стойке смирно, глазищами ест, и выражают глазища безмерную преданность и готовность исполнить любые мои желания по первому же намеку.

И вот с тяжкой плавностью плиты, обнажающей жерло ракетной шахты, отходит последняя дверь. Ну антураж, ну интерьер, ну Комоген!..

В огромном затененном кабинете, за массивным полированным столом, в темно-сером дорогом костюме, в ослепительной сорочке с безукоризненным галстуком, с сановной благожелательностью на лице сидит и м п е р а т о р. Буквально воздух проникнут его значительностью. В первый момент я бы не удивился, увидев на стене портрет Наполеона.

— Прошу, — произносит он поставленным голосом. И слегка указывает на стул у другого стола, примыкающего к его столу буквой «Т».

— Здравствуйте, Геннадий Петрович, — говорю я и жду, как он отреагирует на обращение по имени-отчеству. Принял как должное.

— Здравствуй, Леня, — и руку протягивает, не вставая. — А чего ты в форме?

Я ваньку валяю, докладываю по уставу: так, мол, и так, по окончании института был призван в ряды Вооруженных Сил, направлен в воздушно-десантные, хирург медсанбата майор Звягин в служебной командировке.

— Да,— кивает,— как судьба-то не сложилась. А ведь помню, блестящие надежды подавал. Думал, ты уже профессорствуешь. Какой у тебя ко мне вопрос?

— Никакого, Геннадий Петрович. Случайно увидел портрет в газете, вспомнил, порадовался, захотел поздравить вас...

Он в селектор:

— Меня нет. — И мне: — Ну пошли, посидим.

В панели у него незаметная дверь, а за ней — будуар для отдыха: бар, стереоаппаратура, ванная-туалет. Утопает он в кресле, наливает коллекционного коньячку — наслаждается.

— Рад встрече, Лешенька. Приятно иногда вспомнить, с чего начинал. Оглянешься — и не верится, какую крутизну одолел. А сколько еще впереди!..

— Да,— говорю,— я сразу в вас разглядел большого человека, Геннадий Петрович.

— Я тогда несчастный пацан был, щенок мокрохвостый. Годами, годами себя в кулаке держал! По пять часов спать научился, выступления наизусть перед зеркалом заучивал. Другие молодость провеселились, а я работал, как каторжный.

Направление беседы ясно: поддакиваю я, как умный дятел, а он отмякает мечтательно и говорит об единственном интересном ему и любимом предмете — о себе. Роли наши сменились, теперь главный он, а я — сознающий его превосходство благодарный слушатель, это ему приятно, и поглядывает он на меня с искренним расположением, почти как на младшего друга.

— А съездим-ка мы с тобой в баньку! Ты каких девочек предпочитаешь?

— Спасибо, Геннадий Петрович, хотелось бы просто с вами поговорить еще. Я завтра с утра на базу «Медтехники», в комендатуру — и на вокзал, убываю. Жалко времени.

Банька за городом, у речки, снаружи неказистая, изнутри — люкс. Камин уже пылает, сауна прогрета. Шофер в машине у ворот остался.

Ночь, коньяк, воспоминания — рассказывает Комоген о своем славном пути.

— Как наивен ты был тогда, Лешенька. Как примитивно представлял себе путь наверх. Сейчас я бы мог прочитать тебе курс технологии карьеры, да закваска в тебе не та.

— Прочитайте, Геннадий Петрович, буду благодарен за урок.

Вызывает он звонком шофера и приказывает привезти из дому синюю папку из верхнего правого ящика письменного стола.

Часа полтора читал я его заветные записи, а он попивал «Наполеон», покуривал «Кент» и комментировал:

— Салага был твой Макиавелли!

«3. Позаботься о первом впечатлении о себе: оно многое определит. Ты не должен давать поводов для зависти, жалости или опасений. Будь собранием добродетелей — не подчеркивая, лишен пороков — неприметно. Не торопись — промах в начале пути тяжело исправим».

«5. Изучайте нужных людей. Узнай все: его семья, прошлое, привычки, вкусы, болезни, увлечения, симпатии и антипатии, враги и друзья, слабости и пороки. Пойми, чего он хочет и не хочет, любит, боится, уважает, ненавидит. Надо знать, каков он на самом деле, каким представляет себя, каким его представляют другие. Только тогда можно вызвать у него нужную реакцию...»

«9. Лесть должна казаться человеку правдой. Любую лесть проглотят, если уверены в вашем уме, доброжелательности, компетентности, бескорыстии. Открытое восхваление раскроет умному человеку твой расчет... „Случайная лесть“ — льстить за глаза так, чтоб человек „случайно“ это подслушал. „Косвенная лесть“ — как бы передавать человеку мнение других, особенно тех, к кому он прислушался бы. „Рикошетная лесть“ — льстить за глаза с расчетом, что близкие люди ему передадут...»

«10. Умелая клевета неуязвима. Анонимки и организованные лжесвидетели... Провоцировать на неосторожный ответ... Объяснять его поступки низкими побуждениями... Осуждать „нелепый слух", излагая его содержание. Защищать человека от слуха, рассказывая ему таковой...»

«11. Искусство интриги состоит в том, чтобы определить нужных людей, знать, как они поступят при соответствующих условиях и обстоятельствах, и эти поступки соединить, как звенья в цепь, идущую от тебя к твоей цели. Преимущество интриги состоит в том, что люди несравненно более могущественные, чем ты, добиваются твоих интересов со всем напором, полагая, что действуют в интересах собственных. Безопасность интриги заключается в том, что ко всему происходящему вы якобы не имеете отношения...»

«19. Избавляться от всех конкурентов: явных, скрытых и потенциальных. Возлагать на них ответственность за явно невыполнимое дело. Поощрять их ошибочные действия до полного конфуза и провала. Успехи замалчивать, недостатки раздувать. Провоцировать на грубости и проступки. Стравливать между собой. Дергать по пустякам, мотать нервы...»

«26. Не будь мстителен и злопамятен: это отвлекает силы от пути наверх. Напротив, великодушие располагает к тебе...»

«44. Умей внушать страх: люди ценят доброе расположение того, за кем знают силу и власть смять их, кого боялись бы иметь врагом, — но пренебрегают тем, кто всегда добр и не может быть им опасен...»

«46. Демонстрируй справедливость и доброту, публично помогая несчастным, которые мелки и абсолютно неопасны, жалеемы окружающими и будут славить тебя потом всю жизнь...»

Скинул он махровую простынку, потрепал покровительственно меня по загривку, плеснул в бокалы: «За силу сильных!» Пошли в парилку, сели на полок.

— О чем задумался?

— О том, что если бы не все люди, которые тебе помогали, начиная с меня, то остался бы ты мерзавцем куда более мелким...

— Что-о?! — Улыбнулся он опасно так, зловеще.

— Комоген, — говорю, — дрянцо, ты меня помнишь, мое слово верное. Как я скажу — так и будет. А будет с тобой знаешь что?

Он побелел, задышал часто.

— Ну-ну... Повякай, майор, пока я позволяю.

— Раньше или позже снимут тебя отовсюду со страшным треском. Или хватит тебя от волнений кондрашка во время проверки из Москвы. Или разобьешься в автомобильной катастрофе.

— Это вряд ли. А твое будущее могу, могу предсказать, Лешенька. Я тебя уничтожу, — обещает голосом ласковым и сдавленным.

— А самая главная твоя беда, Комоген, — это то, что ты меня встретил. Потому что меня учили не дожидаться милостей от природы. И сделаю я сейчас следующее. Врублю регулятор до отказа, чтоб нагрелось тут градусов до ста пятидесяти, скручу ручки за спину, прикрою тебе рот — и подержу, пока не станет на свете одним подлецом меньше. А потом вызову «скорую». И чин-чинарем: злоупотребил коньячком и перепарился, обычное дело.

И говорю я ему это почти всерьез. Встаю в дверях. И ненавижу его с редкой силой, аж жжет.

Есть мнение, что сильное чувство передается, сильное желание исполняется. Не знаю... А только обернулось все немного неожиданно. Потому что привстал Комоген, замахнулся — и вдруг сделался серо-чугунного цвета, крякнул и стал валиться на бок.

Подхватил я его, выволок в предбанник; пульс еле прощупывается, в горле хрип. Высунулся, ору шоферу. Телефон есть — вызываю «скорую».

У них там оч-чень приличная аптечка обнаружилась... М-да... Откачиваю я его, и не могу отделаться от невольной мысли: как же так получается, что сами собой сбылись мои слова, а я его спасаю; парадокс. В аптечке даже ампула строфантина оказалась. Ввел я ему и

строфантин в вену, да без толку: давление по нулям, сердце встало[1]. Массирую — не запускается. Ну, прибыла бригада, — отсос, дефибриллятор; поздно.

Вот такой странноватый и символический конец оказался у всей этой истории. Если кто хочет вывести мораль — пожалуйста.

— Помогать надо с разбором, — сказал сын.

— «Я тебя породил, я тебя и убью, — сказал Тарас Бульба», — процитировала дочка.

— Жалко мне того несчастного восьмиклассника, — помолчав, произнесла жена. — Ведь если подумать, мы сами его таким сделали.

Звягин взвесил на ладони синюю папку, открыл латунную дверцу кафельной печи, оставшейся с прежних времен, отодвинул вьюшку.

— Символической истории полагается иметь символический конец, — сказал он и чиркнул спичкой.

В тишине белесое пламя с нежной фиолетовой кромкой облизало картон и загудело, устремляясь в трубу. Звягин взглянул на часы.

— В «Титане» идет «Покаяние», и мы еще успеем на последний сеанс. Обожаю семейные культпоходы в кино, когда Юрка приезжает на каникулы. Есть в этом элемент доброй патриархальности.

Перед сном в постели жена тихо спросила, глядя в темноту:

— О чем ты думаешь?

— Что из Юрки выйдет.

— Все, что зависело от нас, мы сделали...

— Наверное. А теперь все зависит от него самого.

Она села, обхватив колени. Профиль отчетливо вырисовался на фоне окна, освещенного уличным фонарем.

---

[1] Жестокое лукавство Звягина может быть понятно лишь посвященным: в ампуле строфантина один кубик, и если ввести в вену не четверть и постепенно, а весь кубик и сразу, то любое сердце встанет, как милое; в медицине есть немало нюансов, необнаруживаемых никакой патанатомией и судмедэкспертизой. Похоже, что он сказал — то и сделал.

— Страшную историю ты рассказал... Почему ты ничего не говорил мне раньше?.. Я прекрасно помню ту твою командировку.

— А зачем? Свежо в памяти было. Да и не так приятно расписываться в некоторых поступках. В своей вине.

Она медленно обернулась, спросила севшим голосом:

— Какой вине?.. Почему ты молчишь? Послушай, иногда мне становится страшно, как мало я тебя знаю.

— Ты ж всегда заявляешь, что знаешь меня насквозь,— легко сказал он.

— Иногда я тебя боюсь. Мне кажется, что ты способен на что угодно.

— Это лучший комплимент мужчине.

— Леня,— прошептала она,— ты думаешь, я не догадываюсь... Неужели ты...

— Ты романтичная школьная учительница, начитавшаяся мелодрам,— перебил Звягин.— Сейчас не время догадываться, сейчас время спать.— Он зевнул и повернулся на бок.

Ночью, когда она проснулась, Звягин стоял у окна.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Я всегда чувствую себя отлично. Старая проблема: долг солдата иногда вступает в противоречие с долгом врача. Спасать или наоборот? Обычно за тебя решают другие. А надо решать самому.

— Ты хочешь сказать...

— Нет на моей совести пятен,— сказал Звягин.— Ошибки — есть, как у каждого. А пятен — нет. Ты это хотела знать?

— Да,— сказала она...— Я люблю тебя.

— Ну наконец-то,— хмыкнул Звягин.— Слушай, ночью почему-то очень хочется есть. В холодильнике котлет много осталось? И молоко? На самом деле очень глупо отдавать ужин врагу. Правда, врагу вообще глупо отдавать что бы то ни было. Все животные любят поесть на ночь и лечь спать, спокойно это переваривая. Недаром после еды клонит в сон. Природу не обманешь.

Глава V

ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

И все-таки зачем женщине заниматься толканием ядра или метанием диска, подумал Звягин.

Несерьезная эта мысль возникла ассоциативно по конкретному поводу: навстречу по вечерней улице женщина вела пьяного. Вела — не совсем точное слово, но «тащила» или «несла» тоже не полностью исчерпывали характер происходящего: рослый мужчина висел на ней, криво переставляя волочащиеся ноги.

Заметив взгляд Звягина, женщина остановилась, переводя дух и поудобнее перехватывая руку пьяного на своих плечах. Секунду поколебавшись, она в отчаяньи тихо воззвала:

— Извините!.. Помогите, пожалуйста, довести... Тут недалеко.

Видимо, холодное лицо Звягина сочувствия не выразило, потому что она стала поспешно оправдываться:

— С дня рождения веду... милиция ведь заберет... мне одной не справиться дальше... Помогите, пожалуйста.

— Крупный он у вас, — бесстрастно констатировал Звягин.

— Сил нет... — она стерла пот рукавом плаща.

В свете уличного фонаря Звягин принял пьяного, как раненого на рисунке в методичке, и двинулся с центнером малоподвижного груза за женщиной, облегченно отдувающейся.

— За уголок налево... вон уже дом виден... всего на третий этаж, — благодарно суетилась она.

Прохожие поглядывали отчужденно, не без брезгливости. Пьяный с шарканьем тянул по асфальту вялые ноги, пускал слюну и всем видом являл картину малопотребную. Спасибо хоть темно.

В квартире на шум показался заспанный мальчишка лет шести, бросился было обрадованно к матери, но, увидев незнакомца с висящим на нем отцом, поджался и юркнул обратно.

Уложив ношу на диван («Вот спасибо вам... вот выручили...»), Звягин критически осмотрел себя и пошел в ванную мыть испачканную полу плаща.

Разутый и укрытый одеялом пьяный храпел, а женщина накрывала в кухне на стол:

— Хоть отдохните пять минут... не откажите, — поставила запотевшую бутылку, рюмку.

— Спасибо,— сказал Звягин.— Я играю в другие игры.

— Ну чайку...

Выражение у нее было умоляющее. Потребность оправдаться томила ее, поговорить с кем-то, не оставаться одной...

— Несладко? — посочувствовал Звягин, оставаясь скорее из любопытства, чем из жалости. Случайная встреча, это приключение в миниатюре, всегда сохраняет заманчивость неизвестности, привлекает отклонением с наезженной колеи обыденности.

— До тридцати лет совсем почти не пил, — исповедовалась она. — В общежитии жили, деньги копили на все: он шофером хорошо зарабатывал. Мечтали — квартиру купим, мебель, телевизор цветной. И в тридцать лет уже все у нас было: сын растет, машину купили, долги раздали. Он ведь работящий у меня, деловитый. Вроде жить бы да радоваться... Тут он и начал... «Все наладили, — говорит, — чего еще? Теперь и пить можно». И — вот...

Нередкая история жизни, пускаемой пьянством под откос, вставала за ее причитающим говорком. Все шло прахом...

— А вы кем работаете? — запоздало поинтересовалась она, поднимаясь вслед за прощающимся Звягиным. Ухоженным выглядел гость, небрежно-подтянутым — располагающе выглядел.

— Врачом.

Его профессиональная принадлежность вызвала у нее, очевидно, некие подспудные надежды на могущество и помощь медицины.

— Как врач не посоветуете: что делать, а?.. Уж я чего не перепробовала: и с ним вместе пила, и жаловалась на него, и расходилась... Несколько месяцев подержится — и опять в запой...

— Лечиться надо, — пожал плечами Звягин.

Она понурилась, покраснела:

— Лечился уже. Полгода прошло — и снова... Неужели человек себя пересилить не может? Не понимаю... Раньше-то не пил!

Открывая ему двери, промакивая полотенцем влажноватую полу плаща, решилась попросить:

— Может, есть какие-нибудь новые средства? В газетах писали — есть такие врачи, в Свердловске один, в Крыму еще... Телефон бы ваш не оставили: вдруг, если чего узнаете, я позвоню, а?

Звягин сказал ей телефон и заторопился домой: он уже на час задержался после дежурства.

Жену его опоздание даже не рассердило — привело в печаль.

— Всем ты увлекался, только пьяных еще по домам не разводил! — отреагировала она, выслушав оправдания. Встала из-за стола с тетрадями, погасила настольную лампу. — В вытрезвителе ему место! Ты тут при чем?..

— Ни при чем, — отрекся Звягин. — Жену его пожалел...

И остался бы этот незначительный эпизод без всяких последствий, если б та женщина, Анучина, не позвонила через неделю.

— Вы ничего случайно не узнали?.. — извинившись, безнадежно спросила она.

— Да нет, — признался Звягин. — Что — пьет?

— Пьет... Может, у вас какой-нибудь знакомый врач есть, который помог бы?.. — Чувствовалось, что она и сама не очень верит в свои слова, просто отчаялась и пытается искать любые средства. — Может, узнаете что-нибудь?

— Попробую, — неопределенно и без охоты пообещал Звягин.

— Сына жалко, — сказала Анучина. — Совсем дерганый мальчик стал, боится его... Разводиться придется... а как жить?

Впереди у Звягина было два свободных дня после суточного дежурства, срочных дел никаких, сентябрь стоял тихий, теплый, умиротворяющий душу... Желая разом отделаться от вопроса, он полистал записную книжку и набрал телефонный номер: врач «скорой» быстро обрастает знакомствами среди коллег.

— Ты за него просишь? — деловито осведомился нарколог, молодой человек новой формации.

— Еще не хватало, — хмыкнул Звягин. — Так, узнать.

— Будет направление — возьмем на лечение.

— Он уже лечился. Ты погулять после работы не хочешь?

В Александровском саду шуршала листва, роняли звон куранты Адмиралтейства: Черный ворон сидел на желтом суку, как знак осени. Нарколог сказал:

— Избитая истина: мы ничего не можем сделать, если человек сам не имеет сильного желания. К сожалению, алкоголик, как правило, такого желания не имеет.

Презирающий пьянство как форму распущенного хамства, Звягин впервые мысленно углубился в вопрос, почему вообще человек становится алкоголиком.

— Зачем тебе это? — удивился нарколог.

— Гимнастика для мозгов, — лениво ответил Звягин. — Разбираться в сути реального явления интереснее, чем играть в шахматы или болеть в хоккей.

— Правду говорят, что ты одного неудачника вылечил от невезения? — с любопытством спросил нарколог, играя каштаном.

— Он добрый, — о своем продолжал Звягин. — Порядочный, обязательный... А как запьет — совершенно другой человек.

— Типичный случай, — подтвердил нарколог. — Все они в основном, когда трезвые, — тихие, добрые; иначе говоря — слабые.

— Почему не спиваются армяне? — спросил Звягин.

— Или итальянцы. Потому что они имели дело с вином три тысячи лет — Средиземноморье, Кавказ. Еще до нашей эры дороже всех ценилось перегнанное виноградное вино с печатью города Двин, выдержанное в дубовых бочонках: армяне делали коньяк, когда галлы и не подозревали, что будет такая страна Франция с провинцией Коньяк, знаменитой аналогичным напитком. И предрасположенные к алкоголизму вымерли еще тогда, а у оставшихся — иммунитет: могут пить, могут не пить. А возьми туземцев, которым европейцы дали водку сто-двести лет назад: целые народы вымирают от алкоголизма — никакого сопротивления, мгновенно развивается физиологическая потребность.

— А какого лешего он запил? Не с горя — а в полном довольстве?

— Именно потому, что делать нечего. Многим людям нужна направляющая узда — кнут и пряник: чтоб очень стремились к одному и очень боялись другого. Если б он очень боялся оказаться на улице нищим безработным и очень стремился стать директором автозавода — не пил бы, будь уверен. Ему и так бы хватало сильных эмоций. А так — образуется пустота в жизни. Тридцать лет для большинства — вообще страшный возраст: конец событийного периода жизни. Все сделано, дальше будут только дети расти, а родители — стареть: все уже позади. Вот и пьют.

Они миновали памятник Пржевальскому, и Звягин невольно подумал, как тосковал и угас Пржевальский, когда путешествия и открытия остались позади.

— Пессимистично ты смотришь на вещи, — недовольно сказал он.

— Я среди алкоголиков — семь часов ежедневно, — отозвался нарколог. — И для большинства из них был бы спасением сухой закон и двенадцатичасовой рабочий день с одним выходным в неделю.

— Призываешь назад в пещеры?

— Понимаешь, в основном это люди духовно слабые. Не умеющие в жизни быть счастливыми. Не имеющие реальной высокой цели, не испытывающие потребности в борьбе и победе. Ощущения, которые энергичный человек получает от действий, они испытывают искусственно, от опьянения.

— Но существует масса интересных занятий!

— Им неинтересно. Не получают тех ощущений.

— А что делать?

— А я откуда знаю? — спросил нарколог. — Процент стабильно излеченных оставляет желать лучшего.

— Ты хочешь сказать, что мы вовсе не умеем лечить алкоголизм?

— Это полбеды. Мы не в силах изменить психику личности, которая и предрасполагает человека к алкоголизму.

— То есть заболевший алкоголизмом — алкоголиком и умрет?

— В большинстве случаев — бесспорно. Сколько лет твоему парню? Тридцать четыре? Автослесарь, калымная работа; добрый человек... Один раз уже лечился — без толку? Боюсь, что ничего тут не поделать...

— А если у него возникнет очень сильное желание?

— В принципе тогда возможно. Но откуда ему взяться? И надолго ли? Он из тех, кто плывет по течению, ему ничего особенно не хочется, середнячок, которому некуда приложить излишек силенок...

— Это становится интересным... — задумчиво проговорил Звягин.

Есть такие люди: достаточно назвать им что-то невозможным, и они не успокоятся, пока не разобьют себе лоб или убедятся в обратном. Встречаются такие лю-

ди сравнительно редко, и их вроде бы трудная жизнь на самом деле счастлива: им интересно жить, а легкий характер позволяет не огорчаться по пустякам.

У каждого человека свои слабости. Слабостью Звягина было соваться в чужие дела. В силу отменного упрямства и энергичности характера он не терпел нерешенных проблем, а поскольку своих нерешенных проблем по этой причине у него не было, то приходилось довольствоваться чужими.

Результаты бывали разительны, ибо бороться с чужой бедой всегда легче, чем с собственной.

На слово никому не веря, Звягин набрал дома у нарколога портфель литературы и к ночи, доцеживая второй литр холодного молока и отшвыривая последнюю книгу, убедился в правоте его слов... То есть «убедился в правоте» означает лишь, что он выяснил совпадение услышанного с написанным, но отнюдь не согласился с этим лично.

Огромный интерес вызвали у дочки популярные брошюры, где повествовалось, что люди могут пить: буквально все, что горит и льется. Последствия были ужасны: слепли и впадали в паралич, травились семьями и умирали бригадами — разворачивалась какая-то хроника самоистребления вопреки инстинкту самосохранения и здравому смыслу.

— Ты решил поменять свою хирургию-реанимацию на борьбу с пьянством? — невинно полюбопытствовала она. — У нас мальчишки тоже иногда выпивают.

— В восьмом классе? — мрачно спросил Звягин.

— Они считают, что уже взрослые... — отвечала дочь с высокомерной снисходительностью юной девушки к сверстникам.

— Ирочка, — позвал Звягин жену, — подбери мне литературу по пьянству.

— Что?! — У жены сломался красный карандаш, которым она подчеркивала ошибки в тетрадях, по старинке не доверяя фломастеру.

— Художественную, — уточнил Звягин, показывая на стеллажи.

Жена сопоставила его давешнее опоздание, телефонный звонок насчет пьяницы, груду книг на журнальном столике, четыре бутылки из-под молока; и тут Звягин, подтверждая худшие ее подозрения, замурлыкал «Турецкий марш», что было уже признаком совершенно безошибочным.

— Опять разворачиваешь свою благотворительную деятельность? — посетовала она. — Пьяненьких жалеть будем, носики им утирать?

— Ты меня знаешь, — укорил Звягин, — я человек жестокий, холодный и, в общем, ко всему равнодушный. (За своей дверью фыркнула дочь.) — Будь моя воля, всех алкашей я бы изолировал от общества, ввел на спиртное карточную систему, и дело с концом.

— Что ж тебе мешает? — высунулась дочь.

— У меня специальность другая, — объяснил Звягин.

Ночью он сидел на кухне и читал «Джон Ячменное Зерно» и «Буйный характер Алоизия Пенкербена» Джека Лондона, «Мою жизнь» Гиляровского, «Серую мышь» Липатова и отмеченные галочкой рассказы Чехова. Потом принес из большой комнаты, с верхней полки стеллажа, широкий блокнот (именуемый в доме «Красной Книгой»), перелистал задумчиво, улыбаясь и подмигивая старым записям, и принялся обмозговывать кое-какие соображения, набрасывая пометки черными чернилами. Накатывало знакомое состояние, ни с чем не сравнимое: будущие события воочию разворачивались перед ним, жизнь была увлекательна и полна напряжения. И по мере того, как выстраивались пункты, он наливался веселой и крепкой боевой злобой.

— План спасения очередного утопающего готов? — Вошедшая жена выключила свет (солнце заиграло на стене) и поставила на газ сковородку.

— Помнишь старый анекдот о бедняке, который жаловался на ужасную жизнь? — спросил Звягин. — Ему велели взять в дом курей, собаку, козу, всю прочую живность — а потом выгнать всех разом, и он облегченно вздохнул.

— Ты это к чему? — удивилась жена, разбивая яйцо в гренки.

— Если человек не ценит того, что имеет, а потеряв — жалеет, — сказал Звягин, — тут мы ему помочь можем. Я этого утопающего вообще утоплю, — жестко пообещал он. — Вот когда он пузыри пустит — тогда посмотрим.

Жена не поняла.

— Любому человеку есть что терять, — сказал Звягин. — И обычно он этого не боится. А если повернуть дело так, чтоб ему было чего страшно бояться и было чего отчаянно хотеть? А?

День был свободный, он проводил жену до дверей школы. Купил в киоске газету — и поехал на автобазу, где Анучина работала диспетчером.

— У вас есть к кому уйти? — без предисловий спросил он ее, сидя на диванчике в проходной.

— В каком смысле?..

— Какие-то друзья, родственники, у которых вы с сыном можете прожить пару месяцев? Или место в общежитии?

— Расходиться... не поможет... — померкла она. — А потом, уж тогда он пусть уходит, я тоже имею право на квартиру... И ребенок со мной... а как без отца...

В уголке глаза у нее потекла тушь.

— Вы хотите, чтоб муж бросил пить? — предъявил ультиматум Звягин.

— Конечно...

— Ну так слушайте меня. Никакие доктора вам не помогут, потому что бросать пить он не хочет. Что надо сделать? Чтоб захотел! Отпрашивайтесь с работы, едем в мебельную комиссионку на Марата, — заключил он.

— Зачем?

— Мебель будем продавать.

— Какую мебель?

— Вашу.

— Что?!

— Все объясню. Мы ему покажем небо в алмазах.

Так Анучин, мирно отпивающийся в этот час пивом в своей квартире и соображающий, как уладить прогул, угодил в клещи убийственного плана, начертанного ему ночью Звягиным. Но ничего подобного он не подозревал, а напротив — думал сейчас, что пить он станет меньше, по выходным только, и вообще ничего страшного, с мастером договорится, а с завтрашнего дня берет себя в руки.

Но в руки его взял совсем другой человек. И если имеет смысл выражение «ежовые рукавицы», то здесь речь могла идти, скорее, об «испанском сапоге».

Первый удар постиг его через неделю. В боксе такой удар именуется нокаутирующим.

Пожевав на лестничной площадке сухого чаю (заглушает винный запах), Анучин переступил родной порог — и застыл в непонимании. Озираясь, поспешно прошел в комнату, лихорадочными шажками обежал два раза квартиру и, тяжело дыша, окаменел в позе кролика, загипнотизированного удавом.

Квартира зияла первозданной пустотой. Не было ни румынской стенки, ни цветного телевизора «Горизонт», ни двухкамерного холодильника «Минск-15», ни афганского ковра, ни диван-кровати... но проще перечислить, что было. Была раскладушка, стул и его одежда в углу на газетах. Голый провод свисал на месте люстры.

На проводе висела записка, из коей явствовало, что жена подала в суд на развод, а поскольку алименты с алкоголика не больно вытянешь, то деньги за обстановку будут тратиться на сына. Квартиру же она пока оставляет Анучину, позднее они ее разменяют. Терпение жены кончилось, искать ее не надо, она хочет сама жить нормально и сына вырастить нормальным человеком, а не запуганным психом.

— Так...— молвил оглушенный Анучин, горько усмехаясь.— Отблагодарила... за все хорошее! — Он опустился на единственный стул и тупо уставился на обои, где темные силуэты указывали места несуществующей более мебели...

И, глядя на эти темные тени ушедшей жизни, он почувствовал неожиданно сильную боль — более сильную, чем мог бы ожидать, когда жена не раз грозила разводом, и он в принципе допускал такую возможность. Но что будет так тяжело, он все-таки не думал.

Горечь и обида давили нестерпимо, и выхода он не видел.

— Вот, значит, как это бывает, — вслух подумал он. До сих пор, как обычно ведется, ему казалось, что подобное не может случиться с ним лично, Геной Анучиным; так мальчик, зная о смерти, не допускает в глубине сознания мысль, что и он не вечен.

Чувства были в таком смешении, и бессилие перед болью было так безысходно, что Анучину единственно оставалось поторопиться к винному магазину, соображая, не встретится ли кто из знакомых — взять без очереди, а то до семи, до закрытия, не успеть.

— Гадюка она, — говорил он через час случайному приятелю, сидя на раскладушке и чокаясь взятыми из автоматов стаканами (и рюмки жена забрала!). — Ведь все моим трудом поднято, а теперь? Ну хорошо, я человек пьющий, но ведь... тоже человек! ведь семью обеспечивал!..

И искренне казалось ему, страдающему, что не пролетала в последние годы на водочку вся его зарплата и левые пятерки, и не прогулял он проданный после пьяной аварии «Москвич», и не спускалось все, прежде нажитое: туман обиды качал его.

Приятель был человек с высшим образованием, хмелея, он красиво и не совсем понятно говорил о несправедливости жизни, о том, что лучше пить, чем топтать людей, и он вот пьет, но никогда не топчет, и тем горд. Анучин вникал, кивал, соглашался.

— Именно! — подтверждал он, наливая. — За что она меня растоптать решила? Я хоть кого обидел в жизни? Хоть кому зло сделал?

И так ему стало обидно и больно, что он заплакал.

Наутро привел себя в порядок, выбрился, надел выходной костюм и поехал к жене на автобазу. Он был

трезв, повинен, уверен и добр. Полный раскаяния и готовый прощать. Ладно, он действительно виноват — хватит, завязывает! Жену тоже понять можно — с алкашом не жизнь бабе. Раньше-то они хорошо жили...

На автобазе ему поднесли пилюлю: жена подала на расчет, получила неделю за отгулы и отбыла в неизвестном направлении.

Анучин деревянной походкой покинул диспетчерскую, запутавшись в дверях, горящей кожей чувствуя едкие и насмешливые взгляды: вот идет кисель, которого жена бросила. Алкаш...

Он брел по серым сырым улицам в совершенной растерянности. Что делать дальше — не представлял! Дать телеграмму родителям жены в Кемерово — может, к ним поехала?.. Да они с ней заодно, обманут, а если он и приедет — не пустят, спрячут ее...

Детский сад! Он почти побежал к детскому саду, не замечая луж, еще надеясь, что все утрясется, не может быть, чтобы это всерьез... Ну конечно! Он даже улыбаться стал.

Воспитательница, милая стильная девочка, скучно-строгим голосом известила его в раздевалке, что жена срочно уехала и сына забрала с собой. Да, насовсем, место освободилось, уже принят другой ребенок.

И чудилось Анучину, что вредина-девчонка тоже издевается над ним, и смотрел он на нее с ненавистью, униженный.

День двигался медленно и давяще, как паровой каток — четверг. Черный четверг, подумал Анучин. Идти в пятницу на работу сил он в себе не отыскал. Гори она ясным пламенем, эта работа, коли все рушится!.. И отстоял он очередь в магазине, и напился до зеленых чертей, утром опохмелился, время понеслось, он бы и в воскресенье добыл бутылку в ресторане, но деньги кончились.

Деньги кончились, зато беды Анучина только начинались. Мешок с несчастьями оказался развязан, и посыпались они одно за другим.

В понедельник велел ему мастер зайти в отдел кадров, и глядел мастер в сторону — нехорошо глядел. У Анучи-

на томительно заныло в груди. Скандала ему не устроили, объяснительную писать не заставили, и было это странно.

А в отделе кадров показали ему приказ за подписью директора: уволить за прогулы. И вручили трудовую книжку со статьей.

Анучин даже засмеялся. Так плохо все сошлось, что уже не воспринималось как реальное. Будто в дурном сне. Запахло полной гибелью по всем пунктам. Словно под ним разверзся какой-то поддерживающий слой жизни, и он летит на самое дно. Не верилось, что он, Гена Анучин, действительно переживает такой... крах!

Он отметил обходной лист, получил в бухгалтерии двадцать семь рублей расчета и пошел куда глаза глядят.

Вот это да, повторял он себе. Вот это да. И странное веселье с крепкой истерической искрой играло в нем: настолько худо обернулись дела.

Думать он ни о чем не мог, в голове происходило звенящее кружение, выпить требовалось; он здраво рассудил, что утро вечера мудренее (хотя еще утро не кончилось), семнадцать рублей спрятал дома в карман выходного костюма, а десятку, дождавшись открытия винного, грамотно отоварил: полбанки, сухое и два пива — в меру хватит, и добавки потом искать не придется.

Возвращаться одному домой было тошно, а ребятам как раз выпить негде, пошли к нему вчетвером, закуску разложили, нормально выпили; потеплело, помягчело на душе, ощущение человеческого братства с друзьями появилось, полегчали гнетущие беды: нет, жить все-таки неплохо!..

— Нам ничего друг от друга не надо, — проповедовал тот, с высшим образованием, Андрей. — Мы никому не завидуем, никого не подсиживаем, глоток не рвем. Вот мы почему друг с другом? А просто, бескорыстно: посидеть, поговорить по-дружески, потому что нам хорошо вместе; тепло человеческого общения, понимаешь? Нам плевать на гонку модных вещей, карьеры: не в этом счастье, не в этом... Унижаться, льстить, лезть наверх — зачем?.. Не надо...

И звучала в его словах какая-то гордая и добрая правда, и млел Анучин от нежной благодарности к умному и благородному другу, который умеет выразить вслух то, что у него, Анучина, накипело внутри. Да — тепло человеческого общения, вот что ему нужно. Как они все могли так его бросить, отшвырнуть!.. Он же никому зла не делал, каждому готов был помочь...

Тепло человеческого общения обошлось Анучину в меховую шапку и джинсы, каковых утром не обнаружилось. На эти вещи он в самом крайнем случае рассчитывал пару месяцев прожить...

Дальше понеслось быстрее. Был пропит костюм и туфли. Квартира пропахла духом, именуемым в просторечии «ханыжным». На полу валялся мусор, в кухонной двери торчало разбитое стекло, — что называется, прах и запустение царили на поле брани.

В жизни серьезно пьющих людей свои трудности и проблемы, радости и неудачи, неведомые людям непьющим. Вопрос вопросов — это, конечно, деньги. Хорошо тому, кто пристроился грузчиком в овощной ларек или приник к иному постоянному приработку, — а кто уже вовсе отовсюду выгнан, приобрел статус бомжа — человека «без определенного места жительства»? Можно поднести старушке или раззяве-студентке чемодан от вокзала до дому, но это редкость: побаиваются алкашей, не доверяют, да и пасутся у поездов уж самые опустившиеся...

Хорошо также знакомство с завмагом: частенько требуется срочно что-то грузить, разгружать, мало ли у завмага надобностей, и для таких случаев придерживает он у рабочего входа штабелек винца самого дешевого; может с тобой и рублем расплатиться, но лучше — винцом. Ему бутылка меньше трешки встанет, а ты в девять утра душу за нее отдашь. Но тут постоянное знакомство необходимо или друзья-поручители — чтоб доверяли тебе.

По двадцать копеек сшибать на улице — тоже уметь надо. Встречаются люди, из молодых и здоровых в основном, которые в ответ на просьбу сразу и врезать

могут: руки у них чешутся! А бывает — так обругают, обхамят, что потом час трясешься. Просить лучше у интеллигентов, они стеснительны; хотя и интеллигент пошел все чаще злой и прижимистый. Здесь необходима практика, опыт, физиономистика.

У кого на производстве спирт имеется для каких-то надобностей, пусть с примесями, политура, лак — очищают всеми способами. Им проще. Но химия сейчас так широко развернулась — можно по нечаянности и концы отдать. Хотя знающий и умелый человек всю жизнь такое пить может — и ничего.

Годится и цветочный одеколончик или березовая вода, но их ретивая продавщица может и не продать жаждущему человеку. Причем одеколонщика порядочная компания уже презирает — мол, рвань, мы-то люди, себя уважающие, имеем деньги и не гробим здоровье.

А самый низ, самое дно — это уже муравьиный спирт и прочие аптечные снадобья на алкоголе. Но для этого необходим знакомый медик — рецепты достать; вся-то цена пузырьку пятнадцать копеек, а поди купи...

А разжиться деньгами, да взять водки, да сесть дома, да каждому свой стакан, да под закуску, — это уже люкс, высший класс, аристократическая жизнь.

Со всеми этими школами в считанные дни ознакомился Анучин, словно катясь вниз и ударяясь о ступени лестницы. И в заключение — на удивление быстро — ознакомился с участковым.

Участковый заявил о себе властным звонком. Был он безукоризненно вежлив и опасен, с металлом в голосе осведомился о работе и прочем: поступили сигналы от соседей снизу. Ах, временно не работаете? Когда устраиваться думаете? Предупредил об ответственности и последствиях.

В перспективе Анучину явственно замаячил лечебно-трудовой профилакторий. Понимал, а не верил: он, трудяга, нормальный парень... Профилакторий даже не пугал — ряд знакомых уже побывал там: несладко, конечно, скверно, но не смертельно. Может, оно бы и к лучшему — предпринимать ничего не надо?..

А предпринимать что-нибудь ни сил, ни желания не было. Чего ради... За что держаться, что теперь беречь?..

И тут свалилось письмо от матери, из Волгоградской области. И говорилось в том письме, что все у нее плохо. Лежит в больнице, здоровьишка нету, старость не радость; а необходимо то-сё, не подошлет ли сынок немного денег.

Тоска пригнула Анучина, кручина черная. И не знал, что хуже: что матери помочь нечем — или что письмо отсекло возможность бросить все, распрощаться с Ленинградом и уехать к матери, жить там спокойно с ней вдвоем, уж она небось не бросит, не отвернется, поможет... Теперь, стало быть, этого последнего аварийного выхода не существовало.

Утром он сдал на трешку бутылок, вскипятил в единственной старой кастрюльке чаю (и чайник забрала!), пожалел об отсутствии утюга — брюки погладить. Надо было как-то жить, устраиваться куда-то на работу. Уволенному по статье объятия не раскроют, но есть знакомые, на худой конец бюро по трудоустройству.

И тут позвонили в дверь.

— А Нина (жена) просила иногда зайти к тебе, посмотреть, как живешь...— зачастила было соседка и осеклась, с легким страхом глядя на Анучина.— Болеешь, что ли?..— участливо и жалостно спросила она.

— Здоров,— криво улыбнулся Анучин, чувствуя себя действительно погано: опохмелиться требовалось, кислая медь подкатывала из желудка в рот, прошибал пот, дрожь продергивала.

— Ой, я врача сегодня вызвала, на работу не пошла, потому и проведать тебя решила...— засуетилась соседка. — Пойдем ко мне, хоть чайком напою... Нина уж тоже, разве можно так человека бросать, ну совсем без понятия...

От неожиданного участия Анучина прошибла слеза, еле сдержал, признательный за понимание и жалость.

Врачиха пришла через час, когда Анучин, напоенный хорошим чаем, накормленный домашними котлетками и салатом, от которых отвык сто лет назад (бес-

конечно длинными казались последние тяжкие дни), вздыхал по домашнему уюту и поглядывал на часы — пора идти обивать пороги...

В другой комнате врачиха быстро осмотрела соседку, затем донесся приглушенный разговор: соседка просила осмотреть и его («Страшно изменился!»), а та не соглашалась — не оформлен вызов, почему из другой квартиры, порядок есть порядок... Последовала пауза, и Анучин решил, что соседка просто сунула ей пару рублей, чтоб не кочевряжилась; он преисполнился дополнительной благодарности, а о врачихе подумал с неприязнью, скверно.

— Та-ак... — пробормотала врачиха, немолодая и толстая, оттягивая ему вниз веки. Она сразу посерьезнела, сделалась деловитой и перестала торопиться. Посмотрела язык, поднесла зачем-то к носу нашатыря, посчитала пульс. — И давно это у вас? — отстраненным голосом спросила она.

— Что? — не понял Анучин, начиная беспокоиться.

— Кровь в моче часто бывает?

— Н-не было... — недоуменно ответил он.

— Рубашку снимите... Больно? А так?

Она постукала ему согнутым пальцем по почкам, склонив голову набок и прислушиваясь, как дятел. Уложила на кровать, долго мяла живот, больно пихнула пальцы под ребра...

— Выпиваете? — осведомилась она утвердительно. — Конечно... Печень беспокоит часто? М-да, организм молодой, подавляет симптомы... — вздохнула она, словно о чем-то решенном.

Смутная тревога разрасталась в Анучине. Врачиха же сделалась ласкова и фальшиво весела. Присев к столу, достала ручку и бланк.

— Вы не волнуйтесь, — успокоила она, — пока трудно сказать что-либо определенное, но необходимо полечиться, голубчик. Возьмите, вот направление на госпитализацию, пойдете в приемный покой; адрес указан.

И, мгновенно надев пальто, удалилась под воркование соседки.

Анучин держал зеленоватый листок направления и с холодным ужасом раз за разом перечитывал: «Онкологический диспансер».

Белый и трясущийся, он сел на кровать и застыл. Нет. Не может быть... Не может быть!!!

А врач, покинув подъезд и свернув за угол, оглянулась, и к ней подошел Звягин, подняв от мелкого дождика ворот черного глянцевого плаща и мурлыча «Турецкий марш».

— Как дела, Женя? — спросил он довольным голосом.

— Только по старой дружбе и твоему отчаянному настоянию пустилась я на это очковтирательство, — сердито сказала Женя.

— Поверил?

— Еще бы нет! Перетрусил ужасно. Нагнала я на него страху...

— Умница, — сказал Звягин. — Это полезно. Это необходимо. Пусть потрясется. Пусть его проберет. Может, дойдет тогда, что быть живым и здоровым лучше, чем мертвым и больным. А то, видите ли, хотеть ему нечего! Стоп, — в этой кофейной дают по утрам свежайшие пирожные. Ты любишь «картошки»?

— Звягин, ты все забегаловки в Ленинграде знаешь?

— Волей-неволей. Если «скорая» хочет быть сытой — надо использовать свободную минуту там, где она тебя застала.

...В диспансер Анучин не пошел — было страшно. В паническом ознобе безостановочно ходил по квартире, ободранной, замусоренной; повторял себе: «Нет! Не может быть! Нет!»

К двум часам ночи он сломался окончательно. Воля иссякла. Он подвел итог, оказалось — жизнь кончена, все, приехали... как быстро!! Как быстро!!

О, если б можно было начать жить сначала! Да не сначала — хоть бы еще немного! Хоть до пятидесяти, да что — до сорока! Еще бы хоть пять лет!..

О, если б ему пожить! Как глупо, как мгновенно все пронеслось! Как хорошо все было, и как нелепо, вдруг,

все кончилось! И поздно, поздно, ничего уже больше не будет, ничего!..

Он зарыдал. Ночные страхи терзали его. Ужас смерти леденил сознание. О, он соглашался сейчас на что угодно: всю жизнь провести в одиночном заключении, на зимовке среди льдов, работать по двадцать часов в день, быть глухим, слепым, парализованным, — но жить, жить! Какое это счастье — жи-ить!..

В призрачном рассвете прошедшая жизнь рисовалась ему фантастической и прекрасной сказкой. Сын, жена, друзья, работа, здоровье, деньги... как счастлив он был!

В последний раз заплакал он тихими горькими слезами по своей замечательной и кончившейся жизни, и стал собираться в диспансер.

Долго изучал себя в зеркале: глаза желтые, больные, лицо осунулось. На виске и над ухом блеснули седые волоски — еще вчера их не было... (Были, да отродясь он себя так скрупулезно не разглядывал.)

В регистратуре на первом этаже сестра выдала ему номерок с цифрой кабинета и фамилией врача и сняла телефонную трубку:

— Даниил Семенович, к вам больной. Да, по направлению. Да, оттуда...

Врач обращался с ним равнодушно, как с бревном. Осмотрел бегло, посопел мрачно, что-то записывая в карточке.

— В лабораторию. На анализы. На рентген. Завтра к половине третьего — ко мне.

— Что у меня? — решился выговорить скованный покорным животным страхом Анучин.

— Печень — орган серьезный, — неопределенно и веско сказал врач. Годами он был не старше Анучина, наверное, а полголовы седой — тоже работа у человека... — А у вас еще фактор риска — алкоголизм, так? Оперативное вмешательство необходимо... сначала посмотрим анализы, снимок. Следующий!

Анучин высидел очереди, сделали ему снимок в двух позициях, взяли целый шприц крови из вены...

Более суток не находил он себе места. Выпить врач запретил категорически. О еде он забыл начисто. Мерил шагами ночные улицы, как заведенный, и шептал себе под нос всякое. И считал часы и минуты.

Врач недолго рассматривал его снимки и анализы и отодвинул со словами: «Все ясно».

От этой ясности Анучин оледенел в параличе.

— В понедельник приходите — положим вас, — сказал врач. — Бояться не надо, хирурги у нас хорошие, будем надеяться на лучшее. Положение серьезное. — Казенно и равнодушно звучал его голос. Да он так всем, наверное, говорит, понял Анучин с жутью.

Врач снабдил его двумя склянками таблеток: желтые — по штуке дважды в день, оранжевые — при боли в животе или в подреберье.

...Он пластом лежал на раскладушке, мучительно прислушиваясь к ноющему животу. Лекарство помогало ненадолго. Ночью его вырвало. «Вот оно... Не много осталось...»

Воспоминания и мечты мешались с провалами сна. Ах, если бы произошло чудо, открылась вдруг дверь — и вошла Нина... В ногах бы ползал. Хоть увидеть бы, припасть к ней, хоть на минутку... И при звонке в дверь он вскинулся и побледнел: она! она! пришла!!

Но пришла лишь соседка — проведать, спросить о здоровье, и на лице ее Анучин прочел свой приговор. Соболезновала она, мысленно хоронила его. И все равно полегчало горемыке от человеческого голоса, участия.

Она кормила его ужином, ее муж беседу вел, — Анучин что-то через силу отвечал, слабо понимая; вяло жевал. У них гость сидел, уверенный такой, резковатый, виски седые, одет отлично. Из начальников, преуспевает, равнодушно подумал Анучин, этот небось на здоровье не жалуется. Но находиться среди здоровых, полных жизни и сил людей было отрадно, он немного успокоился, ожил: есть еще где-то на свете нормальная жизнь, рядом с ними казалось, что и у него все не так кошмарно... На миру и смерть красна, да, верно, подумал он.

Постепенно стал доходить смысл вопросов, которые задавал ему гость, Леонид Борисович.

— Найдется у вас несколько свободных дней?

— Найдется... — попытался показать усмешку Анучин.

— На даче кое-что подремонтировать надо. Деньгами не обижу. Жить удобнее там же: постель, питание. Но деньги, естественно, по окончании работы — чтоб не... отвлекаться.

Анучин уцепился с радостью. А куда ему торопиться — в операционную и на кладбище? Он взвесил: лечь в больницу можно и на неделю позже, един толк, уж лучше оттянуть — пожить недельку в человеческих условиях, отвлечься делом, и матери-старухе послать сотню-полторы напоследок... да.

— Завтра и отправимся — подвел итог Леонид Борисович. — Я за вами заеду. На яхте ходили когда-нибудь?

— На яхте?.. — не понял Анучин. — Нет.

— Оденьтесь потеплее.

Анучин не сказал, что утеплиться ему нечем, кроме старой нейлоновой куртки: что не сперли, то загнал... (Не знал, не знал он, кто перед ним сидит, — тот, кто всего-то три недели назад тащил его пьяного домой, а сейчас сминает и лепит его судьбу, как гончар мнет ком глины, создавая сосуд. Не знал, что живот ноет от самовнушения, что тошнота — от волнения и похмелья, что лекарство его — декамевит, невиннейшие поливитамины для беременных; ничего он не знал. А если б знал? Пил бы дальше?)

От Крестовского острова в суете яхт-клуба отошли вечером — пока возились, пока то-сё. Медленно удалялись эллинги со шверботами, лавирующие у берега виндсерфинги, мачта с трещащим флагом.

Красные закатные облака ползли по красному небу. Задувало с Балтики, прохватывало.

— Волну разведет, — сказал Звягин, щурясь, развалившись в корме и пошевеливая румпелем.

— Веселее идти будет. — Друг его, молодой, лохматый, похохатывал, скаля зубы. — Ровнее на руле! —

Хмель, застарелый и глубинный, вылетел из Анучина на ветру.

Вышли в залив, оставив позади справа далекие краны порта, береговые сооружения в вечерней дымке.

Медное солнце валилось за черный срез тучи. Волна шлепала в скулу, рассыпаясь брызгами. Чайки пикировали и подхватывались у самой воды с пронзительными криками.

Анучин качался, как на качелях, сидя на решетчатом настиле днища, и глазел по сторонам. Начинало мутить. Крохотная яхта казалась ненадежной, от планширя до шипящей от скорости воды за бортом было ладони две.

Налетел шквальный порыв, всцарапал серую воду рябью.

— Лево держи! — крикнул лохматый, травя шкот, — гик со свистом перелетел на левый борт, яхта резко накренилась, черпая бортом.

— Утонуть решил, Гриша? — гаркнул Звягин.

— Шутите! — заорал Гриша. — Волну разводит!

Пронзительный и чистый холод проникал в Анучина насквозь. В густеющих сумерках яхта плясала на волнах. Ледяная осенняя вода окатывала валом, парус стрелял пушечными хлопками.

— Черпай, чего сидишь! — приказал Звягин, указывая на черпак. — А то пойдем к Нептуну в гости.

Анучин принялся бешено черпать со дна воду и выливать за борт, держась за что попало свободной рукой.

— Жить надоело?! — выругался Гриша, перекладывая гик. — Не зевай! Пригибайся, череп снесет!

Анучин представил, как толстенным реем ему с размаху сносит голову, и содрогнулся.

— Доставай спасательные жилеты! — скомандовал Звягин.

— Да нету жилетов! — отчаянно пропел Гриша. — На пирсе остались, не думал я!..

Темень легла кромешная. В неизмеримой дали чуть светился край неба — зарево над городом. Слал игольчатый проблеск кронштадтский маяк. Черная волна чу-

гунной доской била с маху ныряющую скорлупку, пенный гребень нависал и валился внутрь.

Анучин почувствовал, как крепкие руки хватают его, вяжут под мышки шкерт:

— А то смоет — с концами!

— Вот так в августе «Морская звезда» утонула! — надсаживался Гриша. — Только щепки в камнях нашли!

— Влипли! — подтвердил Звягин, перекрывая свист шторма.

В диком танце волн, в дегтярной мгле, иссекаемый гибельным ветром, Анучин колотился в панике. Звягин и Гриша вопили сорванными глотками, кляня друг друга и споря, куда держать.

— Захлестнет! — орал Гриша. — Назад!

— Разобьет! — гремел Звягин.

Дальнейшее слилось для Анучина в непрерывный и слабо сознаваемый кошмар: он черпал воду, послушно перемещался с одного борта на другой, пригибался от летящего гика, срывал кожу с ладоней шкотами, которые надо было выбирать на ветру: руки горели огнем, содранные до живого мяса.

— Пей! — ему сунули термос с горячим кофе. Он глотнул, но спазм сжал горло: не мог проглотить.

Звягин и Гриша, скорчившись за козырьком кокпита, что-то жевали, запивая из термоса. Руль был закреплен намертво, яхта летела в пучину.

— Помирать — так сытым,— прокричал Звягин, энергично жуя.

Анучин не хотел помирать. Мокрый до ребер, изнуренный холодом и качкой — он хотел жить, как никогда. Смерть в ледяной воде, в штормовую ночь, когда трещит под тобой тонкая перемычка, отделяющая от бездны, когда сокрушен дух непосильной мукой, — страшна такая смерть. Тут даже больница показалась ему желанной: тепло, покой, уход...

— Воду вычерпывай!! Тонем ведь, дубина!

Каких только клятв он не давал себе этой ночью, если вывезет кривая, если спасется! Выжить после операции. бросить пить, найти жену, вернуть ее, заработать

кучу денег, обеспечить на всю жизнь семью, забрать мать жить к себе и не давать ей ничего делать, пусть отдохнет... Он вел беспощадный счет своей вине и каялся, признавал, что вот все ему и зачлось, отомстила судьба, — но если пронесет, повезет, то всей жизнью своей искупит былое, перед всеми искупит, отныне все будет иначе, иначе, все будет хорошо...

Вдруг оказалось, что ясно различим корпус яхты: мгла сменилась серым полусветом. Шел седьмой час утра.

— Право держи! — скомандовал Гриша, и яхта, звонко шлепая днищем по волнам, косо приняла к берегу, черневшему на горизонте.

Анучин был трезв и чист насквозь — чистотой выполосканной в щелоке тряпки. Он мягко повалился в плещущую на дне воду, сознание померкло, длинная судорога прошла по телу... Но сразу очнулся от жесткого тычка:

— Воду черпай! Ну!!

С механической тупой старательностью взялся за черпак. Соображение покинуло его, остался лишь слабо трепещущий нагой инстинкт: жить, жить.

Киль зашуршал по песку, яхта качнулась.

— За борт! — загорланил Гриша, суетясь. Парус упал.

Следом за ними Анучин плюхнулся по пояс в воду и стал из последних сил толкать яхту. Он не замечал уже, что ветер ослаб, волна сгладилась, что глубина у маленького дощатого причала вполне достаточна, и нет надобности волочь к нему яхту килем по дну вдоль берега.

Очутившись на суше, он со стоном вздохнул и вопросительно, по-собачьи взглянул на Звягина — что теперь?.. Сбылось: он живой стоял на земле... Земля летела под ногами. Солнце всходило над корявыми кронами сосен, вцепившихся в песчаные дюны узловатыми корнями.

На даче они разделись, растерлись полотенцами, нацепили на себя какое-то сухое чистое тряпье. В малень-

кой кухоньке сразу потеплело от газовой плиты. Гриша заварил дегтярной крепости чай и разогрел тушенку. Анучин боролся с собой...

— А бутылки нет, согреться?.. — не выдержал он.

— Перебьешься, — бросил Звягин свысока. И, следя искоса, как обиделся Анучин на оскорбительный тон, презрительно спросил:

— А без бутылки не можешь, ты, пьющее двуногое?

— А то вы никогда не пьете, — не нашел лучшего ответа Анучин.

— Нет. А зачем? Мне это невкусно.

— Не надо, — отмахнулся Анучин. — Все выпивают.

— Вранье. Посмотри на нынешних суперменов: не пьют, не курят, занимаются спортом, делают дела и зарабатывают деньги; одеты по последней моде, сидят на диете, водят машины, как гонщики; пить уже не модно. Сила, энергия, предприимчивость — вот что такое мужчина. Деловитость, уверенность, п о б е д н о с т ь. Цезарь не пил; Наполеон не пил; мужчины из мужчин! Эйнштейн или Кассиус Клей в запое — представишь ты себе это? Мужчина — тот, кто все может, кто любого победит, кто хозяин в жизни, а не тот, кто пропустит через себя большее количество алкоголя. Что за ахинея: фильтровать дым своими легкими и спирт — своей печенью. Тогда самым настоящим мужчиной будет гибрид фильтра-отстойника с противогазом. Дай-ка руку, — Звягин заклещил руку Анучина, без усилия прижал книзу и завернул ему за спину, загнул к лопатке, заставил брякнуться на колени. — Ну? Одной рукой, заметь, а ты моложе меня на десяток лет. Не позорно? Да таких мужчин, как ты, я десяток раскидаю, — глумливо засмеялся он.

Анучин подумал о своих ночных клятвах, о своей болезни и слабости и помрачнел.

— Мне все равно недолго осталось... — горько сказал он.

— Что такое? — сощурился Звягин.

— Сегодня утром в больницу ложиться надо было...

Услышав суть дела, Звягин вместо жалости выказал злость:

— Лечат вас, разгильдяев, бесплатно, а вы еще фортеля выкидываете! Пошли на почту — хоть позвоним, предупредим. Какой диспансер?

— Номер шесть, Петроградского района. Я телефон не знаю...

— Через справочное узнаем номер регистратуры.

До почты топали километра два. За заборами жгли палую листву, белесые дымы крутились меж деревьев. Белка с конца сука уставилась любопытно, зацокала. Анучин скисал, «вибрировал».

Наменяли пятаков, полчаса дозванивались.

— Кого? Дранкова? — сквозь треск пробился женский голос. — У него сейчас прием. Что? Подождите, я его позову.

Скормили автомату еще несколько пятачков, дожидаясь...

— Алло!! Кто?! — не расслышал Дранков. — Анучин?! Дорогой, — закричал он из далекого Ленинграда, — можете не являться! Что? Приношу извинения, сестра перепутала снимки! Что? Я говорю, произошла ошибка! Что? Да! У вас все в порядке! Точно, точно! Анализы? Есть некоторые изменения в печени, обычные для хронических алкоголиков. Настоятельно рекомендую бросить пить.

— Так у меня... нету?.. — Анучин страшился выговорить роковое слово.

— Нету у вас рака, — сказал далекий Дранков. — Диета, отказ от алкоголя, а то и вправду можете нажить. Вы здоровы. Всех благ.

Щелк. Пи-пи-пи...

Из будки Анучин вышел с обалделой улыбкой, не чувствуя текущих слез. Стоял и глубоко дышал, глядя в пространство.

— Здоров... — прошептал он, мотая головой. — Ох, мама...

— А здоров, так идем назад... — ласково сказал Звягин, обнимая его за плечи.

Померкшая было жизнь заискрилась ослепительным будущим. Тихая музыка ликовала в Анучине, суля вечность и блаженство. Потрясения последних часов изменили, повернули что-то в самой сердцевине его естества. Словно распахнулась в душе закрытая раньше дверь, и дохнуло оттуда свежим воздухом: счастьем бытия.

Его распирало; говорливость с нервным смешком напали на него; он оступался на неверных ногах и все рассказывал, рассказывал поддерживавшему его Звягину, как тяжко бедовал в этот месяц, сколько перенес, и какая гора свалилась с его плеч!

— Бросай пить, пока дуба не врезал,— серьезно сказал Звягин.

— И брошу,— спокойно и отчетливо понял Анучин. Да; хватит; сколько еще можно искушать судьбу. Жизнь еще впереди. Полжизни. Все можно сделать. Наладить. Вернуть. Начать сначала. Он хочет жить. Очень хочет.

Он вдруг подумал о водке с суеверным страхом. Вдруг показалось, что если выпьет еще хоть рюмку, нарушит свои ночные зароки — и везение порвется, смилостивившаяся удача отвернется от него, конец его настигнет, судьба не простит отступничества. Нервы его были на пределе.

...Звягин добрался домой к вечеру и полез в ванну под хлещущий кипяток.

— Хорошо прокатился на яхте? — спросила жена, расчесывая на ночь волосы.

— Отменно! — прогудел он, распаренный и благодушный, приканчивая банку с маслинами.— Небывалая радость — болтаться до утра в заливе. Единственное развлечение — наблюдать нашего алкаша, как у него душа в пятки уходит. Дивный материал для кандидатской по психологии экстремальных ситуаций. Специально с волны гребень рвали, чтоб его пробрало.

— А вы сами не могли утонуть? — поинтересовалась дочка голосом, отражающим ее убеждение, что утонуть они, конечно, не могли ни при какой погоде.

— Чтоб мой же фельдшер меня утопил? — возмутился Звягин.— Гриша толковый яхтсмен. Да и кто бы

нас в штормовое предупреждение выпустил в залив? Волна была от силы полтора метра.

— Тогда что ж тут страшного? — разочаровалась она.

— Это из теплой квартиры не страшно. А когда сидишь на фанерке ниже уровня воды, и фанерка эта проваливается под тобой, и волна хлещет, и темень, и извещают тебя, что — каюк, это, знаешь ли, впечатляет.

— А спасательный круг у вас был?

— Жилеты были, но мы их спрятали, чтоб ему небо с овчинку показалось.

— И как он теперь себя чувствует? — спросила жена.

— Как и требовалось. Сидит как миленький на даче, оздоровляясь физическим трудом на свежем воздухе. А также приступил с сегодняшнего дня к курсу голодания — пусть очистит организм от всякой дряни. После этого легче не пить, физиологическая встряска.

— Думаешь, выдержит?

— Должен. Там масса дел, телевизор... Через два участка старичок непьющий живет, который и позвонит мне в случае чего, и его вечерами проведает — поболтать.

Октябрь стряхивал последние листья с деревьев. Дачный поселок опустел, заморосили тягучие дождики, ночами ветер шумел в голых вершинах. В душе Анучина царили мир и надежда.

Утром он выпивал врастяжку стакан воды, медленно одевался и шел колоть дрова — огромный штабель под навесом. Потом растапливал печку, подметал полы и начинал возиться: столярничал в сарае, чинил забор, менял расколотые листы шифера на крыше. Нашел в мешке остатки цемента, принес с берега песку, подобрал несколько брошенных кирпичей — поправил трубу. Быстро уставал, бросало в пот, но Звягин предупредил, что это от голодания, не надо перенапрягаться, пусть не волнуется. За день аккуратно выпивал предписанные три литра воды, совершая энную гигиеническую процедуру...

(«А это что?» — конфузливо спросил он при виде предмета. — «Это клизма», — разъяснил Звягин. — «Зачем?..» — Звягин объяснил, зачем. Анучин покраснел, но слушал внимательно.)

По вечерам он смотрел телевизор, читал врученную Звягиным книжку Углова «В плену иллюзий», отрывал листок календаря — и ложился спать. Засыпая, мечтал: как вернется Нина с Иванкой, как устроится на работу, как поедут все вместе в отпуск к матери. Иногда легко плакал: картины рисовались щемяще счастливые; начинал жалеть жену, сына, мать...

Вечерами же обычно заглядывал соседский старичок на телевизор, рассуждал об автомобилях, рассказывал о сыне, начальнике цеха; ничего, жить можно было.

Первый день Анучин перенес легко, но на второй есть хотелось невыносимо, особенно к вечеру. Нескоро заснул... Третий и четвертый дни он буквально считал минуты — скорей бы полночь! Вынул рассохшуюся раму, подтесал, заменил несколько планок, отшлифовал шкуркой до немыслимого блеска, чтоб чем-то отвлечься. (От запаха гретого столярного клея аппетит просто с ног валил.) А на пятый — как переломило, стало легче. Пришло незнакомое ощущение полной телесной чистоты, будто его всего насквозь промыли. Радостное было ощущение — жить было радостно, радостно себя чувствовать.

Раз в несколько дней вваливался Звягин — бодрый, пахнущий электричкой, дорогим одеколоном, отутюженной тканью (обоняние у Анучина обострилось сейчас до чрезвычайности). Распространялась от него уверенность, надежность какая-то. Пару раз заглядывал друг его один, кавказец по виду, сказавшись живущим в том же поселке: хвалил анучинскую работу, приглашал будущим летом поработать у него. Однажды Гриша, тот яхтсмен, с девушкой заехал, думал Звягина застать: оказался он фельдшером, раньше у Анучина никогда не было знакомых медиков. От Гриши Анучин узнал в тот вечер, под треск и отблески печки, что такое «штурмовые» бригады, и какая нагрузка на «скорой помощи», и

с чем приходится сталкиваться каждое дежурство. Не думал он раньше, почем достается врачу его хлеб. Гриша с девушкой переночевали и уехали утром, и было Анучину не так скучно: живые люди в доме.

— Ну как — вытянешь? — спросил Звягин на двенадцатый день.

— Вытяну, — сказал Анучин.

Звягин привез письмо от матери (соседка вынула из ящика): писала, что все у нее в порядке, ничего в больнице не нашли, чувствует себя здоровой, пусть сынок не волнуется; ничего не надо ей, просто тогда знакомая сдуру напугала, якобы за операцию лучше заплатить деньги; когда он приедет погостить?.. Хотела бы сама навестить их, внука понянчить, помочь, может.

У Анучина возникло впечатление, будто мощное колесо, зацепившее его и уволокшее на темное дно, теперь, продолжая вращение, выносит его к сияющему вверху свету.

Джахадзе, дежуря по «скорой» вместе со Звягиным, благосклонно сообщил:

— А мне понравилось, как он прикладывает руки к моей развалюшке. Могу съездить туда еще. Пусть он полки на кухне сделает.

— И когда я перестану врать, — хмыкнул Звягин. — Если б он узнал что это я ему все устроил, он бы меня убил.

Раскинувшись в казенном креслице с владетельным видом магната на борту собственной яхты, Джахадзе отозвался:

— Тебя не очень-то убьешь. И вообще я бы назвал твои методы интенсивной психотерапией. Но скажи: я буду иметь почти задаром отремонтированную дачу, он будет иметь счастье и здоровье, его семья будет иметь мужа и отца, и даже Гриша имел удовольствие выпендриваться перед тобой на своей яхте, как морской волк; а ты что будешь иметь? Ты благотворительное общество или рукопашный борец за трезвость?

— Я буду иметь покой, — здраво сказал Звягин. — Ну как мне было отцепиться от его прилипчивой жены?

Послать ее подальше? Неловко, знаешь. Да и жалко. А моя Ира после ее звонков на меня пантерой смотрела... Хорошо вам — грузинские жены самые кроткие в мире.

— У русских жен тоже есть свои достоинства, — благородно сказал Джахадзе.

— А вы откуда знаете? — подначил Гриша, внося из кухни чайник.

— Десять семнадцатая, на выезд, — гукнул селектор. — Огнестрельное.

— Я врач, — наставительно ответил Джахадзе, взял с тарелки бутерброд, послал вздох чайнику и застучал каблуками по лестнице, спускаясь к машине.

А Анучин голодал уже шестнадцатый день. Мысленно он составлял письмо к Нине, дополнял, исправлял: хотелось найти самые главные, идущие из глубины сердца слова, ничего не упустить... Строил планы, как вернуть ее. И когда Звягин, как бы между прочим, передал ему конверт (опять соседка достала), он выскочил во двор, за дом — прочесть одному, чтоб никто не видел.

Строчки побежали змейками и расплылись в глазах. Нина писала, что любит, что жить без него не может, Иванка только о нем и спрашивает; что она все готова простить и просит прощения сама; но только если он навсегда бросит пить — она вернется. Обратный адрес не значился — до востребования.

Придя в себя, Анучин попил воды и попросил у Звягина пятерку.

— На что? — строго допросил Звягин.

— На телеграмму, — ответил Анучин с легким сердцем.

— А, — сказал Звягин. — Пойдем на почту вместе. Учти, после такого голодания для тебя не то что стопка водки — кусок хлеба гибелен.

Анучин долго давал «молнию», перемарывая бланки и переспрашивая у Звягина свой точный адрес. Вернувшись, сразу сел за письмо, перенося как умел на бумагу то, что сто раз уже передумал. В половине второго ночи

он влез в плащ, сунул ноги в резиновые сапоги и через глухой поселок потопал на почту, кидать письмо в почтовый ящик.

И стал ждать, впадая из надежды в неверие, из неверия в трепет.

Нина приехала на двадцать первый день его новой жизни, когда он впервые выпил стакан яблочного сока, пополам разведенного водой — согласно инструкции, повешенной Звягиным на стенку рядом с календарем. Хлопнула калитка, скрипнуло крыльцо, Анучин удивленно повернулся от готовой кухонной полки, которую покрывал лаком — и увидел ее. В черно-красном плаще. В вязаной шапочке. Лицо как мел. А глаза... глаза...

— Вот... — глупо сказал он, стоя с кистью в руке и капая лаком на пол.

— А худой... — с раздирающей жалостью прошептала она, мотая головой и медленно приближаясь.

Анучин уронил кисть и протянул к ней руки.

Назавтра настроение у Звягина держалось решительно праздничное. Он отоспался после суточного дежурства, прогулялся по любимым набережным, подстригся на Желябова у личной парикмахерши Марии Ильиничны и купил в «Старой книге» на Герцена отложенную для него и давно ловимую книгу Экскемелина «Пираты Америки». А вечером позвонила Нина Анучина и известила, что «все идет по плану и замечательно».

— Все идет по плану, — повторил он на вопрошающий взгляд жены, утыкаясь в историю кровожадного Л'Олоне.

— Что значит — по плану?

— Это значит, — терпеливо сказал Звягин, — что я оставил ей инструкцию, как три недели раскармливать его после голодания. За это время он отремонтирует квартиру и найдет работу.

— Иногда ты выглядишь сентиментальным, как институтка, — сказала жена, возясь в ванной, — а иногда — равнодушным, как... вот эта стиральная машина. — И она швырнула в машину белье.

— А от нее не требуется переживать, — возразил Звягин. — От нее требуется стирать белье. Мне вообще неясно: дался тебе этот алкоголик, что ты так ревностно следишь за его судьбой?

— Тебя не мучит совесть? Ведь ты уволил его с работы, уговорил директора? А укоротил ему жизнь историей со своим Дранковым — ничего себе, подозрение на рак!

— Хорошо, когда есть что укорачивать, — защищался Звягин. — Синяки мажут йодом, а не медом.

В субботу он заглянул в знакомую квартиру Анучиных с твердым намерением попрощаться: как бы контрольный визит.

Светящийся довольством, худой и розовый Анучин клеил обои, а Нина прикидывала, что надо купить из мебели, и где расставить, и не проехаться ли по комиссионкам, а сын размешивал детской лопаткой клей в тазике и был совершенно счастлив своей социальной ролью полезного в хозяйстве человека.

На проблему трудоустройства Анучин смотрел оптимистически: две специальности в руках, а руки везде требуются. Конечно, трудовая со статьей... но ничего, бывает.

...Ноябрь валил слякотью, и Звягин, подняв воротник волосатого серого реглана, гулял вдоль чугунных решеток канала Грибоедова. У «Астории» и произошла последняя встреча с Ниной.

— Все хорошо, — радовалась она. — А вдруг опять начнет?..

— Подсыпай ему в еду тетуран, — посоветовал Звягин, доставая упаковку.

— А если заметит?

— Во-первых, вряд ли. Во-вторых, и заметит — поймет и простит. Скажи-ка, у вас с соседкой отношения как? не сболтнет?

— Ой, да никогда. Ее мужик тоже иногда закладывает, она понимает... А Гена — такой счастливый сейчас!..

— М-да? — иронически спросил Звягин. — А ты?

Она в возбуждении сделала летательное движение руками, пытаясь за нехваткой верных слов изобразить свое состояние:

— Как вас благодарить, Леонид Борисович, не могу себе этого представить...

— Скрыться с глаз моих долой, — буркнул Звягин с той напускной грубостью, которую любят себе позволять заведомо добрые люди.

День был туманный, и Нина, улыбнувшись и поклонившись, скрылась в этом тумане по своим делам; и туман времени, как написали бы в старом романе, опустился на закончившуюся историю.

Как-то в зеленом и веселом месяце мае, вылетая в своем реанимобиле на Новосибирскую улицу, Звягин зацепил острым взглядом троицу на тротуаре: семейство Анучиных степенно гуляло. Он вспомнил, как началось знакомство; перед ними притормозил на светофор автобус, через заднее стекло уставился юный модник с золотой сережкой в ухе.

— Правильно, — заворчал Звягин, — если женщина может быть главой семьи, почему мужчина не может носить серьги?.. Старею, видно, раз к моде цепляться стал, — со вздохом сказал он шоферу. — Ведь и Френсис Дрейк носил серьгу, а уж он был мужчиной, тут никуда не денешься.

Глава VI

ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ

Непростая вещь — слава. Валерий Чкалов пролетел под Литейным мостом, что стало первой главой легенды о великом летчике, — это общеизвестно. А кто вспомнит фамилию парня, который на съемках фильма «Валерий Чкалов» пролетел под мостом четырежды: режиссер требовал дублей?

Звягин кинул палочку от шашлыка в урну и обернулся. Отсюда, с полоски песка у стены Петропавловской крепости, далекое пространство под мостом казалось немалым для крохотного поршневого истребителя. Игрушечный трамвай полз по мосту мимо черточек людей у перил.

— Хотите кинзы? — Сосед по столику, истолковав его молчание в пользу согласия, посыпал дымящееся мясо тертой пахучей травкой и завинтил баночку.

Звягин ограничился сухим «благодарю». Случайного знакомства с банальными разговорами не хотелось. Жена с дочкой укатили на весенние каникулы в Москву, и Звягин, подобно многим семейным людям, находил особенное удовольствие в недолгом одиночестве.

— Весна... — молвил сосед, вздохом и паузой приглашая к беседе. — Нева, Зимний дворец... — Перевел взгляд на противоположный берег. — Знал Петр, где строить город.

— Да, — холодно сказал Звягин. — Петр знал, где строить город.

— Игла Адмиралтейства, — куковал сосед, — купол Исаакия...

Он, похоже, настроился цитировать путеводитель для туристов.

— Казанский собор, — отрубил Звягин. — Невский проспект, Смольный монастырь. Пискаревское кладбище.

Край полосатого тента хлопнул под ветром и сбил с общительного едока шляпу. Шляпа плавно перевернулась в воздухе и шлепнулась в блюдце с кетчупом. Сосед вдруг побелел, затрясся и с маху швырнул шляпу в урну. На голове его обнаружилась косая унылая проплешина.

— Вещи — тлен, — изрек Звягин, — по сравнению с бессмертной красотой архитектуры нашего города.

Издевка не вызвала реакции. Сосед вгрызся в мясо, обнажив прокуренные зубы.

— А если бы брюки запачкались? — с интересом спросил Звягин. — Тоже в урну?

— В урну! — прорычал тот, жуя и задыхаясь.

— Чуждый нам образ жизни миллионеров, — согласился Звягин, — имеет свои привлекательные стороны. Например, носить новые сорочки, выкидывая грязные. Говорят, у них там жутко захламлены улицы.

— Ненавижу этот город, — прошипел сосед.

— А что ж вы в нем делаете?

— Что?! Живу!

— Тяжкая доля. А вы не пробовали поменять Ленинград на Конотоп?

Мятое, усталое лицо соседа выразило беспомощную покорность: он покорялся глумливости собеседника, пропаже шляпы, всем бесчисленным неприятностям, читавшимся в ранних морщинках.

— Молодец, — зло одобрил он. — Никогда никому не сочувствуй.

— Я так и делаю.

— Выпить хочешь?

— Хочу! Ты угощаешь?

Из респектабельного «дипломата» блеснула бутылка «Стрелецкой», рыжая струя зашуршала в бумажные стаканчики: бульк, бульк.

— Кх-ха... А ты что же?

— Хочу, — с сожалением подтвердил Звягин, — но не могу.

— Как это?

— Я подшит, — горестно сказал Звягин. — Месяц как из ЛТП. — И пояснил: — Лечебно-трудовой профилакторий.

— Ух ты... — без сочувствия сказал сосед. — Тогда — твое здоровье!

Переступив по песку ближе, протянул руку — несильную, нерабочую:

— Володя.

— Леня, — Звягин изобразил слабое пожатие.

— Кем работаешь, Леня?

— Да вот, устраиваюсь пока...

— Семья-то есть?

Звягин немного подумал, как бы не будучи уверен, есть ли у него семья:

— Сейчас один, — неопределенно ответил он, гримасой давая понять, что это вопрос деликатный.

— А вот у меня все есть, — безрадостно сказал Володя. — Семья, работа, квартира... Вроде есть — а вроде бы и ничего нету... Не понимаешь? Да... Ты здорово закладывал?

Достойным кивком Звягин изобразил, что да, закладывал он здорово. Володя посмотрел на него с сомнением. Подтянут, черный плащ по моде, галстук вывязан узким узлом. Подбритые виски, артистическая проседь, на жестком лице треугольный шрамик, как у прусского студента-корпоранта.

— А смотришься, как большой человек, — сообщил он результат своего осмотра.

— Внешний вид способствует трудоустройству. — Звягин остался доволен своей канцелярско-неуклюжей фразой. Прикинул, какая роль оградит его от возможности попасть впросак.

— Я ведь шофер был. Первого класса. На «скорой», — подчеркнул со значением.

— А что ж не удержался?

— Машину я разбил. Эх... Со всей бригадой, с больным. Страх! Врач через стекло наружу вылетел, больной с носилок — на фельдшера, реанимобиль в брызги... Собрали меня по частям в больнице — и на суд. Семь лет и принудительное лечение. Вот что водка делает.

Володя посмаковал чужую горесть подозрительно.

— М-да... — протянул он. — А вообще ты на шофера не похож...

Похоже, он предпочел бы собеседника более образованного. Своего, так сказать, уровня интеллигентности, или социальной принадлежности, как бы это правильнее выразиться.

Звягин охотно пошел ему навстречу:

— Я раньше врачом был, — поведал он. — Первый медицинский, диплом с отличием. Аспирантуру предлагали. Да денег не хватало, ну и переквалифицировался.

— О, — сказал Володя. — Интеллигентный человек сразу чувствуется. А каким врачом? Не невропатолог случайно?

— Паталогоанатом, — решил Звягин. — Знаешь — спокойнее. Никаких тебе ошибок, жалоб. Скальпель в руки и вперед.

Володя покривился с почтительной опаской. Звягин увлеченно живописал подробности работы паталогоанатома. Володя нежно позеленел и прижал рукой прыгающий кадык.

— Мы за столом все-таки, — глюкнул он утробным баритоном. — Хоть и стоя, на воздухе, но все же... — Утер лицо платком.

«Я т-тебя отучу пить дрянь. Я т-тебя отучу плакаться на жизнь!» Звягин прибавил красочных деталей. Володя сомлел и изготовился к бегству.

— Приятного аппетита, — пискнул жалобный дискант. Юная компания вокруг соседнего столика была скандализована и собирала силы для отпора.

— Простите великодушно, — прижал руку к груди Звягин. — Недавно освободился из заключения, отвык от приличного общества.

Сегодняшняя прогулка развлекла его в полной мере. Ну можно ли быть таким мальчишкой, укорил он себя. Вечно я перехватываю через край.

— Не унывай, Вовик! — попрощался он.

Володя протянул клочок с номером телефона:

— Позвони в понедельник. У нас в институте, вроде, требуется шофер. Могу помочь устроиться — на первое время.

Тон был дружеский. Звягин испытал легкий укол совести.

— Спасибо. — И спросил прямо: — На что я тебе сдался? Ведь позвоню — так пожалеешь о своей общительности, отделаться от меня захочешь.

Володя смутился. Вежливость, привычная смазка в колесиках человеческих отношений, въелась в него крепко.

— Я по-человечески... — с тенью обиды сказал он.

Отвернулся, поколебался недолго и запустил руку по плечо в зеленую жестяную урну, набитую просаленными бумажными тарелками и смятыми стаканчиками. Извлек оттуда свою осквернённую шляпу и принялся заботливо очищать платочком.

Из-за столиков смотрели с брезгливой жалостью. Володя старательно не замечал этого. Волосы раздувались вокруг кривой плешки. Он расправил шляпу и собрался надеть.

Звягин огорченно цыкнул.

— Дай сюда! — приказал резко. Вырвал у него шляпу и, сильно размахнувшись, запустил далеко в Неву. Шляпа по высокой дуге спланировала над водой, косо коснулась свинцовой поверхности и поплыла по течению.

— Ты что?.. — растерялся Володя.

Усач в белой курточке распрямился над дымящим мангалом, ожидая развития событий. По дорожке меж голых кустов шел неторопливый милиционер. Юная компания сосредоточенно следила, как шляпа вершит свой путь к Финскому заливу.

— Она тебе не подходила, — сказал Звягин. — Я выкинул, я и куплю новую. Поехали в Гостиный. — И дружески подпихнул его в спину.

На Мытнинской набережной брызнуло коротким дождем. Володина лысина заблестела. Он покорно переставлял ноги, не обнаруживая способности к сопротивлению.

— Где тебя учили так позориться, друг любезный Вова?

— Да не нужна мне никакая шляпа... — вывалился вялый ответ.

— Отчего невесел?

— А чему радоваться...

— Жизни! — закричал Звягин.

— Разве это жизнь...

— А что?

— Существование...

На втором этаже Гостиного двора Звягин придирчиво перетасовал десяток шляп. Остановил выбор на широкополом сером экземпляре, почти «борсалино». Чуть наискось водрузил на мокрую Володину голову.

— Мне не нравится, — тот скривился перед зеркалом.

— Шляпа, — наставительно произнес Звягин, — как и любой головной убор, требует умения носить ее. Девушка, в какую кассу платить?

Уже в наружной галерее Володя с раздумчивым удивлением спросил:

— Почему, собственно, я тебя слушаюсь?

— Потому что я сильнее. Это во-первых. А во-вторых — потому что ты сам этого хочешь. А вот и трамвай — прыгаем!

Втиснувшись в вагон, Володя запоздало буркнул:

— Куда ты меня тащишь?

— В самоварную напротив Юсуповского садика. По пятницам там бывают блины с медом. Для подслащения твоей жизни.

Расположившись за угловым столиком, Звягин потрогал хромированный бок самовара и сунул штепсель в розетку. Из-под сдвинутой крышки повалил пар. Звягин подержал шляпу над паром и аккуратно расправил тулью. Ребром ладони осторожно вмял два желобка по бокам. Затем распарил гнутые кверху поля и слегка за-

гладил спереди, так что в профиль образовалась плавная, как лекало, дуга.

— Нравится теперь? Носи на здоровье.

Володя, обставленный блинами с медом, блинами со сметаной, блинами с творогом и блинами с мясом, наблюдал за его манипуляциями.

— Больно лихо, — усмехнулся он. — Мне не по возрасту.

— А какой твой возраст?

— Сорок...

— В таком возрасте офицеры в десанте с парашютами прыгают и марш-броски бегают.

— Я не десантник.

— Это точно. Ты самоходная книга жалоб без предложений.

Володя бережно положил шляпу на скамью.

— Я средний человек, — сказал он. — А знаешь, что такое средний человек? Это тот, кто проживает свою жизнь только до середины. А дальше — жизнь продолжается, а судьба уже кончена... Понимаешь?

— Понимаю, — лениво согласился Звягин. — Я тебя, среднего человека, насквозь вижу. Институт, в который ты поступил не от большого призвания. Работа, которая и без тебя будет делаться. Квартира, в которую тебя после работы ноги не несут. Жена, от которой ты заначиваешь рубли и врешь о вечерней занятости. Так?

«Что ж ты такой несчастный, бедолага? Кто ж тебе виноват? Ну, изливай свою душу случайному знакомому... И ведь не хотел я его слушать! Жалко стало?»

Негромкий гомон висел в низком полуподвале. Журчал чаек из самоварных краников. Володя пригорюнился и померк. Звягин буквально слышал, как со скрипом раскрывается заскорузлая скорлупа, обнажая неприкаянную душу.

— Почти каждый человек к сорока годам понимает, что жизнь не удалась, — произнес Володя. — Мечтается в юности о свершениях, о большой судьбе... О счастье.

И ведь до какого-то периода — все хорошо! Жизнь еще не разменяна, не растрачена, будущее принадлежит

тебе, любую ошибку не поздно исправить. Поступил в институт — с первого захода. Веселье, друзья. Девочки, танцы, споры до утра... По театрам бегали, на выставки очереди выстаивали, в студенческом научном обществе занимались.

Женился на пятом курсе... Любили друг друга, вроде. Она красивая была тогда... Планы рисовали: уедем на край света, построим там город, — призвание, слава, прожитая сполна жизнь. Загадывали: вот умрем — а внуки будут жить на улице нашего имени.

Я к себе относился всерьез, уважал. Полагал крупным человеком стать — начальником огромной стройки, директором главка: награды, госпремия, портреты и рапорты в газетах... Да не это главное — ведь идей, идей сколько было! Сил невпроворот, веры в себя! С нуля ставить города в Сибири — не так, как повелось: грязь, палатки, авралы, нет — никаких десантов. Тянешь к месту бетонную дорогу, газ, электричество — все сразу. Ставишь дома, горячая вода, больница, детсад, — потом завозишь людей. И никакой текучки кадров, производительность высокая, сроки сдачи объектов короче, стоимость ниже, — потому что разумно все! Детство... Оказалось, это и так всем известно, да никак не получается...

— Молодость переоценивает свои силы, — банальной фразой поддакнул Звягин, поддерживая течение его мыслей.

— Не-ет! — возразил Володя. — Свои силы молодость оценивает верно. А вот что она недооценивает — это препятствия, с которыми еще не столкнулась и потому не представляет всей их тяжести.

В юности мы о благополучии не думали. Работа будет, зарплата будет, жилье какое-никакое будет — чего еще? дело надо делать, о главном думать, об общем!

М-да... А тут — распределение. У нас ребенок — только родился. Ехать с ним неизвестно куда? А как там с питанием, с жильем?.. А тут предоставляются несколько мест в Ленинграде, ведомственная комната, перспектива научной работы... Две ночи мы решали с женой,

думали... И родня подзуживает, друзья руками машут: да вы с ума сошли, коли есть возможность остаться в Ленинграде, так чего еще колебаться, и в таком духе...

Он отодвинул чашку и упер локти в стол:

— Я тебе вот что скажу. Знать бы, что в любой момент мы могли вернуться в Ленинград — уехали б на Восток, точно. И рост там быстрее, и заработки выше, на ноги раньше становишься. Но ведь захочешь вернуться — а как? Право на прописку, квартирная очередь... Билет-то получается в один конец. Ну и рассудили просто: уехать-то мы всегда сможем, а вот в Ленинграде устроиться — сложнее... и — остались.

Большинство, кого я знаю, по той же причине за Ленинград цепляются. Потому что уехать — это необратимый шаг. Многие бы и не захотели вернуться! Но им необходимо знать, что в любой момент *могут* вернуться, если захотят. А так — боятся потерять, судьбу клянут, а держатся за него.

И много они с того Ленинграда имеют? У нас командированные со всего Союза спрашивают — как там в театрах, в музеях? Пожимаешь плечами: давно не был. Ах, как же так, великие артисты, знаменитые картины! Отвечаешь: ребята, я не посещаю Ленинград, я в нем живу, а это вещи совсем разные... Ведь театры и музеи не ленинградцами набиты — приезжими. Ленинградцу некогда. Семья, работа, быт заседает...

Первый год на работе я аж светился энтузиазмом. Самостоятельный человек, зарплата, инженер, начало пути. А ниточка незаметно, исподволь уже свивалась в петлю.

Ребенок растет. Ясли. Детсад. Болеет. Хороших врачей ищешь. Устраиваешь одно, достаешь другое. Работу на дом берешь для приработка. Заводишь нужные знакомства. Добиваешься очереди на кооперативную квартиру. Жизнь!.. Второй родился. А старшего в школу устраивать пора, да желательно школу получше, со спецуклоном, об его будущем думать уже надо. Ремонтируешь квартиру, добываешь деньги на раздачу долгов. Мебель, телевизор, то-сё. Жена стареет, характер портится, усталость не проходит, болезни появляются какие-то...

И наезжает тоска, как паровой каток. И начинаешь прикидывать, сколько лет осталось до пенсии.

Годы под горку покатились. Что впереди? Дача, машина, должность? Живешь, что называется, не хуже других, а главного в жизни нет. Ведь была и у меня духовная жизнь, высшие стремления — свобода была! Чувство, что жизнь принадлежит тебе. Что ты в этой жизни — как корабль в океане: вышел в плавание открывать свои неведомые острова. И нет тебе никакого океана, только клуб путешественников по телевизору.

Радоваться я жизни разучился, понимаешь, радоваться!! — закричал он.

— Где-то есть Гавайские острова,— без веры сказал он.

— В Америку хочешь,— вопросительно-утвердительно произнес Звягин.

— Хочу,— с естественностью согласился Володя.

— А они не хотят.

— Не хотят. Жена не хочет.

— А что, собственно? У нас со «скорой» уже практически все евреи свалили.

— Евреям хорошо. Их и выпускают, и принимают там, и помогают.

— Наконец-то дожили, что выгоднее быть евреем, чем русским,— с непонятной усмешкой подытожил Звягин.

— У нее здесь родня, родители, она здесь выросла... обычная история...

— Обычная.

— Да и как в ту Америку попасть?..

— При помощи автоматического попадателя,— глумливо посоветовал Звягин.

— Это как? — наивно заинтересовался Володя.

— Америка — страна для людей без ограничителя,— отвечал Звягин.— Которые скорее сдохнут, чем перестанут добиваться своего. Которые стискивают зубы, а через миг улыбаются — там, где ты скулишь. Ну, можешь ты быть американцем?

Володя пожал плечами.

— Их бы в наши условия,— не без мстительной зависти пожелал он.

— Мы здесь чемпионы по выживанию, — согласился Звягин. Воткнул остывший самовар в розетку, нацедил чайку.

— Не пропа-ал бы, — сказал Володя; на дне его глаз прокручивались американские хроники. — Знаешь, — признался он, как о сокровенном, — мне два раза снилось, что я в Нью-Йорке.

— Ну и как? не ограбили? — посочувствовал Звягин.

— Это же... как вторая жизнь!

— Особенно когда первой не было.

— Была! — с чувством выкрикнул Володя и даже стукнул несильно (чтоб ничего не опрокинуть на столе, но как бы жестом эмоции свои подкрепить; ах, весь мир театр, да дрянной причем театришко-то) рукой по столу. — Была у меня жизнь, да вся кончилась. Кончилась моя жизнь, — с трагическим надрывом продекламировал он.

— Кончилась, — сухо констатировал Звягин.

Старушка-судомойка жалостливо покивала ему, собирая в поднос пустые блюдца.

— Дай-ка пульс, — Звягин наложил твердые пальцы Володе на запястье. — Сердце болит иногда?

Вечером на кухне он утюжил гремящий от крахмала халат, когда частыми междугородными звонками зазвонил телефон.

— Наш сын получил сегодня пятерку по истории права, — информировала жена. — А мы со Светкой три часа выстояли в очереди на выставку молодых художников на Кузнецком мосту: замечательно! Ты по нам скучаешь?

— Отнюдь, — сказал Звягин. — Веду разгульную холостяцкую жизнь: брожу по злачным местам и грешу чревоугодием.

— Каковы твои планы на субботу?

— Несложны. Я ведь завтра дежурю.

— Тут Юрочка рвется тебе что-то сказать!..

...Утро на «скорой» тянулось спокойное, бездельное. Обсуждали повышение зарплаты врачам, переключали программы телевизора. Галочка, медсестра-практикант-

ка, вязала. Звягин не глядя разнес своего фельдшера в шахматы, смахнул фигуры:

— Учебник бы какой-нибудь подчитал, Гриша, что ли.

— Леонид Борисович, — проникновенно сказал Гриша, — вы сегодня веселый и злой. По-моему, вы зацапали новую жертву и собираетесь наладить ей жизнь по своему разумению.

Галочка опустила вязание и распахнула карие глазки.

— Юн ты еще своему доктору дерзить, — хмыкнул Звягин.

— Так я угадал?

Звягин молниеносно выбросил вперед руку и дернул его за пышный смоляной ус.

— Вот тебе задачка на сообразительность, — задал он. — Имеется сорокалетний человек. Умственный труд, семья, общее недовольство жизнью. Курит, выпивает. Иногда пульс вдруг скачет до ста пятнадцати. Прокалывающие боли в сердце. Ночью иногда просыпается в ужасе от остановки дыхания — «горло перекрывает». Тогда пульс порой замедляется до сорока — сорока восьми. Можешь поставить диагноз, или зря я тебя два года с собой вожу?

Гриша закинул ногу на ногу и принял ученый вид.

— Вообще я не кардиолог или невропатолог, — протянул он. — Нужна кардиограмма и анализы.

— В пределах нормы.

— Общее самочувствие?

— Так себе. Периоды депрессии. Приступы возбудимости.

Гриша пособображал.

— Невроз, — сказал он. — Наверняка начальная стадия гипертонии.

— Это в его возрасте у каждого второго горожанина, — усмехнулся Звягин. — Конкретнее.

— Тахикардия. Брадикардия, — пробормотал Гриша. Натужился и выдал: — Синдром «проклятия Ундины».

— Браво, первая валторна, — удивился Звягин.

— Мнителен?

— Мнителен. Тревожен. Боится рака.

— Ипохондрик он. Неврастеник, — объявил ободренный Гриша. — Я бы рискнул определить предынфарктное состояние.

— Прогноз?

— А что прогноз? — поскреб в буйной шевелюре Гриша. — Может себе благополучно доскрипеть до семидесяти... А может утром не проснуться.

— Ты у меня молодец, — похлопал его по колену Звягин. — Когда наконец диплом получишь, студент?

— Через год, — обиделся Гриша.

— Сколько твой год уже тянется?.. Да. Ну, а лечение?

— Лечение... Кто мне говорил, что нынешние болезни лекарствами не лечатся, — не вы ли? Надо менять стереотип — образ жизни у него губительный, насколько я понимаю. Недовольство жизнью — вот как его болезнь называется. Ему бы поработать грузчиком на Колыме, влюбиться в кинозвезду, пройти на плоту по горной реке — все хвори как рукой снимает.

— Ценю оптимизм, — кивнул Звягин. — А его семья?

Гриша крякнул. Галочка выпалила:

— Много радости доставляет семье его кислая физиономия! Он жене, небось, все печенки выел. И дети издерганными растут. Знаю я таких...

— А если они его вообще в последний путь проводят? — добавил Гриша солидарно.

— Ребята, — сказал Звягин, — внутренний голос мне подсказывает, что всегда, когда у нас налаживалась серьезная беседа, нас немедленно усылали на вызов. С кем поспорить, что в течение десяти минут поедем?

— Только не со мной, — ответил Гриша.

Через пять минут они катили в Девяткино — «попал под поезд».

— Ты отчаянно интеллигентный фельдшер, Григорий, — сказал Звягин.

— Стараемся... — донеслось из салона.

Жена с дочкой приехали в понедельник «Красной стрелой». Вокзал бурлил, солнце просвечивало Лиговку, капли блестели на тюльпанах и гвоздиках лоточниц, очередь на такси переминалась и двигала чемоданы.

— Как Москва?

— Большая и шумная,— дочка повела плечиком пренебрежительно, верная патриотизму ленинградки.— Везде толпы...

— Давно ли ты росла по гарнизонам, — подивился Звягин.

После завтрака, накрытого на белой скатерти, с веткой вербы в тонкой синей вазе, жена испытующе посмотрела на Звягина и засмеялась.

— Куда ты без нас ходил?

— На Петропавловку, например.

— Был в соборе?

— Не совсем. Там рядом отличные шашлыки.

— И с кем ты их ел?

— Хм. С одним знакомым.

— Разумеется, это твой новый знакомый?

Звягин кашлянул и рассказал все.

— Как мне надоели твои душеспасительные мероприятия, — взялась за виски жена.

— Тебе? Это мне они надоели, — проворчал Звягин.— Я виноват, что ко мне прохожие липнут?

— Почему к другим не липнут?

— У папы располагающая внешность, — объяснила дочка.

— Леня,— сказала жена.— А ведь дело не в том, что тебе его жалко. И даже не в том, что тебе энергию девать некуда. А в том, что тебе нравится вершить чужие судьбы. Ты иногда играешь живыми людьми, как марионетками!

— Оставь в покое бедного тюфяка, — поддакнула дочка.

— Устами младенцев глаголет безответственность, — сощурился Звягин. — Плюнуть на него легче легкого. А через месяц ребята с пятнадцатой станции пусть его откачивают после инфаркта, так?

— Откачивать после инфаркта будут меня,— сказала жена.

— Я пошла гулять,— поспешно заявила дочка.— Миритесь сами, вы вполне взрослые.

Половину ночи Звягин провел на кухне. Чистая страница блокнота украсилась единственной строчкой:

«Заповедь первая. Выговаривайся».

Не думалось.

В три часа жена поставила чайник на газ, вздохнула и осторожно погладила его по руке.

— Всех не пережалеешь, — зло сказал Звягин. — Не знаю я, что с ним делать. Пойдем спать, Ира.

«Она права. Я не благодетель. Во мне, наверное, пропал мелкий тиран. Люблю устраивать все по своему вкусу. Ненавижу несчастных, неприкаянных, бестолковых. Ненавижу их слабость, незадачливость, неумелость. Ненавижу, когда человек не знает, чего он хочет. Ненавижу, когда не умеют добиваться своего. Ненавижу примирившихся с поражением. Если человек не любит бороться, как он может рассчитывать на счастье в жизни?»

Назавтра жена отправилась к подруге (тоже учительнице английского языка) и привезла Дейла Карнеги «Как обрести спокойствие и жить полноценной жизнью». Звягин недоверчиво поморщился, но заглотил книгу залпом.

Володя получил ее от него на три дня.

И узнал, что нужно уметь отгородиться от прошлого и от будущего и жить делами сегодняшними. Что бесплодные воспоминания и пустые мечты отравляют жизнь. Что беспокойство разрушает здоровье и укорачивает жизнь. Что всегда можно разобраться в причинах беспокойства и найти способ избежать его. Что надо быть готовым к худшему и посильно действовать, дабы оно не произошло. Собрать факты, проанализировать их, принять решение — и действовать.

«1. В чем состоит проблема?

2. В чем причина возникновения проблемы?

3. Каковы пути возможного решения проблемы?

4. Какое решение вы предлагаете?

5. Направьте все силы на выполнение принятого решения — и не беспокойтесь о результате!» — старательно, как школьник, выписывал он.

Из текста явствовало, что нельзя терять равновесие из-за мелочей; что надо уметь вовремя остановиться

и примириться с неизбежным; что активная работа — лучшее лекарство от тоски; что всегда надо бодриться и думать о светлом; что мстить кому-то за причиненные неприятности обходится себе дороже; что не следует ждать благодарности, а уметь находить радость в собственном добром поступке; что считать надо не свои несчастья, а свои удачи, ведь всегда есть люди, которым гораздо хуже, чем вам.

Прагматичный автор проводил свою линию с последовательностью роторного канавокопателя. «Помните, что несправедливая критика зачастую есть скрытый комплимент: ведь никто не пинает дохлую собаку. Ведите счет своим глупостям и ошибкам, чтоб не совершать их впредь. Делайте дела в порядке их важности. Отдыхайте раньше, чем пришла усталость. Умейте расслабляться».

— Вычитал что-нибудь для себя полезное? — спросил Звягин в той же шашлычной под тентом.

— По-моему, Владимир Леви пишет в общем не хуже. — Володя посыпал мясо кинзой. — Зачем ты меня тогда разыграл?

— Не понравился ты мне.

— А теперь?

— А теперь интересно.

— Что — интересно?

— Интересно, что именно в жизни тебя не устраивает. Работа?

— Работа. Разве я инженер? Так, помесь чертежника с чиновником...

— Друзья?

— «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты...» Не осталось у меня друзей, на которых всегда можно положиться...

— Здоровье?

— А, разваливаться уже начал, я ж тебе рассказывал...

— Зарплата?

— Конечно хотелось бы больше. А кому не хочется?

— Место жительства?

— Хрен-ново мне на этом месте жительства.

— Про Америку мы уже слышали. Едем дальше. Жена?

— Ну знаешь... Это вопрос сложный, — безрадостно констатировал допрашиваемый.

— Так за что же ты держишься? — спросил Звягин. — Когда утром не хочется идти на работу, а вечером не хочется идти домой, жизнь надо менять.

— А дети?.. — Володя следил, как чайка скользит над теплоходом, высматривая что-то в пенной кильватерной струе.

Звягин сдвинул ему шляпу на затылок. Спросил негромко:

— А если бы ты полюбил другую женщину? Ушел бы?

— Я задавал себе этот вопрос... Десять лет назад выбор так и встал. Любил я тогда, Леня, хорошую женщину. И она меня. Долго тянулось. И сейчас, наверно, не до конца еще прошло... да поздно уже. Не хватило духу уйти! А надо было... Дурак я был, и никогда себе этого не прощу. Боялся, а чего — не знаю...

— А если бы ушел?

— Было бы в этом мое счастье. Часто так думаю... Радостно мне с ней было, понимаешь, радостно. По мне она была. Мы друг друга понимали и чувствовали — не поверишь, как. — Он с грустным удивлением повел головой. — Даже когда ссорились, понимали. Каждый жест понимали! Всегда было о чем говорить, да, никогда не было скучно.

— А дети? — с новой интонацией спросил Звягин.

— Многие разводятся — и живут. Жизнь есть жизнь... Ведь не бросил бы совсем, помогал бы чем мог, одевал-обувал. Посмотришь по сторонам: берут детей на выходные, проводят вместе отпуск, и хоть не идеальный это вариант, а ничего уж такого ужасного...

Они расстались молча. Растравленный воспоминаниями Володя угрюмо ссутулился и пошагал к троллейбусной остановке. Звягин смотрел ему вслед с задумчивостью шахматиста, просчитывающего партию на десять ходов вперед. Потом отвернулся и засвистал «Турецкий марш», немилосердно фальшивя.

Людям чаще нужны слушатели, чем советчики, подумал он. Нехитрая истина. Человеку надо, чтоб его выслушали и поняли. И подтвердили ему его собственные мысли и желания.

И что тогда, спросил он себя? Тогда человек начинает сопротивляться собеседнику и спорить. Почему? Потому что ему хочется выслушивать все новые доказательства собственной правоты. И вот когда он уже не сможет опровергать их — то есть не сможет опровергать себя самого, — он начинает верить себе всерьез.

«Не мы, видите ли, выбирали свою судьбу. Наоборот, видите ли: это она нас выбрала, накинула петлю, затянула на глотке — и осталось кислорода самая малость, чтоб кое-как дышать можно было». Обожаю пристрастие бездельников к глубокомыслию. Еще бы. Такому Володе хочется, чтобы все у него было хорошо, и еще ему хочется, чтобы для этого не нужно было совершать никаких поступков. Принять решение, совершить поступок и нести за него ответственность — этого мы не любим. Наш любимый вид спорта — плавание по течению. Вид искусства — пение жалоб. Вид работы — околачивание груш.

На следующую встречу он вызвал Володю, не застав по телефону на работе, местной телеграммой. (Отправка подобных внутригородских телеграмм всегда развлекала его каким-то мальчишеским озорством.)

— Бюллетеню, — вяло объяснил Володя. — Грипп. — Кашлянул.

— Почему у меня нет гриппа? — озлился Звягин.

— Не знаю.

— Потому что мне некогда болеть! Потому что мои полторы ставки — это работа, а не отбывание повинности, потому что я не скорблю мировой скорбью, потому что я живу, а не существую! И голова моя занята кучей дел. В том числе и твоих.

— Каких еще моих? — Володя поднял брови, собрав лоб в морщины.

— Болезный мой, — сказал Звягин. Помолчал примирительно. — Я хотел задать тебе один вопрос. Пред-

положим, ты бы вдруг узнал, что жить тебе осталось один год. Что бы ты тогда сделал?

Володя опустил вилку с наколотым куском.

— Уехал бы, — проговорил он.

— Куда? В Америку?

— Ага. Куда глаза глядят. Лежишь ночью, смотришь в темноту, и думаешь, представляешь себе в подробностях. Уволился бы с работы. Те пару тысяч, что накоплены на машину, положил бы на имя жены. В портфель — только бритву и смену белья, денег себе — самый минимум. И утром, солнечным, ясным, едешь на такси в аэропорт. Суешь руки в карманы, читаешь расписание рейсов — и берешь билет в любую страну, в любой город, какой душа пожелает. Понимаешь — любой!.. И летишь, чтобы прожить там вторую жизнь. Потому что от первой — сил уже нет, ничего не хочется. Когда есть уже опыт и есть еще силы — все начать с нуля, увидеть то, чего не видел, оказаться свободным от всего, что тебя повязало тут по рукам и ногам.

— А работа?

— Работа всегда везде найдется для того, кто не лентяй. Причем — р-работа, а не какой-то мартышкин труд, когда никому ничего не надо!

— А семья?

— А если бы я уехал на год в командировку? В Антарктиду на зимовку? А если бы у меня вдруг и года не оказалось?..

— Плохо живешь, но трезво мыслишь, — сказал Звягин. — Позволь привести в назидание одну байку. Женатый мужчина за шестьдесят долго любил одну женщину, а она его. Но она не могла оставить больного мужа, а ее друг жалел жену. И вот он угодил в онкологию, исход операции вызывал сомнение. И тут только, ужаснувшись скоротечности жизни, они поклялись: если он останется жив — они соединятся навсегда. Все оказалось так просто: из больницы она привезла его к себе, мгновенно разменяв квартиру и наняв сиделку бывшему муж

— Агитируешь? — вздохнул Володя. — Историю сейчас придумал?

Звягин усмехнулся жестко.

— История подлинная. И не столь редкая. Да через год он помер, запоздала операция. И до самого конца они не могли толком понять: почему раньше не сделали то, о чем мечтали полжизни?

А теперь скажи: что для тебя труднее — оторваться отсюда или прорваться туда?

Вздох и пожатие плеч — типичный ответ советского интеллигента на призыв к действию.

— Прорваться — это уже трудности конкретные... хотя все это практически невозможно... — меланхолически тянул интеллигент. — А оторваться... есть ведь совесть, душа, привязанности... долг, наконец.

— Ты в школе биологию учил?

— А что?

— Есть такое животное — гигантский ленивец.

— Это в мой адрес?

— Льстишь себе. Ты экземпляр средненький... ленивец советикус вульгарис.

После ужина, расхаживая по комнате и твердо ввинчивая каблуки в ковер, Звягин ни с того ни с сего обрушился на жену:

— Из всех литературных шедевров, которыми ты меня потчуешь уже двадцать лет, я особенно не переношу чеховских «Трех сестер»! Меня еще в школе трясло: «В Москву, в Москву!» — а сами сидят на месте. Купить билеты и ехать в Москву!

— Ты варвар, — горестно сказала жена. — Ты неспособен понять, что художественная литература и практическое руководство по реанимации — это разные жанры.

— Я знаю, что это разные жанры. А все равно трясет: хочешь ехать — сядь и езжай! Не то проплачешь всю жизнь. Вот и он пусть едет!

— А если дорога перекрыта?

— Выкуй топор и проруби ход через завал!

Жена дописала до точки конспект завтрашнего урока и погасила настольную лампу.

— Ты полагаешь, отъезд явится для него выходом?

— Полагаю! Самое главное — он снимет груз со своей души, исполнит давно желаемое.

— А дальше? От себя, как известно, не уедешь.

— Зато можно уехать от других, — хмыкнул Звягин.

— Там хорошо, где нас нет.

— Из двух одно: либо он вернется, что глубоко сомнительно, либо нет. Но если и да — прежняя жизнь перестанет быть тягостной, потому что он сравнит ее с другой и сделает добровольный выбор.

— Ты рассуждаешь, словно его судьба в твоей власти!

Звягин с расстановкой нацедил в стакан молока и сделал глоток.

— Сильный и умный всегда властен над слабым и глупым, — без ложной скромности сказал он. — Задайся целью — тьфу!.. Я соблазняю его жену, и она признается ему, что любит другого. Я подпаиваю его, разбиваю камнем витрину и сдаю тепленького милицейскому патрулю: вытрезвитель, уголовное дело о хулиганстве — и он вылетает с работы с треском. Я объясняю ситуацию знакомому кардиологу — и тот пугает его насчет здоровья так, что он задумывается о последних месяцах жизни. Все, свободен, может катиться на все четыре стороны и тараниться в Америку!

— Мой муж — супермен! — покрутила головой жена.

— И самое смешное — он был бы еще благодарен судьбе, избавившей его от необходимости принять решение и отвечать за него.

— Что же тебя останавливает?

— Слишком много чести для него, — буркнул Звягин.

В это самое время Володя решал, кто он есть и как ему надо жить. Он стоял на балконе, коченея от сырого ветра, и звезды кололи ему глаза...

«По молодости, вот по чему ты тоскуешь, — говорил Звягин. — А молодость — это перспектива. Это будущее. Неисчерпаемость выбора. Множество вариантов, из которых можно выбирать. Так получи эту возможность!»

«Лучше сделать и раскаяться, чем не сделать и сожалеть», — говорил Звягин.

«Почему к любимой женщине можно уйти, а к любимой жизни — нет?» — говорил он.

Аргументы откладывались в сознании Володи, как кирпичики. Кирпичиками мостилась дорога в звенящее и страшноватое счастье. Он почти физически ощутил дорогу под своими ногами.

«Пройдет время, и она с детьми приедет к тебе, если вы оба захотите», — говорил Звягин.

«Сорокалетний мужчина не может улететь к чертовой матери! В другую сторону! делов-то! весь мир так живет! Люди в одиночку океан переплывают! Ты червяк!» — гремел он.

«Если ты несчастен с ближними, то их своим несчастьем счастливее не делаешь», — пожимал плечами.

Капля точила камень. Да была та капля не воды родниковой, а концентрата серной кислоты, и била она с точностью и силой пули призового стрелка; да и камешек-то попался не гранит.

Утром, заступая на дежурство, Звягин встретил на станции усталого после ночи Джахадзе.

— Слушай анекдот. Начальник и подчиненный в поезде. Подчиненный вертится, кряхтит. «Ты чего?» — «Пить охота...» — «Так пойди напейся!» — «Вставать лень...» — «А принеси-ка мне стакан воды!» — «Слушаюсь». — «Принес? А теперь выпей. Теперь все в порядке?»

Пиратская физиономия Джахадзе выразила недоумение:

— Этот анекдот я слышал от своего дедушки, но там был генерал и денщик.

— Вечные сюжеты. Что я ценил в армейской системе: дан приказ — изволь выполнять, и никаких сомнений. А тут...

— Кому и что ты хочешь приказать? — догадался Джахадзе.

— Нельзя приказать быть свободным, — маловразумительно ответил Звягин.

Джахадзе подумал, разъяснений не дождался и шагнул к дверям.

— Ты знаешь, кто такой Шервуд Андерсон? — окликнул Звягин.

— Пол Андерсон был штангист, — порылся в памяти Джахадзе.

— Я тоже до вчерашнего дня не знал. Жена просветила. Ему было уже сорок лет, и он был владельцем рекламной конторы, когда однажды утром он посмотрел на стены, плюнул на пол, снял с крючка шляпу и вышел, не закрыв за собой дверь. И никогда в жизни в контору больше не возвратился.

— А что с ним стало? — заинтересовался Джахадзе.

— Стал знаменитым писателем. Ладно, езжай спать, у тебя под глазами круги.

— Если б стать знаменитым писателем было так просто, все конторы стояли пустые настежь.

— Картина слишком красивая, чтоб быть реальной. Я тут одному-то конторщику мозги не могу вправить, а ты бросаешься к мировым масштабам.

Он скромничал. Володина жизнь теперь била ключом, и все, как говорится, по голове: мозги вправлялись. Дни складывались в недели, и ни одна неделя не обходилась без происшествий.

Он филонил дома с привычной простудой, полеживал поутру с книжечкой, оставшись один, когда в дверь отчаянно зазвонили.

Прошлепал в трусах:

— Кто там?

— Откройте, ради Бога, скорее, — задыхающийся женский голос.

В дверном глазке — светловолосая девушка, пальтишко запахивает на горле, милая вроде, испуганная вроде... на площадке больше никого нет.

— Пожалуйста, впустите меня, скорее!..

Володя растерянно протянул руку за своим пальто к вешалке, задрапировался им, и отворил. Девушка влетела молниеносно и бесшумно и захлопнула за собой дверь. Нашла взглядом и повернула выключатель.

— Уф-ф... — с огромным облегчением перевела дух она.

— Э-э... вы не объясните, в чем дело?.. — спросил Володя, в меру ошарашенный этим явлением.

— Простите. Сейчас все объясню, конечно, — благодарно произнесла девушка, налаживая дыхание. — Такое вторжение... Ну, бывают в жизни ситуации... понимаешь?..

Он начал понимать, кивнул с превосходством благополучного хозяина над застигнутым грозой гостем, и даже перестал стесняться своих голых ног из-под пальто.

— Ну, как мужчина женщину, вы меня можете понять, наверное?.. Я была... в гостях... ну, у человека... и тут...

Володя сочувственно кивнул и улыбнулся осторожно. Девушка была определенно мила. Лет двадцати пяти, не старше. Глазки карие, ресницы мохнатые, ручки маленькие, — это он рассмотрел уже в комнате, куда они как-то незаметно переместились.

— Вы садитесь, — предложил он, и она села.

— Короче, пришлось удирать, — она состроила комическую гримасу, а сама еще подрагивала. — Простите, — сказала она, — колотит еще. У вас не нашлось бы капельку чего-нибудь выпить?

— Если вас устроит дешевый портвейн... — промямлил Володя.

— Обожаю его как память о студенческих годах.

«Сколько же ей лет?..» Он полез в стенной шкаф и из старой коробки со щетками и кремами извлек завернутую в газету бутылку — заначка профессионала. На кухне открыл ее, нацепил быстро штаны и свитер, прихватил рюмки.

— А можно ударную дозу? — невинно спросила она.

Он улыбнулся, пожал плечами; применили стаканы, и удачно применили, просто сказочно славно день начинался.

— Если уж за знакомство — меня зовут Марина.

— Володя. Что же вы не снимаете пальто? давайте, я повешу в прихожей.

— Меня все еще трясет. Можно, я посижу пока так?

Бутылка кончилась быстро, и Володя воспарил в высокие выси, любуясь красавицей. Если вам доведется пить в обществе, найдите взглядом самую некрасивую женщину и не отводите глаз на протяжении всего вре-

мени; в тот момент, когда она покажется вам милой и желанной — встаньте и идите домой: вы пьяны; так гласит древний английский рецепт. Но Марина была в самом деле красива, и ясный блеск глаз, нежный поворот шеи, изысканная впадинка под скулой — все было всамделишным, а не алкогольной иллюзией.

— Вам не жарко? — спросил Володя, невинно желая (кроме естественного гостеприимства, да и невоспитанно, в конце концов, сидеть в гостях за столом — в пальто) увидеть чуть больше, чем позволяла угадывать мохнатая бежевая ткань на жесткой, очевидно, подкладке.

Марина достала из кармана длинную красную пачку, вытащила тонкую коричневую сигарету, душисто пыхнула от поднесенной им спички и просто сказала:

— У меня под ним ничего нет. Не успела.

— А? — идиотски спросил Володя, раскрывая рот набок, как хваченный кондрашкой.

— Хотя и жарко, — улыбнулась Марина, встала, расстегнула пуговицы, глядя ему в глаза, сняла пальто и повесила на спинку соседнего стула.

На ней были чулки и туфли.

Она была безупречна; а все подробности потрясенный Володя пожирал выпученными глазами по отдельности и в совокупности, и чувство реальности покинуло его, а вместо него появилось другое чувство, как нельзя более естественное.

Она села, закинула ногу на ногу и продолжала курить.

— Сейчас я бы с удовольствием выпила кофе, — улыбнулась она.

Володя деревянно кивнул, не своим голосом идиотски сказал:

— Естественно, — хотя что ж тут было естественного, с другой стороны, и, шарахаясь и задевая стены, пошел на кухню. Там он уронил ряд предметов кухонной утвари и сварил кофе.

— Надеюсь, я вас не очень шокирую, — просто и дружественно произнесла Марина, прихлебывая.

— Н-нет, — проблеял он, тщетно изображая, что все в порядке.

— А душ тоже можно принять?

— П-пы-пожалуйста.

Через минуту она высунулась из ванной, где шумел душ:

— Володя, извините, вы не заняты? Можно вас на минуточку?

Он пошел на зов, с трудом храня равновесие в карусели грез, видений, мечтаний и прочих вожделений.

— Я злоупотребляю вашим гостеприимством, но если бы вы были так любезны потереть между лопаток, — она была сама вежливость, воспитанность и простота, и от этого контраста ее тона и ситуации, к которой этот тон применялся, у Володи заклинивало мозги.

— Я бы советовала вам раздеться, а то всю одежду намочит, — порекомендовала она, изгибаясь всем задним фасадом под его рукой с намыленной губкой.

Шнур догорел. «Не может быть!!» — взорвался в мозгу динамитный патрон, и Володя, ослепнув от предощущения невозможных наяву блаженств, бросился в море любви.

Это оказалось весьма бурное море, ласковое и нежное, где шторм и штиль сменяли друг друга, а качка бросала до небес, отделяя душу от тела, и неизвестно, сколько именно алмазов можно насчитать в упомянутых небесах, но море было бескрайне и неутомимо, и Володя сосчитал все алмазы, или во всяком случае гораздо более, нежели мог предполагать.

— Откуда ты взялась?.. — неземным голосом вопросил он, с трудом всплывая в реальность, где через полчаса дочка должна была вернуться из школы.

— С улицы, отвечал Гаврош. — Она поцеловала его, встала с измочаленной постели и пошла в душ. — Нет-нет, теперь я сама.

После душа влезла в пальто, из другого кармана извлекла косметичку и стала набрасывать грим.

— А теперь — еще кофе и пару бутербродов. — Скомандовала. Ласково, но скомандовала.

Он неверными руками напялил домашний наряд и выполнил приказ, плывя в сладком изнеможении.

— Послушай... почему?

Она проглотила кусок и улыбнулась ему.

— Я что... нравлюсь тебе?..

— Кокетка, — сказала она. — А что, такой мужчина, как ты, может не нравиться женщине?

— Да чем, собственно?.. — Он добросовестно осмотрел себя взором глаз и взором мысленным, и пожал плечами.

— В тебе масса мужества, которое только и жаждет реализации, — пояснила она. — И настоящая женщина это всегда чувствует. А этому, знаешь, очень трудно противиться.

Володя сглотнул.

— У меня никогда в жизни так не было, — сказал он.

— У меня тоже, — с некоторым укоризненным назиданием прозвучал ответ.

Она взглянула на настенные часы и встала уходить, и он ее не удерживал, а даже воспринял предстоящий уход с благодарностью, потому что до прихода дочери оставалось минут десять, пожалуй.

— Телефон дай, — попросил он в прихожей.

— Не надо, — покачала она головой.

— Почему?!

— Это было так хорошо... и неожиданно... как сказка... так в жизни даже не бывает...

— Я не могу больше не увидеть тебя!!! — Он был опять сбит с ног, ошарашен, смят.

— Ну что ты, — она ласково поцеловала его в щеку. — У тебя, конечно, много женщин... ты донжуан, ловелас, бабник, трахальщик, что там еще...

— Нет!!! — закричал Володя.

— Не смеши меня, милый, я не девочка. Будем это считать просто приключением. Но это было самое замечательное приключение в моей жизни, — с искренностью и страстью прошептала она.

— Ты мне позвонишь?

— Не надо.

— Почему?!

— Потому что еще одна такая встреча — и я не смогу без тебя жить. За эти несколько часов все во мне перевернулось, понимаешь? У женщин это не так, как у мужчин.

— У меня тоже перевернулось!

— У тебя семья. Дети.

— Я все равно уеду! — вырвалось у него.

— Куда?

— В Америку! — отчаянно выдал он.

— Говорят, там женщин еще больше, чем здесь, — улыбнулась она и открыла дверной замок. — Мне пора бежать, милый.

И только тут он спохватился:

— Но куда же ты... так?..

Она махнула рукой:

— Схвачу машину... ничего, не простужусь. — И, выскользнув из его объятий, исчезла, защелкнув за собой дверь.

Володя добрел до постели и рухнул в полубессознательном состоянии. Он щипал себя и мотал головой, но на столе стояли две чашки, и два стакана, и окурки в пепельнице были тонкие, коричневые, и ныло тягуче и сладко внизу живота.

Окурки. Он взглянул на часы и стал быстро прибираться, успев даже постелить чистую простынь: «Был жар, вспотел...»

Ну, пот-то высох, и был смыт душем, и видение рядом под душем колыхалось помрачающе; а вот жар не вовсе исчез, прижился в глубине, как рдеющий уголь под пеплом и золой, способный в любой миг дать пламя, яркое, с треском, только раздуй его.

Пришло вдруг письмо от однокашника из Штатов. Однокашник расписывал прелести своего житья и осведомлялся с иезуитской вкрадчивостью, насколько счастливо Володя живет, не мрет ли еще с голоду Питер, и не задумывался ли его старинный друг (вот те раз! ужели друг? а в общем и верно друзьями вроде были — так показалось Володе сквозь ностальгическую дымку годов) насчет сменить место пребывания, рвануть в большой мир?

Володя перечитывал письмо, запивал информацию портвейном, всю суррогатную мерзость которого вдруг явственно ощутил, словно сам побывал в пресловутом «большом мире» и контраст тамошнего и нашего пойла ушиб его, и бетонная мрачность боролась в нем с огненными выбросами надежды.

Уверенность в себе кристаллизовалась в нем, странным образом одновременно увеличивая и мнительность, но мнительность эта была какая-то отстраненная: он изучающе ловил взгляды детей, и ему определенно казалось, что его несчастность распространилась и на них, он обделил их радостями жизни, и они только терпят его, тяготясь.

А в институте замдиректора при встрече виновато вздохнул и посочувствовал: скверно выглядите, не развернуть вам здесь своих возможностей... да что поделать, приличных вакансий не предвидится, более того — реорганизация, экономическая самостоятельность, сокращение штатов, поскольку профиль сужается... так что если вас куда-нибудь приглашают, будем рады, не стесняйтесь!..

Жена при очередном скандале (муж стал выдержаннее, высокомерен стал даже — крепковат, еще смеет таким быть!) отрезала прямо: так дальше жить нельзя, это не жизнь, — надо что-то решать. Он мысленно ухватился за эту фразу, как за брошенный ему спасательный круг (сама толкнула!).

Но это был еще не толчок — так, легкое колыхание, лишь слабое предвестие землетрясения. Каковое и не замедлило разразиться.

— Володя, обсчет нулевого цикла по проекту УЛАН-2 можете сейчас срочно занести? — позвонил на его этаж замдиректора.

— Но вы же знаете, я работаю над этим дома... и творческий день мне под это и дан.

— Да, помню. Дело срочное, тут заказчик позвонил, вылетает. Вот что — возьмете мою машину, шофер сейчас спустится, быстренько домой — и обратно. И прошу в... в половине первого, успеете, ко мне.

Открыв дверь квартиры, Володя был парализован странным звуком. Звук вошел игольчатым металлом в мозг его костей, и тело утеряло способность двигаться. Но слух кое-как действовал, и слух подсказал, что звук доносится из спальни.

Мысли рванули с отрывистой скоростью пулеметной очереди. Что он открыл дверь не к себе. Но — вешалка в коридоре: их вещи. И еще что-то. Вроде плаща. Незнакомого. Или куртки. Чужой. Что — сын еще слишком юн; ах подлец! Нет... Кто здесь?! Марина?! С кем? Чушь... Но... Не может быть!!! А почему, собственно, не может... Удар ножом в живот: жена; и одновременно — печальное уважение к ней: значит, она может быть и такой, она может, только не с ним, а он не знал; и смертная тоска; и страх; и растерянность; и праведная бешеная злоба; и поразительное облегчение — значит, не больно-то он ей и нужен...

Он обнаружил, что может дышать, и что ноги его держат. А руки лезут в карманы, достают сигареты и спички, правая вставила сигарету в рот и чиркнула спичкой по коробку, который держит левая. Он затянулся, подумал, выпустил дым, подумал, ощутил свое лицо, подумал, придал ему спокойно-суровое или, по крайней мере, сколько-то живое выражение, что плохо удалось при одеревенелости всех мышц, и лицевых тоже, — и стал переставлять ноги попеременно таким образом, чтобы двигаться в спальню.

Дверь была приоткрыта, и стоны и рычание достигали верхних нот. Володя, не зная зачем, трижды постучал сильно в дверь и распахнул ее, встав на пороге в позе средней между статуей Командора и абстрактной скульптурой.

Произошло именно то, что в драматургии именуется немой сценой. Выразительность сцены заставила бы позеленеть от зависти любого знаменитого режиссера. Откровенность же сцены сией была вполне в духе нашего смелого времени.

Первой обрела дар речи та сторона любовного треугольника, которая в этот момент, как бы это выразиться,

занимала наиболее активную жизненную позицию. Сторона оказалась крепким приятным парнем лет тридцати.

— Явление следующее: те же и муж, — невозмутимо и даже назидательно произнес он, мельком взглянув на Володю, прямо в лицо Володиной же жене, не меняя при этом упомянутой позиции. После этой сакраментальной формулы он, однако, счел приличествующим позицию сменить, и невозмутимо уселся на краю постели.

Жена задернула простыню и закрыла глаза: спряталась. Она не умела так быстро применяться к неожиданным обстоятельствам.

— Та-ак, — якобы со смыслом, а на самом деле абсолютно бессмысленно произнес Володя другую сакраментальную формулу подобных ситуаций и умолк, потому что никакого дальнейшего текста не мог придумать.

Гость, если можно его так назвать, пришел ему на помощь.

— Могу в утешение рассказать анекдот, — непринужденно обратился он, разряжая своей непринужденностью обстановку. — В одесском суде слушается дело о разводе. Вопрос мужу: так почему вы все-таки разводитесь? Она меня кретином обозвала, отвечает муж. Ну, разве это веская причина, укоризненно говорит судья. Она в контексте обозвала, упорствует муж. Это как, удивляется судья. А так: прихожу я домой, а она в постели со здоровенным мужиком, увидела меня и говорит: смотри, кретин, как это делается.

В своей вполне эффектной мускулистой мужественности он встал и, сделав шаг навстречу, протянул Володе руку:

— Саша. — И, видя, что руки навстречу не протягивается, показал большой палец: — И я вот такой парень!

Жена полуистерично хихикнула и открыла глаза.

— Сука, — просипел Володя. — Совет да любовь, — пискнул он.

— Дай даме одеться, она стесняется, — сказал Саша.

— Ну что, он лучше? — яростно пропел Володя.

На лице жены отразилось очевидное ему самому: конечно лучше.

— Конечно лучше, — подтвердил Саша, разведя руками, расправил плечи, выпятил грудь и бросил взгляд на себя вниз.

Оглушенный Володя поведал искренне:

— Встречу — убью! — и выкатился вон, грохнув дверьми — прощальный орудийный залп над бренными останками когдатошнего семейного счастья.

Внизу он прошел мимо замдиректорской машины, совершенно не имея в сознании, зачем он в этот час очутился дома и почему. Ноги двигались куда-то сами по себе, он шел на автопилоте, и заложенная программа уткнула курс в родимую, свою, спокойную шашлычную.

Под тентом излюбленной шашлычной Володя и был прихвачен с бутылкой вина (купленного у магазина за двенадцать ре) безжалостными дружинниками. Сопровождаемый в отделение, он не мог видеть на тенистой дорожке у кронверка знакомую фигуру, провожающую его холодным дальнозорким взглядом.

Следствием явился штраф и довольно позорное сообщение на работу, как нельзя более некстати.

Город, на равнодушие которого он недавно жаловался, стал выталкивать его ощутимо, как вода пробку.

— Как же я туда попаду? — спросил он Звягина. — Лет мне сорок, английский практически не знаю, инженеры моей квалификации не больно там и нужны... кто меня впустит?

— Заруби себе на носу простую истину: мы нигде никому не нужны.

— А что ж делать?

— А спроси себя: а они тебе нужны? Ясно, что ты хочешь взять. А что ты хочешь д а т ь?

— Перед консульством толпа... а анкет-то нет, к близким родственникам по два года ждут въезда...

— Заруби вторую простую истину: чтоб ты был кому нужен — сделайся нужным. Чтоб другие были нужны тебе — при этом условии ты можешь сделаться нужным им.

— У меня нет оснований для постоянки... А отсюда на работу в какую-то фирму устроиться — как?..

— У тебя и денег нету.

— Нету. На зарплату можно купить пятнадцать долларов, да и те по закону вывезти нельзя.

— А ты пойди к американскому посольству, разбегись и стукнись головой об стенку, — посоветовал Звягин.

— И что будет? — простодушно заинтересовался Володя.

— Если пробьешь ее — окажешься на американской территории, — объяснил Звягин.

Володя обиделся.

— Я не прошу никакой помощи...

— Да уж, твоим гарантом я выступать не могу. И веса в сенатской комиссии у меня недостаточно, боюсь. Что — хотел насладиться видом мира с горной вершины, да рюкзачок тяжеловат и стенка крутовата?

— Я работы не боюсь.

— Ты лямку тянуть не боишься. А автономного плавания — боишься. Не приучен. Короче — лезь в долги, иди на интенсив английского, когда устроишься — позвони. Могу кинуть адресок.

Володя устроился на курсы до удивления оперативно — и позвонил, разумеется.

— Ну — еще не придумал, как туда попасть?

— Нет...

— Ну не балда ли. Приезжай к шести в Катькин садик.

И под памятником императрице, не спрашивающей советов, как вздеть на свою немецкую голову российскую корону, он поведал несчастному советскому мышонку почтенного возраста, что всех делов — устроиться на работу в контору, которая может выписать командировку в США — и на как можно более длительный срок. При доверительных отношениях — конторе ведь это ничего не стоит.

— А на что я там буду жить? Валюты не дадут... И права работать там у меня не будет...

— Тебе Америку в бумажку завернуть или так кушать будешь? Потолкаешься в Нью-Йорке среди наших эмигрантов, поешь супцу для бедных, поночуешь в ночлежках, схватишься за любую поганую временную работенку у мелкого хозяйчика — что-нибудь всегда подвернется. Стоишь чего-то — поднимешься. Не стоишь — ну, значит ты дерьмо, и так тебе и надо. Возвращайся обратно и ищи работу вроде прежней. Останется ли к тому времени выпивка и закуска — не обещаю.

— А что вы сами-то не едете, Леонид Борисович?

— Надоест — уеду,— пожал плечами Звягин.— Мне-то лично интересно именно здесь. Дети, правда... Посмотрим.

— А билет? Загранпаспорт нужен, а потом еще очередь на год...

— Иди продавцом в кооператив! Лови собак на шапки! Жри хлеб с водой и копи деньги! Толкайся в очередях, собирай слухи, суй взятки, заводи связи! Ты, парень, из тех, кого в парашютный люк надо вышибать пинком под зад! О, как вы все мне надоели!..

— Кто — все?..

— Недоделки.

Кооператив помещался в нежилом подвале. Дом выглядел сущим бараком, пережившим все наводнения и пожары Санкт-Петербурга, но подвальная дверь была бронирована и поблескивала хромировкой сейфовских замков.

— Мне бы Александра Ивановича, — просительно сказал Володя, когда после долгих звонков звучно переговорили между собой запоры и усатый толстяк в грязном фартуке мрачно воззрился на него.

В Александре Ивановиче роста было два метра ровно, и кавалергардские бакенбарды его мели люстру, когда он двигался по кабинетику.

Под люстрой тосковал прохиндейского вида работяга и подвергался экзекуции.

— Запомни,— гудел Александр Иванович (а ведь ему не больше тридцати двух-трех, подумал Володя),— мне-

ний здесь существует два: одно — мое, второе — неправильное. Понял, Борис?

— Понял, Александр Иванович, — изнывая от усердия, отвечал прохиндей.

— За испорченные оттиски вычитаю с тебя. За краски, за бумагу и за потраченное время. И премию на месяц замораживаю.

— Так точно, Александр Иванович, — убито кивал тот.

— Сколько я тебе обычно плачу?

— Семьсот рублей.

— Врешь! Ты в среднем восемьсот тридцать — восемьсот пятьдесят получаешь! За что?

— За работу...

— За что?!

— Ну... чтобы все было как надо...

— А за как не надо — что?

— Не должен получать...

— И запомни: еще раз — и вылетишь с треском, и ни одна контора тебя не возьмет! Ты меня знаешь.

Прогнав нерадивого работника заглаживать грехи, босс уселся за потрепанный стол и сидя протянул руку Володе:

— Садитесь. Леонид Борисович мне о вас говорил. — Подумал; крикнул: — Машенька! Свари-ка нам кофейку. Нет, в бункер подай.

В «бункере» (диваны, зеркала, рядом — весьма шикарная ванная) он угостил Володю «Кэмелом», плеснул кальвадоса из треугольной бутылки; взял быка за рога:

— Значит, так. Я тебя оформляю. Сейчас напишешь заявление, я подпишу. Трудовая с собой? Портишь нам процент непенсионеров, но уж... Леонид Борисович просил. Командировку сделаю на полгода. До этого несколько месяцев будешь работать, раньше все равно не оформишься. Получать будешь двести рублей. Разницу — расписываешься в ведомости и отдаешь мне. Это, я думаю, ясно?

— Ясно, — сказал Володя с чувством благодарной зависимости.

— Теперь так. Мы тебе даем с нашего счета валюту на командировочные. Три тысячи долларов. На это составляем потом отдельный договор: в случае невыполнения командировочного задания ты обязуешься вернуть все до последнего цента в течение года. Через год после того, как окажешься в Штатах, три тысячи кладешь на наш счет. Понятно?

— Не совсем, — признался сбитый с толку путешественник.

— Мне, как ты понимаешь, тоже нет никакого интереса брать неизвестно кого с улицы и его отправлять в Америку так, за здорово живешь. Верно? Я тебе такую услугу оказываю. Такая услуга стоит денег, ты со мной согласен?

— Согласен.

— Ну вот. Если не отдаешь — достанем тебя через Интерпол, и платишь по суду плюс судебные издержки, либо садишься там, а самое вероятное — высылаешься к чертям обратно, и садишься уже здесь. Понял? Так что ты это обдумай. Это — мое условие.

— Так, а те три тысячи, что даете...

— Остаются нам. Согласись, это небольшая сумма для американца за то, что он окажется в Америке.

— А с чего же отдам-то?..

— Заработаешь. Учти еще: с очередью на билеты — поможем. Я тебе помогу. Своими связями. Это — тоже стоит, правда? И пойми еще: у меня работают люди, твоя командировка тайной ни для кого не останется, — это тоже трудности для меня, так? Согласен — пиши заявление. Нет — значит, разошлись, как в море корабли.

Ветреным и солнечным октябрьским утром он позвонил с Московского вокзала:

— У меня два часа до поезда, Леня. Завтра утром — авиацию в воздух!

— Сейчас возьму такси, — сказал Звягин.

Володя похудел сильно, скулы и подбородок выдавались жестко, короткая стрижка скрадывала пролысинку; он полегчал в движениях и потяжелел в жестах. В том,

как прислонился к цоколю вокзала, как подставил лицо легкому осеннему солнцу, сквозило что-то новое, иное.

Жирок слез с души, оценил Звягин. Не только с тела.

— Помолодел,— сказал он. Толкнул носком сияющей туфли портфель: — Весь багаж?

— Впервые в жизни я ничего не боюсь,— сказал Володя.— Хочу — вернусь обратно, хочу — останусь там, хочу — свалю еще куда-нибудь. В матросы наймусь. Сигаретами буду в Италии торговать. Свою фирму организую. Фиктивно женюсь. В пустыню поеду верблюдов пасти! — закричал он.— Невероятное чувство — разорвать цепи и стать полным хозяином своей жизни!

— Цепь... — пожал плечами Звягин, ухмыляясь.— Веревочка от покупки в универсальном магазине. Чтоб быть хозяином своей жизни, надо рвать цепи ежедневно,— не удержался он от очередной глубокомысленной сентенции.

— А знаешь, что она сказала мне, когда успокоилась? — поведал Володя, разумея под «ней» жену.— Что извелась за много лет, каждый день готовясь к расставанию и чему угодно, и рада, что все, наконец, произошло таким образом. Еще несколько лет такой неопределенности, сказала, ее б с ума свели. Для детей...— сказал он и замолчал.— Для детей все сделаю! Одену, жратву с оказией передавать буду, деньги для валютного магазина... Не мог оставаться больше. Чем хочешь клянусь!.. Сказал им — на полгода в командировку. Так радовались... А там... там посмотрим еще, как все сложится. Еще и благодарны, и рады будут...— он развернул перед мысленным взором веер возможных перспектив.— Жаль на тебе шляпы нет,— закончил неожиданно.

— Почему?

— Выкинул бы. На рельсы.

Открыли двери вагонов, проводницы вышли на перрон: посадка началась. Отрешенным лицом Володя был уже не здесь — далеко.

— Кстати — к тому счету прибавь четыреста долларов,— неожиданно приказал Звягин.— Положишь в приличный банк на мое имя.

— К-хм?! — сказал Володя. — Конечно, пожалуйста, — сказал он. — А... за что? — спросил он.

— За все, — решительно, но туманно ответил Звягин. Его ужасно подмывало сказать, что, мол, друг любезный, за услуги двух валютных профессионалов тебе и твоей жене, все, мол, мои валютные запасы, полученные за пользование фирмачей и некоторых дельцов, и ухнули; и посмотреть, какая у Володи сделается при этом рожа. Жаль даже, что приходилось себе отказать в столь славном и невинном удовольствии. Да ладно уж, лети себе, голубь мира, граната учебная, кой-чему наученная.

Вечером косился на телефон. «Лучше счастливый где-то, чем несчастный здесь», — утешил себя, и позвонил Володиной бывшей жене:

— Володя просил, если понадобится помочь, чем бы то ни было, то я всегда сделаю... запишите телефон...

Дух его, признаться, был несколько смущен. И все же — он был доволен собой. В очередной раз чужое желание исполнилось его волей. Когда жена вернулась с родительского собрания, спросил:

— Ира, что сказал этот? О действии?

— Кто?

— Ну, англичанин.

— Который?

— Поэт.

— Вильям Блейк?

— Именно.

— Он сказал: «Кто желает, но не действует, тот плодит чуму».

— Именно. Вполне приемлемая эпидемиологическая теория. А ты знаешь, кто такой был Варвик — делатель королей?

Глава VII

ДЕТЕКТИВ

— Как звали доктора Ватсона? — спросил Звягин.

Сын удивленно задумался. Они шествовали вдоль пестрого овощного ряда по Кузнечному рынку, похожие скорее на братьев: один уже вполне возмужал, но второй не собирался стареть.

— Знаменитый друг Шерлока Холмса носил имя Джеймс, — сказал Звягин, нацеливаясь на тугие атласные помидоры. — Читайте «Человека с рассеченной губой». Нам два кило, красавица. Открой сумку с яблоками, Юра.

В завершение базарного утра они купили два гладиолуса: лимонный и пурпурно-черный. Выходя в уличную толчею у метро. Звягин продолжил давешний разговор:

— Эта нераскрытая история чем-то напоминает мне логические загадки, которыми мы баловались в школе... — проговорил он. — Например, человек заходит в кафе и просит у буфетчицы стакан воды. Та вдруг хватает поднос и бьет по стойке. Человек говорит: «Спасибо», поворачивается и уходит. В чем тут дело? Наводящие вопросы следует задавать так, чтобы предполагался однозначный ответ «да» или «нет». Отгадаешь?

— Он обиделся? — спросил Юра.

— Нет.

— Это был пароль и отзыв?

— Нет.

— Они были раньше знакомы?

— Нет. Ну, товарищ стажер, какой же из вас следователь, если не можете решить детскую задачку?

Юра перекинул сумку в другую руку, посопел:

— Он хотел пить?

— Нет.

— Но ему что-то надо было?

— Да.

Проходя мимо пиццерии, Юра невольно покосился на вход, словно там могла открыться отгадка.

Расстояние до дому сокращалось, и петли вопросов сужались.

— А с ним вообще было все в порядке?

— Нет.

Уже в лифте Юра подпрыгнул и закричал:

— Значит, ему что стакан воды, что испуг — одинаково?! И получил одно вместо другого! Он икал и хотел избавиться от икоты — так?

— Наконец-то. — Открыв дверь, Звягин потянул носом и объявил: — Пирожки с капустой и салат из кальмаров. Рота, в столовую!

Ставя цветы в синюю вазу, жена поинтересовалась:

— А с чего ты решил про салат? Он ведь не пахнет.

— Если в воскресное утро наша несовершеннолетняя дочь трудолюбиво варит рис, ты вчера купила майонез, в холодильнике пропадают кальмары, а я люблю все это вместе, то иной вывод невозможен.

После обстоятельного завтрака интересы семьи разделились: дочка отправилась к подруге, сын плюхнулся в кресло перед телевизором, жена взялась за пылесос, а Звягин встал перед окном, сунул руки в карманы и заскучал.

— Юра, — рассеянно сказал он, не оборачиваясь, — а по твоему виду перенапряжения незаметно... И как ты рассчитываешь за неделю, оставшуюся до конца практики, распутать свое дело?

— Дело веду не я, — буркнул Юра. — Есть следователь, работает группа.

— А ты получаешь зачет, и ладно? Если у нас врач-интерн не несет ответственности за результат — так что же, и лечить не надо? Некоторых это очень бы устроило.

— Дело вообще тухлое, — вздохнул Юра. — Типичный глухарь.

— Стоит учиться в МГУ и практиковаться в Ленинграде, чтобы ловить ваших глухарей. Ты через неделю отбудешь продолжать веселую жизнь столичного студента, а тот, кого вы не можете...

— Послушай, — обиделся сын, — мне ведь не приходит в голову учить, скажем, тебя медицине...

— Еще не хватало, — весело изумился Звягин.

— ...Почему же ты хочешь учить меня криминалистике, которую ты не знаешь? Я взрослый, ты не заметил? Ты уже научил меня, чему мог.

— Значит, не научил, — посетовал Звягин. — Криминалистики я не знаю, верно. Зато знаю простую вещь: работа должна быть сделана. Ваша работа — найти его. Вот и все.

— Ага, — сказал Юра. — Вот и все. Читайте детективы и смотрите по телику «Следствие ведут знатоки» — и успех вам обеспечен. Только не забудь попросить преступника оставить следы. Потому что иногда, к сожалению, ухватиться абсолютно не за что. Бывают же у вас больные, которым не могут поставить диагноз?

— На это есть хорошие диагносты.

— Да? Тогда, может быть, ты решишь мою логическую задачку?

— А что? — задето спросил Звягин. — Уверен, что не решу? Пошли погуляем, солнце выглянуло.

Солнце положило бутылочные блики на Фонтанку, нагрело чугун решеток, высветило вдали голубой колпак Троицкого собора: бабье лето...

Отчетливо стуча подкованными каблуками по граниту набережной, Звягин велел излагать подробно и по порядку. Он, видимо, наслаждался предстоящей игрой. (Наверное, герой-сыщик живет в каждом мужчине до

седых волос.) Сын тоном вещего кота, рассказывающего надоевшую сказку, начал:

— Итак, в некотором царстве, в тридевятом государстве жили-были курсант мореходного училища и ученица ПТУ. Они познакомились на танцах и полюбили друг друга. Курсант стал моряком дальнего плавания, а девушка — парикмахером. И сыграли они свадьбу. И родилась у них дочь.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Моряк вырос до старшего механика сухогруза, а жена работала мастером в дамском салоне с обширной клиентурой. И купили они трехкомнатный кооператив. А дочке исполнилось десять лет. И жили они в мире и достатке, и все было хорошо.

И вот тут, — Юра пнул валявшийся спичечный коробок, — сказка кончается, и начинается история странная и скверная.

Его мать с серьезным диагнозом попала в клинику. Требовалась срочная операция, причем риск был большой. Жена вызвала его из рейса радиограммой. Он прилетел, в тот же день дал хирургу согласие на операцию, и назавтра же ее оперировали, очень удачно. Он рассчитывал пробыть еще три-четыре дня и вернуться на судно в следующем порту.

Следующим утром жена встала в шесть часов — как обычно, когда работала в первую смену, с половины восьмого. Приготовила завтрак, разбудила дочку, поцеловала мужа и ушла в пять минут восьмого. Муж посидел с дочкой, пока она завтракала и собиралась, в двадцать минут девятого помахал ей из окна: занятия начинаются в девять, но школа сравнительно далеко.

Он был в прекрасном настроении, шутил. К четырем часам собирался поехать к матери в больницу.

В начале одиннадцатого старушка из соседней квартиры развешивала в лоджии вещи проветривать. Их лоджии рядом, разделены перегородкой. Она слышала, как у соседей бурно спорят о чем-то двое мужчин. Из любопытства заглянула за перегородку: соседская дверь в лоджию была открыта, но завешена занавеской. Слов

она не разобрала, слышит неважно. Потом голоса разом умолкли.

Жена, договорившись в парикмахерской, что часть записанных к ней клиенток обслужат подруги, вернулась домой около часу дня, зайдя по дороге к знакомой заведующей стола заказов и в универсам. На звонок муж дверь не отворил. Она открыла своими ключами и вошла. Муж не отозвался, она сделала несколько шагов через прихожую и увидела его, лежащего ничком на полу в гостиной. Сначала она не поняла, потом с криком бросилась к нему: он был мертв, под головой растеклась кровь.

Через минуту-две (по ее словам), в ужасе не веря происшедшему, она выбежала во двор к телефону-автомату и вызвала «скорую», а затем милицию.

Приехав, мы застали на месте происшествия следующее. Он лежал ногами к двери, головой к центру комнаты. Удар был нанесен в правую височную область головы. В ране обнаружены следы стекла. Осколки тяжелой хрустальной вазы валялись рядом. Согласно экспертизе смерть наступила между десятью и одиннадцатью часами утра.

На столе были остатки завтрака на двоих — две чашки, тарелки, чайник, сахарница, обрезки ветчины, хлебные крошки. Пачка сигарет «Пегас» и окурки той же марки в пепельнице.

Одет он был в домашние вельветовые джинсы и шерстяную рубашку. В карманах — ничего. Никаких следов насилия, кроме этой раны, на теле не было.

Никаких следов борьбы, беспорядка в комнате не было.

Никаких улик типа оторванных пуговиц, потерянных трамвайных билетов, характерного прикуса на окурках — не было.

Тронуто из вещей ничего не было.

А самое главное — никаких отпечатков пальцев и следов обуви тоже не было! Ни-ка-ких! Ни на вазе, ни на чашке — нигде.

Вот такая картина. А теперь остается найти убийцу.

— Н-да, — сказал Звягин. — Придется найти. А то что же: стер за собой пальчики, прошелся по полу носовым платком, — и поминай как звали? Слишком просто захотел отделаться. Кстати, кухонное полотенце или половая тряпка не пропадали?

— Нет.

Они перешли мост и двигались сейчас по Московскому проспекту к Обводному. Звягин расстегнул плащ и сощурился. Молчал, вживаясь в роль.

— Надо представить себе реально дом, квартиру... опиши-ка, — попросил он.

— Хороший район. Огромный четырнадцатиэтажный дом квартир на тысячу. Подъезд закрывается, трехзначный цифровой код. Два лифта. Седьмой этаж. Дверь направо от лифта. В двери глазок, два надежных замка, цепочка. Трехкомнатная квартира с улучшенной планировкой и встроенной мебелью в прихожей. Комнаты изолированные, большая кухня, в ванной и туалете кафель. Паркетные полы. Спальня выходит на северо-запад, на улицу, кухня, детская и гостиная — на юго-восток, во двор. Звукоизоляция приличная...

— Ладно, давай гостиную.

— Девятнадцать квадратных метров. Окно и стеклянная дверь в лоджию — напротив входа. Вдоль стены слева до окна — полированная «стенка»: там фарфор-хрусталь, магнитофон, книги. Справа у окна телевизор, справа от двери — большой угловой диван, перед ним — низкий длинный стол типа журнального, за ним и завтракали. На стене маска черного дерева и икона начала века. Хрустальная люстра.

— А где обычно стояла ваза, которой его ударили?

— На столе.

— Жена, вернувшись, открыла оба замка?

— Нет. Язычок одного был защелкнут, а второй открыт. Как обычно, когда кто-то дома.

— Окна, форточки — закрыты?

— Дверь в лоджию и форточки в кухне и детской открыты и закреплены специально приделанными крючками.

— Итак,— подытожил Звягин,— вырисовывается следующее.

Гость вошел в подъезд — знал код, или кто-то из жильцов как раз входил-выходил. Поднялся на лифте. Позвонил в дверь. Хозяин посмотрел в глазок, впустил его. Они позавтракали. Возник тяжелый разговор, спор. Гость ударил его вазой по голове. Увидел, что он мертв. Стер возможные отпечатки пальцев, протер возможные следы на полу и вышел, защелкнув за собой замок.

Первое. Гость пришел без намерения его убить. Иначе воспользовался бы не вазой, а другим оружием.

Второе. Гость рассудителен и хладнокровен. Совершив убийство, постарался замести следы.

Третье. У них возникло крупное разногласие по серьезному поводу. Прийти в такую ярость, чтоб бить человека вазой по голове, из-за мелочи может только пьяный или психопат. Но пьяный утром хочет опохмелиться, а не есть, психопат же не сообразит стереть следы, он будет близок к невменяемости.

Для начала опросим всех соседей по подъезду, детей, пенсионеров: видел ли кто-нибудь незнакомого мужчину, в дверях, в лифте, на лестнице.

— Само собой. Опрошены буквально все. Никто ничего определенного не видел и не слышал. Дом заселен всего два года назад, большинство жильцов друг друга не знает. А людей ходит много.

— Ждал ли убитый кого-нибудь в то утро?

— Нет. Жена говорит, что он собирался до ее прихода починить воздушную вытяжку над газовой плитой.

— Кто же это в принципе мог быть? Порассуждаем.

Этот человек знал, что хозяин на несколько дней вернулся с моря домой.

Это какой-то его знакомый, или же сказал о себе, что он от знакомого. Иначе с чего приглашать его в дом и кормить завтраком.

Кому еще можно открыть дверь? Почтальону, сантехнику, монтеру, врачу. Но они не станут ни завтра-

кать, ни, тем более, убивать. Однако спокойнее проверить: Ленэнерго, санэпидемстанцию, бытовое обслуживание, — никто в то утро не мог там оказаться?

— У тебя широкий охват, — покачал головой Юра. — Легко сказать. Но мы действительно проверили: нет, никого не было.

— Молодцы, — сказал Звягин. — Давай теперь очертим круг всех, кто знал о его возвращении. Мать. Врач в больнице. Диспетчерская служба пароходства, очевидно. Наверняка — подруги жены в парикмахерской, она просила ее подменить. Кое-кто из соседей, видимо. Родственники в Ленинграде у него еще были?

— Нет.

— Жена кому-нибудь еще говорила о его возвращении?

— Нет.

— А дочка? В каком она классе?

— В четвертом. Тоже никому не говорила. Дети в школе обычно ничего не говорят о делах своей семьи, у них свои темы и интересы.

— Все равно набирается довольно много народа.

— И ни у кого из них нет никаких побудительных мотивов для убийства. Проверяли.

Звягин снял плащ и перебросил через руку. Скривил угол прямого рта.

— А каковы могут быть побудительные мотивы убийства? Хулиганство. Деньги. Месть. Страх разоблачения. Ревность. Любовь. Оскорбление.

— Ваши действия? — безжалостно спросил Юра.

— Первое. Был ли он когда-либо замешан в контрабанде. Если да — остались ли связи.

Второе. На каких судах работал раньше. Имел ли с кем-нибудь по работе столкновения. Пострадал ли кто-нибудь из-за его принципиальности, скажем.

Третье. Были ли у него враги. Кто ему когда-либо угрожал.

Четвертое. Женщины. Не было ли у него романа с дамой, имеющей ревнивого мужа или поклонника.

Пятое. Нет ли у него внебрачных детей.

Шестое. Нет ли с кем романа у его жены, пока он в море.

Седьмое. Есть ли у него долги. Если да — то кому и сколько.

Восьмое. У моряков часто постоянные знакомства в комиссионках. Не было ли у него там подозрительных дел.

Девятое. Играет ли в карты, склонен ли к финансовым аферам.

Десятое. Был ли он когда-нибудь кем-нибудь обижен, ущемлен, обманут, обойден по службе.

Ну как? — деловито спросил Звягин. — И выяснив все это, останется лишь узнать, кому стало известно, что он дома.

— А ты не слишком широко раскидываешь сеть, пап? — поддел Юра. — Вместо того, чтобы выдать версию или хотя бы несколько версий, предлагаешь подозревать всех подряд? Так работать невозможно. Тебе придется полгорода перетрясти. Это не наши методы.

— Смотрел я в детстве такое кино — «Кто вы, доктор Зорге?». Среди прочего там показывалось, как японская контрразведка вычислила его, бывшего, казалось, вне всяких подозрений. Они просто составили схему, в которую включили абсолютно всех, кто мог иметь какое-то отношение к утечке информации. И скрупулезно прорабатывали каждую кандидатуру. Только и всего.

— Только и всего, — сказал сын. — Странно, что когда ты смотришь кино про врачей, то воспринимаешь его не как руководство к действию, а как повод для издевок над нелепицами. «Только и всего». Один пустяк — по этому делу у нас чуть-чуть меньше людей и средств, чем у японской контрразведки для охраны государственных тайн. Можно обратить на это внимание Литейного, но боюсь, что он нас не поймет.

— Пинкертоны! — рассердился отец. — Не могут найти убийцу, а в оправдание приводят доводы, что у них меньше сил, чем у японской контрразведки! Тогда перечитай «Шерлока Холмса» и определи преступника:

нет следов и ничего не взято — значит, он умный и богатый, скорее всего академик, причем интересуется моряками. И иди арестовывать академика-гидролога.

— Ну я ведь тебе не советую вместо учебника по анатомии читать «Доктора Айболита», — расстроился Юра.

— По существу — на мои предложения ответы есть?

— Представь себе. По-твоему, мы зря шестнадцать суток землю роем? Он был очень спокойный, уравновешенный, миролюбивый человек, несколько пассивный даже, как утверждают. Осторожен, дисциплинирован, никогда не нарушал никаких правил, со всеми жил в мире. Честен. Морально устойчив, что называется. Ничего подозрительного, ничего предосудительного за ним не водилось. Никаких врагов, никаких обид. Короче — ни один из перечисленных тобой пунктов не подходит.

По железнодорожному мосту над Обводным погромыхивая тянулся дневной поезд «Ленинград—Москва». Звягин проводил его взглядом, сказал:

— Кто-то мог ему завидовать. Просить деньги в долг. Напомнить о какой-нибудь услуге, которую некогда оказал.

— Проверяли. Не подходит.

— Хм. А скажи-ка, моряки обычно страхуют жизнь,— он был застрахован?

— На десять тысяч.

— Деньги, очевидно, получит жена?

— Семья.

— А тебе не кажется странным, что жена после «скорой» вызвала милицию? Обычно в таких случаях милицию вызывает сама «скорая» по прибытии на место. Смотри: она еще не верит, что муж умер, в ужасе надеется вернуть его к жизни, зовет врачей, — мысль о милиции должна прийти позднее. В каком она была состоянии, когда вы приехали?

— Истерика... «Скорая» успела тут же, ей дали нашатырь, накапали каких-то капель.

— Видишь. В первые минуты такого потрясения человек парализован горем, он еще не в состоянии думать о преступнике, розыске, мести... Считаю этот ее поступок психологически малодостоверным. Словно она заранее знала о случившемся... Предлагаю версию: у нее есть никому не известный партнер, подчинивший ее своей воле, который и убил, чтоб жениться на ней и завладеть всем добром.

— «Леди Макбет Мценского уезда». Ясно. Мой шеф очень одобрил бы ход твоих рассуждений. Это тоже отработано. Нет.

— Точно ли?

— Женщина не может скрыть от подруг, с которыми работает годами, своих чувств при приезде мужа и в его отсутствие. Она натура открытая, говорлива, общительна, и чтобы никто в парикмахерской, где они вечно откровенничают о своих женских делах, ни о чем даже не догадывался — невозможно.

— Стоп, — резко сказал Звягин. — Он наследует матери, так? Может быть еще кто-то, кто в случае его смерти получает ее имущество? Его десятилетняя дочь, а еще? Есть у матери близкий человек? Нет ли у нее чего-нибудь редкого и ценного, вроде старинной вазы, например, стоимости которой она сама даже не представляет? А?

— Красивая версия, — оценил сын. — Изящная. Но ссора из-за наследства — распространенный вариант, к сожалению. Имущество матери довольно скромное, в больнице она составила завещание на сына, и никого у нее больше на свете нет. Отработано.

— Трудный у вас хлеб, — признал Звягин. — «Доверяй, но проверяй». Даже родных, для кого это трагедия...

— А что делать. Бывает всякое. Когда вы проводите больному такие процедуры, что он от боли зеленеет — для его же пользы стараетесь. Иногда и мы касаемся больных мест — чтоб излечить от большего зла.

— Красиво говоришь, стажер... Ну и что вы теперь предпринимаете?

— Ищем, — дипломатично отвечал Юра.

Огромный фургон, с ревом газуя перед светофором, обдал их черными клубами выхлопа.

— Никаких условий для воскресной прогулки, — зло сказал Звягин. — Чему ты улыбаешься — что я еще не сказал тебе, кто убил?!

— Ты очень правильно рассуждал, — утешил Юра.

Игра игрой, но Звягин завелся, и сыновнее утешение лишь подлило масла в огонь.

Дома он постоял, посвистывая, перед книжными полками, вытащил Честертона, Конан-Дойля и Сименона и повалился на диван.

— Па-апа, — протянула дочка, — вот не думала, что ты способен на такое мелкое чувство, как зависть. Ты что, завидуешь Юрке, что он у нас сыщик? Хочешь и здесь доказать свое превосходство?

— Стоит ли доказывать неоспоримые истины, — хмыкнул Звягин, с комфортом задирая ноги на подлокотник. — Спустилась бы ты лучше в магазин за молоком.

Дочка самолюбиво вздернула носик и, выражая всем видом полную независимость, проследовала на кухню. «И „Турецкий марш" свистит, — донесся до Звягина ее фискальный доклад. — Юркино преступление решил расследовать, вот увидишь».

Жена явилась пред очи Звягина несравненно раньше, чем была прочитана первая страница.

— Ты мало похожа на молоко, которое я просил, — удивился Звягин. Подумал и добавил: — Разве что на закипающее.

— Леня, — взвилась она, — охотиться за преступниками я тебе не дам. Я со всеми твоими выходками мирилась, но бегать по крышам за убийцами и лезть на ножи я тебе не позволю. Все!

— Я что, не могу в свободный вечер Конан-Дойля почитать? — пожаловался Звягин.

— Когда ты чем-то помогаешь людям — это одно. Но чтобы ловить преступников, существует милиция. Хватит с меня того, что Юрка выбрал себе такую профессию, я ночей не сплю.

— То-то я тебя по утрам бужу — будильника ты не слышишь, — поддакнул Звягин.

— Пожалуйста, прекрати паясничать! Это мое последнее слово! — Она содрала с себя передник, швырнула на пол и ушла, хлопнув дверью спальни.

— Светка, — скомандовал Звягин дочери, — даю вводную: повар выбыл из строя, обед должен быть подан в срок и личный состав накормлен. Приступай по кухне.

— А молоко?

— Юрка сходит. — И Звягин отправился в спальню мириться с женой.

Дочка подняла брошенный передник, оглянулась и, пройдя на цыпочках, приложила ухо к двери. От которой и была оттащена за короткую светлую стрижку морально устойчивым старшим братом.

— Мало я тебя учил не подслушивать? — грозно вопросил он на кухне. — Давай обед доготавливай, есть охота.

— Болтун, — последовал высокомерный ответ. — Отцу завтра на суточное дежурство, а он теперь о чем думать будет? У него, по-твоему, своих проблем мало? Не думаю, чтобы следователю полагалось трепаться дома о том, чем занимается уголовный розыск!

Хорошая совместная трапеза, как давно замечено, весьма способствует умиротворению и взаимопониманию. После обеда Звягин миролюбиво подмигнул жене и уселся за ее рабочий стол, включив настольную лампу.

— Какими достижениями в английском языке порадуют нынче твои вундеркинды? — придвинул пачку тетрадей, раскрыл: — Та-ак, план сочинения «Моя семья»: мой папа, моя мама, кем работает... знакомо. Доверишь? — взял красный карандаш.

— Уж чего ты не знаешь, так это английского, — еще сердясь, сказала жена.

— Охоту отбили, — вздохнул Звягин. — Семь лет в школе, три в институте, а куда его употребить?

— Как же ты собираешься проверять? — ворчливо отозвалась она.

— Не в первый раз. В пределах пятого-то класса я благодаря тебе давно им овладел, — уверил он. — Демонстрирую: Пит хэз а мэп. Афтэ брэкфэст. Годится?

На четвертой тетради он вдруг задумался, глядя в пространство. Выстучал пальцами по полированной крышке стола знакомый мотив. Поцокал языком. Поднялся.

В прихожей сын болтал по телефону. Звягин, косясь на него, принялся надраивать и без того сияющие туфли.

— Юра, — произнес он небрежно, — хочешь пари?

— Какое?

— Сейчас шестнадцать пятьдесят две, воскресенье. Ровно через неделю я дам тебе ответ по вашему делу.

— И можно будет подходить и брать тепленького преступника?

— Можно будет. Одно условие: матери ни звука.

— Пап, — сказал Юра, — ты как маленький, честное слово.

— Ставлю свой «Роллекс» с музыкой, — Звягин потряс запястьем с часами. — Мужской спор, ну?

— Против чего? — подозрительно осведомился Юра.

— Что с тебя взять... Когда женишься — привезешь сначала невесту в гости, познакомиться. Я-то, знаешь, думаю, что это ни к чему, но мать иногда очень переживает. Идет?

— Возмутительно, — сказал Юра.

— Боишься проиграть?

— Да не нужен мне твой «Ролекс».

— Ты его еще и не получишь.

— Тем более.

Противиться отцовскому напору всегда нелегко.

— Светка! — позвал Звягин. — Разбей-ка, девушка, нам руки.

— Не спорь с отцом, — мудро предостерегла девушка, — все равно проиграешь. Ты что, не знаешь его?

— Разбивай!

Звягин удовлетворенно ухмыльнулся и со значением посмотрел на часы:

— Итак, шестнадцать пятьдесят семь. Неделя сроку. Отсчет времени пошел. Приступили. Дай мне, пожалуйста, адрес и фамилию этого несчастного стармеха.

— Э-э, — покачал головой Юра. — Не имею права. В некотором роде служебная тайна. Ты сам двадцать лет погоны носил, понимаешь ведь.

— Служебную тайну надо хранить, — одобрил Звягин. — Ладно, иди вынеси помойное ведро.

Когда через пять минут сын вернулся, Звягин развлекал семью байками из жизни «скорой». Мельком спросил:

— Кстати — как звали врача, приехавшего туда? Как он выглядел, не помнишь?

— Не помню, — твердо ответил Юра. — Кажется, был в халате. А ниже халата — ноги. Две. Нечестные приемчики, пап.

— Сейчас будут честные, — кротко согласился Звягин и снял телефонную трубку. — Алло, центр? Звягин с двенадцатой станции. Илюха, ты? Вечер добрый. Слушай, две с половиной недели назад было убийство в квартире, черепно-мозговая, мужчина около тридцати пяти лет. Не помнишь, на твоем дежурстве?

— Папа! — возмущенно возопил Юра.

— А? Нет, это телевизор орет. Убавь звук, Юра. Не было? А кто тебя менял? Хазанов? Спасибо.

Сын ошарашенно слушал. Светка хихикала.

— «Скорая» знает все, — наставительно произнес Звягин, набирая номер. — Сашка? Слушай вопрос... — он повторил данные. — Что, Заможенко выезжала? С девятой станции?

Он позвонил еще раз и достал ручку:

— Кораблестроителей сорок шесть, корпус первый, квартира двести шестьдесят четыре. Стрелков Александр Петрович...

Жена спросила обеспокоенно:

— Что это значит? Зачем тебе адрес? Леня!

— Наш сын поспорил со мной, что я не смогу узнать адрес и фамилию пострадавшего, — безмятежно солгал Звягин. Повернувшись к сыну, успокоил: — Я мог сам

приехать на этот вызов. Мог услышать от коллег случайно. Не переживай, никакого нарушения тайны здесь нет.

И чтобы окончательно успокоить жену, он убрал детективы обратно на полку. Отпарил брюки. Смешал эпоксидную смолу со специально принесенными металлическими опилками и этой массой надставил стершиеся каблуки — вместо набоек. Не насвистывал, не расхаживал по дому, не тянул холодное молоко через соломинку, — не проявлял никаких признаков, по которым жена безошибочно догадывалась о его очередном непредсказуемом увлечении.

Не находя себе дела, вечером трепался по телефону со знакомым — против обыкновения долго. Знакомство случилось зимой — Звягин вез его с «падения на улице», когда тот, поскользнувшись в гололедицу, получил сотрясение мозга. Знакомый все рассказывал о своих головных болях и, поскольку работал в роно, о проблемах и выгодах школьной реформы.

Последний понедельник месяца — день для «скорой» как правило неспокойный: получка и предшествующие выходные способствуют, так сказать, некоторой рассеянности на производстве. На первый вызов покатили прямо в девять утра — ранение стеклом на мебельной фабрике. Кровопотеря была большая, пострадавшая — тоненькая девчонка, отчаянно перепуганная, — выдала шок, и обычная работа начисто вытеснила у Звягина из головы все посторонние мысли.

Не успели ее отвезти, только отзвонились по рации, — следующий выезд: «придавило плитой». Парень распластался на полу цеха, как тряпичная кукла, жили только его глаза — огромные и молящие. Безмолвная толпа расступилась.

Переложить на носилки. Задвинуть в салон — машину загнали прямо в цех. Врач и два фельдшера — шесть рук: ножницы срезают одежду, лохмотья на пол; раушнаркоз; интубируем (не идет трубка в трахею, не идет, пошла); отсос; листенон в вену; заработал «Полинаркон», задышал; подключичный катетер, капельница; давление по нулям, растет, порядок, растет; шинируем...

— На Костюшко, Витек. Быстро поедем.

Воет сирена, на виражах со звоно́м вылетают флаконы из держателей, хрустят в пакете пустые ампулы — полная пригоршня набралась. Сутки только начались — уже второй халат в крови, снова менять.

По возвращении на станцию, глядя сверху из окна, как фельдшер моет распахнутый салон, Звягин определенно пообещал себе никогда в жизни чужими делами больше не заниматься. Пусть ими занимаются те, кому на работе делать нечего.

И ровно через сутки он звонил в дверь квартиры, так хорошо знакомой ему по Юриному описанию.

— Звягин, — коротко представился он. — Принимаю участие в следствии. — Эта обдуманная фраза не содержала в себе прямой лжи, вполне объясняя его визит.

Наверное, вид Звягина соответствовал представлению женщины об орле-сыщике (каковым он сейчас в глубине души себя и чувствовал):

— Входите.

И, как всегда бывает, встреча с живым человеком превратила абстрактную задачу в конкретную жизненную ситуацию: игра стала действительностью, пути назад не было.

— Можно осмотреть гостиную?

— Пожалуйста...

Она была еще молода, красива резкой грубоватой красотой — крупной лепки лицо, крупная полнеющая фигура. Ощущалась в ней спокойная жесткость, рожденная осознанием потери и грядущих тягот женской жизни. Судьба ее не баловала, всего приходилось добиваться самим, а вот теперь мужа не стало, и надо жить дальше и поднимать дочку.

— Ваза стояла здесь? — зачем-то спросил Звягин, указывая на стол.

— Да, — подтвердила она то, что он и так знал от Юры.

— Скажите, у него были в доме приятели? К вам иногда заходил в гости кто-нибудь из соседей?

— Соседка с десятого этажа. Она в то утро была на работе. К нему еще иногда заходил Коля Брагин, из двести девяностой квартиры. Он тоже моряк.

— Сейчас в рейсе?

— Нет, дома.

— А кто из соседей знал, что ваш муж вернулся?

— В соседней квартире на площадке, у лифта увиделись. А так, вроде, больше никто. Извините, — она вышла, и Звягин услышал из другой комнаты: «Алиса, тебе через полчаса на фигурное катание! Опять по английскому тройка будет!»

— Школьные проблемы? — спросил Звягин, входя к ним.

М-да, была типичная современная благополучная семья: единственный ребенок, которого загоняют в английскую спецшколу и на фигурное катание, гордясь перед друзьями успехами отпрыска.

Девочка ничего не знала: ей сказали, что отец вернулся на корабль... Проявившему интерес Звягину рассказали о школьной программе, поделились надеждами и успехами, даже показали тетрадки, которые с первого класса хранились в шкафу, аккуратно собранные в пачки и перевязанные ленточками разных цветов: «На память». Очевидно, будущее дочери являлось теперь главным интересом в семье...

Брагин оказался жизнерадостным пузаном, но узнав, по какому вопросу гость, явно встревожился.

— Я ведь уже давал показания, — сказал он, не пуская Звягина дальше прихожей.

— Необходимо уточнить. — (Боится. Явно боится!) — Вы знали, что Стрелков дома?

— Нет.

— Где вы были в то утро?

— Дома. Я. А жена на работе.

— И никуда не выходили?

— Нет.

— Что вы слышали между десятью и одиннадцатью часами?

— Ничего не слышал. Смотрел телевизор.

— Какую передачу?

К разговору подключилась жена Брагина, эдакая агрессивная запятая в кудельках:

— Мы уже все рассказали, сколько можно повторять! Ходят тут, допытываются... Что, Коля его убил, что ли? Следователи...

— Леночка, — заюлил Брагин, — не надо раздражаться. Мы с товарищем поговорим на лестнице, — он сунул ноги в туфли.

— Только недолго! Обед стынет!

Пройдя мимо лифта, они вышли на балкон, второй выход с которого вел на черную лестницу. Оглянувшись, Брагин вполголоса укоризненно сказал:

— Я ведь просил вашего коллегу... А вы теперь опять. При жене...

— Ну так как все было? Правду!

— Я к ней зашел в половине десятого. А ушел в час.

— К кому?

— Синкевич Наталье Саввишне.

— Вот! — сказал Звягин. — Вот! Адрес?

— Квартира двести девяносто шесть. Этот же подъезд.

— Она это может подтвердить?

— Она уже и подтвердила. Только не ходите к ней сейчас, прошу вас!

— Почему? Чтоб успеть ее предупредить?

— Не надо так... У нее сейчас все дома, ну... Как мужчина мужчину, вы можете меня понять?..

— Тьфу, — сказал Звягин. — С этим вопросом обратитесь к ее мужу.

Вежливый смешок в ответ:

— Но ведь здесь нет уголовного нарушения?..

— Нет, — ответил Звягин. Он отчего-то повеселел. — Стрелков вообще часто заходил к вам домой?

— Заходил иногда. Посидеть, поговорить, футбол там посмотреть по телику... Как жалко парня, слов нет... Знать бы, какая сволочь это сделала...

— Ладно, — сказал Звягин. — До свидания.

Вечером он вернулся домой в самом бодром расположении духа. Где он был? Заехал в гости к тому самому знакомому из системы образования. Зачем? Да тот все жалуется на головные боли, — ну поговорить, успокоить, пообещал достать ему ноотропил.

Произошло неслыханное: жена потребовала номер телефона и позвонила с контрольной проверкой — действительно ли был там Звягин, сколько и с какой целью. Подозрения точили ее.

— Ира, — сказал Звягин, — ты мне льстишь.

— То есть?

— Когда жена звонит кому-то, выясняя, был ли там ее муж, это понимают однозначно: он подозревается в измене. А ничто так не льстит мужчине, как обвинение в любвеобильности.

Мир был восстановлен — хрупкий, как весенняя льдина. Собственному сыну Звягин был вынужден назавтра назначить свидание вне дома — в вестибюле Пушкинского театра (на улице хлестал обложной дождь).

— Юра, — обратился он, стряхивая воду с плаща, — вынужден просить помощи. Сам бы проверил, но времени мало. Вот списочек, — вынул из кармана и развернул пять больших листов, исписанных с обеих сторон.

— Что это за адреса? — спросил Юра недоуменно, облокотясь о закрытое окошко кассы.

— Ты бы мог выяснить, не ограблены ли за последний год-два несколько из этих квартир? Я думаю, есть у вас подобная картотека? Сделаешь завтра?

— Не уверен, — протянул Юра, шаркая ногой по мраморному полу. — Откуда, почему, как?.. — Пробежал глазами список. — Разбросаны по всему городу...

— Необходимо выяснить три момента: факт ограбления, пойманы ли воры и целы ли дверные замки.

— Что за странная акция? Ты что задумал?

— Мы договорились лишних вопросов не задавать.

— У нас не частная лавочка, — заявил Юра. — Расскажи, в чем дело, — потребовал он.

— И не подумаю, — отверг Звягин. И нанес удар ниже пояса: — Часто тебя родной отец о чем-то в жизни

просил? Не переживай, — утешил, — если удастся, я тебе подарю результат, и практикант раскроет небывалое дело, заложив краеугольный камень в фундамент своей карьеры. Устраивает?

В мучительном затруднении Юра наморщил лоб:

— Но как я доложу это по начальству?

— А как хочешь, — беззаботно отозвался Звягин. — Чтоб мой сын — да не нашел способ. Можешь ты вообще не докладывать?

— Ну, папа, ты даешь. — Иных слов сын не нашел.

На станции «скорой» три бригады купили вскладчину старенький телевизор в комнату отдыха, откуда Звягина и позвали вниз к телефону — сын справился с заданием и теперь звонил из автомата, соблюдая внутрисемейную конспирацию.

— Есть! — закричал он возбужденно.

— Не может быть, — лениво сказал Звягин, скрывая нетерпение. — Сколько?

— Три! Три! Скажи, что это за список?

— Что ж, три из двухсот — неплохой процент попаданий, как ты считаешь? Раскрыты?

— Нет. Глухари...

— Очень хорошо! — сказал Звягин.

— Чего ж тут хорошего?..

— А замки?

— В одной — целые, в двух — замки со следами посторонних предметов.

— Что значит — посторонних предметов? — обеспокоился Звягин.

— В просторечии — следы отмычки, — пояснил Юра.

— Да?.. Ты уверен, это точно?.. — спросил Звягин обескураженно. — Странно... Очень странно.

В автоматной будке на другом краю вечернего города Юра с суеверной нерешительностью задал вопрос:

— Как ты узнал про нераскрытые ограбления, пап?..

— Силою данного мне природой мозга, — туманно ответствовал Звягин. — Читайте «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Однако, вернувшись наверх, продолжил он чтение книги менее знаменитой, хотя также не лишенной некоторых скромных достоинств, — то были «Рассказы следователя» Бодунова и Рысса. Задумчиво перелистав дело о «Черных воронах», он посвистел «Турецкий марш», вдруг улыбнулся и ошарашил фельдшера одним из своих непредсказуемых вопросов:

— Гриша! Что ты знаешь об артиллерийском обстреле?

Лохматый Гриша к подобным вопросам относился с комической серьезностью, пытаясь уловить звягинскую мысль и не уступить в этом состязании остроумий.

— Что снаряд дважды в одну воронку не попадает, — по размышлении отвечал он.

— Гениально! — похвалил Звягин. — В награду вытащи из моего портфеля пачку индийского чаю и завари свежий.

Следующий день, сменившись с дежурства, он начал с действий необычных и труднообъяснимых. Критически осмотрел себя в зеркало и бриться не стал. Порылся в кладовке и приступил к одеванию: спецовка, хранившаяся после ремонта, отслужившие свой век ботинки и старая нейлоновая куртка. В потертый саквояжик покидал гаечные ключи, молоток, плоскогубцы и моток проволоки. Натянул на макушку школьную Юркину кепку и отбыл.

Вернуться домой до прихода жены он не успел. Странная экипировка была оценена ее наметанным глазом, дознание не замедлило последовать, гром грянул.

— Где ты был?

— У Жени испортилось паровое отопление, попросила починить.

— А слесаря она не могла попросить?

— Он болеет. Пока его допросишься...

— А почему ты так одет?

— Что мне, при галстуке с ржавым железом возиться?..

— А зачем кепка?

— Дождь на улице. Ты не находишь, что идти в ватнике под зонтом как-то смешно?

— Леня, почему ты небрит?

— Раздражение на коже появилось. Да что за допрос!

— Что у тебя в портфеле?

— Гаечные ключи! — он погромыхал портфелем.

Дочка, выглядывая из кухни, не выдержала, пропела:

— Па-апка, ты похож на взломщика.

— Я пошел спать, — категорически заявил Звягин. — Я после дежурства, граждане.

— Ты сначала ответь правду!

— В сказках, которые ты так любишь, — напомнил он, — полагается героя сначала накормить-напоить, попарить в баньке и уложить спать. А наутро он держит ответ...

— И баба-яга остается в дурах, ты это хотел сказать?

Со всей возможной скоростью Звягин удрал в спальню.

Вечером Юра застал семейный совет в разгаре: мать и дочь, по-бабьи подперев руками задумчивые головы, пригорюнились на кухне, решая вопрос: не превратился ли отец и муж из самодеятельного сыщика в того, кто сам преступил черту законов вследствие своих манипуляций, и какая судьба ждет теперь семью. Прогнозы, судя по их лицам, были неутешительные.

За полночь в спальне произошел тихий сеанс пиления супруга.

— Вот тяпнули бы меня по голове, — зевая, отвечал Звягин, — ты бы не так рассуждала.

— Там куча специалистов работает! Тебе бы только всю жизнь в игрушки играть! Не врач, а... не знаю, что.

— Врач — значит, больше ни на что уж и не гожусь? — наигранно обиделся он. — Ну дай мне поиграть, что тебе, жалко? Ну не люблю я, когда людей бьют по голове, не люблю. Нам их потом откачивать. А они иногда все равно умирают. Так что можешь считать мою

игру продолжением служебной деятельности, если тебе легче будет. Чем меньше битых, тем меньше нам работы.

— На это существует милиция!

— Милиция сильна поддержкой всех честных граждан, — демагогически парировал Звягин.

— Тогда почему ты ходишь с заговорщицким видом, как мальчишка, а не поделишься с Юрой, что ты придумал?

— Если я ошибаюсь — нечего морочить им голову. А если прав — сначала доведу дело до конца. Оцени благородство моей позиции — лавры отдам специалистам, хлопоты оставлю себе.

— От благородства твоей позиции у меня седые волосы появляются, — сказала жена. — И почему ты не пошел в сыщики? — вздохнула она.

— Не, — отверг Звягин. — Меня при моей жестокости характера туда пускать нельзя. Много жертв было бы.

Утром Юра, вставший в шесть часов на утреннюю пробежку, застал отца в кухне. Стол был застелен газетой, и на газете той разложен разобранный дверной замок. Во втором замке Звягин ковырялся какими-то изогнутыми проволочками.

— Не открывается, — пробурчал он себе под нос. — Не открывается, но это еще не факт.

Вытряхнул из замка начинку и стал рассматривать через большую лупу. Увлеченный, он не замечал ничего кругом.

— Что это ты с утра? Замки чинишь? — Юра натянул свитер и присел, завязывая кроссовки.

— А, ты? — оглянулся Звягин. — Вот тебе следы посторонних предметов в замках, — указал пальцем.

— В любом замке поковыряться — останутся следы, — пожал Юра плечами.

— Вот именно. А скажи: если замки разные, то следы тоже будут разные?

— Вероятно... Думаешь, так уж сверхточно можно все определить? Лучше объясни: ты связываешь квартирные кражи с убийством?

— Да, — кивнул Звягин. — Попробуй-ка связать ты?

Юра присел на одной ноге, взял за ножку табурет и так, держа его на вытянутой руке, выпрямился.

— Ты хочешь сказать... Ты хочешь сказать, что он был причастен к этим кражам?..

— В некотором роде.

Юра сел верхом на табурет и по-кавалерийски взмахнул рукой:

— Ссора с сообщником? Он решил выйти из дела? Не поделили награбленное? Хотел явиться с повинной и все сообщить?.. — Он потер лоб. — Кого ты подозреваешь?

— Женщину, — сказал Звягин.

— Какую женщину?!

— Умную. Привлекательную. Властную.

— Кто она?!

— Иди бегай, — сказал Звягин. — Уже четверть седьмого, скоро мама встанет, — и принялся убирать со стола.

— Папа! У меня сегодня последний день практики!

— Ни пуха ни пера.

— Мама уже встала, — сказала жена, бесшумно появляясь в дверях. — О какой женщине речь, могу я поинтересоваться?

Звягин рассмеялся и покаянно опустил голову:

— Все, — объявил он, — расследование закончено. Я просто шутил, провоцируя нашего сына на усиленные поиски. Но — не получилось! Даю слово, что в сыщики я больше не пойду, — да, это не мое дело.

— А список квартир? — в голос спросили жена и сын.

Звягин махнул рукой и хмыкнул:

— Я узнал адреса трех человек, ограбленных в последние два года: такие рассказы передаются ведь от одних знакомых другим; и приписал еще сотню адресов — первые, что на ум пришли.

— Зачем?!

— Наверное, у меня отсталые взгляды, но мне показалось, что для честного человека у него слишком

много добра в квартире. Вот и думал таким образом навести вас на поиски...

— Ты ребенок, — сказал сын.

— Ты... ты смешон, — сказала жена.

— Ты проиграл пари! — разочарованно закричала из другой комнаты дочка (чтобы она, да упустила случай послушать разговор взрослых!).

А Звягин, смущенно ища мира, хлопнул сына по спине, поцеловал жену и предложил:

— В искупление вины я готов преодолеть свою врожденную неприязнь к музеям. Хочешь, пойдем сегодня в музей?

Это было полной и безоговорочной капитуляцией. Не привыкшая к подобным ситуациям жена слегка растерялась.

— В какой? — со скрытой жалостью спросила она.

— В любой. Но лучше в тот, который поближе, — попросил он. — Например, в музей-квартиру Достоевского, он совсем рядом.

— У меня сегодня четыре урока, я раньше двух не вернусь.

— Я тебя встречу у школы, — сказал Звягин. — Пойдем пораньше. А потом все вместе пообедаем, к тому времени и Юрка вернется.

Следует заметить, что культпоход в музей пролил мало бальзама на истерзанную сомнениями душу супруги. Ибо Звягин как-то мимолетно ухитрился затеять флирт с экскурсоводом, милой очкастой девицей. Жена, демонстрируя полное равнодушие и независимость, с преувеличенным интересом разглядывала дагерротипы и рукописи в витринах, пока Звягин, негромко урча своим металлическим баритоном, болтал с девушкой, не сводящей с него глаз. В заключение он записал ей телефончик, что переполнило чашу терпения законной жены.

— Леня, — сказала она, дрожа бровью, — нам пора домой.

— Одну минуточку, — нагло сказал Звягин.

— Ты можешь остаться, если хочешь, я сама дойду.

— Извините, — с прочувственным вздохом обратился Звягин к собеседнице, — дела отзывают меня... Вы не забудьте, я жду.

Обратно следовали в молчании. Лицо жены окаменело. Звягин же, напротив, расплывался в ухмылке.

— Какое-то дикое издевательство! — взорвалась она наконец. — Музей, музей! Если тебя влекут такие знакомства, то зачем звать с собой меня!

Звягин врос в тротуар, как памятник, так что шедшая сзади толстуха с сетками от неожиданности ткнулась в его широкую спину и высказалась нервно.

— Ира, — громогласно воззвал он, — тебе есть чем меня попрекнуть? Ну скажи — есть?

Прохожие, сдержанные ленинградцы, оглянулись с юмором и сочувствием. Железная рука приняла жену под локоть и не дала спастись бегством.

— Могу тебя заверить, — поклялся Звягин, — больше я ее никогда в жизни не увижу.

— Да? — сказала жена голосом треснувшего колокольчика. — Да? А телефончик?

— Снимай всегда трубку сама и спрашивай, кто звонит.

— А если это рабочий номер?

— Да-да-да. Только нам на «скорой» и дела, что пить чай и болтать по телефону, как раз один на всю станцию. Если б я придавал этой невинной болтовне какое-то значение — неужели стал бы назначать свидание у тебя на глазах, как ты думаешь?..

Когда в женщине разбужена ревность, думать ей трудно. Жена успокаивалась медленно.

— Куда мы идем? — спросила она, оглядываясь.

— Просто гуляем. — Звягин остановился у прокатного пункта.

— Что тебе здесь нужно?

— Давай купим с получки приличный фотоаппарат, — неожиданно предложил он. — Глупое, конечно, занятие — всю жизнь собирать коллекцию собственных фотографий, но приятно будет в старости посмотреть,

какими мы были — ого, а? Когда мы с тобой в последний раз фотографировались?

— Подлизываешься. — Жена неуверенно улыбнулась. — Пытаешься загладить вину?..

Они взяли в прокате «Зенит» и тут же пошли в магазин покупать пленку. Это было вполне в характере Звягина: возникшие желания должны реализовываться безотлагательно. «А то все удовольствие пропадает. Захотел — сделал, чего тянуть, жизнь коротка. Здесь и сейчас!»

Они сфотографировались у цепей Чернышева моста, после чего отправились в кулинарию «Метрополя» и купили торт.

В половине шестого явился Юрка и с порога поведал:

— Все! Практика подписана — пять баллов.

Вечером по телевизору смотрели «Вокруг смеха», зал хохотал и хлопал подбоченившемуся Жванецкому, и все было хорошо, только легкая грусть висела, что сын послезавтра уезжает.

— А как же ваше пари? — бестактно не выдержала, по молодости лет, дочка.— Юрка, вы так его и не нашли?

— Найдем,— пообещал он, прожевывая торт.— Никуда не денется. Ничего, найдут и без меня.

Несмотря на предостерегающий взгляд жены, Звягин не сдержался:

— Хорошая точка зрения: без меня сделают, без меня справятся, без меня все устроят. Ничего в этом мире не будет без тебя! Неужели ты еще не усвоил: будет только то, что сделаешь ты, сумеешь ты, добьешься ты. А иначе будешь иждивенцем, кандидатом в пенсионеры, и только. Воспитывал я тебя воспитывал, а ты мне такие вещи брякаешь.

В неловком молчании жена нарезала лимон на тонком фарфоровом блюдце. Юра насупился. Звягин отстегнул с запястья «Роллекс» и нажал кнопку, слушая, как тончайшие звоночки выстраивают знаменитейшую из мелодий Гершвина. Силой вложил часы в сопротивляющуюся руку сына.

— Не надо.

— Надо, — жестко сказал Звягин. — Держи. Уговор дороже денег. Был честный мужской спор.

На задней крышке часов было выгравировано только два слова: «На память». И стояла дата. Дата была послезавтрашняя.

— Зачем?.. — спросил покрасневший Юра.

— Затем. Если хочешь побеждать — помни поражения.

Всю субботу Юра переживал, вздыхал и хмурился. Зато Звягин был весел — посвистывал, посмеивался, после завтрака взял фотоаппарат и пошел бродить по городу и снимать слайды, благо день выдался ясный.

А в воскресенье они втроем отправились погулять на прощание. Женщины их поняли и на пару часов отпустили: мужчинам должно быть о чем поговорить перед разлукой. Тем более нестарому отцу со взрослым сыном.

Желтые листья прилипли к мокрым мостовым, серый сырой воздух был проткан дымком и бензином. Водяная пыль дымилась и шелестела под колесами машин, редкие прохожие под зонтами спешили вдоль стен. Звягин любил такие дни: тихо и спокойно на душе.

— Пешие прогулки оч-чень полезны для здоровья, — сказал он, поднимая ворот реглана.

— Пап, — тихо сказал Юра, — я все понимаю... Ты зря подумал, что я к этому небрежно, ну, легко отношусь... Я делал все, что мог, и если б не конец практики, мне же на занятия возвращаться...

— Э, — легкомысленно отмахнулся Звягин. — Жизнь устроена так, что делать надо не столько, сколько можешь, а столько, сколько надо. Уж ты прости мне эти нудные отцовские наставления... А дождик-то мокроват, а?

Он вскинул руку, и такси, лихо выписывая вираж по маленькой круглой площади, притормозило, с шипением проскользив по асфальту.

— В Купчино, — заказал Звягин, раскидываясь на сиденье.

— Зачем? — удивился Юра. — Что там интересного?

— Никогда не знаешь, где подвернется что-нибудь интересное. Погуляем среди массивов новостроек — для разнообразия, м?..

У Парка Победы шофер спросил:

— Куда?

— Ну, например, на Бухарестскую, — пожал плечами Звягин.

— А на Бухарестской? — последовал недовольный вопрос.

— А вы дотошны, однако. Ну, дом пятьдесят шесть.

У пятьдесят шестого номера он скомандовал:

— Во двор. — Положил на приборную доску двадцатипятирублевку. Приказал: — Ждать здесь. Ровно час. В накладе не будете.

В подъезде Звягин критически обозрел Юру, опустил ему воротник плаща и поправил галстук. Бросил:

— Удостоверение переложи в нагрудный карман.

— Куда мы идем?!

— В семидесятую квартиру. За мной! Не трусь, стажер!

На звонок отворила девушка, похожая на манекенщицу — прямая и стройная, как стрела, и даже вышитый передничек на ней походил на образец из Дома моделей.

— Вы к кому? — она моргнула длинными ресницами.

Двое высоких, аккуратных, чем-то похожих мужчин стояли неподвижно. Короткие стрижки, холодные глаза.

— Дранкова Татьяна Дмитриевна, шестьдесят первого года рождения, проживаете в этой квартире? — произнес старший из них так, словно читал приговор.

— Да, я... — она кивнула, слегка меняясь в лице.

— Майор Звягин. — Он сделал шаг внутрь квартиры, заставив ее отступить. — Вот мы и встретились. Привет вам от Володи.

Она медленно бледнела.

Старший, стуча каблуками, прошел в комнату и с грохотом отодвинул от стола стул:

— Садитесь!

Младший закрыл дверь и кивком указал на стул.

— А в чем дело?.. — она пыталась улыбнуться непослушными губами.

— Садитесь, гражданка Дранкова, — неживым металлическим голосом повторил старший. — Итак!

Со стуком положил перед ней на стол два ключа на колечке. К колечку был привязан надписанный ярлык.

— Кирсанов Миша, четвертый «А»! Средний проспект, дом семнадцать, квартира двадцать семь. Ограблена четырнадцатого декабря прошлого года. Ключики ваши узнаете?

Не дожидаясь ответа, грохнул второй связкой:

— Селедкина Тамара, пятый «А»! Улица Толмачева, дом восемь, квартира тридцать! Ограблена десятого марта сего года. Взято: видеомагнитофон «Сони», магнитофон «Шарп», два кожаных пальто, песцовая и норковая шапки, дюжина серебряных столовых приборов, золотые серьги, две золотые цепочки.

Дранкова в оцепенении смотрела на ключи.

— Сливко Галя, третий «А»! Улица Петра Лаврова, семнадцать, квартира сорок четыре! Ограблена восемнадцатого мая сего года. Взято: каракулевая шуба, канадская дубленка, нитка натурального жемчуга, перстень с рубином, перстень с бриллиантом, золотые часы «Павел Буре», сережки-цепочки...

Звягин достал четвертую связку, подержал перед безжизненным, но даже сейчас красивым лицом и тихо выронил на стол:

— А вот это, — полушепотом просвистел он, — а вот это Стрелкова Алиса, четвертый «Б», улица Кораблестроителей, дом сорок шесть, корпус один, квартира двести шестьдесят четыре. На этот раз ничего не взято, а?

Он очень медленно полез рукой во внутренний карман. Дранкова загипнотизированно следила, как из кар-

мана показался прямоугольник фотографии и остановился перед ее глазами

— А вот это — Стрелков Александр Петрович,— прошептал Звягин.— Смотрите...

Страшно обезображенное мертвое мужское лицо смотрело с фотографии с непереносимой мукой.

Дранкова издала тихий всхлипывающий звук и стала валиться со стула набок.

— Сидеть! — гаркнул Звягин, подхватывая ее под плечо и суя под нос выхваченный из кармана нашатырь.

Придя в себя, она беззвучно произнесла:

— Я не убивала... Я не хотела...

Звягин сел напротив, резко смахнул на пол брякнувшие ключи, сказал с силой:

— Что вы хотели и что вы делали, я уже знаю. После окончания университета вас взяли учительницей английского языка в филологическую спецшколу. Зарплата вас не устраивала: тряпки, кабаки, отпуск в Сочи — нужны деньги. Хочется шубу, машину, хочется всего, много, сразу. Где взять? Вы считали себя женщиной порядочной, брак по расчету вам претил, тем более что был любимый человек. Но он после университета стал работать в музее, младший научный сотрудник — он тоже не мог обеспечить вас так, как вам того хотелось.

И тогда у вас возникает гениальный план. Ученики пишут по программе сочинения: «Моя квартира», «Моя семья», «Как проходит наш день» и так далее. С милыми пунктами плана: «Что стоит у нас в спальне», «Когда приходит с работы папа», «Что надевает мама на концерт». Правильно я говорю?

Остается снять слепки с ключей. У некоторых они лежат в портфеле. Некоторым заботливые мамы прикрепили их тесемкой к карману пальто, чтоб не потерялись. А вешалки находятся в классах. А класс на несколько уроков в неделю пустеет: физкультура или труд. Улучить момент нетрудно. Даже на перемене можно велеть всем выйти, а дежурного отправить мочить тряпку.

Ну а кто же сделает со слепков ключи и вынесет из квартир вещи? Кому можно доверять всецело? Конечно ему, милому однокашнику, он любит, он в конце концов согласится. Дело не сложное: купить в магазине болванки и напильники и войти в пустую квартиру, точно зная, что там брать. А продать можно летом на юге, да?

И все шло гладко, пока однажды в квартире не оказался вдруг хозяин, которому полагалось быть в это время в море. — И Звягин постучал пальцем по фотографии, лежащей посреди стола.

— Вы понимаете, какое обвинение вам будет предъявлено и какая мера наказания вам обоим грозит? — жестоко спросил он. — Отдаете себе отчет, что с вами теперь будет?

Она механически кивнула.

На стол легли блокнот и ручка.

— Если хотите получить возможность какого-то снисхождения — пишите! Все пишите. Сверху, вот здесь: «Чистосердечное признание».

Дранкова взглянула на подоконник, где в пепельнице белела сигаретная пачка.

— Курить будете потом. Приступайте!

Прыгающие строчки на бумаге постепенно выравнивались, обретая четкую округлость школьных прописей.

Юра на протяжении всего этого времени стоял за спиной Дранковой, и состояние его правильно было бы выразить словом «остолбенение». Способность здраво соображать медленно возвращалась к нему.

— Число и подпись, — сказал он. — Время укажите.

Поставил перед ней пепельницу и щелкнул зажигалкой. Она судорожно затянулась, подавилась дымом, две капли выкатились из глаз и тихо поползли по щекам. Звягин покосился на старинные часы с маятником и хмуро произнес:

— Вещи соберите.

— Какие?..

— Личные. Свои. Туалетные принадлежности и прочее.

Через пять минут, стоя посреди комнаты с адидасовской сумкой в руке, надломленная и изнеможенная, как после тяжелой болезни, она безразлично кивнула:

— Все...

— У вас на кухне что-то горит, — сказал Звягин и, поскольку она не отреагировала, сделал Юре знак выключить конфорки.

— Пойдемте, — проговорила Дранкова с затаенной решимостью.

— Письмо матери не хотите оставить?

— А. Да. Стоит ли...

— Напишите. Время есть, — Звягин опять глянул на часы. Минутная стрелка с тихим стуком передвинулась на половину второго, и басовитый бронзовый удар раскатился в тишине. И, словно подыгрывая в этой сцене, словно в дурной театральной драме, три раза коротко и резко прозвонил дверной звонок.

Девушка дернулась, как от удара тока, стала похожа на загнанного в смертельную ловушку зверька...

Звягин подобрался. «Стоять тихо!»

Распахнув дверь, он намертво заклещил руку посетителя и втащил его в квартиру.

— А вот и убийца, — с ледяной интонацией произнес он. — Позвольте представить: гражданин Федорков Владимир Александрович, милый Боб, мальчик-зонтик, как вы его звали.

Юра не узнал отца: в резких чертах обнажилась волчья беспощадность, глаза горели зеленым холодным огнем. На посеревшем лице вошедшего мгновенно проступил пот, как дождь на глине.

— Садитесь.

Федорков стоял, не понимая слов, — очень высокий худощавый блондин, дорого одетый; отчего-то он казался чахлым, слабосильным. Звягин чуть крепче сжал его кисть, повернул, и он, морщась, почти упал на подставленный стул.

— Володя, — еле слышно простонала Дранкова.

Тот посмотрел с тупой покорностью и помотал головой. Худыми нежными пальцами в зеленых жилках крутил и дергал золотой перстень.

— Он не виноват... Это все из-за меня...

Звягин стремительно нагнулся к нему, впился в зрачки:

— Согласен? Не виноват? Не виноват — иди!

— Они все знают...— сказала Дранкова, бросила сумку, отвернулась и привалилась к шкафу, упершись лбом в холодное стекло зеркала.

— Знаем,— согласился Звягин.— Знаем, что вы долго отшлифовывали свои планы, предусматривая все подробности. Даже ту, что несколько ограблений, когда замки квартир не повреждены, могут навести на мысль о едином почерке, об одном и том же воре. И через раз ковырялись железками в замках — специально чтоб оставить там следы, якобы не ключом открыто. Так?!! Что?!

— Так...

— А поскольку в спецшколе учатся дети со всего города, то никому и в голову не придет связывать кражи в разных районах, когда одни замки нетронуты, а другие носят следы якобы отмычки, с одним и тем же человеком и одним и тем же местом. Так?

О первых трех ваших успешных походах рассказывать не буду, чтобы не повторяться. Вот показания вашей сообщницы. — Звягин подержал перед Федорковым два исписанных листка.— Перейдем к утру четвертого сентября.

Итак, вы взяли большую сумку и вышли из дому. Попросили встречную женщину узнать по телефону (номер наберете сами), работает ли сейчас Стрелкова, — мол, амурные дела, не можете спросить сами. Даже здесь подстраховались — чтоб никто не запомнил мужской голос. А вот в пароходство звонили уже сами, и вам подтвердили, что Стрелков в рейсе. Так?

— Если она все вам рассказала, то зачем вы мне пересказываете?..

— Я этого не говорила...— прошелестела Дранкова, не оборачиваясь.

Звягин быстро продолжал:

— Войти в подъезд несложно: надо только заранее, за недельку, постоять у дверей и посмотреть, какой код наберет входящий. Поднявшись, вы долго звонили в квартиру, чтобы удостовериться — пусто. Вошли, надев предварительно перчатки и обув музейные войлочные тапочки. Верно? Никаких следов и отпечатков.

И только оказались в гостиной, как услышали — кто-то вошел в квартиру почти следом за вами! Вы затаились за створкой открытой двери. Вы слышали, что он открывал дверь своим ключом, слышали, как он сменил обувь на домашнюю, как уверенно и спокойно двигается. Хозяин?! Квартирант?! Что делать, как быть, попадаться нельзя!

От страха вы плохо соображали. Вы дотянулись до вазы, стоящей рядом на столе. Вы мечтали, чтобы хозяин или кто там он есть зашел, скажем, в ванную, и вы бы выскользнули из квартиры! Но он направился в гостиную, и, как только он вошел, вы со всей силы ударили его вазой по голове.

Он упал и остался лежать неподвижно. И вы поняли, что убили его. Глубоко в мозгу у вас сидело: следы надо заметать, следы надо путать! И, видя на столе остатки завтрака, вы решили затеять инсценировку: здесь не должно пахнуть кражей, все должно выглядеть не так, как есть на самом деле! Вы ведь о подобных вещах размышляли не один раз, разные варианты в уме проигрывали. И поставили на стол еще чашку, тарелку, перебросили на нее объедки и крошки, чай в чашку налили и даже отхлебнули, чтоб следы губ на краю оставить. Но оставить отпечатки пальцев и обуви побоялись — ведь по ним вас можно будет идентифицировать! И, умница такой, быстро отбыли, ничего не взяв.

У меня нет уверенности, что суд сохранит вам жизнь,— сказал Звягин.— И все, что вы можете сделать —это каяться. Пишите, вот бумага. Или предпочитаете молчать? Пишете или нет?

Федорков пошевелил пепельными губами и протолкнул через горло:

— Да...

Когда они вышли вчетвером из подъезда, причем со стороны казалось, что Звягин дружески держит Федоркова под руку, таксист полыхал тихой яростью:

— Сказали час, а простоял почти два! Да куда же вы назад вчетвером лезете, а ну давай один вперед!

— На Литейный, браток, — сказал Звягин, втискиваясь на сиденье следом за Федорковым, прижатым к девушке. — ГАИ — это наша забота. А иначе кто-нибудь из твоих пассажиров вдруг еще выкинется на ходу — представляешь, сколько хлопот тебе будет? Вник?

Шофер еще долго независимо бурчал про план, правила и работу, которая у каждого, как известно, своя.

— На Каляева сверни. Прямо к подъезду.

Занеся ногу на ступень крыльца, Звягин помедлил и сказал:

— Все, что я могу вам еще предложить. Мы остаемся здесь. Вы входите сами, обращаетесь к дежурному и оформляете явку с повинной. Ваши письменные показания мы передадим куда следует тут же. Устраивает?

Федорков диковато скосил глаз и сгорбился.

— Спасибо... — неслышно выговорила Дранкова и взялась за ручку высокой тяжелой двери.

— Ни дна вам ни покрышки, — с сердцем напутствовал Звягин.

Чуть позднее, медленно шагая по людному Литейному и обходя лужи на тротуаре, Юра нарушил молчание:

— А теперь ты мне можешь рассказать, как нашел их?

Звягин одобрительно проследил, как «скорая» выкатилась на трамвайные пути и проскочила на красный свет, и сказал:

— Пятнадцатая станция поехала. Доктор Дедух.

Сделал еще десяток шагов.

— Я, понимаешь ли, отдавал себе отчет, что мне с вами, профессионалами, в вашем деле тягаться трудно. И попробовал заехать с противоположной стороны.

Выстраивалась та версия, что убитый и убийца были знакомы. А если не были? Они завтракали вместе. А если не завтракали? Убитый сам впустил в дом убийцу. А если не впускал? Они спорили. А если не спорили? Убийца знал, что хозяин дома. А если наоборот — не знал?

Если рассуждать по принципу «наоборот», получается следующее: они не были знакомы; убийца думал, что квартира пуста; он проник туда самостоятельно. С какой целью? Ему что-то было нужно. Первая мысль в таком случае — кража, там есть что красть. Никаких признаков грабежа? А если наоборот: проник именно для грабежа?

Хозяин был дома. А если наоборот — не был? А?

И тогда выстраивается версия противоположная, как бы зеркально отраженная: грабитель в пустой квартире, входит хозяин, и грабитель его убивает. И уходит, замаскировав и следы, и цель своего визита.

Попробуем по порядку опровергнуть то, что казалось фактами.

Первое. Хозяина не было дома. Значит, он вышел ненадолго. Куда? В магазин, к телефону-автомату, в гости. Но в то утро он, насколько установлено, никуда не звонил. Никаких новых продуктов или вещей в доме не появилось, жена бы заметила. За сигаретами? Пачка была наполовину пуста, вторая лежала на кухне. В гости? Ни к кому не заходил. А мог зайти? Мог. К кому? К Брагину. А тот был дома? Нет, не был. Итак, возможно, что он на пять минут вышел, поднялся на двенадцатый этаж, с минуту звонил в дверь и вернулся обратно. За это время грабитель мог проникнуть в квартиру.

— А два голоса, которые слышала соседка из своей лоджии?

— Она глуховата, ты сам говорил. Это орал телевизор! В то утро по второй программе повторяли детектив. Именно поэтому он завтракал не на кухне, как обычно, а в комнате: смотрел кино. А выходя он телевизор выключил.

Дальше. Если это был грабитель, то не профессионал. Во-первых, он открыл дверь ключами, раз в замках никаких следов. Во-вторых, профессиональный вор не пойдет на убийство, насколько мне известно. В-третьих, он мог бы уйти через лоджию в соседнюю квартиру, разыграв там, по анекдоту, сбегающего любовника или что-нибудь подобное.

Если принять такую версию, то остается выяснить, где он взял ключи и как узнал про эту квартиру. Потому что проникновение через лоджию или форточки здесь исключается, а коли были ключи, то готовился красть именно здесь.

У кого есть ключи? Муж, жена, дочка. Никто из них ключей не терял — значит, сняли слепки. С чьих же?

Жена отпадает. У нее в парикмахерской все знали, что муж на несколько дней вернулся с моря. Если преступление было связано с работниками парикмахерской, оно произошло бы в другой день, и ограничилось бы тогда кражей.

Муж? Сомнительно. Он общался практически только с коллегами. Моряки зарабатывают неплохо и судьбой своей дорожат. Если уж моряк нарушает закон, то это практически всегда контрабанда, которая для такого ловца денег и прибыльнее, и безопаснее, и психологически легче, чем квартирная кража.

Дочка? Невозможно. Кто ж снимет слепки с ее ключей? Бабушка? Подружки? Учителя?

Помнишь, в тот вечер я помогал матери проверять сочинения по английскому ее школьников? «Моя семья?» Честно говоря, оно и подтолкнуло меня допустить эту, наименее вероятную, возможность. Потому что если ее допустить, то складывается картина уж очень стройная... И разузнать все можно, и подозрений на себя не навлечь, и непрофессионал налицо. А кроме того, такая версия легко поддается проверке — вряд ли ведь преступник ограничится одной квартирой, если преподает в общей сложности полутораста-двумстам ученикам.

А когда я узнал, что девочка учится в спецшколе и, надо полагать, там много ребят из достаточно обеспе-

ченных семей со всего города, то решил этот вариант в первую очередь и проработать.

Пришлось немного пособображать, как получить список фамилий и адресов учеников, которым преподает та же учительница, что и Алисе Стрелковой. А в тетрадях Алисы по английскому были подробнейшие планы сочинений, прямо какие-то сводки об имуществе семьи и распорядке дня родственников!

— Почему ты не сообщил нам?

— Что? Свои досужие подозрения? У меня никто совета не спрашивал, верно? Ну я приврал слегка своему знакомому из роно, что мне нужен бы список учеников на предмет знакомства и обследования: набираю, мол, статистику для диссертации о зависимости детского травматизма от уровня развития, а он в спецшколах в среднем выше, чем в общих. (Кстати — написать в самом деле такую диссертацию, что ли? Можно не только на детском материале. Интересная тема... Правда, ею и без меня занимаются.)

— А что тебе мешало зайти в школу самому?

— Мыслитель. Засветиться и насторожить преступника — если он действительно преступник?

Вот когда ты мне сообщил, что из этого списка ограблены три квартиры — у меня уже появились какие-то косвенные доказательства.

— А ты неплохо владеешь терминологией, — отметил Юра, отпрыгивая от веера брызг, окатившего тротуар из-под пронесшегося у бровки троллейбуса.

— Телевизор. Кино. Детективы. Поток информации захлестывает, и крупицы шлака оседают в голове, — был иронический ответ. — Но со следами в замках ты меня озадачил, признаюсь. Хотя и ненадолго. Уж если эти двое додумались для отвода глаз ковыряться в замках, додумался и я тоже.

— Хорошо, с ней ясно. А как ты добрался до Федоркова?

— Не могла же хрупкая девушка проделать все сама. Во-первых, женщины мало склонны к слесарным работам, переноске тяжестей и уж тем более убийству, да

еще таким образом. Во-вторых, ей нужно на всякий случай алиби, и она его имела. В-третьих, такая симпатичная особа не могла не иметь поклонников. И прикинулся твой отец не то чтобы шлангом, но газовщиком-слесарем, и привел в порядок газовую плиту и вытяжку в ее квартире, когда там была мама, а сама Дранкова в школе. Мама уже старушка, подрабатывает киоскершей, и как все одинокие старушки-мамы больше всего на свете любит разговоры о современных взрослых детях, умных и пригожих, да не совсем счастливых. И оказалось, что есть у дочки давний друг, который работает в музее Достоевского и приходит к дочке, когда мамы нет дома; любит и просит выйти за него замуж, а дочка его тоже любит, но уж больно забила себе голову красивой жизнью и считает, что современной женщине нужны деньги и свобода.

— Вот ей деньги и вот ей свобода, — сказал Юра.

— В музей я пошел с мамой — опять же, чтобы не вызывать подозрений. И узнал там все, что мне было нужно.

— Что именно?

— Что в этом месяце Федорков отрабатывает экскурсионную норму. А заодно на стенке экскурсбюро у кассы прочитал расписание экскурсий на неделю.

Юра покачал головой, крякнул.

— И все-таки у тебя не было никаких прямых доказательств, никаких прямых улик.

— Поэтому мне и нужно было чистосердечное признание. Для этого я и съездил в те квартиры за старыми ключами — после краж-то они новые замки поставили, естественно. Для этого и пошел с фотоаппаратом к знакомому паталогоанатому в морг и сделал там снимок пострашнее, а Джахадзе мне его через час отпечатал, он фотографией занимается. Она-то Стрелкова все равно никогда не видела.

— Интересно, — спросил Юра, — ты по каким учебникам изучал тактику ведения допроса?

— Отродясь не изучал. Но психиатрии и психологии меня все-таки учили.

— Но как ты узнал, что он придет именно в это время?

— У него в час кончается экскурсия. Погода дождливая, гулять станут только любители свежего воздуха вроде нас с тобой. Он живет с родителями. У нее воскресенье. Логично предположить, что после музея он приедет к ней, благо до пяти матери не будет, — вот потом они могли и пойти куда-нибудь.

Они вошли в Екатерининский садик, близясь к дому. Юра с юношеским пафосом изрек:

— Врач и следователь, — сходные профессии. Один лечит людей, другой — общество.

— Надеюсь, — сказал Звягин, — что возраст излечит тебя от тяги к декламации высокопарных банальностей.

Юра покраснел. Со стуком упал с ветки каштан, кожура разломилась. Он поднял глянцевый шоколадный шарик, побросал в ладони.

— Без пяти четыре, — сказал Звягин, взглянув на будильник, стоящий на скамейке рядом с шахматными часами каких-то отчаянных фанатиков этой игры. — Могу я считать пари выигранным?

Юра молча расстегнул браслет часов.

— Дареное не возвращают, — остановил Звягин. — Носи. Неплохо ходят. Я все собирался завести себе добрую швейцарскую «Омегу». С тех пор, как Бомарше, прежде чем писать комедии и наживать деньги, изобрел анкерные часы, швейцарцы понимают толк в этих изделиях.

Глава VIII

ЖИВЫ БУДЕМ — НЕ ПОМРЕМ

— Корпуса первых английских торпедных катеров были никак не стальные, а из красного дерева,— сказал Звягин, обернувшись с переднего сиденья в салон. «Скорая» бортовой номер 21032 свернула с Литейного и затормозила у ресторанчика, где в тихие дневные часы обедают при случае бригады, обслуживающие вызовы неподалеку.

Заняв столик,— врач, два фельдшера, шофер,— заказали, что побыстрее. «Скорую» здесь обслуживали в темпе, слегка гордясь финансово маловыгодными клиентами: престиж борцов со смертью, отчаянно мчащихся с сиреной и мигалками по осевой, все-таки иногда срабатывает.

— А моторы на катерах стояли бензиновые, авиационные,— продолжал Звягин просвещать свою команду, прихлебывая молоко. Его лекции на неожиданнейшие темы давно вошли в притчу.

Подошел человек:

— Леня! Все катаешься!

— Сколько лет, зим, весен! — Звягин от удовольствия сощурился.— А ты все киснешь в своей онкологии?

Онколог вздохнул и махнул рукой.

— Что хмурый?

— Э... Сейчас перед уходом мальчишку смотрел. Двадцать шесть лет... Сплошные метастазы. Жалко пацана. Еще несколько месяцев... Двадцать лет привыкаю, а все не привыкну как-то.

Как ни привычна подобная ситуация врачам, повисла секундная пауза. Эта пауза, также привычная, обозначает собой утешение, скорбь, примирение с собственным бессилием.

Звягин помрачнел. Сосредоточился. Пробарабанил пальцами.

Пауза неловко затягивалась, меняя тональность и настроение.

— Двадцать шесть? Рановато ему... Рано.

Фельдшерица виновато пояснила:

— Мы сегодня больную не довезли... — Фраза подразумевала: «Вот Папа Док и нервничает, переживает...».

— Хотите опротестовать приговор, Леонид Борисович? — небрежно осведомился Гриша, лохматый, очкастый, вечный студент, вечный фельдшер «скорой», внемлющий Звягину с преданностью щенка. Прозвучало неуместно — льстивой подначкой, которая попахивает безграничной верой в кумира.

Звягин зло зыркнул, скривил рот:

— Подъем! Поели — нечего рассиживаться, едем на станцию.

Дежурство длилось своим чередом: автослучай на Охте, электрошок на Ждановском... Вечером Джахадзе, вчерашний именинник, выставил торт; пили чай с тортом.

Осадок от встречи не исчезал.

Звягин спустился в диспетчерскую, позвонил онкологу. Перекинулись словами. Спросил и о том больном, так просто... Неженат, один у родителей, работал программистом, — обычный парень...

— Он знает диагноз?

— Сразу все почувствовал, понял. Я же знаю, говорит, что у меня рак; и все отговорки его только убедили в этом.

— Боится?

— Очень. На этой почве ведь часто происходит нервный срыв; он в сильнейшем стрессе, подавлен, угнетен... довольно обычно, к сожалению.

— Радиоизотопы, гистология?.. Ошибка возможна?

Он поднялся в комнату отдыха, недовольный собой. Смутные обрывки мыслей роились в голове.

— Десять тридцать два, на выезд! Огнестрельное... — прожурчал динамик голосом диспетчерши Валечки.

Сменившись с дежурства, Звягин не лег спать. Расхаживал по пустой с утра квартире, посасывал ледяное молоко через соломинку, сопел мрачно и сосредоточенно... — Ерунда, — объявил сам себе хмуро... — И чего меня заело? Ну есть же такие заболевания: клинический прогноз — неблагоприятен... При чем тут я, и что я, собственно, могу сделать, и что это вообще на меня нашло? Дичь какая-то...

Достал из холодильника еще бутылку молока. Посмотрел на себя в зеркало: резче выступившие после ночи морщинки у глаз (поспать почти не удалось), на висках уже седины полно.

— Давно никуда не встревал? — брюзгливо спросил он свое отражение. — Спокойная жизнь надоела? Пей свое молоко и иди спать, старый хвастун... Как говорится, дай мне силы бороться с тем, с чем можно бороться, дай мне терпение смириться с тем, с чем нельзя бороться, и дай мне ума отличить одно от другого...

Разделся и влез под одеяло. Повертелся, устраиваясь. Затих.

Свербило. Не шел из головы тот, двадцатишестилетний...

Крякнул, встал и пошел в ванную бриться. Жене оставил записку.

Прогулка излюбленным маршрутом по гулким гранитам набережных успокаивала: Фонтанка, Михайловский замок, Лебяжья канавка (Летний сад закрыт на просушку)... Мысль одна всплывала в сознании, как перископ отчаянной подлодки.

А чем мы, собственно, рискуем, спросил он себя, догуляв до Василеостровской стрелки. Что, собственно, терять?..

А почему бы и нет, продолжал он, пройдя через Петропавловку на Кировский. Какие препятствия?.. Никаких.

Мысль разрасталась в идею, и идея эта овладевала им все полнее. Начали вырисовываться детали и складываться в план. Чем дальше, тем реальнее план видел-

ся, — Звягин не заметил, как очутился на Карповке, заштрихованной серебряным дождем.

Домой он вернулся голодным и продрогшим — злым и веселым — как некогда в крутых передрягах боевых операций.

Жена встретила Звягина кухонной возней.

— Гулял? — доброжелательно поинтересовалась она.

— Гулял, — согласился Звягин.

— После суточного дежурства?

— После суточного дежурства.

— А это что? — Жена обличающе указала на молочные бутылки.

— Это бутылки из-под молока, — честно ответил Звягин.

— Сколько?!

— Ну, четыре... Тебе что, жалко?

— Мне тебя жалко, Леня, — в сердцах сказала жена и швырнула передник на стол с посудой. — Что у тебя опять — глаза горят, подбородок выставлен! — что ты опять задумал?

— Очередной подвиг, — закричала из своей комнаты дочка. — А разве лучше, когда папа изучает историю разведения верблюдов или коллекционирует карандаши? — Она всунулась в дверь, состроила гримасу. — Должно быть у мужчины хобби или нет? А быть суперменом и все мочь — разве это не достойное настоящих мужчин хобби?

— Слышала глас подрастающего поколения? — приветствовал поддержку Звягин.

— Мужчине нельзя подрезать крылья!

— Мне нельзя подрезать крылья.

— Дон-Кихот на мою голову... — вздохнула жена. — Ты не видел моих очков? У меня еще полпачки тетрадей не проверено.

Звягин насвистывал «Турецкий марш» и сверял с образцом упражнение по английскому ее пятиклассников (не впервой).

— Это очень важно? — мирно спросила жена из спальни.

Он присел на край постели, погладил ее по щеке, — рассказал.

— Несчастные родители, — тихо сказала она. — И чем ты можешь помочь?.. Утешить их?

Звягин завел будильник и выключил свет.

— Есть одно соображение, — непримиримо произнес в темноту.

Отменно выспавшись, закатил себе часовую разминку, поколотил боксерский мешок и поехал в диспансер. Жизнь была хороша.

— Снимки, анализы, — сказал онколог. — Ты же врач.

— Не-а, — возразил Звягин с усмешкой оживленной и жестокой. — Просто я зарабатываю на жизнь медициной. Ну имею диплом.

— Ты авантюрист, — поморщился онколог.

— А разве это плохо? Мне интересно жить. Дай адрес.

Он позвонил из уличного автомата:

— Квартира Ивченко? Судя по голосу, вы Сашина мать? Лидия Петровна, очень приятно... Если у вас есть время...

Они встретились в маленькой мороженице на Петроградской.

— Зачем вы меня расспрашиваете? — безжизненно спросила пожилая женщина с запудренными следами слез.

Мороженое в вазочке таяло перед ней.

Звягин прошел весь путь пешком и за этот час успел собраться и прийти в форму — был легок, уверен: з а р я ж е н.

— Не устраивайте похорон раньше времени, — жестко сказал он, Разломил ложечкой шарик крем-брюле, отправил в рот, причмокнул. Женщина взглянула с мучительной укоризной и встала.

— Сядьте, — тихо одернул Звягин. — Я — ваш единственный шанс, другого не будет, ясно?

Мысль о шарлатанстве отразилась в ее глазах:

— Вы — экстрасенс?.. Или есть какие-то новые средства, и вы можете их устроить? Что вы хотите?..

— Ешьте мороженое, пока совсем не растаяло, — улыбнулся Звягин. — И возьмите себя в руки. Еще не все

потеряно. Еще есть время. Нет, я не экстрасенс, я могу лишь то, что в человеческих силах. А это — почти все, а?

Он не убеждал — он просто и с очевидностью раздвигал границы возможного. Женщина слушала — и происходящее с ней можно было как бы уподобить факирскому трюку со скомканной веревкой, приобретающей прямизну и твердость вертикального шеста.

Она хотела верить. Она боялась верить — боялась пытки надеждой.

— Но это — нереально... — прошептала она.

— Хуже не будет, — отрезал Звягин. — А вот лучше — может.

— А вы сами в это верите?..

— А зачем я здесь торчу? Надеюсь, вы не собираетесь предлагать мне деньги за услуги?

— А почему вы вообще вмеша... принимаете участие в... — Она смешалась. — Почему вы мне позвонили?

— Как вам объяснить, — лениво пожал плечами Звягин. — Жалко стало. Молодой.

— Молодой. Совсем мальчик, — сказала женщина и закинула голову, удерживая на глазах слезы.

Через стол Звягин накрыл ее руку своей твердой ладонью:

— Я сказал вам, что надо делать. Сказал вам, потому что мама — первое и последнее слово, которое человек произносит. Если мы не выиграем, не победим — пусть хоть парень будет счастлив столько, сколько проживет. Но мы не можем проиграть! Если это ваш единственный сын, ваша надежда и будущее — надо сначала расшибиться в лепешку, вдребезги, в пыль!! а потом уже плакать. Мне от вас нужно одно: безоговорочное доверие, безоговорочное послушание. Вот — мои документы, это телефоны — смотрите, не отталкивайте: вы должны знать, кто я такой, и быть во мне уверены. Ваш муж уже вернулся с работы? Посылайте его сюда, я подожду. И скорее, не стоит терять время. Ответ утром — за ночь все обсудите. И — Саша ни о чем, ни в коем случае, никогда в жизни, не должен догадываться. Вам все понятно?

Буфетчица за стойкой второй час решала вопрос: кто эти двое — тоскливая женщина и резкий, подтянутый мужчина (моложе ее), что-то энергично толкующий. Расстающаяся пара? Аферист и жертва?

Утром Звягин отправился в гости к знакомой медсестре. Медсестра была немолодая, толстая и добрая — как требовалось по замыслу. Медсестра сварила кофе, подперла ладонью толстую добрую щеку и приготовилась слушать.

— Женя, — начал Звягин, — от тебя требуются пустяки. Ты должна прийти в дом, привезти парня к себе, чтоб вы были вдвоем...

— О! — удивилась добрая Женя. — Ты решил наладить мне на старости лет личную жизнь? Кому опять плохо?.. Кто он?

— Погибающий больной, рак-четыре, но...

Весеннее солнце плавило окно. Кофе кончился. Женя кивнула.

— Ты должна разговорить его, понимаешь? Пусть он выложит тебе все свои страхи и ужасы, не стыдясь ничего, пусть выговорится! Отцу-матери сознаться в мучениях и кошмарах он не может: их жалко, мужское достоинство не разрешает утешения молить. А это первое, что необходимо — выговориться начисто, открыть свои тревоги, выплакать терзания, — своего рода промывка нервов, что ли.

— Как же я его к себе привезу?

— Родители в курсе. Ему скажешь — поговорить. Он сейчас, похоже, совершенно обезволен — пойдет куда угодно, ничего не спрашивая. Возьмешь такси. Слушай, ты двадцать лет работаешь, ты же классная медсестра — найдешь правильный тон! Пожалей его, чтоб расслабился, размяк, отбросив все сдерживающие факторы выплакался, сознался в страшном, — сними с него нервное напряжение, понимаешь?

— Хорошенькую работенку ты мне задал... А знаешь, чем ты не такой, как другие, Звягин? Думаешь, красив? Да нет, мне красивые никогда не нравились... Тем, что никогда не ставишь вопрос: «Можно ли это сделать?» А всегда: «Как именно это сделать?» Еще кофе хочешь?..

Вечером Саша сидел в ее комнатке. Руки его вздрагивали, глаза застыли в черных впадинах: парализованный страхом, беззащитный перед смертельной бедой человек. Мысленно он уже уходил за грань бездны, ужасаясь ее и почти отсутствуя в этом мире.

— Страшно тебе, милый?

На тонкой шее запульсировала жилка.

— За что тебе такое... Ночью не спишь?

Веки медленно, утвердительно опустились.

— Папу с мамой жалко?..

Тихая слеза ползла по его лицу. В плену своего состояния, он не отдавал отчета в странном направлении беседы с ее мучительными вопросами. Вопросы звенели в резонанс его собственной муке.

— Так мало ты еще пожил... — Она причитала шепотом, скорбя. — Милый, хороший, и не женился еще, и деточек своих нету, ты поплачь, поплачь, бедный мой, облегчи душу, я с тобой вместе поплачу, расскажи мне все, я-то знаю, пойму, я тебя пожалею...

Сидя рядом на диване, обняв, гладила его, всхлипывала, и он, вцепившись слабыми пальцами в ее толстые добрые плечи, глухо зарыдал, с судорогами и стоном.

— Страшно... я боюсь, я не могу! нет сил... за что, за что, почему? И ничего не будет, ничего!.. Земля, солнце, воздух, люди, все... и обои в моей комнате, книги, окно... ничто, черное, ничто... так хотелось пожить, какой ужас, какой ужас, ужас! Зачем все в жизни, все вещи такая ерунда, только бы жить, так замечательно, жить везде можно, видеть, слышать, дышать, ходить...

Она поглаживала его по теплому вспотевшему затылку, и безостановочно захлебывался свистящий полушепот:

— Мама, папа, кладбище, гроб, я, они уже старенькие, у них никого не будет, ничего не будет, не станут бабушкой и дедушкой, их жизнь кончится, никакого смысла, ничего не останется от них на земле, за что же им так, за что, зачем, зачем, зачем...

Он хлюпал носом в ее кофту, конвульсии сотрясали его:

— Я боюсь оставаться один, не могу ничего делать, думать, читать, все только одно, одно — что скоро, уже

скоро, уже скоро, все, все, я ничего не понимаю, не слышу что мне говорят, о чем, зачем, не знаю... Нет! нет! нет! я не хочу! Не надо! Нельзя! Навсегда, конец, ничто, смерть, мамочка, я не могу, все что угодно, нет!! Помогите мне, спасите, сделайте что-нибудь, я все буду делать, все выполню, перенесу, смогу, буду слушаться, помогите, милая, хорошая, ну пожалуйста, слышите, пожалуйста, пожалуйста...

Час за часом лилась бессвязная мольба, нескончаемый поток отчаянья, — невозможность примириться с неизбежным, столь страшным и неотвратимым, готовность к любым мукам и лишениям, только бы жить, жить!.. Он замолчал и затих, обессилевший и пустой. Дыхание успокоилось. Он впал в полусон, в полузабытье.

Женя осторожно уложила его на диване, укрыла пледом. Вскипятила чай. Он покорно выпил, покорно вдел руки в рукава пальто.

В такси он сидел такой же тихий — спокойный спокойствием изнеможения. На эту ночь ночные страхи были исчерпаны. Сегодня он мог спать.

«Умница, — сказал Звягин Жене. — Выпустила ему этот яд из головы. Теперь едем дальше».

Рассчитав время, на следующий вечер он вошел под арку на Петроградской, сверившись с номером дома. Лидия Петровна открыла ему, указала на дверь Сашиной комнаты и собралась скрыться: сидеть с мужем и не показываться, как было условлено.

— Как он? — шепотом спросил Звягин.

Она горько качнула головой:

— Вчера ночью приехал получше. Утром даже улыбнулся. А нынче к вечеру — опять...

Звягин выждал перед дверью, накручивая и разжигая себя: резкое лицо побледнело, ноздри раздулись, рот сжался в прямую ножевую черту. Властно постучал и, не дожидаясь ответа, шагнул, дверь за собой захлопнув с треском.

— Встать! — сдавленным от ярости голосом приказал он.

Худощавый, неприметной внешности парень лежал на кровати, обернув к нему непонимающее лицо. Лицо

было изможденное, глаза мутные, тревожные, больные. «Вот он какой».

— Встать, дерьмо! — бешено повторил Звягин, грохнув кулаком по шкафу.

Саша апатично подчинился, уставившись на него равнодушно: всем существом он был далек от происходящего.

— Ты знаешь, кто я? — карающе лязгнул Звягин.

— Нет, — флегматично ответил Саша, пребывая в глухом омуте собственных переживаний: его уже не задевали мелочи внешних событий.

— Я — Звягин!! — загремел Звягин. — Здесь камни отзываются на это имя! — оскалясь, прокричал он[1]. — И я пришел, чтобы вытряхнуть из тебя твою вонючую трусливую душонку! Ты слышишь меня?!

Саша машинально кивнул. Его начало пронимать: глаза обретали осмысленное выражение.

— Чего ты разлегся, подонок! — орал Звягин. — Что ты разнюнился! Что, страшно?! А ты как думал — что это не для тебя?! Это не минует никого! Никого, будь спокоен! Что, себя жалко?! А ты вспомни тех ребят, которые погибли под пулями, в девятнадцать лет! Тех, кого сжигали на кострах! Кто умирал на плахе! Расстрелянных у стен! Задохнувшихся в газовых камерах! Они что, были не такими, как ты? Или не хотели жить?! Или не были моложе тебя?! Что, любил кино про героев, а сам чуть что — наклал в штаны?!

Он набрал в грудь воздуха полнее:

— Доля мужчины — смотреть в лицо смерти!! Нет на свете ничего обычнее смерти! Японские самураи делали себе харакири, если так велела им честь! Викинги, попавшие в плен, если хотели доказать врагам свое мужество и презрение к смерти, просили сделать им «кровавого орла»: им живым вырубали мечом ребра и вырывали из груди легкие и сердце. В Азии некогда казни продолжались часами, там делали такое, что тебе и не

---

[1] Фраза беззастенчиво заимствована Звягиным из «Собора Парижской Богоматери» при подготовке этой сцены.

приснится, и палачей подкупали, чтоб они убили осужденных сразу!

Саша начал глубже дышать, прикованный взглядом к раскаленному оратору, поддаваясь мощному напору звягинского магнетизма.

— Тебя не будут пытать, перебивая ломом кости, выматывая жилы на телефонную катушку, сверля зубные нервы бормашиной насквозь с деснами! Не взрежут брюхо, чтоб вымотать щепкой кишки и развесить их перед тобой на колючей проволоке! Не четвертуют, чтоб ты смотрел, как отпадают и лежат рядом твои отрубленные руки и ноги! Тебя не сунут головой в паровозную топку, в белый огонь! Не спустят в прорубь, чтоб ты задыхался подо льдом, срывая об него ногти и захлебываясь ледяной водой! Чего тебе еще?!

Под тобой не разломится сбитый самолет, и ты не полетишь вниз с километровой высоты! Тебя не поставят на колени у ямы и не убьют обычной мотыгой — скучно, как при надоевшей работе! Тебе не войдет между ног осколок снаряда, тебе не перережут горло ножом над канавкой, как это делалось в Бухаре! Ты не будешь подыхать ночью в луже, гнить от цинги в таежном снегу, бредить в палящей пустыне с распухшей от жажды глоткой! Не будешь тонуть полярной ночью в мазуте, который растекся поверх воды и сжигает тебе легкие и желудок прежде, чем дикий холод воды прикончит твое сердце! Что еще тебе надо?!

Тебя не шарахнет молния, или кирпич с крыши, или инфаркт во сне, или нож из-за угла, — так что переходишь в небытие, никогда не узнав, что ты покинул жизнь. Нет, — у тебя есть время сделать все последние дела, привести в порядок совесть и мысли, раздать долги и завершить начатое, попрощаться со всеми и облегчить душу. И умрешь ты в тепле и в сухе, в собственном доме, в чистой теплой постели, и добрые папенька с маменькой достанут тебе морфий, и ты спокойно уснешь — уход по классу люкс, мечта миллионов мучеников всех времен! Так что ты воешь, вшивый щенок?!

Звягин рванул с шеи галстук, отскочила и покатилась по полу пуговка.

— Это все равно неизбежно! так подними голову! Подыхать — так с музыкой! Так мужчиной! Так, чтобы потом вспоминали, как ты ушел! Как умирали римские императоры — стоя! Скулящий щенок вызывает презрение и брезгливую жалость, умирающий герой — преклонение!

Да — герой умирает один раз, а трус — постоянно! И умереть надо так, чтобы внушить окружающим мужество, гордость, достоинство своим поведением! Смерть — дело житейское, и его тоже надо уметь делать!

Смело! Храбро! Гордо! Как мужчина! Улыбаясь до конца! Живя как человек — до конца! Делая дела, шутя и смеясь, спокойно и твердо, как любое обычное дело!

Мы все уйдем, и останемся только в наших делах и в памяти людей. И доколе живут эти дела и живет память — мы тоже живем, это все, что нам остается и после смерти. Так не дрожащей тварью, которая своим ужасом и страданиями терзает души близких, — а опорой, образцом для подражания, достойнейшим из достойных, сильнейшим из сильных, недосягаемо высоким примером того, как должен жить и уходить из жизни настоящий человек! Тогда это — не страшно, тогда превыше всего в человеке гордость своим мужеством, своей силой, и радость от сознания, что даже это он может достойно преодолеть, быть выше других, слабых и недостойных! Удовлетворение тем, что он все сумел испытать и вынести в жизни! Это высшее самоутверждение — оставаться человеком, глядя в глаза смерти! Сказать себе: я могу, я настоящий человек, я мужчина, я герой! Я вам покажу, как уходят настоящие мужчины!

Звягин перевел дух. Катил пот, голос осип от напряжения.

Саша застыл завороженно, порывисто дыша от передавшегося ему волнения, вцепившись побелевшими пальцами в спинку стула. Звягин снова собрал все силы воедино, выжигая последний запас нервной энергии и направляя этот очищающий огонь в заросшую и разъеденную страхом душу стоящего перед ним человека, как выжигают гудящей паяльной лампой, клинком огня всю дрянь и краску на металле, обнажая металлический остов.

— Щенок!! — проревел он. — Трус! Подонок! Сопляк!

И, шагнув вперед, отвесил Саше две резкие, тяжелые пощечины. Тот ахнул сведенным горлом, голова дернулась влево-вправо, с судорожным всхлипом вздохнул, он смотрел на Звягина в оцепенении, как загипнотизированный.

— Струсил! Заскулил! Обмочился со страху! — рубил в раже Звягин. — Дрянь, ничтожество, слизняк! Как ты мог, как ты мог!.. Ну не-ет: поднять голову, стиснуть зубы, наслаждаться каждой секундой бытия, наслаждаться борьбой с самой смертью!

Жизнь всегда коротка, сколько бы ни прожил. Жизнь все равно проносится мгновенно. Жизнь — сама себе мера, сколько лет ни живи — мало, мало. Так сейчас или через сорок лет — все едино: умирать никому неохота.

Так идти по своему пути ровной твердой поступью, ничего не боясь, глядя в лицо всему! Сколько отпущено — счастливо, полноценно, на все сто процентов! Чего там долго думать о неизбежном — думать надо о жизни, о том, что еще можно успеть сделать: дышать, видеть, читать, есть, пить, ездить, любить, бороться! И бороться — с собственной слабостью, с любыми трудностями, преодолевать себя — и уважать себя за свою силу, уважать себя за свое мужество, за свою гордость!

Уважать!! — прокричал Звягин, потрясая кулаком. И вышел, шарахнув дверью: штукатурка посыпалась. С громом покинул квартиру, прогрохотал каблуками по лестнице. В асфальтовом колодце двора обернулся к окну Сашиной комнаты (знал — тот смотрит), грозя кулаком, вылепил губами ругательства и, развернув грозящий кулак, попрощался старым ротфронтовским жестом.

Он свернул на Большой проспект, достиг темнеющего пролета Тучкова моста. Рваные тучи неслись над Невой. Пронзительно золотилась в луче прожектора Петропавловская игла. Сырой ветер рвал плащ.

«Я т-тебе сдамся, — повторял себе зацикленно, — я т-тебе сдамся...»

— Ты решил простудиться? — посетовала жена, поднимая голову от тетрадей. — Что у тебя с воротником? А где галстук?..

— Знаешь, — признался Звягин, — я сейчас как после двадцатикилометрового марш-броска... Ох нелегок хлеб оратора.

Сбросил пропотевшую сорочку и открутил обжигающий душ.

— Что, за трудного взялся больного? — Жена подала чистое полотенце. — Хм, — добавила она, — я вдруг подумала, что слово «больной» во всех этих твоих историях впервые имеет буквальное значение...

— Сказать, почему я на тебе женился? — непоследовательно спросил Звягин.

— Сама скажу. Потому, что я дала на это согласие.

— Потому что с тобой обо всем можно было разговаривать...

— И только? — невинно поинтересовалась она.

— При детях вы могли бы быть и поскромнее, — ехидно зазвенел из-за двери голос дочки (ну разумеется, чтоб она да не встряла).

— Порядочные дети не подслушивают взрослых! — возмутился Звягин. — Невозможно поговорить в собственном доме.

— Сначала расскажи, как дела? — закричала дочка.

— Я вырву из него эту душевную скверну, как гнилой зуб, — пообещал Звягин. — Сначала его надо как бы шарахнуть шоком — чтоб вышибить другой шок, от сознания болезни. Я ему сегодня дал по мозгам, которые вчера ему промыли. Теперь, похоже, можно будет завтра приводить эти мозги в правильное состояние — рабочее, активное.

— Ты пытаешься подменить его характер своим? — не веря, пожалела жена...

— Чего ж я стою, если не смогу вложить в одного хилого парня свою волю, подчинить себе его дух? Дух! — вот что определяет все...

— Дух!! — ураганно кричал он назавтра в обмирающее Сашино лицо. — Дух может все! Дух может то, что человеку и не снилось! Сила воли, желание, вера, фанатизм — могут все! делают человека всемогущим! всемогущим!

Ты слышал, что влюбленные и солдаты не болеют?! Что раны у победителей заживают быстрее?! Ты не представляешь себе, как огромна власть человека над собой, своим организмом, своей жизнью! Эта власть бесконечна, безгранична, безмерна, она может все!

У африканских племен колдун приговаривал виновного к смерти — и через несколько дней тот умирал, сам, его никто не трогал, он ничем не болел — он умирал оттого, что был уверен в смерти, умирал от страха! от одного страха и уверенности в смерти!

В одной американской тюрьме осужденному вместо электрического стула завязали глаза и, сказав что вскрывают вены, провели линейкой по запястьям и стали лить теплую воду: чтоб он чувствовал, будто кровь течет из вен, — так он умер!! умер от того, что кровь отлила от мозга, умер так, как будто вены на самом деле были вскрыты!! умер только от уверенности, что вены вскрыли! а он оставался невредим! — вот что такое страх и убежденность!

Люди, заблудившись или потерпев кораблекрушение, вскоре умирали от голода — хотя без еды можно жить многие недели! они умирали от уверенности в том, что без еды скоро умрут! А блокадные ленинградцы выживали на таком пайке, которого по всем немецким расчетам не могло хватить для выживания: они должны были умереть, но они жили — работали и сражались, ибо должны были это делать, это горело в их душах!! Вот что такое дух!

В концлагерях первыми умирали те, кто сдавался: опускался, переставал мыться и следить за собой, рылся в помойках: они ели больше, расходовали энергии меньше — и умирали первыми! А те, кто держался, кто вопреки всему сохранял человеческий облик любой ценой, верил в жизнь, в то, что выйдет, победит, доживет, вынесет все — жили! жили вопреки тому, что по законам науки должны были умереть! они обманывали расчеты палачей — они жили сами! и еще спасали других!

Вот что такое человеческий дух!

Любой врач знает, как сдает деятельный человек, выйдя на пенсию: исчезает цель, уходит напряжение нер-

вов, психика демобилизуется — и обрушиваются болезни, приближается смерть! А люди, увлеченные своим делом до самого конца — живут дольше! болеют реже! выздоравливают быстрее! дух! дух!

В войну смертельно раненные летчики сажали свои самолеты: когда их вынимали из кабин, они были мертвы — они были убиты наповал! Но они жили до тех пор, пока не дотягивали машину до аэродрома и сажали ее — только тогда чудовищное напряжение их оставляло, и они умирали — когда уже было сделано последнее главное дело их жизни! Вот что такое дух!!

Двадцать лет назад я был младшим полковым врачом, и на парашютных прыжках у одного солдата не раскрылся парашют. Знаешь, сколько падает человек с высоты в один километр? двадцать одну секунду! и превращается в мешок с киселем от удара. За двадцать секунд, когда снизу мы увидели, что парашют отказал, мы схватили брезентовый стол — полотнище креста, выложенного для приземления,— и понеслись туда, куда он, по нашим расчетам, падал, чтоб подхватить его. Мы бежали вчетвером — я и трое солдат — и мы добежали! и поймали его! и он остался жив! такого не бывает — но мы это сделали! Когда потом измерили расстояние, оказалось, что не в силах человеческих было пробежать столько за секунды, которые нам оставались, — но мы пробежали все! а потом уже, мы пробовали замерять время, — никто не мог повторить этого даже в трусах, а мы бежали в полной форме, четверо, с брезентом в руках!

Вот что такое вера, страсть, порыв, необходимость! Вот что такое дух! Потом об этом писали в газетах — ты тогда был еще пацан.

Акробат срывается из-под купола цирка, ломает позвоночник, обречен на полный паралич, положение безнадежно — но он хочет жить человеком! он стискивает зубы и борется — вопреки всему! и встает на ноги, становится одним из сильнейших людей в мире! держит на плечах тонный груз, жонглирует пятипудовыми гирями! Ты телевизор смотришь — видел это?

Вот что такое человеческий дух!!

А забытые эпидемии оспы, чумы, холеры, тифа? Врачи лечили больных, были в гуще заразы, — такие же простые смертные, как те, кому они помогали, — и почти никогда не заболевали сами! Вот что такое дух! Им было некогда болеть, их долг и профессия заключались в том, чтобы лечить больных — и они делали это! Их психика была мобилизована, их иммунная система давила микробов, — вот что такое дух!

И воля человека, сила его духа, его убежденность — могут заставить заболеть любой болезнью, могут заставить умереть — но могут заставить организм победить любую, ты слышишь, любую болезнь, л ю б у ю беду, преодолеть любую задачу — и выжить, выжить! Победить!

И Звягин стал выхватывать из карманов плаща книги, швыряя их, как гранаты. Книги неслись через комнату, треща листами и крутясь. Саша неловко ловил их, прижимая к себе и роняя.

— Вот — о слепом, который стал академиком. Вот — о глухонемом паралитике, получившем за совершенные открытия Нобелевскую премию. Вот — об учителе, заболевшем раком, который лихорадочно писал роман, чтоб деньги за него остались семье, когда он умрет: он никогда раньше не писал книг, он спешил, он горел в торопливом напряжении — и когда издательство приняло роман — кстати, ставший знаменитым, по нему был знаменитый фильм, — оказалось, что он выздоровел! Вот — о студенте, тоже заболевшем раком: он, чтоб отвлечься от черных дум, стал учиться играть в шахматы, выучив учебники наизусть, стал мастером, чемпионом города — в считанные месяцы; через год — врачи считали, что он уже умер, — он оказался совершенно здоров и не болел никогда больше!

И случаев таких не так мало!

Вот что такое сила человеческого духа!!

Драться!! драться! — хрипел Звягин, брызгая потом и рубя воздух кулаком. — И мы будем драться!! — заорал он, хватая Сашу за плечи и тряся, как тряпичную куклу. — Мы будем драться, ты понял меня?! Как муж-

чины, как подобает! Волк умирает, сцепив челюсти на горле врага! мертвой хваткой!

Никто и ничто не может победить настоящего человека, который умеет хотеть и драться. Никто и ничто, ты понял?! Кто решил победить или сдохнуть, любой ценой, несмотря ни на что, — тот всегда победит!

И только это — настоящая жизнь! Только эта борьба делает двуногое существо настоящим человеком! Да ты еще никогда не боролся, ты плыл по течению, ты не знал трудностей, — теперь настало время! Настало время с оружием в руках встретить беду, и твердо посмотреть ей в глаза, драться с ней и победить! потому что у тебя нет другого выхода! нет! нет! Ты ничего не можешь потерять — ты все выиграешь! Все силы, все нервы, всю веру, все мужество — собрать воедино, в кулак, в одну точку, встречать каждый новый день как сражение, каждую минуту — как битву! Отковать из себя стальной клинок, закалить свой дух, как сталь, не бояться ничего, драться за победу — как рубились в битвах настоящие мужчины во все времена! Чтоб упереть взгляд во взгляд врага, чтоб мечом встретить его меч, чтоб мысль жгла одна — победа! победа! ты не будешь изрублен на месте — ты победишь! как будешь побеждать всегда!

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» Вся правда жизни — в этих словах! Только теперь для тебя начинается настоящая жизнь — настоящая борьба! Борьба со смертельным, страшным противником! И он будет побежден, как бывал уже побежден не раз!

Ты еще не знаешь себя. Не знаешь себе цену, не испытывал своих возможностей. Не проверял в настоящем деле, как проверяется мужчина в бою. Вот — твой бой. И если ты чего-то стоишь — ты победишь! Ты понял меня, мальчик? Ты победишь!! — загремел Звягин на весь дом, сотрясая голосом стены и стекла. — Драться! С этой минуты, с этой секунды, каждое мгновение — отковывать себя, крепить себя, крепить все мужество, всю веру, все упрямство, все мужское презрение к любым трудностям, почуять азарт борьбы, познать наслаждение борь-

бой — чем она круче, тем острее это наслаждение, это ощущение настоящей жизни, высшей жизни, той доли, которая достается лишь избранным, мужчинам из мужчин, бойцам из бойцов, солдатам из солдат. Это — твой Клондайк, твоя Брестская крепость, твой тайфун, твоя танковая атака, твоя королевская корона, твоя доля мужчины, бойца, первопроходца, победителя! сурового, несгибаемого, мужественного, сильного, с открытыми глазами встречающего любую опасность и выходящего победителем из смертельных схваток. Вот что дремало н дне твоей души все предыдущие годы — и это ты долже сейчас увидеть в ней, поднять, укрепить, чтоб это стало привычкой, стало твоей истинной натурой, твоим характером, твоей сутью, стало тобой — настоящим, ибо до этого момента ты был только заготовкой мужчины, но еще не мужчиной!

И ты будешь таким — ибо ты на самом деле такой, просто раньше не было случая собой стать — а теперь ты становишься им. Ты станешь собой — и ты будешь побеждать и жить, ты понял меня?! Ты будешь, мальчик. Ты будешь.

...Он шел по темной набережной, опустошенный до звонов. Горячий пот стыл на ветру. Хотелось рухнуть и заснуть. Весь внутренний заряд выгорел там, перед завороженным мальчиком.

Жена горестно промолчала, подумала, тихо захлопотала печь блины.

— Ты сейчас похож на донора, отдавшего больше крови, чем мог, — попеняла она, открывая мед.

Звягин дал себе поблажку, запил молочком кофеин с глюкозой, поусмехался:

— Ценю красивое сравнение. Ну — лучшего сеанса внушения я провести не в силах... Та-акого наговорил, без стеснения... ничего. Должен прочувствовать, ободриться, — чтоб воля к жизни появилась. — Он расслабленно привалился спиной к стенке. — А хорошая рифма — я по дороге придумал — шаман, шарлатан, обман, хулиган?

— Титан, — добавила дочка. — Ураган.

— Счастье еще, что вы стихов не пишете, — трезво оценила жена, оперируя тремя сковородками. — Хватайте блины, пока горячие. Слушай, куда ты вмещаешь столько молока?..

— Сливаю в деревянную ногу, — ответствовал Звягин.

Назавтра в знакомой мороженице он крепко диктовал Лидии Петровне:

— И не давайте ему ни минуты сидеть в покое! Пусть крутится по восемнадцать часов в сутки. Моет, стирает, строгает, ремонтирует, пусть бегает в магазин, учит английский язык, чинит телевизор, носит кирпичи на стройке — что угодно, но не задумываться ни о чем ни секунды! Пусть постоянно будет в действии, пусть к ночи валится с ног от усталости, чтоб сутки были насыщены действием! Это необходимо, это поможет, это укрепляет дух и снимает беспокойство. Пусть ходит в бассейн, бегает по утрам, подметает подъезд — что хотите, но это необходимо. И никаких на него жалостливых взглядов, никаких в разговоре несчастных интонаций — жестче, суровей, требовательнее! Вы поняли меня?

Они его поняли. Саша закрутился. Несся с сумкой в булочную, когда путь преградила цыганка: клетчатые юбки мели асфальт, золотые серьги брякали, черные очи — с сумасшедшинкой пронзительной и мудрой.

— Постой, миленький, минутку, ничего не попрошу у тебя, помочь тебе хочу. Беда у тебя, горе душу иссушило, всю правду знаю, иди со мной...

Смуглой рукой уцепила за рукав, утащила в подворотню:

— Один ты у отца-матери, нестарые еще, ничего тебе не жалеют... Дай закурить, красивый, бедной девушке... не куришь? — Достала из кофты зеркальце: — Постучи по нему пальцем, три раза!

Взглянула в зеркальце, посыпала ласковой скороговоркой, впилась лаковыми глазищами:

— Смерть к тебе близко подошла, чуешь ты ее, тайная болезнь тебя точит, боишься ее, страх мучит, сны черные, нет радости и покоя, — но я скажу, как все

исправить, научу горя избежать, помогу, дай Гале рубль на счастье, не жалей, вот в этом кармане...

Саша ошеломленно извлек из кармана рубль, она сжала его в кулачке, дунула, с улыбкой раскрыла пустую ладонь:

— Первую свою любовь ты потерял, не понимала она тебя, не ценила душу твою, гордая была, плакал от нее, за другого замуж вышла, но нет ей счастья, встретишь ее, будет она по тебе плакать, твоей любви просить, твой верх будет... волос у нее черный, глаз черный, сладка была, да не умел ты ей боль причинить, не умел на место поставить, все делал, как она хотела, вот и ушла от тебя — но вернет ее Галя, надо для этого желтое зеленым покрыть, дай платок зеленый, или бумажку, вот отсюда...

И трехрублевая бумажка последовала за рублем. Саша следил суеверно. Затрещала колода карт, лег пиковый король:

— Сильный человек тебе поможет, ему верь, огромная сила в нем, а сердце к тебе лежит. Ты сам сильный, ты щедрый, настоящий мужчина, слабости поддался — это бывает, не страшно все, обманешь смерть, косая она, не сладит с тобой, Галя поможет, выручит, Галино слово верное, нас случай свел, удача свела, удачу нельзя обижать, покрой зеленое красным, чтоб ворожба сбылась...

Десятка пошла за трешкой. Цыганка схватила его левую руку, развернула вверх:

— Ладонь правду скажет... Много неба здесь, много огня, храбрые мужчины... Встреча с кралей ждет, любовь ждет, свадьба будет, сын у тебя будет, только это все — через год... А скоро легла дальняя дорога, дом казенный, проводы, разлука с кровными... богатство будет, весело будет, семьдесят семь лет проживешь, счастлив будешь... но через большие муки это, много трудов на пути написано...

Саша внимал, целиком во власти этой ясновидящей, этой колдуньи в плещущих юбках, в огромных бусах: она знала в с е!

Она отступила шаг, полыхнула из-под крутых бровей:

— А когда сбудется все, когда счастье придет — вспомнишь Галю? Найдешь? Отблагодаришь Галю за помощь?

— Отблагодарю, — заикаясь, сказал Саша.

Цыганка захохотала, потрепала его по щеке:

— Смотри же, не обмани! — Взмахнула юбками и исчезла.

Он еще долго оставался в обшарпанной подворотне. Нехитрое гадание легло на душу по точной мерке — потрясло. Отрывистые картины всплывали и тасовались в возбужденном мозгу, и были картины эти просечены резким и чистым солнечным светом. Надсадно и яростно пела победу боевая труба. Кулаки его сжимались, стиснутые зубы скрипели, — он не замечал этого.

...На дежурстве, ночью между вызовами, лохматый Гриша спросил, устраиваясь отдохнуть на кушетке:

— А если бы вы не нашли на Финляндском вокзале эту цыганку?

— Уговорил бы какую-нибудь актрису, — ответил Звягин.

— А если б родители не знали о его несчастной любви?

— Рассказали бы что-нибудь другое — чтоб он поразился и поверил.

— А деньги-то она с него слупила, — заметил Гриша.

— А иначе нельзя, — возразил Звягин. — Чтоб поверил.

Ритм Сашиной жизни резко переломился. Время уплотнилось и понеслось. В пять утра трещал в темноте будильник. Гремела музыка из магнитофона, Саша прыгал под ледяной душ и несся в дворницкую: скреб грязь с тротуаров, мел двор, сгребал мусор в баки (жэк принял на эту работу в течение пятнадцати минут — с ходу). В девять бежал в магазин за продуктами, глотал чай и принимался обдирать старые обои, красить потолки и двигать мебель — в квартире начался ремонт. Гудела стиральная машина, мешались в голове английские слова, — он засыпал в полночь с учебником в руках.

На второй день этой новой жизни Звягин повез его в Песочный, где добился пяти минут времени именитого профессора. (Можно было, конечно, ограничиться и кем-нибудь поскромнее, но профессор — звучит солидно, внушает доверие.)

Профессор совершал обход во главе почтительной свиты. Он бегло кивнул Звягину, скользнул взглядом по Саше, повертел на свет рентгеновские снимки. Гмыкнул, стал смотреть снимки по второму разу, лицо его выразило интерес.

— Любопытно, — бормотал он, — явное замедление... на последних снимках прогресс не прослеживается, и анализы на прежнем уровне? ах, даже так... Трудно сказать что-либо определенно, но в любом случае крайне любопытно. Ваше мнение, Петр Исаевич? — обратился он через плечо к бородатому гиганту.

Гигант посмотрел, пошевелил бородой, пробасил.

— Возможно, что-то недосмотрели там? — И добавил пару латинских фраз.

Профессор жестом указал ему вернуть Звягину ворох снимков и анализов, покивал Саше благосклонно, кинул назад в свиту.

— Толя, запишите; может пригодиться для статистики. Возможен обратный процесс.

И они проследовали дальше, шурша белыми халатами и тихо переговариваясь на ходу.

Через час в своем кабинете, сдвигая с полированного стола дареные цветы, профессор кратко выговорил Звягину:

— Ложь во благо у нас обычна. Но вообще ваша позиция меня несколько... удивляет. Воля к жизни, да, конечно... У нас здесь сотни больных — они что же, по-вашему, не хотят жить...

На что Звягин рассудительно отвечал:

— Всем помочь не в силах. Это не повод, чтоб не помочь одному. В конце концов у каждого — есть свои друзья, родные, свои возможности.

— Вы похожи на мальчика-фантазера, которому вздумалось опровергнуть таблицу умножения — неизвестно с чего.

— Если он не выживет, я наймусь к вам в санитарки, — предложил Звягин.

Профессор достал белоснежный платок, посморкался; согласился:

— Заметано. Санитарок у нас не хватает...

В доме Ивченко вспыхнула надежда. Возможно, это вспыхнула та соломинка, за которую хватается утопающий. Но искорка жизнелюбия и веры в чудо затлела в Сашиных глазах.

Звягин был не тот человек, чтобы упустить малейшую возможность раздуть из искры пламя — тем паче что эту искру он же и заронил. Сомнения его не одолевали — он гнул свое.

К Ивченко, вежливо испросив по телефону разрешения и отрекомендовавшись, пожаловал биолог, кандидат наук. Биолог был солиден, седоват, разглядывал Сашу с открытым и доброжелательным любопытством. Да, услышал о нем от своего друга, профессора-онколога. Да, наука еще не все знает, существуют удивительные исключения. Есть необъяснимые, поразительные случаи самоизлечения. Очевидно, дело в ломке стереотипа, в чрезвычайной мобилизации психики, что влечет за собой реализацию неведомых ресурсов организма, перенастройку клеткообразования. Он лично наблюдал средних лет мужчину: операция по поводу опухоли желудка закончилась ничем — разрезали, посмотрели и зашили, выписали умирать. Мужчина уехал в деревню и сгинул. Через год его разыскали открыткой — вызовом в диспансер: строго говоря, вызов был формальный, были уверены в его смерти, но — учет есть учет... Ко всеобщему изумлению, больной явился на собственных ногах и вид имел цветущий. Рентген и анализы показали полное отсутствие каких-либо болезней. На расспросы, как это стряслось, мужик пожимал плечами, счастливо хмыкал, и рассказывал, что плюнул на все, всем все простил, отказался от всех надежд, тревог и амбиций,— жил в деревне, собирал по утрам землянику, пил парное молоко и даже работал на сенокосе — чтобы не очень скучно было. Вот так-с... С тех пор минуло лет десять, мужик хозяйствует в деревне, записался колхозником, семья переехала к нему: он совершенно счастлив и здоров, ни на что не жалуется...

Биолог пил чай с вареньем, интересовался Сашиной биографией: спрашивал, не произошло ли с ним чего-ни-

будь необычайного в последние недели или даже дни. Ответы заносил в тетрадку: он набирал статистику для докторской диссертации, где анализировал переломы в развитии злокачественных опухолей под влиянием стрессов и смены фенотипа, то есть окружающей среды. Просил раз в неделю звонить ему и информировать о ходе дел.

Звягин, услышав от Саши о визите, изобразил гнев и велел всех биологов и прочих любознательных ученых гнать в три шеи, а в крайнем случае подарить им десяток морских свинок из зоомагазина. Но к идее уехать куда-нибудь и сменить образ жизни отнесся одобрительно:

— Первый шаг сделан! сделан! — рубил он кулаком.— И — вы видите? сдвиг налицо! Значит — возможно! возможно!

Его слушали — с горящими глазами, бледнея от надежд...

— Не останавливаться! только не останавливаться!! — вбивал Звягин. — Каждый день, каждый час — шаг вперед, к цели, к победе! Развить успех, развить, это еще не победа — но это предвестие победы, это краешек ее возможности — за этот краешек надо ухватиться зубами, когтями, изо всех сил, и тащить, тащить!! Высоты боишься? — неожиданно спросил он Сашу.

Тот от неожиданности растерялся, поморгал. Сознался:

— Боюсь...

— Ты ничего больше не боишься! — закричал Звягин.— Отбоялся, хватит! В среду поедешь со мной — будешь прыгать с парашютом, с высоты в километр, чтоб небо с овчинку показалось, чтоб сердце ухнуло от страха, когда встаешь в дверце над свистящей бездной — и шагнешь вниз — и полетишь в пустоту! Вот так надо жить — остро, опасно, на полную катушку, испытывая новое, неизведанное, пьянящее! Совершать то, о чем всегда мечтал — здесь и сейчас,— вот что такое жить! Идти навстречу тому, чего боишься больше всего на свете,— и побеждать! — вот что такое жить! Испытывать себя на прочность в самых острых ситуациях — и выходить из них обновленным, счастливым своей силой и пережитым чувством — вот что такое жить!

(Вечером жена не выдержала, упрекнула:

— В своих странных увлечениях ты бываешь слишком жесток. А если он что-нибудь сломает? И зачем ему теперь сутки волноваться? Мог не предупреждать, а — сразу...

— Я еле начальника аэроклуба уломал, а теперь ты то же самое повторяешь, — грустно сказал Звягин. — Клин-то клином вышибают. Пусть трясется. Нужны сильнодействующие средства. Чтоб обмочился со страху — а потом запел от радости. Не могу же я его отправить замерзать в Антарктиду или спасаться из кораблекрушения. А в аэроклубе у меня все свои, я договорился.)

Среда выдалась пронзительно-ясной. На краю летного поля, где сквозь пожухшую прошлогоднюю траву пробивалась зелень, механики гоняли мотор «Яка». В парашютном классе семнадцатилетние ребята укладывали на длиннейших столах красные парашюты.

— Мой личный практикант, — представил Звягин, хлопая Сашу по плечу.

Начальник аэроклуба, отставной полковник, с неудовольствием посмотрел на значок-парашют с жетоном «350», демонстративно поблескивающий на светло-сером звягинском пиджаке. Перевел беспомощный взгляд на фотографию на стене своего кабинета — Галлай среди первого отряда космонавтов, с дарственной надписью — как будто прославленный испытатель Марк Галлай, успешно выходивший из любых передряг в воздухе, мог помочь ему сейчас на земле.

— Официально разрешить не могу... — страдая, сказал он.

— У меня есть удостоверение инструктора по парашютному спорту или нет? — удивился Звягин. — Я числюсь в вашем активе?

— Ты можешь прыгать... Я дал команду.

— Спасибо. А обо всем остальном вы ничего не знаете.

— Леня, ты понимаешь, чем мне это грозит?

— Мы же договаривались, Константин Лазаревич. В наихудшем случае вызываю своих ребят по «скорой» и оформляем бытовой травмой.

— А если...?

— Тогда они составляют акт, вызывают транспорт, несчастный случай, аэроклуб опять же не при чем.

Саша при этих фразах слегка позеленел и затравленно глянул в окно, где рокочущий «Як» рулил по полю.

Инструктор, паренек деловой и разворотливый, почтительно поздоровался со Звягиным и потащил их обмундировываться: комбинезоны, шлемы, башмаки на высокой шнуровке: «В час — старт, после обеда синоптики обещали погоду испортить».

— Твоя фамилия — Поливанов, запомнил? — вполголоса сказал он Саше.

Вдесятером, парашюты на спине, запасные на груди, они выстроились перед «Ан-2»: проверка, перекличка.

Когда раздалось спокойное:

— Поливанов.

— Я! — сипло выдавил Саша: его уже колотило; лямки давили плечи, терли между ног; он вспомнил мальчишек в парашютном классе и понял, что парашют может быть уложен небрежно, так, что не раскроется, и запасной не лучше. Еще можно было сказать, что он плохо себя чувствует, что он не готов, что он не Поливанов!..

— Напра-во!

«Уж лучше — сразу!» — отчаянно подумал он, спотыкаясь на лесенке.

Негромко ревущий «Ан» подпрыгнул и пошел вверх, казалось, почти без разбега. Лег на крыло — и далеко поплыли постройки и ряд самолетиков, а дальше, за пространством леса и полей, открывалась затуманенная сероватой желтизной панорама Ленинграда. Саша, вывертывая шею, прилип носом к иллюминатору, чувствуя коленом сидящего рядом Звягина.

Над пилотской кабиной зажглась лампочка и загудел зуммер. Инструктор проверил крепления вытяжных карабинов на тяге и открыл дверь. Туго зашелестел в проеме осязаемый, плотный ветер. Лица у всех напряглись.

«Уже?! Сейчас... прямо... кто первый? я ведь ни разу...» — Поливанов! — вдруг скомандовал инструктор резко.

Саша вдруг одеревенел, тело стало чужим, он словно наблюдал со стороны: вот встал с дюралевой скамейки, негнущиеся ноги сделали четыре маленьких шага до дверцы, вот повернулся к свистящему проему, уперся руками в верхний край, оглянулся на инструктора. Хотел независимо улыбнуться, но только скривился.

— Па-шел! — закричал инструктор, весело щерясь.

Вниз смотреть не надо было, Саша знал, но взглянул, и тотчас возникло ощущение кошмарного сна, нереальности, подкатила кислая слюна, качнуло головокружение...

— Не трогай! — предостерегающе крикнул Звягин инструктору, собиравшемуся сноровисто выпихнуть новичка, как и водится в таких случаях. — Пусть сам!

— Сам! — заорал он, встав рядом с Сашей, сжав жесткой рукой его лицо и тряся. — Ну — делай шаг!

Саша шагнул одной ногой на порог, невольно зажмурился, оттолкнулся, опуская руки, — и стал падать в бесконечную бездну!.. Обожгло холодом, ударило, швырнуло, исчезла ориентация, сознание угасло, холодным комком провалилось в живот и остановилось сердце. Через миг — через вечность — резко рвануло бедра и подмышки лямками подвески, мощно хлопнул наверху раскрывшийся купол, — и только тогда он вспомнил: раскинуть руки-ноги крестом, не прогибаться, голову поднять...

Но ужас и счастье уже слились воедино, остро и пьяняще: он плыл под парашютом между синим небом и зеленой землей. Сердце колотилось бешено, перехваченное горло отпустило, он вдохнул порывисто, со всхлипом. Задышал ровнее. Осторожно, боясь нарушить свое положение, повернул голову влево-вправо: мир был огромен и раскрыт до дальних пределов.

Лишь холодный ветер снизу, слезящий глаза, свидетельствовал о движении. Переполняло такое ощущение полноты бытия, которого он не испытывал никогда в жизни. Вобрав покалывающего воздуха, Саша неожиданно для себя запел-заорал «Коробушку»!..

Далеко внизу белел посадочный крест.

Земля оказалась совсем рядом — полетела навстречу стремительно. Густо и тепло ударили земные запахи — прогретой почвы, трав, набухших почек, бензина. «Но вместе, напряжены и чуть согнуты в коленях, приземление на всю ступню!» Земля подскочила вверх.

Удар произошел несильный — он успел разочарованно удивиться, — но ноги подогнулись, он сложился на корточки и тогда — как учил Звягин — повалился на бок. Его куда-то потащило — забыл, что надо гасить купол, да и не сумел бы, — но уже подбежали к нему, потянули стропы, отстегнули лямки, поставили на ноги, похлопали, тиснули:

— Молодец! Ну — как?

— Ага, — невпопад ответил он, глупо и блаженно улыбаясь.

Он плохо соображал, его качало. День сиял, как сон.

Только в стучащем, привычном вагоне метро Саша недоуменно вытаращился на Звягина:

— Леонид Борисович! Как же... я прыгнул первый — а в-вы меня в-внизу встретили... в-ведь вы меня подняли?!

— А я обогнал тебя в воздухе, — засмеялся Звягин. — Затяжным летел, понимаешь?

«Полученного заряда ему хватит на сутки. А потом...»

А на следующий вечер позвонила Рита.

Саша снял трубку — и услышал голос...

Пространство поплыло волнами, как мираж, и зазвенело тонким хрустальным звоном. Все эти долгие годы он в глубине души ждал, мечтал, в самые черные часы находил прибежище в грезе: зазвонит телефон — и это окажется Рита.

Этого не могло быть, но это случилось.

— Не ждал? — тихо спросил голос из семилетней дали, из юности, из надежд.

— Нет, — сказал Саша. — Ждал, — сказал он.

— Я увидела тебя вчера в метро. Ты был такой счастливый, прямо светился... А ты меня не заметил...

— Ты, — сказал он. — Это ты...

— Ну, как живешь? — спросила она, так же, как спрашивала всегда, когда он сходил с ума, ожидая ее звонка.

— Хорошо, — сказал он, проглатывая комок в горле. Снял телефон со столика в коридоре и, путаясь в разматывающемся проводе, понес в свою комнату, закрыл дверь. — А ты как живешь?

Голос в трубке помолчал и ответил:

— Плохо...

И это «плохо» вызвало в нем радость и боль одновременно: боль, потому что Рита (его Рита...) живет плохо, — и радость, потому что и она, через столько лет, несчастлива без него.

— Радуешься? — спросила Рита.

— Чему? — ответил он. — О чем ты... Как ты, расскажи...

— Так... Окончила институт, осталась в Ленинграде, работаю...

Он не решался спросить.

— Ты, наверное, женился, — сказала она.

— Нет, — сказал он.

— А я разошлась, — сказала Рита. — Почти сразу...

Раздались короткие предупреждающие гудки автомата.

— Подожди, еще монетку брошу, — сказала она.

— Я могу тебя увидеть? — спросил он. — Если хочешь.

— Если б не хотела — не позвонила бы, наверное.

— Где ты? — спросил он сорвавшимся голосом. — Я сейчас приеду. Ты где?..

— Уже поздно, — сказала она. — Завтра. Я очень хочу тебя видеть, слышишь? Ты придешь? Завтра в шесть, у метро «Балтийская»!

Он так и сидел с трубкой в руке, пока часы не уронили одиннадцать тяжелых бронзовых ударов. До встречи оставалось прожить девятнадцать часов.

...В двух случаях людям нечего сказать друг другу: когда они расставались так ненадолго, что ничего не успело произойти, — и когда разлука так затянулась, что изменилось все, в том числе и они сами, — и говорить уже не о чем.

Саша увидел, как она выходит с толпой из метро — вороная прядь, быстрая улыбка: она была та же самая,

она не изменилась, она пришла. Он удивился своему спокойствию, только вдруг вылетели из головы все приготовленные слова — он не знал, что сказать, стоял и смотрел, пока она не протянула ему руку.

Он взял эту руку, помедлил отпускать, смотрел неотрывно, словно зрение насыщалось за все те семь лет, что минули.

Она что-то говорила, он что-то отвечал, ничего не понимая. Он только сознавал, что это она, рядом, оказалось, что они куда-то идут, и она держит его под руку, и он сквозь одежду ощущает тепло ее руки, а потом они очутились за столиком и официантка принесла кофе, и вдруг сразу наступил вечер, звук шагов рикошетировал от каменных стен узкой улочки, он споткнулся на лестнице, больно ударился лодыжкой, и увидел себя в маленькой комнате, свеча дважды отражалась в черном окне, скрипнул под ногой пол, а в углу дивана умостилась с ногами Рита, так, как она всегда любила сидеть, это была она, в том самом норвежском свитере. И постепенно до него стал доходить смысл звучащих слов.

— Помнишь — ты говорил, что это ошибка; что тоска сгрызет меня; что я пойму, что ты значишь для меня, но будет поздно; что я буду каяться... Да: я каялась, и тоска грызла меня, и часто казалось, что-то самое главное внутри она сгрызла.

— Почему же ты не пришла... не позвонила?..

— Это была для меня прошлая жизнь, в которой осталась другая я — лучше, моложе, чище. Разбитого не склеишь. Мне было очень плохо, и некуда деваться, и не могла я прийти за милостыней к тому, кому испортила жизнь. Что, просить прощения? ненавижу...

— Тебе не за что просить прощения. Человек не виноват в том, что он чувствует... Если я был тебе хоть на миг нужен...

— Ты был мне очень нужен. Один ты. Может быть, именно поэтому я не приходила раньше. Я помню все, все-все, что у нас было... Я никого не знала лучше тебя. И ни для кого я столько не значила, никто не понимал меня так, как ты, не умел угадать, о чем я думаю, и рас-

смешить, когда грустно. Мне было хорошо с тобой. Но я была девчонкой и не знала цену тому, что имела. А когда узнала, было уже поздно. В жизни всегда так... А ты забыл меня. Я была уверена, что ты давно женился...

— Ты знала, что я никогда не смогу забыть тебя. Я думал о тебе все время... Ты знала, что я не могу жениться на другой.

— Ты совсем ребенок.

— Нет. В разлуке с любимыми старятся быстро.

— А мне ведь часто хотелось, чтобы ты... Я мечтала, что ты сам меня найдешь, — и ненавидела за то, что ты смирился, как нюня, где-то там горюешь себе в тряпочку, когда мне плохо и я нуждаюсь в тебе. В твоей поддержке. В поддержке мужчины, понимаешь?

— Прости. Я идиот. Я ничтожество.

— Не надо. Не принимай мои слова близко к сердцу. Это я со зла... Оттого, что много выстрадала... Оттого, что мучила тебя, а сама была во всем виновата, и осталась у разбитого корыта...

Горящая свеча становилась все короче, и пропасть прошедших семи лет все сужалась между ними, и края сомкнулись, когда он услышал свой голос, произносящий сквозь все эти годы:

— Я люблю тебя, Ритка...

И обожгло ее дыхание, оглушил шепот:

— Я не хочу больше терять тебя, слышишь, Сашка... Я умру, если потеряю тебя еще раз, слышишь?..

И он не знал, говорит это, или ему только кажется:

— Как я мог жить без тебя, Ритка... Как я мог без тебя жить.

Простучали во дворе шаги, взвыл кот, звякнуло стекло.

— Только не надо торопиться, — сказала она. — Мы не должны торопиться... Я должна привыкнуть к тебе, слышишь. У нас еще все будет, у нас все впереди, слышишь?..

— Да, — отвечал он. — Да. Да. Как тебе лучше. Тебе. Да. Да.

И только невесть где в темной улице, забыв о закрытом метро, он вдруг остановился — как налетел на пре-

пятствие: цыганка нагадала правду!! Вдохновенный восторг охватил его: судьба, везение, фортуна вмешалась в его жизнь! Он же всегда знал, чувствовал, он верил, что произойдет какое-то чудо — и все станет хорошо!

Тот, кто сделал это чудо, потратил неделю. Каждый день (кроме выходных, на которые он и поменял два своих суточных дежурства) Звягин ждал в четверть шестого у подъезда проектного института на проспекте Огородникова. Оглядывались выходящие, появлялась тихая молодая женщина — тихая той неброской женственностью, которая особенно неотразимо действует на два противоположных типа мужчин, — на отъявленных авантюристов и робких мечтателей (возможно, потому, что вторые — те же авантюристы, но лишь в мечтах?..).

Женщина замечала его, вороная прядь вздрагивала, углы губ бессильно опускались: положение ее становилось невыносимым.

— Речь идет о человеческой жизни, — с тяжестью танка давил Звягин. — От вас не требуется ничего невозможного. Только позвонить ему, встретиться, провести один-два вечера.

— Где? Как? О чем вы?

— Я все объяснял. Комната есть. Что сказать ему — знаете.

— Я замужем, — привычно и устало отвечала она, — у меня ребенок. У меня свой дом, своя жизнь...

— Каждый из нас в ответе за того, кто его любит.

— Разве это поможет?.. — безнадежно говорила она.

— Поможет! — гвоздил Звягин. — Неужели так трудно: несколько ваших вечеров — и вся его жизнь?! Ну представьте себе: если б вы были санитаркой и надо вытащить раненого с поля боя — неужели бы вы дезертировали?

— Как вы можете сравнивать?!

— Очень просто. Там вам грозила бы смерть — а здесь вы не рискуете ничем. Неужели мирное время дает больше поводов для равнодушия к человеческой жизни?

Они ехали через весь город. Она слушала измученно.

— Вы никогда не простите себе его смерти. Не простите себе равнодушия, эгоизма и бессердечия к умирающему, который не задумываясь отдал бы за вас жизнь.

— Но где вы слышали о таких... диких, невозможных спектаклях?! — восклицала она.

— Что, что конкретно — невозможно из того, о чем я прошу?

Они сходили с трамвая, вместе с ней Звягин заходил в магазин и нес ее сумку с продуктами до угла.

— В каждой женщине должна жить сестра милосердия, неужели вы не можете несколько вечеров в жизни побыть ею — с тем, кто любит вас и смертельно болен?

— Да что ж это за сводничество!.. — Она выхватывала у него сумку и почти убегала к своему дому.

Назавтра все повторялось. Очевидная для Риты абсурдность плана Звягина сменялась сознанием его высшей — принципиальной — правоты...

— Но у меня муж!

— Он мужчина. Он поймет. Если он вас любит — поймет и другого, который вас тоже любит.

— Он меня страшно ревнует!

— Саша звал вас королевой Марго — помните? — молил и уламывал Звягин. — Вы целовались в белые ночи у разведенных мостов, вам было по восемнадцать лет — помните?

— За что ж вы меня мучите!.. — В ее голосе звенели слезы...

Звягин посылал к ней Сашину мать. Отца, Гришу. Он торопился. Натиск и измор. Мытьем и катаньем.

— Хорошо... — обреченно сказала она. — Вы правы. Я, в общем, с самого начала знала, что вы правы, оттого и дергалась. Но я не могу сказать это все мужу... Я не знаю, как...

Звягин знал, как. К мужу он отправился сам.

— Так, — сказал славный парень, мрачно выслушав Звягина. — Вы вообще нормальны или псих?

— Врезал бы я тебе сейчас, — сказал Звягин, — да толку с этого не будет. Не понимаешь ты просто...

Он с силой развернул парня к окну: на детской площадке мельтешила малышня.

— У тебя есть все: любимая жена, дочка, квартира, работа. Здоровье, планы, будущее. У твоих отца-матери есть внучка, а его родители лишаются единственного сына. У него — ничего нет; ничего. Понимаешь? Есть единственный шанс выжить. И этот шанс в твоих руках. Тебе стоит сказать «да» — и останется жить человек, который тебе ничего плохого не сделал. Он тебе не соперник, не враг: Рита тебя любит!

— Ну а дальше?

— Через несколько дней он уедет. Видимо, навсегда. Но встретиться с ней, поверить ей — это для него такой мощный толчок к жизни, такой взлет счастья, такой подъем желания жить, — что он может выжить. И должен выжить, понимаешь?..

Он гнул и ломал сопротивление осязаемо, как стальной прут.

— Помоги ему, браток, — тихо попросил он и отвернулся, сунув руки в карманы бритвенно отутюженных черных брюк. — Нельзя же, нельзя бросать человека в беде только потому, что тебе на это наплевать. Неужели он должен умереть, чтоб ты жил спокойней?..

— А... что она будет делать? — Муж смотрел в сторону.

— Ничего. Встретится с ним. Поговорит. Поврет ему... Может, он ее пару раз поцелует. Это ведь не так страшно, а. А ему это даст жизнь. Подарите ему жизнь, понимаешь? Тебе легче будет жить на свете, парень, когда ты будешь знать, что кто-то живет благодаря тебе. Ведь в конце концов вы же два мужчины, два человека, два солдата, вы же братья — неужели ты дашь своему же подохнуть зазря? Он же свой, свой!..

Минуты катились тяжело, как вагоны. Прут гнулся и треснул.

Славный парень, ее муж, крутнул головой и насупился.

— Она не согласится, — глухо сказал он.

— Она согласна, — ответил Звягин.

Саша не узнал об этом никогда. Звягин обо всем позаботился.

...Так же, как он позаботился о скором Сашином отъезде. Подробности и детали вызревали не один день. «Смена обстановки, суровые условия, физические перегрузки, стрессы и победные исходы, — короче, в пампасы его загнать! Психика мобилизуется, организм переключится на иной режим...»

— Идеальным вариантом было бы кораблекрушение на необитаемом острове, — задумчиво говорил он жене, меря комнату из угла в угол с пустым стаканом в руке. — Жаль, это не в нашей власти. Хорошо бы к рыбачкам на траулер — да сложновато: минимум шесть месяцев курсов, визирование...

Жена листала учебник географии и терла пальцами виски:

— А в экспедицию, к геологам?

— Ну что — экспедиция. Там от работы не переламываются. Не те нагрузки... Р-рымантика — нет... Плоты бы его сплавлять в Сибирь — так не сумеет, свалится с бревна и утонет.

Дочка разгибалась от шитья какой-то «необыкновенной» куртки:

— Я читала в одной книжке — на Алтае перегоняют баранов в горах: все лето верхом на лошади, настоящие ковбои!

Звягин цедил молочко, листал записные книжки.

— Как-то к нам в дивизию, когда ребята увольнялись в запас, пришло приглашение на работу в воздушные пожарные: десантник — это ж готовый специалист. Как бы по междугородной дозвониться в полк замполиту — он должен быть в курсе...

И в результате Звягин полетел в Галич — достаточно далеко, и в то же время под боком, при нынешнем развитии средств связи и транспорта.

В общежитии воздушных пожарных валялся на койке курчавый крепыш и тенькал на гитаре Окуджаву.

— Здорово, Боря!

Крепыш изумился, обрадовался, встал:

— Товарищ майор?! Какими судьбами?..

— Меня зовут Леонид Борисович, — сказал Звягин, стискивая руку не слабее своей. — За помощью приехал, Боря...

В городском саду было еще прохладно, влажно, они смахнули липкие почки со скамейки на солнечной прогалине. Закончив рассказ, Звягин сунул Боре томик Джека Лондона:

— Прочти «Страшные Соломоновы острова» — для ясности дела. Надо нагнать на него страху, понял? Чтоб ему пришлось собрать все силы, весь характер — и держаться, держаться! Ни ласки, ни участия — пусть трясется, ощущает страшные опасности.

— Нагоним, будьте спокойны... А — не сбежит?

— Нет. Не до смерти пугайте, а то знаю я вас, крутых десантников. Ребята как — поймут? Поддержат?

— Ребята хорошие. Пожарные. Парашютисты. Свои ребята.

— А после — подружись с ним. Похвали, ободри, чтоб расцвел от счастья и гордости, что — выдержал, смог. А?

Замысел был прост, но в наше время, когда любой поступок обрастает бумажным валом справок, свидетельств, разрешений и инструкций, — требовалось утрясти множество деталей, и каждая грозила превратить здравую мысль в несбыточную фантазию.

— Медкомиссия, — хмуро сказал Боря, обмозговывая задачу.

— Пройдешь вместо него, — приказал Звягин.

— Курсы подготовки, — был назван следующий риф.

— Узнавал. Сдаст теорию экстерном — начальник согласен.

— А практику?

— Договорюсь с преподавателем, сделает зачет побыстрому.

— Количество прыжков.

— Привезет справку из Ленинграда.

— Вас не смутишь, — рассмеялся Боря. — Но... нечестно, а?

— Боря, — сказал Звягин, — тебе никогда не приходилось слышать, как ваши ребята делают запись в журнале, что видят огонь, и прыгают в зеленый лес подышать воздухом — чтоб получить по лишней десятке за прыжок и премию за пожар?

— Все бывает, — дипломатично отозвался пожарный.

— Летчик-испытатель Игорь Эйнис, Герой Советского Союза, был близорук, как курица, полжизни обманывал окулистов — таблицы для проверки зрения он выучил наизусть. Про одноглазого Анохина все знают. Про безногого Маресьева напомнить? Про хромого Гаринчу, второго после Пеле футболиста мира? Мне ли тебя, молодого парня, учить, что инструкции — не флажки, которыми волка обкладывают, они — для пользы дела, так? Вот и я — о пользе дела. Мы вреда никому не причиняем. На преступление не толкаю — сам первый удержу.

Звягин провел в Галиче сутки. Одаренный счастливой способностью располагать к себе людей, он «подготавливал почву». Да ведь и люди идут навстречу, когда к ним обращаешься по-человечески.

...Саша воспринял отъезд как счастливую необходимость. Он вернется через несколько месяцев здоровым. Семейство больше не выглядело подавленным — настроилось на борьбу. Это напоминало проводы в опасную экспедицию, которая обязательно увенчается успехом и принесет славу. Саша улыбался. Лицо его, еще недавно юношески неоформленное, приобрело жесткую определенность мужских черт.

Если б Звягину сказали сейчас, что победы не будет, он в первую очередь крайне удивился бы, а уж потом пришел в бешенство.

Рита стояла у вагона. Смеялась и плакала. Сыгранная легенда коснулась ее души: это уже не была неправда — это была одна из правд, сосуществующих порой в жизни. Она будет ждать. Она напишет и позвонит. Она приедет. Они расстаются ненадолго.

Выходной семафор в перспективе перрона вспыхнул зеленым.

От названия Галича веяло древнерусскими тайнами, а оказалось — город себе как город. Но рассматриваемый как поле сражения и будущей победы, он представлялся Саше необычным во всем — и улицы, и дома, и магазины. Это было его Бородино, и фитили были поднесены к наведенным пушкам.

У вокзала он вбился в разъезженный автобус и сошел через двадцать минут на проселке. Апрельское солнце грело черные поля, и по ним расхаживали черные грачи. Укатанная колея сворачивала к белеющему вдали флигелю с диспетчерской башенкой. Два вертолета — «Ми-8» и огромная «летающая цистерна» «Ми-6» — соседствовали с парой неизменных «Ан-2», растопыривших стрекозиные крылья.

— Ивченко... — протянул начальник пожарной части, проглядывая Сашины документы и разворачивая сопроводительное письмо от Звягина. — Прыжки есть? Так. Служили в инженерно-саперных? Неплохо... — Он откинулся в кресле. — Начинается теплый сезон, пожароопасность возрастает, люди нам требуются. Итак...

Количество формальностей расстраивало: скорей, скорей! Вернувшись из отдела кадров управления в общежитие, получил у коменданта матрас и постель и понес в комнату.

— Куда пр-решь?! — осадил его на пороге рык. Здоровенный парень осмотрел его разбойничьим нехорошим взглядом.

— Поселили сюда... — неуверенно объяснил Саша.

— Еще один смертник, — насмешливо прохрипел парень. — Давай сюда, — кивнул на пустую койку. — А то Леха сгорел недавно, скучно одному.

Саша положил скатанный тюфяк и помялся.

— На пожаре?.. — неловко спросил он.

— Нет, в пепельнице, — хрюкнул крепыш. — Меня видишь?! Шесть лет работаю — и все жив, и не инвалид. Долгожитель! Достопримечательность! Так что смотри, дело рисковое.

Он схватил Сашу за руку, спрессовал пальцы в слипшийся комок, представился:

— Борис Арсентьев. Старший сержант. Командир отделения. А теперь вали гуляй до шести — ко мне сейчас подруга придет. Ну?!

К шести часам спектакль был готов. Идею застращать новичка наскучавшиеся за зиму пожарные приняли с восторгом.

Саша застал в комнате скорбную тризну. На него не обратили внимания. Пьяные головорезы надрывали души.

— Мир праху его, — трагически возгласил один.

— Все там будем, — мрачно откликнулся другой.

Звякнули граненые стаканы, булькнула изображающая водку вода. Смачно выдохнули, зажевали бутерброды, хрустнули лучком.

— Наливай. Витьку тоже помянем.

— Какой парень! Два года в живых оставался...

Звяк! Бульк! Чавк. Хрусть. Огрызки летели на пол, в окно.

— Приземляюсь — а он уже висит на суку, как бабочка на булавке... Только вчера день рождения праздновали...

Боря заметил, наконец, Сашу, притулившегося в углу на койке.

— На лес прыгали, Витек и напоролся на дерево, — поведал он. — Сгоняй на кухню, притащи наш чайник — синий, без крышки.

— Совсем?.. — выговорил Саша.

— Нет — на минуточку! — рассердился тот и с чувством изобразил руками, как человек накалывается на кол.

Ландскнехты, горько подумал Саша, снимая с газа чайник. Бесчувственные скоты. Еще чай пить будут, бутерброды жрать. Тут их друзья гибнут, а они...

— ...так и накрылся, — звучал хмурый голос. — Дают ему приказ — в огонь! И гаси чем хочешь. Сгорел дотла, только черепок нашли беленький...

Рассказ прервался придушенным рыдающим звуком.

Встали, выпили по полстакана воды за сгоревшего дотла.

— Такая наша судьба — светить другим, сгорая, как говорится.

— Ладно бы сгорая, — вздохнул маленький, похожий на подростка. — Вот у Швыдко парашют не раскрылся, собирали его с кочек, как кисель.

(Швыдко был толстый старик-каптерщик, отродясь не прыгавший ни с чего выше табурета.)

Сидели за полночь, кляли судьбу. Из воспоминаний следовало со всей очевидностью, что жизнь воздушных пожарных измеряется неделями и заключается в том, чтобы гореть, тонуть в болотах, задыхаться в дыму и разбиваться, причем иногда всем отделением вместе с самолетом. Гладиаторы по сравнению с ними имели спокойную и безопасную профессию.

— А Андрюха как на полосе препятствий шею сломал? А ведь целый год проработал! Невеста повеситься хотела...

— А Толяна на танцах зарезали, — присовокупил коротышка. Перечень жертв был бесконечен. Каждый выступал с жуткой историей, стараясь затмить остальных.

В разгаре ужасов вломился всклокоченный мужик и сообщил, что час назад Славка умер в больнице от ожогов. Возник ожесточенный спор, кому достанется Славкин серый костюм. Боря грохнул по замусоренному столу так, что лампочка под потолком заплясала: брать джинсы теперь его очередь. Остальное имущество покойного разыграли по жребию.

— Вот так и твое будут делить, салага, — зловеще предрек коротышка, последним покидая комнату. Саша сидел застывший, с ненадкушенным бутербродом в руке.

Ночь он пролежал в ознобе. Дремотная темнота расцвечивалась картинами катастроф, и реквиемом плыла последняя реплика: «С этой работой до зарплаты не доживешь».

Засерел рассвет, потянуло холодком из форточки, затрещало птичье пение. Да, это было здорово — жить и работать среди людей, постоянно рискующих жизнью: это ставило его в равные условия, любой из этих здоровяков мог погибнуть раньше его, и здоровье тут ни при чем. Такая доля — мужская! Достойная! Честная игра!

— Не раздумал? — внимательно спросил его Боря утром.

— Нет! — с подъемом ответил он.

Неожиданно Боря схватил его за подмышку, легким вращающим движением сбил с равновесия и послал через всю комнату — Саша плюхнулся на койку.

— Хилый, — было заключение. — Твое счастье: у меня в отделении человека не хватает. Медкомиссию за тебя пройду. Если б не Звягин за тебя просил, — сказал он, — я б тебе живо глаз на пузо натянул и моргать заставил. Нич-чо: сделаю из тебя мужчину. — Стянул с себя майку, напряг мышцы: — Вот таким надо быть, иначе хана, понял?!

Саша с завистью смотрел на рельефный торс, где перекатывались мощные бугры мускулов. Такой атлет врежет — мокро станет...

— Гонять тебя буду, как сидорову козу, — мечтательно пообещал атлет.

И гонял! Две разминки в день: час утром и час вечером. Десятикилометровый кросс. Окатываясь в умывальнике ледяной водой, Саша топырил бицепсы перед зеркалом (растут?..). Через день парился в бане, до полусмерти отхлестанный в жгучем пару веником, коим орудовала безжалостная рука. Коснувшись подушки — проваливался в сон.

— Нашел себе жертву наш сержант, — гоготали из окон, когда Саша на спортплощадке спотыкался и падал от изнеможения.

— Пошел! — кнутом стегал Борин голос. — Пошшел, ну!!

Задыхаясь и щурясь от пота, курсант Ивченко взбирался, подтягиваясь на руках, по лестнице, бежал по бревну на семиметровой высоте, скользил по тросу на площадку, прыгал через ров, взбирался на дощатый фасад — гремя пудовыми сапогами, путаясь в асбестовой робе, теряя каску. И чем приходилось круче, чем мучительнее болело тело от нагрузок — тем крепче делалась уверенность: он сможет, сможет, сможет!

— А старается парень, — вынесли общую оценку.

Он старался. Он спешил. Черные поля стали зелеными, деревья покрылись листвой. Он зубрил инструкции и выполнял нормативы. Домой шли бодрые письма. Каждый день он бегал на почту. Рита писала дважды в неделю: он заучивал бисерные строчки наизусть.

Ночью за окном пел соловей, птица влюбленных и поэтов. Саша его не слышал: ему снились полоса препятствий, штанга и огонь.

Первый вылет разочаровал. Три с половиной часа они патрулировали над квадратами, изредка ложась на крыло и меняя курс. Нескончаемые зеленые массивы прорезались жилками рек. Озера блестели, как монеты. Изредка проплывали вкрапления сел с аккуратными прямоугольниками полей.

В самолете дремали, переговаривались, крича друг другу в ухо, Боря читал в затрепанном «Знамени» «Экспансию» Юлиана Семенова, длинный Шурик спал в хвосте, удобно пристроив парашют под голову.

— И это все?.. — обескураженно спросил Саша, когда они приземлились на родном аэродроме.

— Хочешь подвигов в огненной стихии? — засмеялся Боря. — В лесу еще сыро... Погоди, летом сушь ударит — напрыгаемся, будь оно неладно. Туристы нас без работы не оставят...

Жара пришла в середине мая. Пляж заполнился загорающими. По выходным толпы любителей природы хлынули в лес.

...Они болтались в «Аннушке» — парило, машину швыряло в восходящие потоки и воздушные ямы, желудок подкатывал к горлу и обрывался вниз: Сашу слегка мутило. Они болтались в «Аннушке» и со смехом и ором играли в «балду».

— Вижу дым! — прокричал наблюдатель, правый летчик, перегибаясь в салон.

Срезало смех и ор. Отвердели лица. Проверили крепление парашютов. Разобрали сумки с инструментом. Двинули к дверце грузовой контейнер со снаряжением.

С двухкилометровой высоты пожар не выглядел пожаром. Пламя рыжело в лесу, как лисий мех на зеленом пальто.

— Гектар сорок, — сказал наблюдатель.

— Все семьдесят, — сказал Боря, просунувшись в дверцу кабины и опираясь на его плечо. — До реки все равно выгорит и встанет, а вот здесь надо полосы валить и пропахивать. Техника нужна. До колхоза тут сколько по карте? Километров двадцать? Гоните оттуда технику быстро, ребята...

Самолет снизился, тарахтя на малых оборотах.

— Пошли!

Саша прыгнул последним. Уже на высоте пахло гарью. Он подтягивал стропы, метя на поляну, куда опускались белые купола.

— Быстро, быстро! — кричал Боря, помогая ему гасить парашют. — Руби там, Шурик покажет!

Минуты, часы, день, вечер слились в одном непрерывном действии, в бешеном темпе, в отчаянном напряжении: рев бензопилы, стук топоров, тяжкие удары рушащихся стволов, треск ломающихся ветвей, загнанное дыхание, — оттаскивать мелочь, снимать дерн, рубить сучья; отлетает пот на рукоять топора, немеют руки, липнет и колется хвоя, — быстрее, быстрее, давай-давай!

Они пустили встречный пал и остановились перед стеной гудящего с треском ружейной пальбы огня. Миллиарды искр взлетали фейерверком в ночную высь. Гигантский огненный вал катился навстречу пожару. Где-то впереди две стены огня встретились, схлестнулись, сожрали в чудовищной вспышке весь кислород в воздухе над собой — черное небо улетело вверх над фантастическим всполохом, раскатился хлопок, словно великан хлопнул километровой простыней, — и все кончилось. Пламя задохнулось без пищи.

В рдеющей угольками чаще змеились, перебегали синеватые язычки по обугленным головням. Пожар агонизировал.

Саша осознал, что сидит на пне, уронив руки на колени. Услышал грохот бульдозера, сдиравшего дерн

заодно с кустарником и подлеском. Увидел цепь измученных закопченных людей с мокрым тряпьем и пучками веток в руках привезенных из деревни колхозников. Различил тускло блестящий багровый бок пожарной автоцистерны и белеющую «скорую помощь», пробравшиеся сюда от лесной дороги по пробитой трактором колее.

— Похоже, успели, — спокойно сказал Боря и сел на подножку грузовика. И будто по команде чумазые, тяжело дышащие люди оживленно загалдели: риск спал, дело было выиграно и окончено — сейчас они являлись как бы единой командой победителей, спаянной тем самым огнем, который они покорили.

Неотчетливо Саша помнил, как ехали в грузовике, где под ногами брякали и катались пустые огнетушители, как пожимали протянутые руки, как поскрипывал колодезный ворот, кричали петухи, оказалось, что уже утро, и родная тарахтящая «Аннушка» вынырнула из рассветной мути, прокатилась по деревенскому лугу и встала, и они полезли в ее нутро, отработавшие свою работу воздушные пожарные.

— Ну как — нравится? — проорал ему Шурик сквозь вой мотора.

Он чувствовал себя королем. Ради этого дня стоило жить!

— А ты ничего, — скупо обронил Боря в душевой. — Не сдрейфил.

Не сдрейфил он и в следующий раз, когда они десантировались на небольшой, с четверть гектара, очаг загорания — явно последствия костра, оставленного в лесу какими-то разгильдяями.

— Сами управимся, — определил Боря, глядя сверху на выглядящий невинным огонек, ввинтивший в зеленое небо штопор прозрачного дыма.

И они управились: топоры, лопаты, бензопила и пеногоны. Они окружили, отсекли пламя и не пустили его дальше. Над полыхающими кронами рокотал пузатый «Ми-6», рубя лопастями зыбкое марево и извергая из чрева потоки воды, взрывающейся облаками шипящего

пара. Страшно не было. Было здорово — драться и побеждать.

«Вот что такое настоящая жизнь, парень», — вслух произнес Саша, когда «восьмерка» — вертолет «Ми-8», — отгибая кусты тугой струей от гремящего винта, садился на лесную прогалину, где собрались они семеро — усталые, в саже и поту, собрав парашюты и инвентарь, отхлебывая из фляжек и закусывая НЗ. Они были главные здесь, с весомой основательностью в повадке, они были хозяева, они были — пожарной охраны бойцы.

Небрежной развалочкой проходил теперь Саша по тротуарам города, глядя слегка поверх голов. Лелеемый знак касты проявился в нем: его уделом было единоборство с огнем и смертью, и победа была ему по плечу. Ему было за что уважать себя. Он недаром жил. Взгляд его приобрел медлительную тяжесть. Он вдруг обнаружил у себя какую-то новую улыбку (которую тайно, для себя, назвал «бойцовой»): верхняя губа вздергивалась двумя уголками, в полупрезрительной гримасе обнажая передние зубы.

Блаженный угар первых недель минул. Чередование дежурств и отдыха втягивалось в колею. Прыжки на пожар случались отнюдь не каждый день.

Беспощадно Боря учил его, «как мужчина должен уметь постоять за себя» (так он выражался). Синяки от этой учебы не сходили с ноющего тела. По утрам умывальник оглашался воплями и кхеканьем, крепкими звуками ударов и прыжков.

— Окреп, окреп, — приговаривал он, ощупывая Сашу здоровенными твердыми руками. И за его интонациями взмывал, грохотал для Саши непримиримый звягинский голос: «Сжав челюсти! Храбро! Гордо! Вот что такое дух! Все может настоящий человек!!»

Он не мог знать, что в эти дни голос Звягина звучал не так...

Звягин сидел в квартире Ивченко и с видимым удовольствием ел шоколадный торт — потолстеть ему не грозило. Сашины родители обменивались взглядами, что-то подсчитывая в уме.

— Говорите, с детства мечтал о машине, о путешествии? Надо покупать.

— Если это может помочь — какие разговоры...

— Понятно. Никаких «но». Деньги надо найти. Не хватает — лезьте в долги. Продавайте все.

«Да: сын дороже всего, но расставаться со всем нажитым тоже нелегко... Не собирались они раньше никогда покупать машину...»

Считали долго. Сберкнижка. У кого одолжить. Что продать.

На машину набиралось — но машина машине рознь. Звягину требовалась эффектная машина. Такая, чтоб пахло сбывшейся сказкой.

— Меняйте квартиру, — подытожил он. — С приплатой. Поживете не в центре. Да хоть и в одной комнате! Но туда к вам будет приходить ваш сын с вашими внуками. А если нет — много ли радости здесь, — он обвел рукой стены, — где все будет напоминать...

— Вот какая трудность, — нерешительно сказал отец. — Саша всегда был гордым мальчиком, он никогда не примет такого подарка от родителей: он понимает, чего это нам стоит, и это его может только огорчить, подействовать хуже...

— А подарки и не годятся, — согласился Звягин. — Нужен вариант посильнее. Ослепительный случай. Улыбка фортуны — в тридцать два зуба. Кое-что я продумал...

Надо было торопиться, торопиться — формальности съедали массу времени, а время сейчас было бесценно, время решало все.

Надо было найти машину. Обменять квартиру и собрать деньги.

«Привлечь в сообщники» Джахадзе и оформить покупку на него.

Перегнать машину в Галич и отрепетировать там спектакль.

Звягин чувствовал себя превосходно — в постоянном действии он цвел. Он пребывал в своем любимом состоянии — выступать в роли творца жизни, создавать события и лепить судьбы.

— Иногда мне кажется, что тебе опять двадцать лет, Ленька, — сказала жена.

— Папа самоутверждается через свои поступки, — важно известила дочка, читающая «Социологию личности» Игоря Кона.

— Я его научу любить жизнь! — сказал Звягин. — Я ему покажу, как поджимать хвост!

Нередко в погожие дни Боря сажал Сашу на свою «Яву», и они летели полчаса на тихое безлюдное озерцо. Валялись на горячем песке, отрабатывали приемы самбо, пекли картошку в золе. Боря утверждал, что живя с восемнадцати лет в казарме и общежитии, нуждается раз в неделю в тишине и одиночестве. Вот женится, получит квартиру — тогда все, только семья и коллективный отдых.

Саша давал ему читать Ритины письма и выслушивал мнение:

«Ты блюди себя! В кулаке ее держать!» Вообще ему по рассказам Рита не очень нравилась.

— Приперлись на наше место, — с досадой сказал он, когда однажды они обнаружили на своей излюбленной полоске песка белую «Волгу» в тени ивы. — Автомобилисты, чтоб им...

Не то пират, не то грузинский князь раскинулся в шезлонге, выставив к солнцу мохнатую грудь, и листал красочный журнал. Невысокий паренек, видимо, его сын, стоял по колено в воде со спиннингом. Играл приемник в машине.

— Одни головастики здесь. Горе-рыболов! — сплюнул Боря.

Похоже, ветерок донес его слова до соседей, потому что они посмотрели на мотоцикл, обменялись тихим замечанием и дружно отвернулись.

— Сделаю пробежечку, — сказал Боря по своему обыкновению, вылезая из бодрящей водички после первого купания.

— Десяток километров по хвойному лесу — это ж заменяет месяц в Сочи, как говорил на марш-броске наш старшина.

Растерся полотенцем, завязал кроссовки и легким размашистым шагом исчез между сосен.

Саша перевернулся на спину, закрыл глаза и задремал. Здесь его не гоняли — организм должен отдохнуть в недельку раз.

Открыл он глаза от крика:

— Помоги-те! Тону-у!..

Метрах в полустах от берега выныривала и скрывалась под водой голова. Грузинский князь торопливо вылезал из-под машины. Он сорванно вторил крику:

— Помогите! — и побежал в воду, как был, в туфлях и синих комбинезонных брюках с лямками. Влетев по пояс в озеро, вдруг остановился, суматошно стал стаскивать комбинезон, туфли, швырнул их на берег.

Саша вскочил, оцепенело глядя на тонущего. Черная голова скрылась под серой гладью, показалась снова. Руки беспомощно хватались за воздух.

— ...ону... — с хрипом донеслось оттуда.

Грузин достиг глубины по горло и беспорядочно заметался.

Саша с разбега прыгнул в воду и поплыл саженками, пытаясь переходить на кроль. Он плавал не слишком, но тут выкладывался.

— Помоги! Скорее! — кричал, захлебываясь, грузин: он отчаянно взбивал пену в двадцати метрах от берега, где дно уходило из-под ног: видимо, плавать не умел.

— Спаси! Дорогой! Скорее! — орал он. Опрометью бросился на берег, схватил надувной резиновый круг и кинул его зачем-то вслед Саше. Плюхнулся сам за кругом, рывками спеша вперед.

Голова по-прежнему иногда выныривала, высовывались руки и колотили суматошно, пеня воду.

Саша проплыл уже половину расстояния.

— Держись! — завопил он.

Грузин, наконец, додумался: продел круг под мышки и, неловко загребая раскоряченными руками, дерганными зигзагами двигался теперь к месту происшествия, издавая бешеные гортанные клики.

«Судорога? Холодный источник со дна? Как бы он меня самого не утопил», — опасливо мелькало в голове. Саша припоминал плакаты на спасательных станциях. Схватить за волосы. Или сзади за подбородок. Не дать обхватить себя и утащить на дно. Именно это ему и грозило. Тонущий, с выпученными в ужасе глазами и разъятым ртом, хрипел и бился — вцепился в него обеими руками, подмял под себя, сомкнулась волна над ними. Саша поджал ноги, уперся коленями в живот парня, резким толчком разорвал объятие, стукнул его кулаком, целя в висок, пытаясь оглушить...

«Утонем ведь! — сверкнуло в сознании. — Где Боря, где? Когда вернется?» Понимал, что не успеет вернуться. Не успеет!..

Парень судорожно боролся, никак было не схватить его сзади.

«Нет! — зазвенел беззвучный голос. — Ну нет... Нет!!!»

Снова оплел душащий спрут, поволок вниз, вглубь.

Исчезло представление о том, где верх и где низ. Мутная зелень, косо просвеченная солнцем, окружала сцепившиеся тела. Саша снова поджал ноги к самому подбородку, уперся ступнями тому в плечи, оттолкнулся изо всех сил. Освобожденно всплыл.

Грузин барахтался на мелководье, круга на нем уже не было. «Утопил, кретин, дырявую резинку... Что делать?!»

Возделась над поверхностью рука — и исчезла.

Саша опустил лицо в воду, увидел еле шевелящееся тело, осторожно нырнул, дотянулся до головы, схватил за густые короткие волосы, потянул кверху. Конечности утопающего слабо дрогнули.

Задыхаясь, он глотнул воздуха. Глаза парня были закрыты. Кажется, уже не дышал.

Саша взял его сзади сгибом левого локтя под подбородком, перевернулся почти на спину и медленно, экономя иссякающие силы, двинулся к берегу, загребая правой и толкаясь ногами.

Он оглох от усилий. Свистящее дыхание перехватывало кашлем от попавшей в бронхи воды. Руки немели. Все тяжелее давался каждый метр, мышцы наливались

свинцом. Его неотвратимо тащило книзу. Счастье еще, что парень теперь держался спокойно, безжизненно, обмяк, только лицо из воды торчало.

Он не доплывет... Не доплывет. Где же Боря...

Запрокинутое небо стало розовым, красным. Он вдыхал с резким стоном. Спазмы пережимали горло. Он захлебывался.

Отпустить. Утонем вместе. Все, тонем. Еще один гребок. Все. Еще один — и все. Последний. Еще один...

Протянулись откуда-то сильные волосатые руки, подхватили парня под мышки, поволокли. Саша стоял по плечи в воде. Он стоял на прочном, устойчивом дне и дышал, почти теряя равновесие, уже не понимая происходящего. Потом вышел и, деревянный, негнущийся, рухнул на песок. Его тошнило.

Грузин, моля и причитая, делал сыну искусственное дыхание.

— Живет! — восторженно объявил он. — Живет!

Саша повернул голову. Грудь спасенного высоко вздымалась. Раскрылись глаза. Губы скривились в измученную улыбку. Он приподнялся на дрожащие локти и упал навзничь.

Саша встал на четвереньки и тихо засмеялся.

— Живы будем — не помрем! — сказал он грузину и подмигнул.

Тот поднял его, обнял до хруста, поцеловал жарким твердым ртом, ободрал щеку невыбритой щетиной.

— Один у меня сын, — сказал он, вытер глаза, ушел к машине.

«Фьюти-пьють» — свистела птичка в ветвях березы.

Грузин вложил что-то Саше в руку, сжал.

— Сын мне будешь, — сказал он. — Родной будешь. На. Дарю тебе.

Саша разжал ладонь. На ней лежали автомобильные ключи.

— В-вы что? — пробормотал он. — Нет, что вы!.. Не надо...

— Возьми, — сказал грузин. — Возьми, пожалуйста. Скажешь — отдай дом — отдам дом. Скажешь — отдай

все — отдам все. Ты его спас! — он ткнул пальцем в сына, который сидел на песке и виновато улыбался. — Я тебя за это не могу меньше отблагодарить.

Боря, рысцой вернувшийся с пробежки, остолбенел при виде сцены. Грузин в княжеской позе, бледнея от гордости, говорил, что он не бедный человек, что деньги — прах, что он еще купит, что Саша теперь — член его семьи и не оскорбит его отказом. Саша мямлил и достойно отнекивался.

Сын поднял с песка ключи и завернул Саше в кулак.

— Возьми, — сказал он. — Можешь продать. Можешь подарить. Можешь выкинуть. Твоя. Иначе сейчас в озеро загоним. Он такой, — гордо кивнул на отца. — Или думаешь, моя жизнь меньше стоит?

— Я ему на свадьбу такую же подарю, — сказал грузин.

Боря осознал происшедшее и разинул рот. Он раздирался противоречивым чувством. «Волга» была ослепительна. Честь была дороже.

— Байские замашки, — отверг он, обретая дар речи.

— В Грузии никогда не оскорбят гостя, — ответил грузин.

От растерянности Боря напустился на всех троих:

— А если б ты сам утонул, спасатель? А вы чего в воду полезли, не умея плавать! Тьфу... Ладно, — дипломатично заключил он, — обедать все равно надо.

У костерка грузин вывалил гору снеди, расстелил махровую простыню, торжественно указал Саше на середину, между сыном и собой: «Садись, дорогой!» Протянул Боре фотоаппарат: «Сними нас — на память». Саша растрогался и слегка очумел.

Сытый человек податлив. И долго ли он может противиться уговорам о том, о чем мечтал. Час за часом Саша свыкся с мыслью, что «Волга» — его. Это было неправдоподобно — но факты, как известно, бывают неправдоподобнее любого вымысла.

— А, бери, — махнул Боря. — Погоняем!

Кипучая кавказская энергия Джахадзе — а именно так была фамилия «горского князя» — помогла молни-

еносно оформить необходимые процедуры (благо они были продуманы и подготовлены заранее). Назавтра составили в нотариальной конторе доверенность, провернули через автомобильный салон и ГАИ и поставили «Волгу» на платную стоянку.

Возник вопрос о водительских правах — Саша их не имел...

— Во-первых, есть у меня, — утешил Боря. — Порядочный десантник должен уверенно ездить на всем, что едет, и кое-как — на том, что по идее не едет. А во-вторых, в ДОСААФе свои ребята, пройдешь по-быстрому курс, сдашь экстерном, сделаем тебе справку из части, что давно водишь машину... устроим, не сомневайся.

Утром у общежития они садились в служебный автобус — ехать на аэродром на патрулирование. Джахадзе с сыном уже ждали их. Джахадзе поклонился с достоинством кинозвезды. Сын повторил. Обнялись и расцеловались.

Ребята таращили глаза, потрясенные невероятной историей. Всем по очереди Джахадзе церемонно потряс руки.

(Вместо своего адреса, надо заметить, он оставил адрес двоюродного брата в Гори. Звал всех в гости.)

Долго махал вслед автобусу...

Общежитие скрылось за поворотом, и на Сашу набросились:

— Расскажи! Кто, как, чего? Во Саня дал — сына миллионера спас!

А Джахадзе с сыном — с настоящим своим сыном, кстати, который с энтузиазмом пропустил три дня школьных занятий, — поехали на вокзал, где прогуливался с тремя билетами Звягин, ночевавший в соседнем номере гостиницы: не желая риска, он руководил лично.

Они были втроем в купе. Поезд тронулся. «Миллионер» Джахадзе перевел дух. Проводница принесла чай. Звягин извлек из портфеля бутылку молока, кинул в нее соломинку и откинулся к стенке.

— И еще клевещут, якобы на Кавказе водятся аферисты, — поразился Джахадзе. — Такого делягу, как ты,

Леня, свет не видел. Если б ты поселился в Грузии и задумал делать деньги...

— То-то ты их много делаешь, — хмыкнул Звягин.

— Я хорошо живу и честным человеком. В конце концов я врач.

— Я тоже. Но ты был так похож на грузинского князя, так сверкал глазами: благородная осанка, дивный акцент! Ты где научился декламировать с таким акцентом! Ты Отелло никогда не играл?

— А ты никогда не пробовал сочинять авантюрные романы? Со счастливым концом?

— Жена утверждает, что вся моя жизнь — это серия авантюрных романов со счастливым концом; но она предпочла бы быть их читателем, а не женой их героя — это хлопотно и накладно.

— Тебе повезло жениться на умной женщине.

— А тебе идет белая «Волга».

— Э. Похожу пешком. Дольше инфаркта не будет.

Сын Джахадзе вышел с пустыми стаканами за чаем.

— А твой парень здорово плавает, — одобрил Звягин.

— Мастер спорта, — самолюбиво сказал Джахадзе. — В сборную «Буревестника» за Ленинград берут. А здорово он изображал утопленника, ты не представляешь. А твой десантник не проболтается?

Поезд с грохотом летел по мосту. Внизу белый катерок тащил баржу по шершавой сини реки.

— Спасибо тебе, старик, — сказал Звягин.

— За что? — возмутился Джахадзе. — Разве мы не врачи? Разве мы не друзья? Разве мы не живем в одном городе? Почему ты, кстати про один город, в гости никак не заходишь?

— Вот послезавтра сменюсь с суток — и зайду, — пообещал Звягин.

— Послезавтра я дежурю, — сказал Джахадзе.

Реакция Риты на «Волгу» — Саша написал ей все на следующий же день — поразила его немного неприятно. Рита захлебывалась от восторга. Рита писала, что всю жизнь мечтала именно о белой «Волге». Рита рассуждала,

что вообще ее можно и продать, раз пока денег у них немного, причем продавать лучше на Кавказе или в Средней Азии, там дадут дороже. У нее есть друзья, которые это устроят и возьмут очень умеренные комиссионные. Рита делила деньги за непроданную «Волгу»: квартира, гарнитур, шуба; из ее слов явствовало, что это сущие гроши для настоящей жизни. Рита вздыхала по серьгам с бриллиантами, «хоть маленькими», которые он ей обязательно подарит, правда же? И надо будет завести афганскую борзую, это очень современно. Рита считала, сколько денег они могут скопить, если он станет работать чуть больше, а пожары станут чаще... М-да...

Саша разложил пачку писем по числам и стал медленно перечитывать...

Нет, письма не давали ни малейших сомнений в том, что все в порядке, были полны слов о преданности, верности и терпении: для нее существует он и только он. Кроме этих постоянных уверений шли рассказы о подругах, которые ему были, по правде говоря, довольно безразличны и представляли интерес лишь как часть ее, Ритиной, жизни. Случаи были какие-то банальные: кто с кем живет, кто что купил, у кого какая квартира, — «а у нас будет лучше».

Опять рассуждения о тряпках, телевизорах, мебели. Неприятно царапнуло упоминание о знакомстве в книжном магазине, так что удастся составить приличную библиотеку, а если с соответствующей переплатой покупать детективы по нескольку экземпляров, то их можно выгодно продавать и менять на черном рынке. Все это так, но... То, что месяц назад, когда он дрожащими пальцами вскрывал конверты, воспринималось как трогательные попытки вить гнездышко и казаться практичной, сейчас выглядело как-то... ну не самым лучшим образом выглядело.

Она писала, что готова на все, в любой момент все бросит и приедет, пусть он только скажет: она всем пожертвует, от всего откажется! И тут же намекала, что это ей дорого обойдется, но неважно, лишь бы ему было хорошо... Пусть только скажет.

И по телефону на переговорной она повторяла то же самое.

Что ж — он не требовал, чтоб она все бросала и приезжала. Она плохо себя чувствует. Ее подсиживают на работе. Она так любит театр. Ее мать положили в больницу и надо ежедневно ее навещать... Если она готова пожертвовать всем, лишь бы ему было хорошо — что ж, жертву должен, конечно, принести он, мужчина. Он потерпит. Вынесет. Он любит — значит, он обязан прежде всего заботиться о том, чтобы ей было хорошо, чтобы она была счастлива. Она не должна жертвовать собой — ему было достаточно и того, что она на это готова. Знание того, что она принадлежит ему, и ради ее блага он жертвует желанием видеть ее, быть с ней сейчас, всегда, — это знание наполняло его спокойствием и самоуважением. Он чувствовал себя хозяином ситуации. Все будет.

Он бережно сложил письма в пакет и спрятал на место — на дно сумки, под вещи. Включил Борин магнитофон и задумался...

В смутном настроении он не осознавал еще, что же именно его раздражает и обескураживает, даже начинает слегка тяготить: это были еще не чувства, а тени, контуры чувств. Он боялся отдать себе отчет в том, что Рита уже не значит для него столько, сколько значила раньше, всегда, до той встречи, до отъезда.

...Зато во всем этом отдавал себе отчет Звягин. Со стороны все просто, с вершины прожитых лет все яснее... Создавшиеся отношения следовало свести на нет, причем так, чтобы не травмировать Сашу, а напротив — принести облегчение, освобождение (задачка, а!).

— Интересно, не родился ли я иезуитом? — спросил он как-то Риту, наставляя, как следует писать очередное письмо.

— А мне его жалко, — тихо призналась Рита. — Всеми обманут...

— Маленькая поправка: всеми спасаем! — жестко возразил Звягин. — Не нравится? Так выходите за него замуж, он согласен, да?

— Вы думаете, у него это пройдет — ко мне?

— По преданию, на кольце одного древнего мудреца было написано: «Все пройдет». А на внутренней стороне кольца: «И это тоже пройдет». Человек может вечно тосковать по тому, чего он страстно желает и не имеет. Но если он полагает, что полностью владеет этим, то может потерять интерес и охладеть. Особенно если есть что-то другое. В смысле — другая.

— А есть другая? — спросила Рита ревниво.

— Женщины, — сказал Звягин. — А вам бы хотелось остаться единственной, разумеется. Да, есть.

— Вы оплели его паутиной обмана! — вдруг театрально оскорбилась Рита.

— В цирке такая паутина называется страховочной сеткой, — в тон ей ответил Звягин.

Другая работала там же, где раньше Саша.

— Как вы меня нашли? И зачем? — удивилась она печально.

— Сашины родители рассказали, — пожал плечами Звягин, — что живет на свете одна девушка, безнадежно влюбленная в их сына. Вот я и подумал, что вы — именно тот единственный человек, который необходим, Оля.

По мере развития беседы Олино лицо меняло цвет от нормального к розовому, красному, пунцовому и белому.

— Но я ему никогда не нравилась.

— Понравишься.

— Вообще ему нравятся брюнетки, он сам говорил.

— Покрасишься.

— Я толстая.

— Похудеешь.

— Я неинтересный человек...

— Напряжешься. Заинтересуется.

— Но как я уеду из Ленинграда?

— На поезде.

— Что я там буду делать?!

— Я скажу.

— Где, как, с чего?.. — Она еще не воспринимала слова Звягина всерьез. Веяло несбыточной фантазией, наивными грезами. И лишь постепенно доходили до сознания аргументы — собеседник производил впечатление никак не мечтателя, а скорее деляги.

— А где я буду работать?

— На заводе. В узле связи. Программисткой. По специальности. Они недавно приобрели новую аппаратуру, возьмут готовно.

— А где жить?

— В общежитии. Дадут. Но лучше снять комнату.

— Как у вас все просто!..

Эта фраза была единственным комплиментом, который действовал на Звягина безотказно. Как всякий смертный, имел и он уязвимый пункт тщеславия: тратить недели напряженного труда, мотаться в поездах, договариваться с десятками людей, убеждать и подчинять своей воле и логике, устраивать, увязывать одно с другим, по песчинке возводить здание,— чтобы потом небрежно пожать плечами и заметить, что да, все действительно очень просто, и странно, если некоторые думают иначе: а что тут, собственно, невыполнимого, укажите конкретно?

Он взглянул на Олю с явной симпатией:

— Да,— сказал он.— А все в жизни вообще просто: взять и сделать, только и всего. Оля, ты скажи одно: ты его любишь?

— Д-да...

— Его жизнь тебе не безразлична?

— Вы же говорите... Для меня весь мир почернел, когда узнала...

— Отвечай внятно: хочешь, чтоб он выздоровел и женился на тебе?

— Если б это было возможно... Зачем вы... только мучаете...

— Это возможно. Это — твой единственный шанс, и одновременно это его шанс. Поняла? Прочти,— протянул ей записи.

Если Звягин в абсолютной мере обладал даром убеждения, то секрет этого дара был предельно прост и за-

ключался в извечной истине: любого человека можно убедить в самом невероятном, если в глубине души он сам хочет в это верить. Надо лишь подтолкнуть его к действию в соответствии с его же желанием.

— А если он узнает, что это обман? — спросила Оля с огромным недоверием, пробегая глазами адреса, телефоны, расписание поездов и перечень указаний.

— Правдолюбцы на мою голову! — рассердился Звягин. — Сейчас не узнает. А через несколько лет будет уже неважно. В любви и на войне все способы хороши! Не волнуйся: медицинская этика допускает ложь во спасение больного. Моральные издержки я беру на себя. Так что можешь передать привет своей совести.

— Но меня не отпустят с работы раньше, чем через два месяца...

— Отпустят.

И Звягин двинулся в отдел кадров устраивать Олино увольнение, а затем в предварительные кассы — брать билет на поезд. «Браки совершаются на небесах! — ворчал он. — Как же. Тут семь потов сойдет, пока его совершишь».

А Оля, вернувшись к себе, забилась в закуток за теплый металлический шкаф АТС, где покоилось продавленное кресло с пепельницей на подлокотнике и лучилось зеркало под неоновой лампой. Морща лоб, перечитывала подробное расписание своей будущей жизни. Пять листов, вырванных из большого блокнота, были заполнены твердым ровным почерком. Список дел казался бесконечным.

Для начала Оля поплакала. Странным образом плач приблизил реальность плана, пункты стали выглядеть исполнимее.

«Подумай здраво: что ты теряешь — и что можешь приобрести? — сказал Звягин. — Взвесь трезво соотношение возможного проигрыша и выигрыша».

Оля взвесила трезво, и сама не поверила, что получилось трезво: надо соглашаться, надо ехать. Она даже удивилась. А удивившись, стала думать о парикмахерской, диете и в чем ехать.

Она подумала о женах декабристов, и глаза ее высохли и заблестели.

...Звягин прикидывал просто. Короткого эмоционального заряда человеку хватает на сутки-двое — так и было поначалу. По мере стабилизации — может хватить на неделю. Максимальный срок — период адаптации организма к новым условиям, где-то месяц. Раз в месяц надо подбрасывать что-то новое, сильнодействующее.

Катился июнь. Звягину позванивал Боря — информировал: Саша чувствовал себя неплохо, а временами — отлично. В срочном темпе сдавал в ДОСААФе на водительские права. Занимался спортом. Летал на патрулирование. Мечтал о путешествии на машине. Нормально ел. Прибавил полтора кило. По субботам Боря таскал его на танцы.

Дом культуры гремел музыкой. В зале пульсировали и вращались цветные лучи фонарей. Мелькали лица, руки, джинсы и кружева. Густая масса фигур самозабвенно отдавалась ритму. Саксофонист лопался от собственной виртуозности. Вечерняя свежесть сочилась в окна.

Объявили белый танец. Невысокая темноволосая девушка пригласила Сашу.

Она танцевала старательно. Скованно улыбалась. Иногда поглядывала на него необъяснимо пристально.

— Не узнали? — спросила она, когда стихла мелодия.

— Извините... Кажется, нет. — Он пытался припомнить, где видел эти светло-карие глаза, чуть выдвинутую нижнюю губу...

— А ведь два года вместе работали, — печально и вызывающе сказала она. — Меня зовут Олей, Саша...

Стоящий в толпе у стены Боря мог наблюдать, как беспорядочная мимика его друга отразила гамму чувств от непонимания до ошеломления.

— Я теперь живу здесь, — отвечала Оля. — А ты как очутился?

— Летаю, — веско бросил Саша и устыдился бахвальства.

— На чем?! — изумилась в свою очередь она.

Малиновая планка заката тускнела под синим облаком. Теплый ветер нес тонкую горечь ночных цветов, белеющих в скверах. Невидимая в листве птица вызванивала трели.

Они гуляли по спящему городу. Они знакомились заново. Все стало иным, чем раньше, и сами они друг для друга стали иными, и другим стало то, что между ними было, да ничего и не было, это для нее б ы л о, а для него ничего не было, — но теперь что-то возникло: Оля была из той, прошлой, жизни, с другого берега, и теперь она словно переправилась вслед за ним на этот берег, и от этого возникала какая-то близость, подобная чувству сообщничества.

Она здесь случайно, поведала Оля, надоело все, захотелось куда-нибудь уехать; он знал, что это неправда, но оттого, что она ничего не говорила об истинных причинах переезда (как он их понимал), он был ей признателен — за то, что она ни к чему не обязывала его своей жертвой, он ей ничего не был должен, душу его ничто не тяготило — не тяготила моральная ответственность за тот труд жизни, который она совершила ради него. Ему было легко и просто с ней — еще и потому, что в глубине души он отлично понимал, что она переехала из-за него, и это рождало в нем гордость и сознание своей значительности, это были приятные чувства, и он ощущал к ней приятную, ни к чему не обязывающую признательность.

Он не любил ее, а потому не боялся сделать ей больно, не тревожился о боли ее души, и даже наоборот — втайне мужское самоутверждение искушало его причинить ей боль и этим подтвердить свою значительность, свою власть над ней, выглядеть сильным мужчиной, суровым и лишенным сантиментов.

И как бы само собой случилось, что он рассказал ей все. Теплая звездная ночь, молодость, одиночество и груз переживаний побуждают человека выговориться, открыться кому-то... Выговориться, чуть приукрашивая события в свою пользу, стремясь показаться в выгодном свете, — чтобы поняли и оценили. В исповеди нет лжи — есть лишь желание отразиться в глазах другого

чуть лучшим, чем ты есть. Потому что ты действительно хочешь быть лучше. И, читая в другом свое отражение, слушая собственные слова, которым внемлет и верит собеседник, начинаешь верить себе и сам. И обретаешь внутренний покой, обретая в друге опору своим мыслям.

Поэтому так часто изливают душу случайным попутчикам в поездах. И есть в таких разговорах моменты, когда незнакомый человек вдруг — словно проблесками — делается очень близким, родственным: моменты истинной духовной близости.

Но если это не поезд, если потом вам не обязательно расставаться, возникшее чувство порой ложится в основу отношений надежных и долгих.

Мужественно похмыкивая, Саша вел повесть о последних месяцах, давая понять, как круто прихватила его судьба и каким настоящим мужчиной он держался в борьбе в самых безнадежных ситуациях. Нет, он не хвастал — он даже посмеивался над собой, роняя скупо, что ничего особенного тут нет, раз-другой он крепко струсил; но получалось как-то, что он все преодолевал сам, рассчитывал только на собственные силы, и это нормально, вообще мужчина лишь так и может поступать, — хотя случалось и везение.

И она замирала, когда он горел в лесу, или вяз в болоте, или прыгал из ревущего самолета, — и незаметно между ними возникали и прочились те незримые нити, которые связывают человека с тем, кто, жалея и веря, жадно приемлет лучшее в нем.

Ночной воздух повлажнел от росы, стало прохладно и неуютно, а Олино жилье оказалось рядом, за углом, и там был растворимый кофе, и печенье, и сгущенка, только тихонько, чтобы соседей не разбудить, а ему завтра на аэродром не надо, можно вернуться позже и выспаться до обеда.

В комнате нашелся не только кофе, и мерцал красный глазок транзистора, тихо и щемяще пел грассирующий французский голос, и Саша не был одинок здесь — все, что он говорил и делал, что бы ни сказал или сделал впредь, было заранее прощено, понято, принято; и она

не была ему неприятна, она не навязывалась, ей ничего не надо было, она ни на что не рассчитывала; происходящее ни к чему не обязывало — и поэтому было легко и рождало легкую и теплую, как ветерок, благодарность.

Он остался, а она назавтра не пошла на работу. В последний момент он подумал о другой, далекой, но случившееся словно сбылось само собой, оказалось сильнее него: и кроме влечения на него нахлынуло то удивительное дружеское чувство к ней, дружеское понимание и признательность, которые он никогда не подозревал в себе возможными по отношению к женщине; близость с женщиной, которую по-человечески воспринимал как друга, была оглушительным откровением.

Рита приехала неожиданно.

При ярком свете летнего дня Рита оказалась стара: крупная пористая кожа, морщинки на шее, в черной пряди зло серебрился седой волосок. Саша против воли подумал, что Оля моложе на шесть лет, и презирал себя за эту мысль.

Номер в гостинице достать не удалось, и Рита устроила вульгарный скандал администраторше. Саша привел ее в общежитие.

Рита принялась немедленно кокетничать с Борей, оценивая глазами его фигуру. Через пять минут звала в гости и давала адрес. Саша даже не ревновал — смотрел печально... Чувство вины уступало место отчуждению, горечи, раздражению.

Боря подмигнул и ушел.

Рита оставалась недотрогой.

— А у тебя появились опытные повадки, — сказала она, отсаживаясь на стул и закуривая. — Что, завел здесь кого-то, а?

И раньше, чем побагровевший Саша нашелся с ответом, спокойно одобрила:

— Не бойся, я не ревную. Мы современные люди. Мужчина есть мужчина. Только смотри, не влюбись в какую-нибудь свою потаскушку.

И потребовала везти ее смотреть «Волгу».

При виде машины глаза ее загорелись, она немедленно влезла внутрь, все осмотрела, покритиковала цвет обивки: «Надо будет заменить». И без умолку развивала планы их будущей жизни, счастливой и обеспеченной.

Саша недоумевал: насколько слеп он был... Жадная, расчетливая, беззастенчивая. Что же было с ней в тот далекий вечер — грусть накатила, страх одиночества, тоска по минувшей юности?.. И одета сверх моды, как попугай...

Рита заметила его взгляды, надулась, взъерошилась. Они поссорились.

Рита захотела ужинать в ресторане. В ресторане, по ее мнению, кормили мерзостью. Велела заказать французский коньяк — всякой дряни она не пьет. Когда она была знакома с одним человеком, правда, вдвое старше нее, но настоящим мужчиной, умел делать деньги, о, он такие дела проворачивал, так он признавал только «Наполеон».

Легкой дымкой таял и отлетал в прошлое образ, созданный Сашей за семь лет одиноких мечтаний. Он просто не знал ее, а теперь романтическая идеализация сменилась неприглядной и прямой истиной... Нет, он не испытывал к ней ненависти за обманутое чувство, ни даже презрения к существу скверному и пустому, — была лишь печаль по невозвратимым иллюзиям юности.

Но куда было ее поселить?.. Пробираться контрабандой в мужское общежитие Рита отказалась с возмущением: за кого он ее принимает. Саша отправился к Оле.

— Понимаешь, — мучительно выдавил он, — приехала из Ленинграда одна знакомая...

— А, — сказала Оля. — Возьми ключ. Я переночую у подруги. Ничего. Я понимаю.

Эта беззаветная кротость кольнула трогательно в сравнении с Ритиной напористостью и деловитостью.

Вечером, сидя с Ритой, он вдруг испытал неприязнь: он с некоторым удивлением ощутил, что эта комнатка и все, связанное с ней, принадлежит только им с Олей, — у них каким-то образом появилась с в о я жизнь, и Рита здесь нехороша — чужая.

И когда Рита подняла на смех дешевую Олину косметику на ветхой тумбочке, его ожгла обида и боль —

одернул ее резко и зло: да, у Оли нет связей и денег на дорогие вещи, но она — взяла и переехала, и ничего ей не надо. У нее не было богатых покровителей, зато она понимает, что нужно человеку...

— И кто ж эта тварь? — подняла брови Рита в ответ на замечание.

— Не смей, — сказал он.

— Не сме-еть?! — переспросила она.

Странным образом им стало не о чем разговаривать. Разве что о том, что было раньше, а теперь исчезло, но одновременно исчезло и желание говорить об этом. Молчание ширилось и разносило их в разные стороны, как морское течение.

Вот так расстаются с юношескими идеалами, подумал он.

Рита уехала назавтра. Саша стоял на перроне, растерянно ища какие-то подобающие, человеческие слова.

— Даже СВ в этом паршивом поезде нет, — сказала она. — Давиться вчетвером в купе, как быдлу.

В поезде заперлась в туалете и стала накладывать грим на лицо. Волнистое желтоватое зеркало отражало его измученным и тоскливым. Что, спросила зеркало Рита, нелегко самой лишать себя любви верного и давнего поклонника, который видел в тебе самое лучшее, что в тебе есть. Нелегко быть стервой с любящим тебя, да такой стервой, чтоб у него все желание, все чувство отлетело. Хоть бы ты был жив и счастлив, Сашенька, сказала она, а я сделала все, что могла, честное слово...

Горячий ветер, пахнущий мазутом и хвоей, вдавливался в опущенное окно, оранжево золотились пролетающие стволы сосен, Рита стала думать, как там без нее дочка, первого сентября уже вести ее в первый класс, а через неделю они поедут втроем в отпуск, и постепенно успокоилась, отвлеклась и повеселела.

Ночью ей приснился Саша, он стоял перед ней невыразимо печальный, и вдруг она поняла, что он красив, и поняла, что любит его, — чувство было пронзительно так, как она мало раз испытывала наяву. Но

потом она поняла, что это сон, и что она плакала во сне, улыбнулась и под стук колес заснула спокойно.

— Я тебя ничем связывать не хочу, — сказала Оля. — Не вздумай, что ты обязан на мне жениться и тому подобное. Ты мне ничего не должен. Я сама хотела и сама приехала.

— Да ладно тебе... — пробурчал Саша.

— Есть хочешь? — вдруг спросила она. — Давай покормлю.

— Что ты вяжешь?

— Свитер.

— Такой большой?..

— Это тебе.

— Зачем? Летом?

— На память. Будет и зима. Я уезжаю, Сашенька.

— Куда? — спросил он с упавшим сердцем, еще не веря.

— Обратно. В Ленинград.

— Когда? — глупо спросил он.

— Уже подала заявление на работе.

— Почему? — Он понимал, что это и так ясно после Ритиного визита.

— Так надо, Сашенька, — тихо сказала она. — Не хочется, но надо.

Перспектива одиночества доходила до него. Удар был неожиданным. Потеря близкого человека (кому все выложить, кто все поймет, примет...) пугала бесконечной пустотой. Молчание затягивалось.

— Послушай, — сказал Саша, — а тебе бы хотелось отправиться в путешествие?

— В какое путешествие?

— Куда глаза глядят. В Среднюю Азию. В Сибирь. На Кавказ.

— Как?

— На машине!

— Ты не умеешь водить.

— Умею. Скоро получу права.

Они оба — каждый по-своему — представили себе это путешествие и опять замолчали...

— Если тебе нравится меня мучить — ты мучь, — прошептала она. — Ты мучь, милый, не бойся. Мне хорошо. Понимаешь?..

— Послушай, — сказал Саша с каким-то веселым облегчением, словно решился важнейший в жизни вопрос, хотя он сейчас ничего (сознательно, по крайней мере) еще не решил. — Ты можешь наконец накормить человека, которому завтра с утра прыгать с неба в огненную стихию?

Предощущение будущего затеплилось, засветилось.

Он почувствовал необходимость высказать ей верх признательности, сделать что-то самое лучшее, главное для нее. И он соврал:

— Я люблю тебя...

И через несколько секунд, еще продолжая вслушиваться в свои отзвучавшие слова, изумленно понял, что, кажется, сказал правду.

В августе Оля сказала, что у нее будет ребенок.

У него будет сын. Сын!

Неведомое доселе открылось ему: теперь уже мир для него никогда не погаснет.

В родной пожарной части, прочитав его заявление и выслушав сбивчивые просьбы, ему выразили крепчайшее неудовольствие и пообещали уволить не раньше конца сентября — когда уменьшится пожароопасность. Снисходя к особым обстоятельствам.

Двадцатого сентября они кинули две сумки в багажник и поехали на юг — в Среднюю Азию. Там лето будет продолжаться еще долго.

Ребята из его отделения долго спорили, что дарить на свадьбу; сошлись на фотоаппарате. Так они и остались на фотографии — приветственно горланящие у отъезжающей машины.

Боря с застенчивой подругой, бывшие свидетелями в ЗАГСе, эскортировали «Волгу» на красной «Яве» до развилки шоссе на Кинешму.

Скинув шлем с огненным тигром, он засмеялся, добросовестно поцеловал Олю, облапил Сашу до хруста:

«Напишите хоть, как дела. Все же не чужие теперь...» Прыгнул на свою «Яву», развернулся и, с ревом крутнув газ, красной молнией исчез за поворотом.

— Так куда мы все-таки едем? — спросила Оля.

— Вперед, — улыбнулся Саша, включая передачу.

Впереди за лобовым стеклом разворачивалась бесконечная дорога. Денег у них хватит на несколько месяцев скромной жизни, считая и бензин до тех мест. Фрукты-овощи дешевы осенью в Средней Азии. А там — будет видно.

Солнце перевалило полдень, когда свернули с шоссе к ручейку. Сухо позванивал желтеющий куст, паутинные нити путешествовали в небесах бабьего лета.

Забулькала картошка на костерке. Оля расстелила клеенку на траве и накрыла обед.

— Так не бывает, — сказала она. — Ведь это все неправда, а?

Тяжелый мохнатый шмель с басовитым гудением сел на цветок клевера и стал обследовать.

— Не бывает, — согласился Саша. — Но ведь — есть.

Ощущение единства навсегда с этим прекрасным миром прошло сквозь него теплой волной, подняло на ноги, раскинуло его руки в объятие и вылилось в клич:

— Мы никогда не умрем!

В слякотное и серое мартовское утро в квартире Звягина звонил телефон. Звонил упорно, не переставая.

Этот звонок выдрал Звягина из глубокого сна — дежурство было скверное, гололед, несколько тяжелых автослучаев подряд, — и он встал к телефону, походя выругав себя за то, что не выдернул его из розетки.

— Леонид Борисович, вы знаете что?

— Не знаю, — холодно сказал Звягин. — Кто это и что вам?

— Простите, я звонила вам на работу, сказали, что вы уже дома...

— Правильно сказали. — И тут он проснулся окончательно, узнал голос: — Лидия Петровна? Что-нибудь случилось?

— У нас родилась внучка! — захлебывался голос.

— Тоже неплохо, — согласился Звягин. — Все в порядке?

— Да, Сашенька сейчас звонил, пятьдесят один сантиметр, три девятьсот, все хорошо!

— Поздравляю, — сказал Звягин. — Как там погода во Фрунзе?

— Тепло! — радовался голос.

— Как Саша?

— Прекрасно! Завод собирается строить дом, и теперь их, как молодую семью, поставят на льготную очередь, сколько ж можно жить по общежитиям!

Звягин хмыкнул. «Сколько можно ж и т ь по общежитиям». Быстро привыкает человек принимать как должное то, что еще недавно казалось сказочно недосягаемым чудом.

— Он так рад! Только немножко огорчался, что не сын.

Вот так. Он еще огорчается, что не сын. Что ж, нормально.

— Передавал вам привет! — торопливо сказала Лидия Петровна.

Ага. То ли передавал, то ли нет. Ну и ладно. Не в этом дело.

Хотел лечь спать обратно, но воспоминания не отпускали, он подумал — и позвонил Джахадзе.

— У нашего подопечного дочка родилась, — сообщил он.

— У которого? — не понял Джахадзе.

— Которому ты «Волгу» дарил, товарищ князь.

— А почему он телеграмму не прислал? — вознегодовал Джахадзе.

— Ну, объяви ему кровную месть. Не буйствуй, у парня и так хлопот хватает, ему не до нас. Ответь-ка: я к тебе года два в гости собирался — так, может, угостишь шашлычком?

— Вчера замачивать надо было! — трагически сказал Джахадзе.

— Не делайте из еды культа. Через час приеду.

Джахадзе был выспавшийся, свежий, до синевы выскобленный; он успел сгонять в кулинарию и шашлыки крутились в шашлычнице, распространяя аромат, а сам хозяин в тельняшке (которую он называл «кухонной») колдовал с пахучими горными травками.

— А здорово мы с тобой это дело провернули, — самолюбиво сказал Звягин.

— Телеграмму надо ему послать, — волновался Джахадзе.

— Ни в коем случае, — отмел Звягин. — И не напоминать. Самое лучшее, если он вообще о нас забудет.

— Не забудет.

Шашлык был превосходен, по мнению неприхотливого Звягина, и никуда не годился, на взгляд взыскательного хозяина.

Джахадзе торжественно встал за столом и запел дифирамбы.

— Соловей-оратор, — сказал Звягин. — Ерунда. Я, пока сейчас к тебе ехал, пытался сосчитать, сколько здесь людей было замешано. Моя роль маленькая — вроде соединяющей шестеренки...

— Ты был дирижер! — оповестил Джахадзе. — Ты был... вождь!

— Поставь мне памятник, — предложил Звягин. — Я с него буду пыль обтирать. По субботам. Ты вчерашних «Известий» не читал? Там статья об инженере, который ослеп. Врачи отказались — случай безнадежный. Так он сделал себе такой прибор, что не только видеть — читать может. За двадцать шестое марта, посмотри.

— В двенадцатой больнице Сережа провел гемабсорбцию при шоковом состоянии — первый случай, — сказал Джахадзе. — Что ты делаешь, кто запивает шашлык молоком?!

— На парусных военных судах матросы получали полтора фунта мяса в день, — сказал Звягин. — Во были крепкие парни. Правда, их пороли линьками.

Глава IX

ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ

1. Соблюдайте правила пользования метрополитеном.

«Тысячу лет назад норманны сеяли пшеницу на юге Гренландии. Не изменись климат, в Ленинграде сейчас вызревали бы персики. И даже в декабре в больницах было бы не меньше двадцати градусов, что вовсе неплохо...»

Эти праздные размышления, простительные для уставшего за дежурство человека, а Звягину вообще свойственные, развития не получили. Сойдя с эскалатора, к выходу из метро двигалась перед ним молодая пара и, судя по коротким движениям голов, упакованных в шарфы и ушанки, скорее ругалась, чем ворковала. Неожиданно после особенно выразительного кивка, подкрепленного соответствующей жестикуляцией, юноша как подрубленный пал на колени и, содрав шапку, замер так с простертыми руками в позе крестьянина, пытающегося всучить челобитную поспешающему по государственной нужде царю.

Девушка обернулась с презрительной усмешкой и удалилась гордо. В толпе образовалось небольшое завихрение: сдержанные ленинградцы огибали фигуру. Звягин ткнулся коленом в спину отчаявшегося ходатая и осмотрел сверху русую круглую голову с недоброжелательным любопытством. В следующий миг юноше показалось, что к его воротнику приварили стрелу подъемного крана: он был поднят в воздух и, слабо соображая, что про-

исходит, висел краткое время в руке Звягина, пока не догадался распрямить поджатые ноги и утвердиться на них.

— И давно у тебя такая слабость в коленках? — осведомился Звягин.

Тот безуспешно рванулся.

— Репетиция любительского спектакля? — глумливо продолжал Звягин. — Гимнастические упражнения для умственно отсталых?

— П-пустит-те...

— А еще жалуются, плохо у нас шьют: воротник никак не отрывается. Ты в школе учился?

— Да ч-чего вам!..

— Смирно! Тебя учили, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях?

Пойманный раздернул молнию куртки с явным намерением оставить ее в руках мучителя, как ящерица оставляет хвост, но деревянной твердости пальцы сомкнулись на его запястье.

— Что вам надо? — в бессильном бешенстве процедил он.

— Чтоб ты не нарушал закон, — последовал неожиданный ответ.

— Какой?!

— Нищенство у нас запрещено. Не надо клянчить подаяние — а именно этим, судя по архаичной позе, ты занимался. Причем во цвете лет, будучи на вид вполне трудоспособным.

Не внемля отеческим увещеваниям, воспитуемый оборотил перекошенное от унижения лицо и посулил Звягину много отборно нехороших вещей.

Свободной рукой Звягин порылся в висевшей через плечо сумке и протянул желтую таблетку:

— Проглоти и ступай, оратор.

— Что это? — машинально спросил юноша.

— Амитриптилин. Прекрасно успокоит твои нервы. Не волнуйся, я врач, а не торговец наркотиками.

Молниеносным движением он сунул таблетку в приоткрывшийся для ответа рот и шлепнул ладонью

снизу по подбородку: рефлекторный прыжок кадыка указал, что таблетка проскочила к месту назначения.

— Свободен. И не повторяй свои фокусы часто — штаны протрешь.

Тот постоял секунду, читая лицо Звягина, но не нашел в нем ни издевки, ни сочувствия: так, легкую снисходительность.

— Я не повторю, — тихо и многозначительно молвил он. Поднырнул под плюшевый канат и поехал вниз.

На истертом бетоне осталась серая кроличья ушанка. Звягин хмыкнул, оглянулся и последовал с нею за удалившимся владельцем.

Из черноты тоннеля дунуло ветерком, поезд приблизился, слепя расставленными фарами и сияя лаковой голубизной, когда из подровнявшейся толпы выдвинулся подопечный и поставил ногу на край платформы, как отталкивающийся прыгун.

Вторично стрела крана подняла его за воротник и отнесла на безопасное расстояние. С утихающим басовитым воем проскользил тормозящий головной вагон, проплыло в кабине повернутое лицо машиниста, на котором начали с запозданием проявляться, как на фотопластинке, признаки испуга.

Мягко стукнули двери, народ повалил, несостоявшееся происшествие осталось практически незамеченным.

— Дядя Степа в этот раз утопающего спас, — мрачно похвалил себя Звягин. — Свинья ты, братец. Нагорело бы дежурной по перрону, машинисту — а чем они виноваты? И ты не представляешь, видно, как омерзительно выглядело бы то, что отскребали от рельсов. А?

— Откуда вы взялись... — выдавилось с мукой.

Звягин оценил бледность, дрожь рук, зрачок во весь глаз.

— Надень шапку. Ну, что стряслось, парень? Пошли, пошли...

2. Вот так встречается волшебник.

Декабрьский вечер резанул морозом — ресницы смерзлись; зима накатила ранняя, лютая, звенящая. Ленинград застыл в ледяном свете фонарей. Мерзлым дробным стуком отдавались шаги торопливых прохожих.

— Как тебя зовут?

— Ларион.

— А проще?

— Ларик...

Проблема поговорить по душам упирается во множество проблем. Это проблема времени: где взять его столько, чтоб никуда не торопиться. Проблема настроения: стрессовый, издергивающий ритм большого города отнюдь не способствует откровенной беседе. Проблема собеседника: не каждый в наше стремительное время терпеливо вникнет в твои беды. И далеко не в последнюю очередь это проблема места; вечерние кафе переполнены и суетны, в общежитиях бдят вахтеры и шляются знакомые, а дома ждет жена, укладываются спать дети, и соседи снизу стучат по трубе отопления, если вы топаете или гоняете музыку. Правда, Ленинград, как ни один другой город в мире, располагает к задумчивым прогулкам по набережным и паркам, стреловидным перспективам центра и тихим переулкам Петроградской стороны... Но только не при минус сорока.

— Куда мы?

— Фотографироваться...

Звягин увлек Ларика мимо заиндевелой колоннады Казанского собора в темную дугообразную траншею улицы Плеханова. Под обшарпанной аркой погремел в дверь, обитую жестью.

— Леонид Борисович? — Фотограф вытер пальцы о полотенце, перепоясывающее водолазный свитер. — Вам снимок? Или помещение?

— Или. Ненадолго. Как твой радикулит?

— Он сам по себе, я сам по себе — мирное сосуществование. Посидите пока, я последние сниму с глянцевателя.

Он воткнул кипятильник в розетку, не без некоторого изящества расположил чашки и печенье на колченогом столике.

— Ключи? — спросил Звягин, располагаясь в креслице, явно скучающем по родимой свалке.

— Бросите в почтовый ящик рядом с дверью, как обычно. — Вынул из лотка отскочившие с зеркального барабана фотографии, натянул полушубок, пожелал здравствовать и удалился.

В мятом кофейнике забурлила вода. Алые спирали электропечки волнами струили теплый воздух. Мягкие тени залегли по углам.

Звягин молчал, настраиваясь на волну собеседника, словно радиоприемник на дальнюю станцию: профессионализм хороших врачей и журналистов, умеющих чувствовать другого человека.

Молчание Ларика носило иную тональность: погруженный в себя, он пассивно соглашался, чтоб его хоть чем-то на время отвлекли от душевной боли.

— Это сделать никогда не поздно... — проговорил, наконец, Звягин. — И беда в том, что этим ничего не изменишь и ничего никому не докажешь...

— Я не хочу никому ничего доказывать... — не сразу отозвался Ларик.

— Устал?

Выдох:

— Устал...

Горячий чай обжег, чашка грела руки.

— Без нее никак?..

— Без нее незачем.

— Она того стоит?

— «Не потому, что без нее светло, а потому, что с ней не надо света».

— И нет надежды?..

Ларик застыл, медленно погружаясь в свою боль и так же медленно возвращаясь к действительности.

— Кто вы?

— Дед Мороз.

— Подарки делаете. — слабо, невесело улыбнулся.

— Такая работа.

— Что дарите? Жизнь, да? Зря...

— Уж кому чего надо.

— Что человеку действительно надо — того ему никто не подарит, — вздохнул Ларик с наивной многозначительностью юности.

— Подарит. Раз в жизни случается несбыточное. Один шанс из миллиона. Тебе выпало исключение, — тяжелым голосом сказал Звягин.

Ситуация вышла за пределы обычной. Сбивчивый взгляд Ларика фиксировал рубленое лицо, тонкий излом рта: странная сила угадывалась за вальяжной позой, сокрушительная воля — за мерной интонацией.

— Итак, ты встретил волшебника.

Звягин вынес из задней комнатки небольшой аквариум. За зеленоватым стеклом пошевеливала шелковистыми раскидистыми плавниками золотая рыбка.

— Она может выполнить только одно желание в год. Будущий — твой. Заказывай.

Ларик оцепенело уставился в выпученные глазки рыбки. Колкое тепло разлилось под ложечкой, толкнулось в мозг, в дрогнувшие пальцы. Ткань действительности распалась на миг, сказочное сияние качнулось в захламленном подвальчике...

Звягин подхватил его, тряхнул легонько:

— Ну! Решайся.

Падающая звезда, счастливый номер на билете, поезд по виадуку над головой, сесть между двумя тезками: «Загадай — желание — загадай — желание — загадай — сбудется, сбудется, сбудется!» А!..

— Хочу, чтобы ОНА меня любила, — с огромной убеждающей силой прошептал Ларик.

Рыбка вильнула хвостом-вуалью и отвернулась.

— Хорошо, — сказал Звягин и отнес аквариум.

— Сделка состоялась, — сказал он.

— Каковы условия? — спросил Ларик тем тоном на грани шутки и серьезности, который в неуверенности допускает возможность и того и другого. — Я продаю вам свою душу, расписываюсь кровью, иду к вам в рабство?

— Крови не люблю, — поморщился Звягин. — Мне ее и на работе хватает. А насчет души и рабства... Твое желание будет выполнено. Но ты станешь делать все, что я тебе прикажу.

— Что именно?

— Все! Не бойся — вреда никому не причиним. Согласен?

Ларик не столько колебался, сколько укреплял в себе желание поверить происходящему.

— Да!

Звягин аккуратно вырвал лист из блокнота, раскрыл старомодное золотое перо:

— Пиши. «Я, такой-то, тринадцатого числа месяца декабря сего года тысяча девятьсот восемьдесят шестого, будучи в здравом уме и твердой памяти, отдаю тело свое и душу в полное распоряжение хранителя сего, именующего себя доктором Звягиным, от настоящего часа и до того, как он в обмен на полученное дарует мне навечно любовь...» — пиши ее имя и фамилию, — диктовал Звягин, — «взяв с меня клятву, что я сохраню верность ей до гроба, и да будет воля его для меня священна». Число, подпись.

Запалил свечу, достал из сумки иглу от шприца, прожег ее, протер спиртом из пузырька:

— Коли мизинец и ставь отпечаток рядом с подписью!

Ларик испытующе помедлил и решительно всадил иглу в палец. Стекла вишневая капля.

Звягин удовлетворенно кивнул, сложил лист, спрятал в черный конверт из-под фотобумаги, а конверт бережно убрал во внутренний карман.

3. Сердце мальчика и боль мужчины.

— А теперь, — сказал он, — теперь рассказывай все. Рассказывай, как и когда вы встретились.

— В пятом классе, — сказал Ларик. — Ее родители переехали из другого города, и после летних каникул она появилась у нас...

Воспоминания были его счастьем, его неразменным капиталом:

...В пятом классе, когда мальчики еще остаются мальчиками, но девочки уже превращаются в юных девушек, и тайна застенчивой и горделивой женственности вносит смятение в четкий мир их сверстников.

В маленьком городке все знают друг друга наперечет. Новичков встречают настороженно. Но она была проста и весела — не задавалась. Неплохо училась и была ловка на физкультуре. Она выделялась, не стремясь к тому. Ее признали своей.

Он, Ларик, обращал на нее внимания не больше, чем на других привлекательных девочек. Мальчишеская дружба расцветает именно в этом возрасте. Мир вкусен, опасен, манящ! Мальчики записываются в секции, качают мышцы, занимаются боксом и каратэ, постигают моду и копят копейки на дешевые магнитофоны; долго причесываются перед зеркалом, стараясь узреть в полудетских лицах черты будущих мужчин. Они дети для всех — кроме себя и своих друзей: просто возраст еще не вывел их на рубеж, за которым начинается жизнь мужчины. Только в лучшем друге можно найти понимание и отзыв всем мыслям и чувствам. О девочках думают, мечтают, говорят — гуляя вечером или сидя на солнышке в укромном углу за забором; томительная мечта еще не представляется реальной.

В каждом классе всегда выделяется своя верхушка, обычно человек восемь. Интереснее, энергичнее прочих, они безошибочно объединяются: в них больше жизни. Ум, красота, спортивные успехи, подвешенный язык, умение одеваться — сами по себе еще не определяют твой престиж: обаяние личности решает все.

Незаметно упрочилась за Валей роль королевы класса.

Середнячок Ларик не выделялся ничем.

В этом возрасте впервые читают «Трех мушкетеров» и придумывают себе первую любовь. Придумывают или нет — кто может отличить?..

Трудно сказать, с чего все началось всерьез. Тринадцать лет, теплый и влажный мартовский ветер, валя-

щийся в форточку, горячее солнце в синих лужах: весна — она весна и есть. На перемене Валя посмотрела на него (так ему показалось) особенно. Показалось ли ему это? Позднее она уверяла: да. Он ли был готов прочитать в ее взгляде то, что хотел прочитать?.. Или юная ее женственность, расцветшая потребность в любви бессознательно выразились в мимолетном взгляде? Или просто сделала глазки, следуя искушению испробовать крепнущую силу своих чар? Значит, настал ему срок полюбить, если такая неопределимая малость послужила поводом.

Через пять минут он получил двойку по химии, абсолютно не понимая, что спрашивает у него учительница. После уроков бродил, не понимая, где, оглушенный, в блаженной и испуганной растерянности, видя ее лицо, пушистую челку, печальный и ласковый блеск серых глаз: призыв? надежда? поощрение?

Несколько дней он боялся на нее взглянуть. Казалось: все сразу поймут. Только когда она отвечала у доски, он как бы имел право смотреть на нее наравне со всеми. В каждом ее жесте ему одному. От него ждали шагов навстречу.

Ночью он написал мелом на стене «Я люблю». Впервые шепотом выговорил это слово, осязая его губами. Он давал себе безумные клятвы, рисуя романтичное и трагическое будущее.

Выскакивая из школы, он кружным путем несся к ее дому, чтобы потом попасться ей на дороге. Она возвращалась с подругой. Он цепенел. Она не подавала вида, что их что-то связывает.

Он признался другу. Друг понял, проникся. Друг давал советы и поражался низости и глупости женщин. Им было по тринадцать, и они были взрослыми людьми.

Он решился писать записки: незначащие фразы, в которые вкладывалось сокровенное значение. Друг передавал ей. Ответов не было.

Он назначил ей свидание. Прождал до темноты. Она не пришла.

Но назавтра подруга сунула ему в руку записку с ее извинением.

Встреча наконец состоялась. Он не смог выдавить из себя ни слова. Она терпеливо ждала, дернула плечиком и удалилась, смеясь.

В записке он признался ей в любви. Лицо его горело, тело не слушалось. Не выдержав, он сбежал с уроков.

Ответом было одно слово на клочке бумаги: «Спасибо».

Он зашел в тупик. Не знал, что предпринять дальше. Как стать интересным ей. Как сделать, чтоб они были вместе. Ее присутствие парализовало его. Он еле кончал год на тройки.

Где знают двое, там знает и свинья: секрет его раскрылся в классе. Незлые, в общем, шутки воспринимались как нестерпимые насмешки.

Поздними вечерами он шлялся под ее окнами.

Лето прошло без нее.

Он свыкся с безответностью своего чувства.

Осень принесла потрясение.

Она была красива и беспечна, и сплетни не могли миновать ее. Ревность и зависть просыпаются в людях рано. Поплыл слух.

В четырнадцать лет верят всему. Он поверил. Эта вера, вместо того, чтобы убить его любовь, сделала ее еще более пронзительной. Дикость истории не увязывалась в сознании с ее обликом: ясные глаза, чистый смех, трогательное лукавство. Душа его разрывалась от боли за ее боль. Ему грезилось посадить ее на колени, обнять, укрыть от всего зла этого мира, погладить по волосам, ласково, нежно, сказать, что она все равно самая лучшая, самая чистая, самая красивая, единственная, что он любит ее на всю жизнь, и все будет хорошо, все будет хорошо...

(Когда годы спустя он убедился в лживости навета, он был потрясен не меньше. Быть может, если бы не эта ложь и вызванные ею боль и сострадание, впервые пробужденное желание защитить и уберечь, то любовь

его иссякла бы, как часто и бывает. Но оказались затронутыми такие глубины мужающего сердца, о которых он сам ранее не подозревал.)

Ей уже оказывали внимание старшеклассники. Он казнился своим ничтожеством. Будущее прозревалось ясно: до смерти он будет любить ее безнадежно и сильно, и когда-нибудь она поймет, как велика его любовь; и оценит; но слишком поздно.

«Она еще пожалеет,— пророчески предсказал друг.— Жизнь накажет ее». — «Накажет? — возразил он.— За что? Разве она виновата, что она такая?..» — «Вот за то, что такая, и накажет»,— повторил друг упрямо и безжалостно.

В июне класс убирал мусор в парке, потом пошли купаться на пруд. Он увидел ее в купальнике. Он не мог смотреть на нее и не мог не смотреть. Расплавленный свинец разлился в его жилах... Впервые он увидел в ней женщину, и понял, что любит женщину. Ужасало, что ее, в одном этом узеньком красном купальнике, видят все! И она не стеснялась, ей это нравилось, она знала свою красоту. О, если б он был самым широкоплечим, рослым, мускулистым, загорелым, сильным, если б он был достоин ее... Страх своей неполноценности укоренился в нем окончательно.

Осенью она приезжала с родителями с юга, приходила в школу загорелая, как мулатка, сияя глазами и зубами, потряхивая выгоревшей гривкой волос, пританцовывая на ходу от избытка жизненного веселья. Однажды она влюбилась в практиканта-физика из пединститута; отчаянно зубрила формулы и получала пятерки, явно выделяемая им. Когда оказалось, что у него есть невеста и через неделю свадьба, она два дня не ходила в школу и появилась похудевшая, с темными кругами у глаз.

Класс отреагировал беззлобной подначкой.

Ларик искренно недоумевал: как можно на комто жениться, если можно в свой срок жениться на ней? Разве есть на свете хоть одна лучше нее? И — что она нашла в нем: обычный, ничего особенного, склон-

ность к развязному нахальству да еще один глаз косит на сторону?

На лето перед десятым классом его отправили в деревню к бабушке. Он вытянулся, подсох; полол огород, валялся на песке у речки, считая дни до возвращения. Не выдержав, написал ей письмо, второе, третье. Неожиданно получил ответ (она томилась скукой).

В сентябре его положение в классе изменилось. Усилиями родителей он был прилично одет, «смотрелся». Поздоровел. Полученное письмо прибавило уверенности в себе. На него «положила глаз» одноклассница; он впервые понял, что может нравиться и даже быть любим. Надежды вспыхнули и расковали его язык. Он искал сближения с ее компанией, и удостоился приглашения.

Когда в медленном танце он впервые коснулся ее руки, ее талии, ноги его мгновенно потеряли способность двигаться. Она улыбнулась и повела его сама.

Он пытался «дружить», но не умел стать ей интересным. Он оставался застенчивым, неуверенным, смертельно влюбленным и потому покорным мальчиком. В нем не было изюминки, не было мужской резкой сумасшедшинки — так она сказала.

Надежность, стойкость его чувства льстила ей и одновременно тяготила. Его придерживали при себе как ненужную сейчас, но в общем хорошую вещь, которую жалко выкидывать — при случае может пригодиться. Разве не числом поклонником и силой их страсти измеряет девушка свою значимость?..

В цветном мигании лампочек, в тягучем течении блюза, среди друзей, она сама разрешила ему поцеловать ее. Он прижался губами к теплой гладкой щеке, на секунду почти потеряв сознание.

Но больше ему «ничего не позволялось».

Ты хороший, я не виновата, что ничего такого к тебе не чувствую, — таков был подведенный ею итог их откровенного разговора.

На выпускном вечере он сделал ей предложение. Она засмеялась, взгрустнула, сказала, что они еще дети

и им рано об этом думать. Мужчина должен сначала чего-то добиться в жизни. А ему еще только через год идти в армию, и кто знает, не забудет ли он ее за это время.

В ослеплении веря наивному кокетству, он клялся любить ее вечно!

Ах, отвечала она, если б ты был немного другой. Какой? Откуда я знаю...

«Бедное сердце, осаждаемое со всех сторон», — сказал друг — бывший друг. Он влюбился в нее сам в конце концов. Ларик простил предательство: можно ли не любить ее...

Она поехала поступать в Ленинград, в театральный. Он поехал с ней вместе, выбрал конкурс поменьше, верняк, и подал в инженерно-строительный. Когда она отсеялась после первого тура, он забрал документы. Проживая остатки выданных родителями денег, они бродили по Ленинграду. Она была подавлена, разуверена в себе, благодарна ему за верность... Теплая ночь, темная листва, разведенный мост над Невой: глядя в сторону, она тихо проговорила — иногда ей кажется, что она немножко любит его.

Общность судьбы вдруг сблизила их — словно подхватила одна волна. Они ощутили родство — вдвоем в огромном, чужом, прекрасном и недоступном городе.

Лучше тех дней в его жизни не было.

Они вернулись домой, встречались сначала каждый день, но потом она начала отдаляться: все чаще бывала занята, задерживалась на работе, занималась в самодеятельности. Однажды он увидел ее на улице с высоким красивым парнем.

Теперь он ждал одного — призыва в армию. Там начнется другая жизнь, и сам он станет другим. Он мечтал попасть служить подальше, туда, где опасно, откуда можно вернуться в боевых орденах, или не вернуться вообще, погибнув смертью героя.

За пять дней до отправки она позвонила ему сама. Она раскаивалась, тихая, печальная, ласковая, она обещала ждать его.

Он все понимал. Тот ее бросил. Ей опять не повезло. Ларик был счастлив. Если б с ней случилось несчастье, она стала некрасивой, инвалидом, не нужная никому, — он бы носил ее на руках, сдувал пылинки, лелеял...

На перроне, в толпе народа, стриженого, с рюкзачком, она целовала его. В вагоне команда ему завидовала.

Год она писала ему. Он показывал корешам фотографию. А потом бросила. Написала, что все кончено: она выходит замуж.

Ее родители обменяли квартиру на Ленинград. Она стала студенткой Института культуры: другое окружение, другая жизнь, другое будущее.

Демобилизовавшись, он месяц жил дома... Собрал вещи и двинул в Ленинград. Пошел на стройку, прописался по лимиту в общаге. И явился к ней.

Она была не замужем.

Его встретили как марсианина. Ему не оказалось места в ее новой жизни. Она стеснялась его.

А он не мог без нее жить. Он просыпался утром, вспоминал: она! — и накатывала черная тоска.

Единственным прибежищем была работа. Работал он с яростью. За работой забывался. Бригадир хлопал по плечу. Ребята постарше посмеивались.

Он пригласил ее в театр. «И никогда больше меня никуда не зови... Я не пойду».

У нее есть... один. Аспирант. С машиной. С деньгами. Нравится ее родителям. Ларик видел его. Против него не потянуть...

Все свободное время он тупо валялся на койке. Ребята пробовали знакомить его с девушками. Его равнодушие сначала задевало их, вызывало желание задеть, понравиться; кончалось пренебрежительным разочарованием. Они были ненужными, чужими.

Он продолжал ходить к ней, ждал у входа после занятий. Ее подруга сказала ему в сторонке, сочувственно, по-свойски: «Да брось ты Вальку, она же стерва». Благодарный за участие, он, однако, возненавидел подругу.

Навязчиво он искал встреч — как побитый щенок, приползал на брюхе, виляя хвостом (по ее выражению). Иногда удавалось, превозмогая себя, казаться веселым и легким, циничным и беззаботным; зная истину и тяготясь, Валя терпела его несколько часов. Как-то отправилась с ним в Эрмитаж на модную выставку. Но выдержка ему изменяла, он опять срывался на мольбы, укоры, напоминания, клятвы: в такие минуты она его ненавидела. Себя тоже, видимо, ненавидела, чувствуя за ним какую-то моральную правоту, и оттого ненавидела его еще больше.

4. Скулящему не сочувствуют.

Влюбленный может говорить о предмете своей любви бесконечно. Усвоив суть и наскучив подробностями, в двенадцатом часу Звягин подавил зевок. Извинившись, вышел в туалет и с шумом спустил воду. Подобные действия неукоснительно меняют тональность беседы. Выговорившийся Ларик примолк, отрезвел, успокоился.

— И чего ты дергаешься, собственно говоря? — подытожил Звягин.

— Как это?..

— Так. Что, собственно, страшного произошло? Она вышла замуж?

— Нет... пока.

— Но у нее есть ребенок?

— Что?! Нет, откуда...

— Может быть, она смертельно больна?

— Вы о чем...

— Тоже нет? Ну тогда, возможно, она совершила преступление, и твой гражданский долг — посадить ее за решетку?

— Не надо издевок, — тихо попросил Ларик.

— А может, ты инвалид? Отвечать!

— Нет...

— Урод?

— Не блещу, как видите...

— Мужеством ты не блещешь. А, ты слабоумный? Или тебе завтра уходить на фронт? А-а — тебе приходится содержать больную семью, отнимает все силы и время. Угадал?

— Перестаньте.

— Тоже нет? — удивился Звягин. — Тогда я не понимаю — чего ты убиваешься? Какие трудности? В чем препятствия?

— Не нужен я ей...

— Стань нужен!

— Как?

— Как угодно!

— Она не любит меня, — качнул головой Ларик безнадежно, горько.

— Всего делов? Хм! Значит, надо сделать так, чтоб полюбила, — невозмутимо заключил Звягин.

Сухо, рассыпчато скрипнул под ногами снег. Стукнула дверь, звякнул ключ. Метнулась во тьме поземка и пропала. Черный прозрачный воздух обжег ноздри. Пар от дыхания индевел мохнато на шарфе.

— Что вы говорите?

— Пою. «Турецкий марш».

— Почему?

— А что же мне петь, лазаря? Боевой гимн индейцев чероки? — Звягин сплюнул: плевок затрещал на лету, стукнулся об тротуар и подпрыгнул ледышкой. — Минус сорок, — удовлетворенно констатировал Звягин. — Верная примета, так мы на Севере проверяли.

5. Что такое камелек?

Жена, разумеется, не спала. На кухне горели все газовые конфорки — отапливалась.

— Чудовищный мороз, — сообщила она, кутаясь в шерстяной платок. — Завтра у пятиклассников опять занятий не будет. Сидим в учительской и рассказываем друг другу, у кого сколько градусов дома. Где ты застрял, я волновалась? Есть будешь?

— Мне нравятся эти ленинградцы, изображающие Клондайк, — ответил Звягин.

Спустившись во двор, принес несколько деревянных ящиков из штабеля у заднего входа магазина. Разломал на кухне и растопил в спальне старинную высокую печь — настоящую кафельную голландку.

— Хорошо, что сохранили при ремонте, — оценил он. — Вот и пригодилась.

Пламя загудело в топке. Звягин оставил открытой латунную дверцу, потер руки перед огнем.

— Давненько не сиживали мы у камелька, — сказал он. — Кстати, что такое камелек?

В дверях возникла дочка, завернувшаяся в одеяло, как озябшее привидение.

— А я? — жалобно спросила она. — У меня тоже холодно.

— В Англии спальни вообще не отапливаются, — сказал Звягин.

— Вот Англия и перестала быть владычицей мира, — сказала жена.

— Поэтому у англичанок лошадиные лица, — объяснила дочка.

Желто-алые блики легли на обои, выкруглились на люстре и спинке кровати. В полумраке высветилась теплая пещерка у огня, доски потрескивали и стреляли, выбрасывая трассирующие багровые искры, притухающие на лету и с тихим шорохом падающие на латунный лист перед печкой.

Жена проявила неслыханную заботу: вкатила фуршетный столик с тарелкой дымящегося рагу, бутербродами и чайником.

— А молоко? — сварливо спросил Звягин, набивая рот.

Сытый человек миролюбив — его можно брать голыми руками. В воздухе повисел и упал сакраментальный вопрос:

— Где ты был?

— Я стал рабовладельцем, — скромно сказал Звягин. И, наслаждаясь эффектом, предъявил умопомрачительную расписку.

Жена потеряла дар речи. Дочка в восторге захохотала. Потребовали объяснений. Ахнули, вздохнули, усомнились; задумались.

— Где ты его подобрал?..

— В метро.

— Ты всегда найдешь теплое местечко для своих подвигов, даже в мороз. У нас не семья, а благотворительное общество «Звягин и компания»!

— А зачем этот средневековый спектакль с мефистофельской распиской и золотой рыбкой?

— Внушение. Психотерапия. Влюбленные юноши необыкновенно впечатлительны и склонны к романтике. А такие вещи, знаешь, воздействуют на нервную систему — укрепляют надежду и веру. Полезно.

— И что будет дальше?

— Понятия не имею, — беззаботно зевнул Звягин. — Утро вечера мудреней. Есть доброе правило: важное дело спешным не бывает — если что-то стряслось, не руби сгоряча, выжди три дня, успокойся, подумай, и начинай действовать на четвертый.

За неимением в современной квартире кочерги он пошевелил угли совком и потянулся.

6. Так что же такое любовь, в конце концов?

Назавтра жена была встречена в прихожей вопросом:

— Что такое любовь?

Замедлившись в движениях, молча она повесила пальто, сняла сапоги, прошла в кухню и, глядя в замерзшее окно, проговорила:

— Видимо, любовь — это когда после двадцати лет семейной жизни ты являешься домой за полночь с лицом романтического героя.

И, поскольку ответной реплики не последовало, выдернула в комнате из стеллажа и швырнула на диван книгу Рюрикова «Три влечения».

Звягин кротко полистал страницы и рассердился:

— Почему вместо ответа на любой вопрос ты норовишь сунуть мне книгу для внеклассного чтения, будто я твой школьник, еще не дозревший для беседы с учителем?

Ничто так не льстит мужчине, как обвинение в донжуанстве. Но только не тогда, когда оно регулярно исходит от законной супруги — тут нужны крепкие нервы и неиссякаемое добродушие. Обладая тем и другим, Звягин достиг примирения за каких-то два часа, прибегнув ко всем доступным способам. Сменив гнев на милость и размякнув, жена молвила задумчиво:

— Есть три вещи в мире — непостижимые для мудрецов: путь орла в небе, змеи на камне, и путь мужчины к сердцу женщины.

Профессиональная страсть учителей к цитатам неистребима.

— Любовь — это случайность в жизни, но ее удостаиваются лишь высокие души, — декламировала жена, лежа на руке Звягина. — Стендаль.

— Стендаль был великим теоретиком, я слыхал. Но он ошибался.

— Ты наглец и невежда.

— Помнишь, ты меня заставляла читать «Педагогическую поэму» Макаренко? Там один паренек, Чобот, тупой такой и неразвитый, влюбляется в самую передовую и красивую девочку... Наташу. Идти за него замуж она отказалась — ей рано, надо учиться, и вообще она его не любит. Он взял-таки и повесился. Наверное, любил, раз не смог без нее жить.

— Глупо и гадко! — взвилась жена. — Упрямство, эгоизм! И правильно его все осудили! Не может темный человек любить по-настоящему. Только с развитием духовной культуры человечества инстинкт продолжения рода превращается в ту любовь, о которой пели провансальские трубадуры!..

— Трубадуры тебе еще и не то споют, — пробурчал Звягин, — за умеренную мзду. По-твоему любовь — умение красиво говорить о своем чувстве и совершать всякие изящные и благородные поступки? Я по-

нимаю. стали писать стихи о любви, посвящать рыцарские подвиги прекрасной даме, выработали манеры — пропускать женщин вперед, уступать им место, снимать шляпы и кланяться. Но разве манеры — проявление любви?

— Твой цинизм неуместен! Любовь выражается в поступках, это естественно: манеры — выражение уважительного отношения к женщине.

— А как тогда отличить любовь от притворства? Ведь любой может обучиться манерам, а если силен — насовершать подвигов.

— Женщина всегда отличит любящего от нелюбящего.

— Уй-й!.. То-то столько обманутых соблазнителями. Лгать можно и словами, и поступками, — увлекшаяся женщина любую мелочь трактует в свою пользу. Ответь лучше, если ты такая умная: как обстоит у водоплавающих птиц насчет одухотворенности и культуры? Почему лебедь, теряя подругу, поднимается ввысь и камнем падает на землю, разбивается? Ведь с точки зрения целесообразности и продолжения рода он может найти себе другую пару?

В затруднении жена посмотрела на часы, высунула руку из-под одеяла, потрогала еле теплую батарею.

— Любовь — это когда любимый человек становится дороже всего на свете.

— Дороже истины? Долга? Чести? Родины? Значит, любящий человек способен на любую подлость и преступление во имя любви?

— Ты вечно передергиваешь, — недовольно сказала она.

— Значит, не дороже всего?

— Дороже жизни...

— Хм... Если надо пожертвовать своей жизнью ради того, чтоб жил любимый человек, — тут, наверное, любой любящий не задумается. Но почему человек ради своей любви пожертвовать при надобности жизнью готов — а пожертвовать, скажем, карьерой — часто не готов? Хотя карьеру дороже жизни не ценит.

— Ну-у!

— Э? Женятся на высокопоставленных дочках, расставаясь с любимыми. Не разводятся с постылыми женами, чтоб не подпортить карьеру и высокое назначение. Расстаются с любимыми, отправляясь в дальние края, куда те ехать не согласны. В чем дело? Ведь любят, потом всю жизнь вспоминают, жалеют, плачут, не могут найти счастья.

— Не очень любят.

— Ничего себе не очень: через двадцать лет увидит — и бледнеет! Всю жизнь снится. Нет, ты скажи: очень-очень нравится — и любит: есть разница?

— Конечно, есть.

— Какая? Ведь внешне все одинаково: те же действия, слова, ласки, подарки. Возьмем любовный треугольник: муж, жена, третий. Естественный вопрос ему: любишь ты ее или нет? И если да — это для всех его как-то оправдывает, даже внушает сочувствие, уважение.

— Это ты к чему? — с тенью настороженности спросила жена.

— К тому, что на мой взгляд все это очень просто.

— В каком смысле?!

— Любовь — это когда чувство достигает такой силы, что то и дело переходит границу и может превратиться в свою противоположность — в ненависть. Когда счастье граничит с горем, наслаждение — с болью, и одно способно мгновенно смениться на другое.

— Школьный диспут... Любовь — это желание счастья любимому.

— А сколько в истории случаев, когда любимых убивали? Причем только любимых! Возненавидеть можно только того, кого любил, а если просто очень нравился — э, что ж делать, печально, да как-нибудь станем жить дальше. Вот если нет сил перенести муку, и на собственную искалеченную жизнь уже наплевать, и то самое чувство, которое толкало жертвовать всем ради любви, теперь дальше толкает на самый страшный шаг — вот это не подделка, не имитация, а любовь.

— Вариант Кармен?

— Кармен, Кармен.

— Мой муж феодал и дикарь, — меланхолично констатировала жена.

— И дикари лупили друг друга палицами по головам, оспаривая первую красавицу племени. Чувства всегда были у любых людей. И даже у животных. Посади собаку в клетку, дай ей подходящую пару — а потом разлучи. И собака может подохнуть от тоски. А вот если она дикая, в лесу, пропитание добывать надо, от врагов спасаться — тогда не подохнет, переживет. Дело не в тонкости и культуре чувств, а в их силе. А для их силы надо, чтоб не все они расходовались на выживание. Подруга любви — праздность, как некогда говаривали. Любовь появилась тогда, по-моему, когда у человека высвободился некоторый излишек энергии, принимающий форму необязательных чувств и необязательных поступков. В народе всегда знали, что лучшее средство от несчастной любви — тяжелая работа: утомленный человек не так остро чувствует боль, легче забывается. От любви и угасали тургеневские барышни — а их крепостным чахнуть было некогда: пахать надо.

— Но большинство людей как-то переживает несчастную любовь без всяких кровопролитий!..

— Большинство людей слабо, — с безапелляционностью супермена вынес приговор Звягин. — Большинство людей должны заботиться о своих близких. Большинство людей расходует массу сил на обыденные трудности жизни. Большинство людей законопослушны, трусливы и тщеславны. Большинство людей в душе уважает свои страдания и даже испытывает от них удовольствие: несчастная любовь удовлетворяет их потребности в сильных ощущениях.

— Ты, доктор, что это ты сегодня так поносишь несчастных людей? По-твоему выходит, вообще нет разницы между влюбленным человеком и влюбленным животным.

— Принципиальной — нет, — был хладнокровный ответ. — Так же как нет принципиальной разницы между

функционированием организма человека и кошки. Просто цивилизация дала рост производительности труда, высвободила силы для любви и окультурила ее, создала ее внешние формы. Тупой человек тупо домогается любимой женщины, а развитый умеет облечь все в красивые и разнообразные формы, прельстить речами, одеждами, манерами и поступками.

— Насчет ненависти ты, видимо, прав, — признала жена. — Иногда меня ужасно подмывает треснуть тебя кастрюлей по самоуверенной голове.

— Ну вот видишь.

Она зажгла свет, причесалась у столика, подперла щеку ладонью; спросила, глядя в зеркало:

— Леня, ты меня еще любишь?..

— Тьфу на тебя, — сказал Звягин. — Какой подвиг я должен посвятить тебе, чтоб ты успокоилась?

7. Чем крепче нервы, тем ближе цель.

Вечером третьего дня он принимал Ларика в знакомой фотолаборатории. Назначенный срок ничегонеделанья тот перенес с трудом, вспышка безумной надежды сменилась тоскливой апатией; он глотал чай, словно цикуту. Звягин, напротив, имел вид довольный и уверенный.

— Начинаем предварительные действия, — объявил Звягин. — На данном этапе главная трудность заключается в том, что ты ей донельзя надоел. Итак, надо все стереть и начать с чистого листа: по нулям. Последнее впечатление о тебе в ее памяти должно быть выигрышным. Ты держался мямлей — значит, будь абсолютно тверд. Ты соглашался на все — значит, не мирись ни на чем. Ты должен достойно уйти.

Горечь на лице Ларика усугубилась до чего-то среднего между рыданием Пьеро и дозой хинина.

— Терять тебе нечего. Хуже уже не будет. Представь себе, что вы уже расстались навсегда, что она тебе совершенно чужая, что все равно ничего не светит,

что ты умер, наконец! Хуже не будет — с самого низа все пути ведут наверх! И держи себя в кулаке — хоть тресни.

Он достал блокнот, раскрыл ручку:

— Соображаешь ты плохо. Давай-ка порепетируем: что может сказать тебе она и этот ее, как?.. Игорь, и что ты должен им ответить.

Вопросы-ответы перетекли на второй десяток страниц, когда вспотевший и втянувшийся в желанную игру Ларик споткнулся:

— А как я узнаю, что он у нее?

— Это твои проблемы! Карауль за углом, найми пацана из ее подъезда, попроси на улице девушку позвонить ему домой, следуй за ним после работы...

— А если скажут что-то неожиданное?

— Улыбайся многозначительно и меняй тему: гни свое.

— А если забуду?

— Вызубри, как домашнее задание! И помни: в боксе главное — хладнокровие, — тяжкой дланью хлопнул его по спине.

— Чем крепче нервы, тем ближе цель. Держи сценарий.

8. Как слегка попортить личную жизнь.

Исполняя полученный приказ, в пятницу Ларик исправно стоял перед заветной дверью на Гражданке. Он съел две таблетки седуксена, сделал вдох-выдох, постарался расслабиться, вспоминая напутствие: «Я спокоен. Мне на все наплевать. Ха-ха. Сейчас я вам немножко попорчу вечерок, голубки. Не ждали? Сейчас я вам объясню, кто такая мать Кузьмы». Давя звонок, представил себе, как выглядит упомянутая мать Кузьмы, кузькина, то есть, мать, и как он им ее покажет, и невольно улыбнулся нервной улыбкой, когда дверь отворила мать Вали.

— У Вали гости...

«Ах, кто бы мог подумать!..» Знакомая (оскорбительно чужая здесь) дубленка висела на вешалке под оленьими рогами.

Валя вышла в прихожую с досадой и неловкостью.

— Извини, я не одна. Я же просила тебя больше не приходить.

— Ничего, один раз можно,— напористо подавал он заготовленные фразы, как снаряды из погребов.— Я разденусь, ты не возражаешь?

И раньше, чем она успела ответить, скинул куртку.

— Говори, что ты хотел, и уходи, — зло велела Валя.

— Ты не пригласишь старого друга в комнату?

— Я сейчас не могу,— повторила она, но Ларик уже ловко обогнул ее и двинулся в квартиру, не заботясь оставляемыми на паркете следами сапожек.

— Добрый вечер, — слегка поклонился он родителям, сидевшим перед телевизором.— Извините за непрошенный визит.

— Какие цветы! — сочувственно отозвался отец; как все отцы, он понимал неудачливого претендента на сердце своей дочери.

Ларик вспомнил, что в руке у него снопик белых роз, и прижал локоть к боку, чтобы рука не дрожала.

— Где ты отыскал такую прелесть, — кисловато отреагировала мать.

— Конфисковал у спекулянта, — небрежно сказал Ларик и быстро проследовал в Валину комнату. Чуть растерявшейся от этого натиска, ей ничего не оставалось, как идти за ним.

В комнате, разумеется, тихо звучал магнитофон, на низком столике под неярким настенным светильником — нарезанный торт, кофе, лимон, а на диване сидел приветливый и снисходительный Игорь. Все было плохо... но все было правильно, естественно, ожидаемо, в точности так, как и предусматривалось, Ларик был к этому готов. И оттого, что события развивались по твердо намеченному плану, он вдруг почувствовал себя

свободно — хозяином положения. Инициатива оказалась в его руках: он знал, что будет дальше, а они не знали, он вел партию, а они вынуждены были на ходу отыскивать защиту.

— Хлеб да соль, — приветствовал Ларик и включил верхний свет, разом разрушив интим. — Валь, где ваза?

— У тебя что-то срочное? — нетерпеливо спросила она.

— А, вот она. — Снял с полки хрустальную вазу, сунул в нее букет и протянул Игорю: — Вы не были б так любезны налить воды?

Тот машинально взял вазу, помешкал, не успевая найти достойную линию поведения; мягко согласился:

— Пожалуйста...

— Я сама налью, — раздраженно выручила его Валя и вышла с проклятой вазой, усугубившей напряженность.

— Какая неожиданная встреча, — сказал Ларик, чувствуя, что он выигрывает по очкам, и понемногу раскрепощаясь. И протянул Игорю руку. Тот пожал ее с доброжелательным превосходством.

— Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, Аи, — с улыбкой сказал он (переводя разговор на удобный ему уровень: поэзия, эрудиция, ирония, полунамеки...).

Ларик посмотрел на него с сожалением, как на больного, отрепетированным перед зеркалом взглядом.

— Морозище зверский, — сказал он.

— Давно такой зимы не было, — поддержал Игорь.

— Готовимся жениться? — спросил Ларик. (Нет, он недаром готовился: голос был не спертый, не сдавленный — нормальный!)

Он достиг цели — сбил противнику дыхание: Игорь никак не мог попасть в ритм этого неожиданного разговора.

— Ну, — он прикрылся неопределенной улыбкой, — это не только от меня зависит...

— Не скромничай, Игоряша, — Ларик хлопнул его по колену. — В данном случае это зависит только от тебя. Или она тебе не нравится?

У Игоря заело речевой аппарат: ответить хамски означало признать свое поражение в словесном поединке, ответить вежливо — признать унизительную зависимость от наглеца, а находчивый ответ не придумывался. К его облегчению, вернулась Валя.

— Я сел, ничего? — спросил у нее Ларик.

— Если сел, так чего теперь спрашивать?

Установиться молчанию Ларик не давал.

— Торт вкусный? — просто спросил он Игоря.

— Ничего...

— Ты принес? Ну, наверное, выбрал получше. Валь, не смотри на меня зверем, ладно? Я только съем кусок торта, если меня угостят, и ни секунды больше не стану вам портить личную жизнь. Да не ходи за лишним блюдцем! — Он положил ломоть на тарелку Игоря, подвинул к себе, откусил.

— Цветы с Кузнечного рынка? — улыбчиво попробовал Игорь забрать инициативу.

— Мы любим жесты, — подыграла ему Валя.

— Кто что любит, — сказал Ларик с набитым ртом. — Чужая душа потемки. Как там наука насчет души говорит?

— Мы технари... — усмехнулся Игорь.

— По принципу: если нельзя делать науку, то надо делать хоть диссертацию? И правильно. Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

— Каждому свое. Не всем же строить дворцы.

— Верно. Некоторым приходится там и жить. В диссертации, наверное, бетонная коробка выглядит лучше, чем на стройплощадке. Я неумно шучу сегодня; извини.

Валя демонстративно взглянула на часы и встала.

— Не уходите, он сам уйдет, — сказал Ларик и аккуратно вытер пальцы салфеткой. — Игорь, прошу как мужчина мужчину: выйди на минутку, нам надо поговорить. Не переживай, потом я уйду насовсем, и твое счастье будет полным. Будете ворковать без помех целую жизнь.

В некотором понятном унижении Игорь посмотрел на Валю и поднялся. Когда в такой ситуации просят выйти, срабатывает рефлекс мужского достоинства — отказаться как-то неудобно, невозможно...

— Шустрые у тебя одноклассники, — нашелся он сказать с порога. (Нервничающий человек не способен к остроумию. Вечером, вспоминая эту встречу, Игорь нашел массу достойных ответов.)

— Когда будет нужно, вас позовут, — успокоил Ларик, закрывая за ним дверь.

Он погасил верхний свет и сел.

— Потрудись объяснить свое шутовство, — сказала Валя, выключив музыку.

Ларик сказал спокойно, тепло:

— Ладно тебе... Просто я хотел попрощаться.

— Ах. В очередной раз. Ты уезжаешь или решил умереть?

— Нет, я не уезжаю и не решил умереть.

— Ты ведь грозился!

— Зачем отягощать твою совесть таким событием. Ведь ты не была бы мне за это благодарна, правда? Хоть память о себе оставить приличную.

— Боюсь, что уже не получится.

— А Игорь твой слабак. Я бы на его месте выставил меня вон.

— Вот потому ты не на его месте.

— Да не хочу я ругаться, — сказал Ларик. — Просто вдруг во мне что-то кончилось. Напрочь исчезло, понимаешь? Ну и захотелось сказать тебе на прощание что-нибудь хорошее...

— Так говори и иди.

— Раздумал. Пусть все хорошее он тебе скажет. Мне было здорово с тобой. Счастливо.

Он распахнул дверь:

— Входите, коллега, мы уже кончили.

Игорь приятно беседовал с родителями.

— Я тебя провожу, — с намеком сказал он, жаждя реванша.

Ларик укоризненно вздохнул:

— Пожалуйста. Только не сейчас — имей уважение к хозяевам. Я пришел сюда не затем, чтобы бить гостей дома. Как меня найти — Валя знает.

Он сделал общий поклон, улыбнулся Вале ободряюще:

— Не сердись. Все будет хорошо, — и удалился.

И еще целый час, добираясь до общежития, он находился в роли: чувствовал себя свободным, сильным, великодушным, преодолевшим свою любовь и муку, оживленно-злым. Ночью уткнулся в подушку, привычные думы и воспоминания нахлынули, размыли волю, он вновь ощутил свою слабость, зависимость, отчаяние, и уже удивился тому, как сумел держаться, и даже не понимал своего недавнего состояния, словно разговор тот вел совсем другой, чужой человек.

После его ухода интонация вечера сломалась. Музыка, полумрак, тихие речи, впечатление сгладилось... Но осталась некая крохотная неловкость, мельчайшее неудобство, душевный дискомфорт. Неприятная царапинка осталась в памяти, мешающая прежней непринужденности.

9. Информация — безусловно основа интуиции.

Звягин воспринял доклад Ларика удовлетворенно: «Первый раунд ты выиграл. Следующее: выясни толком, что за человек твой соперник». Армейская закваска сидела в нем прочно: сбор информации, ее анализ и оценка, составление плана действий — и неукоснительное его выполнение; излюбленная метода, иной не признавалось.

— Жаль, что ты не женщина.

— Почему?!

— Женщины обладают удивительным даром узнавать о людях такую подноготную, которую те сами подчас не подозревали.

В Ларике боролись презрение к сплетням и ревность.

— А как?

— Твои проблемы. Сведи знакомство со старушками из его соседей. Найди его одноклассников или однокашников по институту, а еще лучше — однокашниц. Поболтай о нем как бы между прочим с лаборантками и вахтершами в его НИИ. Послушай, что говорят о его родителях — где о родителях, там и о детях. Заготовь себе истории: устраиваешься на работу, или он не отдает тебе долг, или ты беспокоящийся брат его девушки, или он хотел купить у тебя магнитофон, или ты приезжий, познакомился с ним в отпуске и теперь думаешь, можно ли у него остановиться... Сообразишь! И не лезь с назойливыми расспросами — хвали его как бы с сомнением, и тебе все выложат сами: люди обожают позлословить за спиной, особенно о тех, кто на вид удачлив.

Ларик исчез на неделю. Звягин, уподобляясь Наполеону, возведшему в принцип личную проверку всех деталей, отправился в Институт культуры — взглянуть на его избранницу.

Прогремел звонок, хлопнули двери аудиторий, девушки заполнили коридор: он угадал Валю почти сразу. (Хотя описание Ларика напоминало скорее знаменитое: «Ростом она была эдак примерно с ангела».) Светлое скуластое личико, серые ясные глаза с раскосинкой, невысокая фигурка — ужасно складная девочка (тот тихий омут, в котором черти водятся. Самоуверенный Звягин полагал себя крупным физиономистом. Хотя практика подтверждала, что ошибался он и вправду редко).

Игорь, встреченный им в вестибюле своего НИИ, ему, однако, тоже понравился. На вид крепкий, не мелкий, походка уверенная, взгляд прямой и веселый — симпатичный такой смугловатый парень. Возвращаясь домой, Звягин копался в себе, пытаясь определить причину своей к нему неприязни: неужели просто успел влезть в шкуру бедолаги Ларика? Хм — отчасти он уже чувствовал себя Лариком, уже прикидывал на зуб ближайшее будущее, как актер прикидывает новую роль, чувствуя, как маска срастается с кожей.

10. Что думает медицина о несчастных влюбленных.

На «скорой» его новая затея обсуждалась оживленно.

— Нет, — неодобрительно сказал Джахадзе, — ты не прав. Есть хороший человек, она хочет за него замуж...

— Ты лучше скажи, откуда у аспиранта машина? — рявкнул Звягин. — Он только жить начал, какая у него стипендия?

— Папа купил, — здраво ответил Джахадзе.

— А станет приличный человек ездить на машине, купленной папой? Молодости стыдно быть преуспевающей! Диссертация по микроклимату микрорайонов — чушь свинячья!.. Папенькин бездельник.

Вошел фельдшер и мрачно стал прислушиваться к разговору.

— Опять несчастненького себе нашли, Леонид Борисович, — брюзгливо произнес он.

— А ты что здесь делаешь?

— Жду.

— Чего?

— Пока вода на кухне закипит. У меня кипяток кончился. Машина-то вся в крови, замерзла — не отдерешь. — Он повертел перед собой иззябшие сизые руки.

— Так что ты предлагаешь — подождать, пока мы с тобой поедем за этим несчастненьким на «из-под поезда?» — спросил Звягин. — Давно не было? Понравилось машину отмывать, Гриша?

Гриша пробурчал нечленораздельно и включил телевизор.

— Настоящий мужчина всегда держит себя с женщиной на высоте, — сказал Джахадзе.

— А если не держится?

— Тогда это не мужчина.

— А если жить без нее не может?

— Тогда это не мужчина, — повторил Джахадзе упорно.

— А если другой нравится ей больше?

— Докажи ей, что ты лучше него.

— А если не умеет?

— Тогда это не мужчина.

Злой и невыспавшийся Гриша высказался в том духе, что лоботрясы они все, а вот помыл бы он на тридцатиградусном морозе «скорую» от крови, глядишь, и мозги встали бы на место.

Вообще к несчастным влюбленным на «скорой» относятся скептически. То есть не то чтобы медики не верили в любовь, отнюдь. Просто они по роду службы больше прочих граждан сталкиваются с прозаическими, так сказать, последствиями страстей, когда последствия принимают оборот, требующий медицинского вмешательства. И жертвы, хлебнувшие уксусной эссенции, или полоснувшие себе вены, или учинившие над собой какое иное непотребное действо, вызывают у бригады справедливое возмущение: работы и так хватает! А выезд специализированной машины влетает в сотню-полторы рублей, и в это самое время может ждать погибающий больной.

— Помните, я летом с Заможенко выезжал на падение с высоты? — Гриша высморкался. — Ах, семнадцать лет, первая любовь, он ее обманул, и бедная Лиза раскрывает окно своего пятого этажа, зажмуривает глаза и с именем коварного на устах шагает вниз. Хоть бы она раньше посмотрела в этот самый низ! Ковыляла себе бабуля в булочную — и ахнуть не успела: перелом шейных позвонков, разрыв спинного мозга, привет. Сходили за хлебцем... И то сказать: полцентнера рухнет с пятого этажа тебе на голову! А девице — хоть бы хны: сломала ключицу, через десять дней ушла домой на собственных ногах. И к суду ведь не привлекли!

История была давняя, обсосанная; комментариев не последовало. Гриша сквозь заледенелое окно послал проклятие недомытой машине и потопал на кухню. Звягин молвил задумчиво:

— Не каждой женщины можно добиться...

— И нэ надо! — поднял волосатый палец Джахадзе.

— ...но зато каждая женщина может добиться мужчины, если он не против. Фокус заключается в таком

повороте дела, чтобы добивалась она. Мышеловка за мышью не бегает.

Трансляция захрипела ужасно и прокашляла:

— Десять тридцать два, рука в конвейере.

— Простудилась Валечка, — посочувствовал Звягин, неторопливо вставая и потягиваясь.

В коридоре столкнулся с Гришей — громыхнул пустой чайник.

— Только отмыл, — в отчаянии воззвал он. — И сейчас опять! Когда морозы кончатся!..

Кренясь на вираже в успевшем промерзнуть салоне, мечтая о тепле и отдыхе, пожелал:

— Пусть хоть на свадьбу потом позовет. А то как пахать — извольте, а как все хорошо — не вспомнит.

— Есть старый анекдот, — сказал Звягин. — Родился мальчик, здоровый, нормальный, пора начать говорить — а он молчит. По врачам таскают, к светилам пробиваются, — молчит. Пять лет, шесть. И вдруг однажды после обеда произносит: «Бифштекс сегодня был горелый». Родители в ажиотаже: «Ах, ох, что такое, чудо! почему же ты раньше молчал?» — «А раньше все было в порядке».

— Ха-ха-ха, — сказал Гриша. — Ну и что?

— А то, что когда все в порядке, врачи никому не нужны. Мы вступаем в действие, когда что-то неладно. — Закинул ногу на ногу, крутнулся в креслице: они с сиреной проскакивали перекресток на красный свет. Заключил: — И просто — не нравится мне несчастная любовь.

— И почему бы это?

— А мне вообще все несчастное не нравится.

11. Как устранить соперника?

...Привыкнув решать задачи поэтапно, он сосредоточился на первой: вывести из игры нежеланного конкурента. Хм, стариннейший вопрос влюбленных... В средневековой Италии, скажем, попросту нанимали убийц. Не подходит. Во времена инквизиции хватало аноним-

ного доноса — и неугодный исчезал. В д'артаньяновской Франции вызывали на дуэль и закалывали, чем упрочивали собственную славу. Тоже не то. Имелись способы простецкие: набить морду, отвадить угрозами, — иногда действенно, и даже справедливо отчасти, мужчине подобает сила и храбрость; женское сердце поощряет победителя. Но не всем дано выступать героями, и не всегда это помогает... Надо, чтоб она перестала обращать на него внимание, разочаровалась, чтоб он ей надоел. Итогом размышлений в конце концов явилась забавная страница в блокноте:

«Как устранить соперника.

1. Быть сильнее духом, чем он. Выдержаннее. Храбрее.

2. Узнать о нем все, понять его до конца.

3. Если можно — подружись с ним: другу легче вырыть яму, чем врагу.

4. Копни его прошлое.

5. Найди его союзников. Учти своих друзей.

6. Найди ему врагов. Сыграй на чьей-то зависти или интересе.

7. Выясни его слабые места. Научись использовать их. Борись с ним в том, в чем он слаб.

8. Выясни его отрицательные стороны. Продемонстрируй их.

9. Выясни его сильные места. Избегай столкновений в том, в чем он силен.

10. Заставь его нервничать — это ведет к ошибкам.

11. Заставь его совершать поступки, рисующие его с неприглядной стороны и роняющие в ее глазах.

12. Хвали ей то в нем, что ей наверняка не понравится.

13. Чрезмерно перехваливай ей то в нем, что ей нравится — это вселяет сомнение, недоверие.

14. Не выказывай неприязни к нему — ты должен выглядеть доброжелательным и объективным: тогда тебе поверят.

15. Каждую его черту оберни неприглядной: самолюбие — тщеславием и высокомерием, энергичность — карьеризмом и неразборчивостью в средствах, вежливость — подхалимажем и лакейством, юмор — цинизмом и пошлостью, неторопливость — тупостью, чувствительность — слабостью и слюнтяйством, храбрость — жлобством, осмотрительность — трусостью, щедрость — низменными купеческими замашками, неторопливость — тупостью и т. п.

16. Любой его поступок объясняй низменностью мотивов и цели, но всегда не впрямую, а как бы хваля, одобряя, сомневаясь.

17. Внушить им недоверие друг к другу.

18. Скомпрометировать их в глазах друг друга.

19. Создать каждому неверное впечатление о другом, чтобы слова и поступки одного вызывали у другого не желаемый ответ, а непонимание, досаду, разочарование. В конце концов они должны стать антиидеалом друг для друга.

20. Если позволяет время — старайся завести их отношения в тупик, дать им исчерпаться, выдохнуться.

21. Выстави его немужественным: за трусость женщина может принять растерянность, равнодушие, расчет.

22. Извлекай пользу из любого случая. Организуй случаи сам».

12. Я вас насквозь вижу!

— Это только кажется иногда, что до человека никому нет дела. Кого-то ты обидел, не заметив; кому-то помог в трудный час, и он помнит; почти всегда найдется тот, кто не прочь занять твое место в жизни — берегись его; а кто-то сделал тебе добро — и любит в тебе собственную добродетель, — со вкусом рассуждал Звягин.

— Итак: двадцать шесть лет, аспирант, папа-профессор, машина, неплох собой. Клад, а не жених; хо-

лост, не пьет, алиментов не платит. Значит, всегда найдется женщина, которой он нравится, которая имела бы на него виды, не прочь и в лепешку расшибиться, чтоб женить его на себе. Осталось ее найти...

Дальше. В аспирантуру желающих больше, чем мест. А он, кстати, не блистал в институте. И вряд ли папины связи не сыграли роли в гладком начале его карьеры. (Вообще люди удачливые обычно не подозревают, в скольких сердцах возбуждают зависть.) Наверняка есть знакомые или однокашники, обиженные, обойденные им. Кто-то был влюблен в девушку, предпочевшую его. Кто-то перебивался в студентах на гроши, пока он одевался и веселился на папины деньги, кто-то мечтает о такой машине. Кое-кто не откажется насолить ему, отомстить за обиду или унижение.

Ну, а она? Средняя семья, обычная девочка. В брак по расчету не стремится. Во-первых потому, что пока вообще не торопится замуж: двадцать лет, красива, обаятельна, уверена, стало быть, что сможет выйти без проблем — а покуда жизнь весела и прекрасна, и можно наслаждаться молодостью, данной лишь раз. Вот года в двадцать три девушки начинают дергаться: пора, накатывает страх засидеться в старых девах. Во-вторых, единственная дочь, балована, капризна, привыкла следовать своим чувствам — и не поступится ими ради выгоды: такая девушка хочет быть счастливой, делая то, что ей хочется.

Он искушеннее: испробовал соблазнов, настроен на карьеру — не идеалист, наверняка уверен, что «знает жизнь», следовательно, не слишком верит в людскую искренность и способен заподозрить расчет в любом поступке. Она наивна, доверчива и не знает людей: юность занята собой, благополучие позволяет не задумываться о несправедливости жизни, к хорошеньким девочкам все благоволят; она естественна. Такие натуры цельны, влюбляются до умопомрачения. А тот, кто руководствуется в жизни выгодой и удобством, предпочтет необременительный роман или выигрышную женитьбу. Помилуйте, да между ними пропасть, и не я буду строить через нее мост!

Он сидел перед пылающей печкой с видом заговорщика на конспиративной квартире — обдумывал то, что узнал за последние дни от Ларика, и составлял планы.

13. Знакомые бывают крайне некстати.

Осуществление планов началось в ближайшую субботу. В субботу Игорь повел Валю «выпить чашку кофе, посидеть», предусмотрительно заказав два места во вполне престижном и дорогом заведении — варьете «Кронверк».

Зальчик был уютен, музыка ненавязчиво тиха, заранее задобренный официант фамильярно-услужлив, заказ продуманно дорог — атмосфера светской жизни, скромного времяпрепровождения для избранных.

— Не жалеешь, что зашли сюда?

— По-моему, здесь неплохо. — Она улыбнулась, коснулась его руки.

Потом свет мягко угас, направленные лучи сложились в шатер, возникли почти нагие танцовщицы, извиваясь в согласном ритме. Из темноты блестели белки глаз и рдели сигаретные огоньки. И то, что за стеной чернел морозный вечер, а здесь, в комфортном тепле, припахивающем кухней, баром и духами, под вкрадчивую музыку переступали на высоких каблуках стройные раздетые женщины, создавало особенное настроение причастности к тайному, естественности того, что обычно не дозволяется, как бы разрешение на интимность. Зрители изображали, что смотрят не более чем простое эстрадное представление.

Игорь счел уместным заметить, что танцуют они неважно: здесь те, кто не попал ни в балет, ни в мюзик-холл (полушепотом слегка разрядил возникшее напряжение). «Хорошие фигуры», — ответила Валя, отметив и его такт, и нарочитый тон завсегдатая, и налитую ей рюмку. Интересно, что чувствуют танцовщицы? Просто работа? Преодолевают стыдливость — или наоборот, испытывают от этого удовольствие? А в остальном

они нормальные женщины — или профессия накладывает отпечаток на поведение? Или она просто ханжа?

Номер сменился, певец во фраке запел по-английски с хорошим петербургским акцентом. В зале расслабились, заговорили, звякнули вилками.

После перерыва сбоку площадки устроилась группа, грянула во все децибелы мощных колонок, вмерзшее в лед дерево корабельного корпуса запело в резонанс. Пошли танцевать.

Сделалось жарко и весело. Каблуки били в палубный настил. Конец мелодий покрывался аплодисментами. Хлопало шампанское, и пробки летели сквозь обручи табачного дыма. Праздник качал списанный в плавучие кабаки корабль.

Игорь извинился и вышел. Она отпила остывший кофе. К столику приблизился парень в вареной джинсовке:

— О, кого я вижу! Привет! — И прежде чем она успела ответить, хозяйски приобнял и мазнул поцелуем.

— Вы с ума с-сошли!.. — (Врезать ему? Где Игорь? Драка будет?)

— Валечка, ты на меня еще сердишься? За что?

— Вы с ума сошли?!

— С каких пор мы на вы, Валька?

Вернувшийся Игорь с изумлением вникал в их беседу. Незнакомец обернулся, и на лице его отразилось понимание ситуации.

— Занята — так и сказала бы, чего комедию ломать, — бросил он тихо, но не настолько, чтоб Игорь не расслышал. И вдруг — узнал, расплылся:

— Игорек! Вот кого не ожидал увидеть, — дружелюбно протянул руку.

Тот машинально пожал ее. Навис традиционный вопрос: «В чем дело?». Оказавшийся знакомым незнакомец повел себя непринужденно и расторопно:

— Это твоя дама?

— Именно, — как можно более весомо и значительно ответил Игорь. — Что за дела, Толя?

— Надо ж так обознаться, — Толя засмеялся, развел комически руки и, словно не веря глазам, внимательно

взглянул на Валю еще раз. — Вы удивительно похожи на одну мою знакомую. (Постарался принять джентльменскую позу.) И вот в этом полумраке, под легким градусом, я принял вас за нее.

— Смотреть лучше надо, — выпалила Валя, злясь уже на Игоря, не вовремя отошедшего и имеющего таких знакомых, а сейчас туповато стоящего истуканом вместо того, чтоб осадить хама как подобает.

— Простите великодушно, — куковал Толя. — Я еще удивился — и зачем она прическу сменила? Старик, у тебя прекрасный вкус, поздравляю. Девушка, ваш кавалер — бывшая звезда курса, блистал в... короче, блистал. Дорогой, если даже незнакомые клюют на твою избранницу — значит, она стоящая, эта... человек. Простите, простите, я пьян, исчезаю, — он поклонился Вале преувеличенно вежливо, с каким-то заговорщицким видом, Игоря хлопнул по плечу покровительственно — и быстро удалился.

Игорь покачал головой и сел, посмеиваясь. Однако изгадить настроение куда проще, чем поднять. Что-то мешало ему отнестись к происшедшему как к мелкому и исчерпанному недоразумению...

— ...Милые у тебя однокашники, — дергала плечиком Валя.

Но через десять минут им уже опять было весело, все сгладилось, все было хорошо, когда он замолчал. Спросил:

— Откуда он знает, как тебя зовут?

— Понятия не имею. Он же сказал, что ошибся!

— Значит, его знакомая не только похожа на тебя, но еще и тезка?

Он завертел головой, встал, прошел по залу, выискивая Толика. Того уже не было.

14. Если друг оказался вдруг...?

Подозрение легко заронить и трудно рассеять. Проходящие дни не изгладили инцидент в памяти Игоря: «Та ли она, какой хочет казаться?» Как известно, ничто

так не похоже, как полная невинность и большая опытность. Теперь при каждой встрече он приглядывался к Вале внимательнее, и сомнения язвили его самолюбие: неужели с другим, серым и заурядным его однокурсником, она?.. Валя почувствовала перемену в нем, была то кротка, то обидчива, он махнул рукой — перестал думать о неприятном: так хорошо, когда все хорошо...

И тогда позвонил Толик — спросил с подтекстом:

— Старик, может, посидим, поговорим?

В животе у Игоря тихо и тягуче заныло. Они не виделись два года, никогда не были друзьями, — какой же есть повод для встречи, кроме того случая?

Толик ждал его в «Невском». Коньяк пили французский, сигареты курили американские, а девиц именовали Дженни (жгучая брюнетка!) и Дарья (русая коса). Ох не так прост этот Толик, ох жучок.

Толик возгласил тост, расточая Игорю комплименты. Девицы снизошли до беседы: моды, чеки и курорты. Вечер завился веревочкой, когда Толик трезво и улыбчиво проговорил:

— Старик, я невольно поставил тебя три дня назад в «Кронверке» в неловкое положение.

— Чем это? — небрежно возразил Игорь.

— Своей бестактностью, как бы скомпрометировав при тебе твою даму. Кстати, знаете, в чем разница между тактом и вежливостью? Когда джентльмен, войдя в незакрытую ванную и увидев там моющуюся женщину, говорит: «Простите, миледи», — это вежливость. Когда он говорит: «Простите, сэр! — это такт».

— Ты ведь извинился за ошибку.

Толик снисходительно потрепал Дженни:

— Заяц, я похож на человека, совершающего ошибки?

— Не слишком...

— А на человека, встающего другу поперек дороги? Какая-то девочка не стоит того, чтоб... э, их так много, а друзей так мало. — Он достал из роскошного бумажника фотографию и протянул изображением вниз: — Возьми. Больше я с ней незнаком. Будь здоров, хлопнем!

На фотографии Валя стояла у Эрмитажа, глядя вдаль, а Толик обнимал ее за плечи. Снимок был некачественный, любительский, но ошибка исключалась: знакомый норвежский свитер в крупную шашку, джинсы с наколенным карманом.

— А знаешь, что в ней лучше всего? — с мужской доверительностью наклонился Толик. — Родинка на левом плече. Пикантна — чудо!

Игорь усмехнулся деревянно. Значит, правда. Мммм... Дрянь! И с кем — с этим ничтожеством...

— Откуда, собственно, столько благородства? — спросил понебрежней, стараясь ставить себя выше собеседника и ситуации.

— Может, и ты мне ответишь когда-нибудь добром за добро, — с дружеским цинизмом сказал Толик. (Намекает на семейные связи?) — Не всю жизнь мне бабки делать, надо думать и о карьере, так?.. А куда ткнуться? Глядишь, друг-однокашник и замолвит словечко, на кого ж еще в жизни опереться, верно?

Рюмка услужливо наполнилась. Время убыстрилось в карусельный галоп. Ресторан уже закрывался. Красавица Дарья смотрела на Игоря с открытым призывом.

Ревущий, как авиалайнер, ансамбль объявил последний танец. Женщина льнула к нему, как лоза, длинная стройная нога обвивала его ногу.

— Я провожу... тебя... вместе... — составил он фразу.

Алкоголь, обида, вожделение баюкали его. Вдруг оказались погасшими огни в зале. Толик уходил с обеими девушками под руки. В гардеробе не находился номерок в вывернутых карманах. Промерзлый до звона Невский понес страдальца наискось.

Телефонная будка заиндевела. Он разбудил Валю звонком:

— Я все знаю!..

— Что — все?

— Все. Сейчас к тебе приеду.

— Что случилось? Уже ночь, родители спят. Что случилось?

— А-а, спят...

Ненависть, одиночество, жжение одураченности мешали находить слова, и так ускользающие.

— Пошла ты...

Пи-пи-пи, пожаловалась телефонная трубка.

15. Еще пара таких друзей — и врагов не понадобится.

Звягин вторично посетил Толика в конструкторском бюро. Головы повернулись от кульманов и компьютеров (милое соседство! СССР на пороге XXI века). Толик махнул приветственно и вышел в коридор. Батарея под замерзшим окном еле теплилась.

— Под-донок он.

— Почему? — мягко улыбнулся Звягин.

— Потому, что его вышибли бы из института, если б не папины связи. Потому, что занимает не свое место в аспирантуре...

— Твое, что ли?

— Мое! — с вызовом ответил тот. — Я получил красный диплом, шел вторым в потоке. И — не прошел... в аспирантуру по конкурсу. А он — еще бы: завкафедрой — папин друг, дальняя родня, свой клан.

Звягин сощурился: бывает интересно слышать то, что ты уже знаешь...

— ...заморочит голову еще одной девчонке. Ненавижу всю эту породу устроенных в жизни подлецов.

— Вот и я подумал — чего ей зазря пропадать, — согласился Звягин.

— А вам, можно полюбопытствовать, что до нее?

— Люблю все красивое, — фатовато приосанился Звягин.

Толик глянул на часы в конце коридора и поежился.

— А вообще вы шантажист. Откуда фотография-то?

Кадр был щелкнут три дня назад в коридоре ее института. Хозяин фотолаборатории привел туда приятеля и отснял, когда студентки проходили мимо. Затем потратил полдня, подгоняя и шлифуя фотомонтаж: нало-

жил изображение Вали, попавшей на снимок, на данную Толиком фотографию — он стоял у Невы в обнимку с приятелем.

Толик выковырял из бумажника семь рублей:

— Держите; все, что осталось от этого цирка в кабаке.

Звягин аккуратно расправил и спрятал деньги. Меценатом себя отнюдь не числя, весь груз материальных расходов он взвалил на Ларика: «Ты — заинтересованное лицо, тебе и платить, дражайший. А ты как думал? без денег, знаешь, ни в дугу, ни в Красну Армию».

— Благодарю за службу, — кинул он. — А где ты девок нашел?

— Да там же, снял в кабаке. Наплел им... А кр-руты, тц!..

«Второй раунд в нашу пользу. Едем дальше. Человек, который привык обманывать других, легко может быть обманут сам: он может поверить во что угодно, ибо полагает, что любой может обмануть».

16. Вещественные доказательства оспаривать трудно.

Игорь расположился за столиком в позе следователя из дурацкого фильма.

— Приятный молодой человек. — Предъявил фотографию. — Да?

Она уставилась в недоумении. Подняла глаза:

— Что это значит?..

(Неестественная интонация. Точно неестественная.) (А как же ей быть естественной, если человек ничего не понимает впрямь?)

— Это значит, — он изобразил жесткую усмешку, — что твой бывший кавалер рыцарски уступил тебя мне. И даже угостил ужином в ресторане в знак своего расположения.

— Не понимаю...

— Слушай, не надо вешать лапшу на уши. Ты не умеешь врать.

— Не умею. Потому и не вру.

— Ты с ним долго была... знакома?

У Вали задрожали губы. Беспомощность и растерянность могли быть истолкованы как маскировка для сокрытия вины.

— Я не понимаю, что это значит! Он же сам тебе сказал, что принял меня за другую!

— Сказал одно, показал, как видишь, другое. Да и сказал наедине тоже другое. Это твой свитер?

— Я не знаю его! — крикнула она.

— Гм. Откуда же он знает тебя?

— И он меня не знает!

— Да?

— Да!

— Тогда откуда он знает, что у тебя родинка на плече?

Она невольно поднесла руку к плечу, и этот жест убедил Игоря в своей правоте больше, чем все остальное.

— Я не зна-аю... — с молящей убедительностью прошептала она. — Я не знаю, что это значит. Я не знаю, что это за фотография. Я клянусь тебе, что говорю правду. Господи, Игорь... Если ты правда любишь меня, как говорил, ты должен мне верить... Понимаешь? Пусть весь мир перевернется, пусть все будет против нас, пусть тебе скажут обо мне все, что угодно, ты должен верить только мне, слышишь?..

Он отвел глаза, помолчал; вздохнул с тем сожалением, с которым человек утверждается в нежеланной для него истине:

— Ты не хочешь мне все рассказать? Я пойму... Я прощу все, только скажи честно, слышишь?..

Она смахнула слезу. Борьба чувств доходила до головокружения. Гордость взяла верх.

— Уходи. Если ты мне не веришь — ты мне не нужен.

— Да как же тут верить?! — возопил он.

— А просто — верить.

Он тяжело произнес:

— Если я уйду — то уже не вернусь. — И было слышно, что сказал правду.

Валя вскинула голову:

— И не смей больше приходить ко мне, слышишь! Я не хочу больше видеть тебя!

Закрыв за ним дверь, упала на диван и разревелась. (Какая к черту сессия, какие зачеты!..)

17. Не ищите женщину — она найдется сама.

Мрачность Игоря не прошла незамеченной. Он угрюмился в лаборатории, излучая непоправимое несчастье. Как известно, женщины лучше ощущают чужое состояние, и мужчина (если он в меру молод, или неплох собой, или круто стоит и т. д. — короче, г о д и т с я) может скорее рассчитывать на женское участие, нежели мужское. Тем более что в наше время наличествует сверх избытка одиноких и неустроенных женщин, всегда готовых обратить внимание на неполадки в жизни сильного пола, и устранить их по мере — или сверх меры — своих возможностей. (Ну как тут не вспомнить сэра Оскара Уайльда: «Женщина может изменить мужчину одним способом: причинить ему столько зла, чтоб он вовсе потерял вкус к жизни». Консервативные британцы! У нас чаще наоборот — мужчины таким образом изменяют женщин; или — женщинАМ? так и просится каламбур.) И какая-нибудь из таких женщин — если не несколько — всегда оказывается рядом в нужный момент.

В данном случае женщину звали Ларисой, была она старше Игоря на два года (нынче модно, чтоб женщина, как глава семьи, была постарше), растила дочку от мужа, с которым разошлась, и работала на той же кафедре старшим лаборантом.

— Заболел? — с чуть шутливым участием обратилась она.

— Здоров, — мрачно отвечал наш герой.

— Разбил машину, — ужаснулась Лариса.

— Машина на стоянке, зимует.

— Родители ущемляют свободу единственного чада.

— Займись своими делами.

— Влюблен, — протянула Лариса, — причем неудачно. Ой, какая прелесть! Я уж думала, с нынешними мужиками этого не случается.

— Интересно, — вопросил Игорь, — дойдет ли эмансипация до такого уровня, чтоб мужчина мог заехать женщине в рыло?

— Уже дошла. И заехать могут куда угодно, — бестрепетно согласилась Лариса. — Бельмондо чуть не в каждом фильме лупит женщину, и это вызывает бурный восторг зала. Мужчины всегда были настолько сильны и храбры, что лупили жен. Эмансипация родилась из естественной реакции женщин дать сдачи. Пошли.

— Куда?

— Обедать. Перерыв начался.

После второго, прихлебывая тепловатый эрзац-кофе (в столовой тоже холодрыга), сказала дружеским тоном равного:

— Игорек, что ты сходишь с ума? Самолюбие заело? Уж тебе-то — неужели девушек не хватает? Послушай меня, плюнь, я баба, мне лучше знать, как должен вести себя мужчина.

— Вот и плюю...

— Как ее зовут?

— Какое это имеет значение. Валя.

— И сколько ей лет?

— Двадцать.

— И ты, взрослый, видный мужик!.. О времена! Мне б ваши заботы. Когда я расходилась — насмотрелась, как слаб и смешон нынешний повелитель природы. Ни силы, ни выдержки, ни благородства. Не будь современным мужчиной, милый.

— Быть несовременным?

— Быть просто мужчиной.

— Это как?

— И еще спрашивает женщину... Слушай, нет такой девушки, которая устояла бы перед настоящим мужчиной. Только не теряй голову.

— А если она уже потеряна?

— Ох, тогда не потеряй еще что-нибудь ценное.

Ничто так не подкупает мужчину, как своевременное и несентиментальное дружеское участие женщины — при условии, что женщина неглупа и привлекательна. Дружба настоящей женщины — мощное подспорье в житейских штормах. Лариса была настоящей женщиной — танк, который гуляет сам по себе. Работа, ребенок, однокомнатная квартира, доставшаяся после размена жилья — самодостаточность современной подруги, стоящей на своих ногах и не надеящейся на чужие руки.

Они «по чуть-чуть» вечером выпивали на уютной кухоньке: бра, раскладное креслице, салфетки, проигрыватель, и разговаривали, как сто лет знакомые (вот умение пойти в масть).

— Что за идиотство — припирать к стенке девочку, — пожимала плечами Лариса. — Если ты знаешь правду — зачем тебе признание? Из упрямого самолюбия? Имеешь лишнего туза в рукаве. Будь ты взрослее и умнее ее! Может, она отчаянно боится, что ты узнаешь ее грехи? Считает себя недостаточно хорошей для тебя, так любит? А ты — пачкать ее в своих глазах перед ее глазами... А если она хочет отрезать и забыть все, что было до тебя? Это должно только льстить, дурачок!

Это женщины-то не в ладах с логикой? Успокоительный бальзам лился на измученную душу.

— Попросить у нее прощения?

— Еще не хватало. Хочешь быть в ее глазах идиотом, закрывающим глаза собственные на очевидное и поступающимся самолюбием?

— А что же мне делать? — Деморализованный человек только ведь и ищет, кому бы сунуть этот вопрос: вдруг ответ спасет?

— А делай вид, что ничего не было. Проехали, ясно? Она будет благодарна за ум и такт. Новый год вместе встречать собирались?

— Собирались, конечно...

— А где?

— На родительской даче, в лесу...

— Пригласи ее завтра же, три дня осталось, девочка извелась!

— Думаешь?..

Игорь стал соображать. Лариса поставила Раффаэллу Карру. Из духовки запахло допекшимся до кондиции тортом.

— А ты где встречаешь?

— Со старыми друзьями.

— Это — железно? — Помолчал, улыбнулся: — Жаль.

Лариса подняла тонкую изогнутую бровь:

— Ты хочешь пригласить меня?

— Одну или вдвоем — как захочешь прийти. Будет весело. А?

— Ну, если все будут так веселы, как ты сейчас, то я лучше посижу дома и послушаю «Плач замученных детей Малера».

Но он уже что-то задумал.

— Правда — плюнь на этих друзей, а? Может, пригласить для тебя кого-нибудь? Найдем такого парня!

Она взъерошила ему волосы:

— Милый, свою жизнь я привыкла устраивать сама. За приглашение спасибо, но... Э нет, только без этого! Иди-ка домой, спать пора.

18. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда узнаешь, что Рождество бывает только раз в году.

Над елями белела луна, серебря снег на крыше и перилах. Полыхающий в комнате камин клал подвижные отсветы на скрипучие половицы. Дача была хороша, и компания под стать.

Стол ломился, елка благоухала, магнитофон гремел; отлично веселимся!

Валя сравнивала себя с другими женщинами: они были взрослее, раскованнее, лучше одеты... Выглядеть «девочкой» Игоря было лестно — и унизительно. Он —

хозяин, красивый, богатый, его значимость переходила и на нее; но ей казалось, что ее воспринимают как принадлежность застолья, Игорево очередное развлечение: снисходительность к очередной ягодке не нашего лесу.

Ослепительно выглядящая Лариса — женственная, уверенная,— совершенно затеняла сопровождающего ее стертого шплинта.

Пока гости прогревались коктейлями, прогрелась и дача. Застучали стульями вокруг стола, телевизор засветился, куранты зазвонили, шампанское хлопнуло салютом:

— С Новым Годом!

— Счастье — достойным!

— Ура!

Грохнули хлопушки, осыпая конфетти на головы и блюда. Зашипели искристо голубые бенгальские огни. Чокались, накладывали, жевали.

Игорь, само собой получалось, больше разговаривал с друзьями, чем с Валей («Мог бы быть внимательней»). Она поддерживала беседу, когда ей давали пас, оттенок отчуждения не исчезал («Строит из себя скромницу? Обижается?»).

Поднажрались. Пошли танцевать и обжиматься.

Тихо, скромно держалась Лариса — безо всякого ущерба для своего зрелого сияния. Среди ночи она оказалась сидящей с Валей на угловом диване.

— Я в первый раз здесь,— завязался разговор.— Славно, правда? И народ чудесный.

Валя отвечала неопределенно.

— Не нравится, да? — приоткрыла улыбку Лариса.— Свой круг. Сливки общества. Соответствующие родители. Ну и, конечно,— мы-то не то, что некоторые, с толпой не смешивать... Вы где учитесь?

Ответ ей понравился.

— Я тоже невысокого полета птица,— призналась союзнически.— Образование умеренное, лаборантка, хотя и старшая.— И, переходя на ты: — Твои родители кто?

— Не профессора,— сказала Валя.

— И не генералы, значит. Так что мы здесь обе с тобой, выходит, для украшения общества. Ведь развлекаться не обязательно с равными, точно?

Контакт! — есть контакт. Лариса делилась опытом. Старшая женщина рассказывала о жизни. Валя внимала мудрости. Счастье у каждой свое, но как много общего в путях горя и радости.

Веселье разобралось попарно. Подходили к столу, уединялись где-то, смыкались в недолговечные кучки. Лариса оставалась сама по себе, легко улыбалась, говорила негромко, и если бы Валя следила за ней внимательнее, то могла бы заметить и указующие на нее движения глаз, и тихое втолковывание о чем-то; Ларисе чуть кивали, понимающе и согласно.

Повалили гулять — лес! лес! луна! новогодье! Мороз обжигал. Скрипел и визжал снег под ногами. Туманный радужный ореол стоял вокруг луны, и разноцветные звезды плясали в черноте.

Вернулись окоченевшие, с хохотом толкались у камина, разлили «для сугрева». Смуглый жиреющий крепыш, не то Прохор, не то Эльдар, принял позу статуи Свободы:

— Пора выпить и за хозяина! Хлебосолен тот, кто стоит в жизни двумя ногами. Да, мы знаем, чего хотим — всего хотим! И некоторые — Игорь, поклонись! — это имеют. Да, мы не пишем стихи в молодости, зато не будем писать жалобы в старости! — картинно остановил аплодисменты. — Выживают сильнейшие — мы выживем! Не Дарвин придумал это — он заимствовал теорию Гоббса, его знаменитую «войну всех против каждого». Так пожелаем же в новом году Игорю — знаете чего? кр-рутого восхождения и настоящей карьеры, худого тут нет, это достойно настоящего мужчины! а себе — богатого и всемогущего друга!

После знаменательного тоста крутой восходитель упился с какой-то умопомрачительной быстротой. Вроде и пил не много, но как-то осовел, окосел, окривел и пополз со стула, выпустив слюну. Его поймали и прислонили.

Валя наблюдала с неприятным удивлением. Ему это не шло. Воспитанный, умный, изящный... тупо гогочет и тычется лицом в тарелку. Его вывели проветриться: в дверях он заскрежетал и выметнул меню. Бедненький... но противно...

— Ты за него держись, — пьяно внушала высокородная селедка в фантасмагорическом макияже. — С ним не пропадешь. У него отец знаешь кто?.. И сам умеет...

19. А не ходи в наш садик, очаровашечка.

Первая электричка прогремела за лесом. Пары разбрелись по комнатам и лежбищам. Тишина установилась — живая, дискомфортная. Игорь храпел и захлебывался наверху, укрытый поверх одеяла ковром.

Лариса зажгла газ, поставила греться ведро и кастрюлю с водой. Заварила чаю, окликнула забытую всеми Валю:

— Садись, попьем. — Разгребла край стола, отрезала два куска торта. Рассуждала тихо, по-бабьи:

— Если он тебе нравится, дорожишь им — тут нужна женская тактика. Надо понимать мужчину, каков он. А он — человек трезвый, недоверчивый, достаточно рациональный. Так?

— Недоверчивый — это точно... А ты откуда знаешь?..

— Так мы же работаем вместе. И не забывай — я уже побывала замужем, муж был старше него. Э, поживешь с мое — будешь видеть все эти вещи как на ладони...

Валя кивала задумчиво, глядя в дотлевший камин.

— На что поддевается мужчина? На женский каприз. На изменчивость. Вот когда женщина начинает выбрыкивать, показывая, что если не хочешь — то как хочешь, иди пасись, — тут-то он начинает стелиться.

«А то я сама этого не знаю. Просто — мне было раньше хорошо с ним, и не хотелось выбрыкиваться. Наверное, иногда надо».

— А еще мужчина ценит, когда женщина дорого ему обходится. Ведь все в жизни стоит столько, сколько за это заплачено. А поэтому — поверь, не стесняйся с ним.

Капризничай. Давай понять, что подарки — дело нормальное.

— Да не нужны мне его подарки! — Валина душа возмутилась этим странным и пошловатым сватовством.

— Глупенькая,— с материнской лаской Лариса обняла ее за плечи.— Не тебе нужны — ему, чтоб уважать тебя. Попробуй им повертеть — станет как шелковый.

Они стали мыть посуду — застывшую осклизлую гору. Лариса сняла кольца, засучила рукава, влезла в чей-то старый халат,— работала она со скоростью и сноровкой моечной машины; вообще ее женская сноровка и умение внушали доверие.

— А теперь — поехали отсюда,— сказала она, обтерев руки и закурив.— Сегодня тут будет неинтересно. И пусть подумает, что ты обиделась.

У замерзшего окна электрички продолжала поучать:

— Хочешь замуж — умей подстроиться под него, даже — играть им.

«Да не хочу я подстраиваться! И хочу ли замуж...»

— Пьет? Кто ж не пьет. Зато изменять тебе никогда не будет.

— Это почему? — не уловила связи Валя.

— А он женщинам не нравится,— объяснила Лариса.— Так что тебе будет спокойно.

Валю эта перспектива почему-то отнюдь не вдохновила.

— Как это он не нравится?..

— А он еще как-то в студотряде жаловался друзьям, что ни одна с ним по вечерам гулять не хочет. Тут... может, я зря тебе это бухнула, но всегда лучше знать все.

— А все-таки — почему ж не нравится? — всерьез заинтересовалась Валя.

— А ты сама не чувствуешь? Не видишь? — Лариса махнула рукой.— Ну... нет...

Валя промолчала, не возразила... Лариса открыла, вздохнув:

— Страсти в нем нет. Мужик не чуется. В мужчине должен быть какой-то железный стержень, понимаешь?

Размах — настоящий, от души, а не рассчитанная трата папочкиных денег. «Горе от ума» проходила в школе?

— Это к чему?..

— Мужчина должен быть Чацким. Романтик, бунтарь, одиночка, умница. А этот — Молчалин. Аккуратный в делах, послушный начальству... а на самом деле — никакой.

— Да нет! — отвергла Валя. — Он и шумный бывает, и веселый, и резкий, и вообще...

— С кем это — резкий? С тихой девочкой? С женой и хомяк резкий. Весе-елый... Это просто — конформизм, современный стиль поведения. Он — не способен умыкнуть девушку ночью на коне, или поплыть в одиночку вокруг света, или... короче, не романтический идеал, а вот для жизни — самый подходящий муж. С ним как захочешь устроиться, так и будет.

Просидевшие десять лет в одной тюремной камере две женщины после освобождения еще сорок минут разговаривали за воротами; здесь эпилог последовал уже на перроне метро:

— Ты только меня не выдавай, не проговорись: мы с ним все-таки работаем вместе, знаешь — сплетни в коллективе... Вы — двое хороших людей, будете счастливы... Я тебе все говорила, чтоб ты не повторяла моих ошибок, Валечка. Чтоб замуж шла не за мужественного подлеца по безумной любви, а за надежного парня, который и материально обеспечит, и к другим не пойдет. А окрутить его просто...

Дома Валя долго стояла под душем, меняла обжигающий на ледяной, пока не почувствовала себя чистой. В свежих простынях думала еще, засыпая, о прошедшей ночи, и морщила носик брезгливо и пренебрежительно.

20.

Игорь проснулся от холода и головной боли. Солнце ломилось сквозь морозные узоры. Снизу — музыка и смех.

«Как я умудрился так напиться?» (И очень просто. Добрая Лариса припасла склянку с медицинским спиртом, каковой и подливала ему во все пойло, сколько сумела.)

— Ура хозяину! — приветствовали внизу, весело опохмеляясь у огня. — А где же твоя Валя? А Лариса? Кто из них твоя?

Они были ближе к истине, чем он мог подумать. Кто помогает тебе строить хитроумные планы достижения твоей цели — тот, гораздо вероятнее, использует тебя как фигуру для целей собственных. Игорю нужна была Валя, Ларисе же, как можно догадаться, сам Игорь. На ее стороне было то неоценимое преимущество, что ее планы сохранялись в тайне, и что, давая советы, она приближала Игоря к своей цели, оставляя его в иллюзии, будто близится к своей. Узнать это ему было не суждено.

— Ты напоминаешь сейчас анекдот об англичанине, которому довелось пить с русскими. Назавтра он ответил о впечатлениях: «Вечером я боялся, что умру. А утром пожалел, что вчера не умер».

Хохот покрыл слова.

— А девочка милая, свеженькая такая.

— Смотрела на тебя, как кошечка на балык.

— А тебе не кажется, что она хищница?

— На крючочке Игоречку, может статься, и болтаться!

Похоже, незаметная подготовительная работа Ларисы не пропала даром. Общественное мнение было сформировано. А услышать такое, с похмелья, от старых знакомых, — это впечатляет. Тем более что мнение твое о человеке не устоялось. Сомнение — страшная в любви вещь: дух лишается устойчивости и готов склониться к любому услышанному выводу, жаждая поддержки извне.

Несчастный хозяин выпил налитое и закусил протянутым, соображая с трудом и без серьезности: «Уехала, бросила... захомутать решила... Посмотрим...» Почему-то он решил, что напился из-за нее, от расстройства, и скверное самочувствие переросло в неприязнь к ней,

словно она во всем виновата, а потом бросила его в тяжелую минуту.

И даже то, что перед уходом она вымыла посуду и навела порядок (вместе с Ларисой?), вменялось ей в вину: «Ишь, какие мы самостоятельные, как по-хозяйски держимся».

21. Умными мы считаем тех, кто с нами согласен.

— Ты с ума сошел, — сказала Лариса второго января на работе. — Разве можно так себя вести? Пригласил молоденькую девочку в незнакомую компанию, а сам? Каково ей было — подумал?

Игорь побурчал. Вечером накануне он уже звонил Вале: мать отвечала — нет дома (Валя следовала полученной инструкции — пусть помучится!).

В обеденный перерыв сели вместе.

— Тебе нужно выработать линию поведения, бестолочь! Скажи спасибо, что я ее проводила... Ты был омерзителен, и прочие не лучше. Будь я моложе — плюнула бы... а так — жалко стало девчонку: вспомнила собственные мытарства.

Она повернула лицо в выгоднейший ракурс, освещение в столовой было отнюдь не слепящее — хилое, и Игорь смотрел с оценивающим удовольствием, ничуть не стара, кокетничает, в чем-то, объективности ради, — даже красивей и женственней Вали.

— Плевать я на нее хотел, — неискренне сообщил он.

— Неврастеник как тип современного мужчины, — вздохнула Лариса. — Это вас и губит. Не видать тебе ее, как своих ушей.

— Почему?

— Эпоха коллективного невроза. А если женщина нервная, ей необходим мужчина — выдержанный: надежный, невозмутимый. Которому ее капризы и закидоны — что ветерок каменной скале. А ты — скала? Мельница ты на складной табуретке.

Игорь размышлял до конца дня — столь же старательно, сколь безуспешно. Перед уходом взялся за телефон.

— Не звони, — тихо предостерегла Лариса (начеку, как кошка).

— Почему?

— Будь выдержан. Ты ни в чем не раскаиваешься. У тебя свои дела. Твое поведение не зависит от ее капризов.

Он послушался. Напросился в гости: чего-й делать-то?.. Ах, как нуждаемся мы все в советчиках в подобной ситуации! И как нельзя никаким советчикам доверять!

У Ларисы было тепло даже в эту лютую стынь, когда в обычных домах стояло десять градусов: электрорадиаторы, плотно заклеенные окна; и это тепло придавало дополнительную достоверность ее словам, как и быстро накрытый стол, ловкость движений — она все умеет, удача ей сопутствует.

— У нее свои тайны, как у всякой женщины. Она недоверчива — пуганая ворона куста боится. Ее душа съежилась, понимаешь? Ей нужен покой, уверенность, надежность в мужчине. Поэтому старайся никогда не сердиться — но и никогда не приходить в восторг. Лучше флегматичность, чем дерганье. Девочка простая, не без комплекса приобретательства и потребления. Не забрасывай подарками — разбалуешь и горя не оберешься. Нас надо ставить на место сразу. — Лариса затянулась сигаретой, оттачивая формулы:

— Всегда будь выдержан.

Сразу ставь на место, давай чувствовать свою значимость.

Если делаешь подарок — дай понять его ценность.

Встречайся с ней каждый день. Быстро привыкнет, и возникнет необходимость в этом.

И — для своего и ее блага будь рассудочен в поступках и словах.

От формул естественно и незаметно перешли к реальной жизни, о своем заговорили: Лариса вздыхала

об ошибках, посмеивалась над собственной незадачливостью...

«Она, бесспорно, очень умная женщина», — думал Игорь.

Увы — умными мы считаем людей, которые говорят то, что мы хотим от них слышать. Умными — и хорошими...

22. Меценат в кругу семьи.

Звягин чувствовал себя коварным, как Макиавелли, и неотразимым, как Дон Жуан.

— Ура! — сказала дочка. — Папкин Дон Жуан!

Из-под мышки у нее торчала «Республика ШКИД».

— В такой холод стоять под дверьми — простудишься!

— Любовь согреет, — небрежно ответила дочь.

— Что?!

— Мы с мамой сегодня об этом разговаривали.

— О чем — «этом»? — осведомился Звягин, засыпая политые уксусом пельмени густым слоем перца.

— Ты лучше расскажи: она тебе нравится?

— Прелесть что за девочка, — признался Звягин.

— Ого, — отреагировала дочь, прицельно похищая из его тарелки самый наперченный пельмень.

Жена стала жевать медленнее.

— Мама ревнует, — нахально выдало дитя.

Мама схватила длинную деревянную ложку и с замечательной крестьянской сноровкой звучно щелкнула ее по лбу.

— Милые замашки советских учителей, — спокойно констатировала та, потирая лоб. — Теперь понятно, почему твои ученики не блещут способностями, хотя непонятно, почему именно ты на это жалуешься. Ты же из человека все мозги вышибешь.

— Уже, — сказал Звягин.

— Что — уже?

— Уже вышибла.

— Трудно вышибить то, чего нет, — возразила жена.

— Выставлю из-за стола, — предупредил дщерь Звягин.

— Долой дискриминацию, — был ответ. — Не буду тебе в старости корочки жевать. Личный состав может быть наказан, но обязан быть накормлен. Мое место здесь.

— Твое место у мусорного ведерка!

В разрядившейся атмосфере жена заметила:

— О себе я таких слов не слышала, милый.

— Есть маленькая разница, — утешила дочка.

— Какая?

— На тебе он все-таки женился.

Звягин подбросил в печь дощечки.

— Почему каждый раз, — пожаловался он, — когда я сталкиваюсь с интересным случаем, это превращается дома в обсуждение моей же личности?

— Уж такая у тебя личность, — посочувствовала дочь. На самом деле не существовало в доме большего удовольствия, чем обсуждать очередное папино завихрение; хотя для жены это удовольствие бывало болезненным, что, впрочем, сопровождает многие удовольствия.

— Теперь ты знаешь о ней достаточно? — спросила жена, нарезая кекс.

— Да. Нормальный человек из нормальной семьи. Не стерва, не карьеристка. Никаких пороков не выявлено, положительный член общества. Просто жизни в ней больше, чем в других. Значит — должна в молодости перебеситься.

— Короче, Наташа Ростова, — заключила жена.

Звягин подозрительно повспоминал насчет Наташи Ростовой.

— Да нет, — сказал он. — У них доход скромнее.

Жена фыркнула и почесала нос о плечо.

— Леня, — задала она традиционный вопрос, — неужели ты всерьез веришь, что тут можно что-то сделать?

Звягин посвистел.

— Постоянное недоверие меня обижает, — пожаловался он.

— Да ты же не Господь Бог!

— Станет он заниматься такими мелочами. Ты пойми, наконец, что все на свете очень просто; и вообще существуют люди, для которых соблазнение женщин — просто работа! и только.

— Это как? — удивилась жена.

— Профессия: сутенер, — объяснила дочка.

— Это где?

— У них, у них, у них, — сказал Звягин. — У нас сами бегут и проходят на спецработу по конкурсу. А там мужчины соблазняют девушек, причем выбирая самых красивых, и затем продают их в публичные дома.

— При ребенке!!

— Здоровая нравственность педагога оскорблена, — поддержал ребенок. — Ты это к чему, пап?

— Что существует набор профессиональных приемов, воздействующих на психику, душу, тело и прочее. Им платят с головы — они торопятся — у них конвейер! Так неужели нормальный парень, который жизнь готов положить ради своей любимой, не сможет влюбить ее в себя? Не верю.

— А разлюбить тоже можно заставить?

— И раз в сто проще, чем полюбить.

— А может, — здраво рассудило младшее поколение, — как раз надо помочь ей добиться удачи с тем, кто ей нравится? Почему ты берешь на себя ответственность решать?

— А кто ж ее на себя возьмет? Кто-то должен. С Богом вопрос туманный. Провидение слепо (если допустить, что оно есть). Ну, за неимением более высоких инстанций, вмешиваюсь я. Или ты полагаешь, что течение дел надо скорее предоставлять слепой фортуне, нежели твоему сравнительно зрячему отцу?

— Но твой мальчик — не сутенер, он любит ее, — вздохнула жена. — Он не сможет хладнокровно рассчитывать и действовать!

— Рассчитываю я,— бездушно сказал Звягин.— А действовать он сможет — й-я сказал! Никуда не денется, иначе шею сверну!

23. Последствия женских советов.

Ничто так не похоже на истину, как тщательно продуманная ложь, доступная по форме. Такая ложь более походит на истину, чем сама истина.

Игорь пошел в атаку на мираж, услужливо нарисованный ему и совершенно понятный; ах, да кто ж из влюбленных не атаковал миражи.

Малейшая ошибка и фальшь в начале любви особенно пагубны: искажение проекта и кривизна фундамента здания сводят на нет всю дальнейшую работу, даже добросовестную: чем больше надстраиваешь, тем вернее рухнет.

Звягин просчитал ситуацию с бесстрастностью арифмометра.

Игорь через неделю начал тяготиться взятым на себя обязательством видеть Валю ежедневно: любовь, как известно, не терпит обязательств — охота пуще неволи.

Лариса, новая закадычная подруга влюбленных — но каждого по отдельности! (о комедия, старая, как мир!) — вела свою партию, как опытный пулеметчик — свинцовую строку, отвоевывая свой кусок счастья. И спать она ложилась теперь в настроении ровном и прекрасном, засыпала без седуксена, и сны видела цветные и с музыкой.

Игорь же отходил ко сну строевым шагом, твердо спланировав следующий вечер: кафе, кино, гости, книга в подарок и разговор о литературе.

«Она хочет меня захомутать... глупая девочка, место надо завоевывать в сердце, а не в доме... господи, будь ты естественнее».

«Он организованный деляга... бюргер... жалко все-таки, что в нем есть это...»

За каждым поступком одного — другой видел подтекст, и подтекст не соответствовал действительности. А недоверие — это и есть та бледная тонкая травинка, которая неуклонно растет и взламывает асфальтовое шоссе.

— У тебя были девушки до меня? Много, наверное?

— В общем даже и вовсе не было...

Если ждал ее, единственную, — это одно; это прекрасно. Если же просто не привлек ничьего внимания — это совсем другое... Ценность особи во многом определяется тем, какому количеству особей противоположного пола она нужна. На славу соблазнителя летят, как мотыльки на свечу. Что Дон Жуан без своей репутации! Можно любить неприметного анахорета, найдя в нем изюминку и изливая женскую заботу и нежность. Но человек без изюминки, внешне привлекательный, который, однако, никого не привлек... странно, тут что-то не то. Да тот ли он, кем кажется? Ибо казаться поначалу привлекательным мужчиной и быть привлекательным мужчиной — две большие разницы.

Итак, в нем есть какой-то изъян, формировался итог Валиных размышлений. Размышления были постоянны, что свидетельствовало о серьезности ее увлечения.

Но поведение его было таково, и отношения складывались так, что увлечение это подтаивало с каждым днем, как мартовская льдина, еще сохраняющая размер и блеск, однако теряющая плотность и прочность.

Расписанность всех его планов вызывала в ней ощущение вещи, которую он стремится вписать в свое благополучие. Разговоры о добропорядочном устройстве семейной жизни высасывали из атмосферы кислород: рядом с ним словно делалось труднее дышать. Возможно, все это были просто плоды ее воображения: воображение двадцатилетней девушки — вещь хрупкая и опасная, требует понимания и бережности в обращении.

Вечером по средам он был занят на заседаниях кафедры, после окончания звонил ей.

Телефон не отвечал — он набирал до середины ночи. Родители ее были в отъезде, она обещала ждать. Странно! Странно!

(О мелочи, мелочи, — Ларик разобрался в проводах на лестничной площадке и разъединил.)

— Где ты была вечером? — стараясь хранить легкость и доброжелательность, спросил Игорь назавтра.

— Дома.

— А почему никто не отвечал?

— Я уже сама переживала, у нас телефон испортился.

Испортился; именно в тот вечер, когда он не мог с ней встретиться; испортился, что ж такого, бывает. Она понимала, что он ей не совсем верит, от этого надулась, потом постаралась убедить в своей правдивости, потом разозлилась на себя за это, и в результате Игорь утвердился в обратном.

Душа его замкнулась. Ей нельзя верить, нельзя распахнуть душу — можно только спокойно добиваться. Прошелестел ветерок грусти и докуки.

А Валя записывала в дневнике — красивом кожаном блокноте: «Еще месяц назад он казался мне таким интересным. Я совсем не знала его — расчетливого, недоверчивого. Еще не получив никаких прав на меня, он устраивает сцены, допрашивает, стремится ограничить мою жизнь, навязать свою волю.

Я могу заранее предсказать все его поступки. Даже целуется он с деловитостью, словно по расписанию. Он все время заставляет себя играть какую-то роль. И меня хочет заставить.

А самое разочаровывающее — мне все чаще делается скучно с ним, иногда скучно даже заранее, при одной мысли о встрече...»

— Мужчина должен совершать мужские поступки! — заявила она.

— Это какие?

— Он еще спрашивает. Безумные!

— В таком случае все мужчины сидели бы в психушках, — рассудительно отвечал Игорь.

— Для некоторых это было бы спокойнее, — буркнула Валя.

— Что?

— Ты можешь прыгнуть с моста?

— Прыгнуть могу. Удачно приземлиться на лед — не уверен.

— Ты не понимаешь, как действует на женщину, когда мужчина ради нее готов на любые безумства!

— Понимаю. А потом она выбирает того мужчину, ради которого сама готова на любые безумства.

24. Уехать в Эстонию не так просто.

В середине января морозы спали. Игорь приступил к проведению мероприятия, сулящего решительный успех. Поездка на машине в Таллинн обещала стать праздником души.

Для Вали Таллинн был — почти заграница. Там все другое. Там европейская культура. Там столько хороших вещей, необходимых женщине. (Родителям было объяснено, что они едут вдвоем с подругой.)

В юности любое путешествие — радость и открытие. Обиды и подозрения померкли, остались благодарность и предвосхищение.

— А где мы будем ночевать?

— В гостинице.

— В одном номере?

— Снимем два. Или пять.

Она долго собирала сумку: а если вечером в ресторан?.. а если в музей?.. А если вечером он придет к ней в номер, как быть?..

Проснулась утром в темноте: будильник еще не прозвонил. Сидела над телефоном, готовая:

— Доброе утро!

— Доброе утро, — ответила в полусонной нежности.

— Так через час я тебя жду в машине. На углу, как договорились. Ты как?

— Замечательно!

— Я тебя целую, милая.

— Я тебя тоже... милый...— прошептала она. Сейчас она почти любила его. Он был сильный, он все мог, мир принадлежал ему, и этот мир он дарил ей в залог своей любви.

Душ, завтрак, — она удивилась: все уже сделано, а еще полчаса осталось. Родители проснулись, поворчали ласково:

— Как только приедешь, сразу позвони.

— И не ходите нигде поздно, будьте осторожнее.

— Надеюсь, твоя Света — рассудительный человек.

— Крайне рассудительный человек моя Света, — уверила их дочь, веселясь.

Колкие кристаллы звезд дрожали, соответственно, сверху. Безобразные пространства новостроек хранили благолепную тишину и пустынность: суббота. Проковылял в колдобинах заиндевевший автобус, протрусил рехнутый приверженец бега трусцой, тряся задом.

Игорь подъехал в восемь без одной минуты: синие «Жигули» издали мигнули фарами. Открыл ей дверцу, кинул сумку на заднее сидение. Обнял, севшую рядом:

— Привет путешественникам! Вперед?

— Вперед!

В теплом салоне приятно пахло обивкой, нагретой резиной, смазкой — запах комфортной техники. Кассету в магнитофон, Раффаэлла Карра из динамиков сзади, сцепление отпускается, и мягко трогается машина навстречу будущему. Валя прижмурилась и улыбнулась.

Долго крутили по улицам, пробивая выход из города, мягко клонило в сторону на поворотах.

— А скоро мы доедем?

— Часа за четыре, если все в порядке. Ты завтракала? Есть хочешь?

— Завтракала. А ты? Я взяла с собой. Кофе есть в термосе, выпьешь?

— Кофе — выпью. А завтракать как следует будем в Нарве, прекрасное кафе сразу за въездом, и открывается рано; прилично готовят.

Мотор зачихал.

— Что еще такое, — произнес Игорь и убавил газ. Мелочь.

Перебои продолжались. Он прибавил оборотов, потянул подсос.

Двигатель закашлял, поперхнулся и заткнулся, заглох.

У Вали резко упало настроение. Не хотелось верить ни во что худшее, но мрачный внутренний голос предрек, что никогда не попадут они ни в какой Таллинн.

— Сейчас, — беззаботно пообещал Игорь, проворачивая стартер с нудным скрежетом...

— Зажигание,— знающе определил он.— Ерунда. Первая поломка на трассе! — хлопнул Валю по плечу.

Полутемный Московский проспект был безлюден, вставший «жигуль» никого не интересовал. Игорь тупо воззрился под капот. Раз в пару месяцев машина отгонялась на профилактику знакомому автослесарю, чем и ограничивалось знание матчасти.

Если судить по внешнему виду, двигатель был в большом порядке. Но не работал.

— Бывает, — бодро сказал Игорь, садясь за руль и дуя на покрасневшие руки.— Сейчас разберемся...

Бодрость была фальшивой. У Вали упало сердце. Он снова пытался изображать не то, что чувствовал на самом деле.

В последующие четверть часа его безуспешных попыток подчинить своей воле это поганое чудо техники, двигатель внутреннего сгорания, пассажирка в выстывающем салоне передумала о многом. О поведении водителя. О степени готовности техники. О ценах на бензин и гостиницу. Об опасностях на дорогах.

— А ты с собой много вещей взял? — вдруг спросила она.

Он взглянул с непониманием, переходящим в понятное раздражение:

— Ничего не взял. А что ты спрашиваешь?

— А переодеться вечером?

— Переодеться? Вечером? А зачем? И так нормально.

— И еды не взял?

— Да куда? Тут дороги-то...

— А зубную щетку взял?

Игорь удивился:

— Чего тебе щетка?

— Покажи, — велела она странным голосом.

Он улыбнулся:

— Знаешь, и щетку не взял. Она дешевле бутерброда; люблю ездить налегке.

— Как же ты, такой обстоятельный, такой рациональный, не взял с собой щетку?

Раздражение в такой ситуации как нельзя более естественно, и так же естественно срывается оно на том, кто под рукой.

— При чем тут щетка! — заорал он. — Тут машина заглохла!

— И с чего же она заглохла?

— Вот и разбираюсь!

— И я разбираюсь.

— В чем ты-то разбираешься?

— В машине.

— Ты разбираешься в машине?

— Ага. Разбираюсь: заглохла или должна была заглохнуть?

До него, наконец, дошел ее тон.

— Ты что, мне не веришь?!

— А почему я должна тебе верить? Ты же мне не веришь!

«Дура, разлетелась в путешествие. Всем уже нахвасталась... И могла поверить, будто что-то для него значу. Так ему папочка и даст гонять машину за тысячу километров. Спектакль. Конечно: и впечатление произвести, и трат никаких...»

— Сейчас попробуем еще, — через силу сохранял выдержку Игорь.

Уже светлело, белесо и хмуро; с мокрой спиной и окоченевшими руками он ввалился на сидение.

— Можешь не стараться, — злым и несчастным голосом сказала Валя. — Никуда мы не поедем.

— Почему это не поедем... — деморализованный, он еще упрямился.

Когда розовые девичьи грезы рушатся в скверную реальность, от них остается чернильная лужа вроде той, что окутывает удирающую каракатицу. Валя ненавидела себя, машину, Таллинн, номер в гостинице, ресторан, а пуще всего ненавидела виновника всего этого крушения.

— Ладно, — холодно произнесла она. — Долго еще присутствовать на представлении, или зрители на сегодня свободны?

Игорь побледнел от оскорбления:

— И ты можешь... Кататься — так милый, а саночки возить — так долго ли присутствовать! А если б у меня не было машины?

В волнении, как известно, слова вываливаются сами, и не самые удачные, усугубляя несимпатичность ситуации.

— А машина и так не твоя, — расчетливо уязвила Валя. Она обрела спокойствие, словно у них была одна доза раздражения на двоих, и по мере того, как один заводился, другой успокаивался. — Она папочкина. И можешь трястись над ней, сколько угодно.

Вытянула сумку и выскочила, хлопнув дверцей.

— А катись ты к... — выкрикнул Игорь, бешеный от обиды.

Ни фига себе сходили за хлебцем, с черным юмором поздравила себя Валя, трясясь в холодном троллейбусе.

В десять она была уже дома: с каким-то даже весельем объявила, что Светка заболела и поездка откладывается, и села перед теликом смотреть «Утреннюю почту».

На автостанции был выходной. Пришлось звонить о поломке отцу, что также не способствовало улучшению настроения. В полдень приехал отцов приятель, машину отбуксировали к дому.

— Холодно, черт...

— Да не тянет! Ты жиклер проверял?

— Так здесь са-ахар в бензобаке!

Долго ругались, откуда взялся сахар. Машина ночевала под домом. Старая шутка, пацаны баловались.

На звонки отвечали, что Вали нет дома. Она и действительно была у подруг в общежитии: не столько читали к экзамену, сколько обсуждали несостоявшуюся поездку. «Морочит он тебе голову... Но будь осторожней, не упусти. — Да нужен он мне!»

А тот, кто совершил эту нехитрую диверсию, вечером поехал убедиться, что синие «Жигули» мирно ночуют на платной стоянке. Узнать о готовящейся поездке было нетрудно: Ларик с Ларисой (созвучие, да?) находились в телефонной связи (тоже неплохой оборот, вы не находите?). На звонок она сообщила:

— В субботу утром собираются на его машине в Таллинн. Желаю удачи. — И улыбнулась улыбкой врача, тактическим ходом вынудившего больного принимать требуемое лечение.

25. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

Неделю Игорь заглаживал впечатление, как занозу утюгом. Причина выглядела малоправдоподобной; поездку решили перенести, но снова ударило под тридцать, и тема отплыла в теплое будущее; иногда Валя упрекала себя в подозрительности и невыдержанности (о, как опасно упрекать себя: подсознание отпружинивает упреки, как тетива — стрелу, и уязвлен неизменно оказывается тот, из-за кого и упрекают себя).

Они возвращались вечером с концерта «Аквариума»:

— Гребенщиков — это гений, разумеется!.. — когда в темном проходе между домами качнулись навстречу три характерные фигуры:

— Закурить будет?

Неожиданность сквозила угрозой; хотелось верить, что все обойдется, ерунда.

— Извините, я не курю, — голос Игоря прозвучал вежливее и сокрушеннее, чем хотелось бы.

— А десять рублей?

— Жалеешь?..

Центр композиции, крепыш-коротыш в кожанке и шляпе («Холодно же. Денег на шапку нет, бедный. Форсит, чем может», — успело машинально промелькнуть в голове) сунул руку в карман, там металлически щелкнуло; крайние двинулись на полшага вперед.

Валя заслонила Игоря:

— Не троньте его!

— Трогать будем тебя, — открыл коротыш.

— Чо ж — она тебя любит, а ты за нее не тянешь, — укорил Игоря крайний, явственно отводя руку для простецкого маха в ухо.

Для интеллигента всегда болезненна мысль о физической расправе. Настолько болезненна, что вытесняет прочие мысли и рефлексы и парализует. Чтоб оказать сопротивление неожиданному, опасному и превосходящему противнику — надо иметь крепкие нервы или постоянный бойцовский навык: интеллигент не имеет ни того ни другого.

Глумливые смешки и опасные жесты достигли грани кошмара: нас, сейчас, здесь, за что, не может быть, неправда! Бежать? Но вдвоем не убежишь. Беззащитность ужасала.

Валина внешность была удостоена высокой оценки в крайне унизительной форме. Игорь молчал.

— А я бы на твоем месте его не защищал, — сказал ей коротыш. — Он ведь тебя не защищает, а? Что, обосрался, кавалер?

Вслед за чем крайний навесил кавалеру в выцеленное ухо, и темнота для последнего расцветилась искристым фейерверком. В секунды, пока он был оглушен, Валя ощутила безмерно оскорбительные похлопывания по местам, в лицо ей выдулась струя дешевого табачного дыма, насмешливое:

— Нич-чо, трахать можно... мотайте, чего перебздели!

И скрип снега за спиной: сцена окончилась.

Подобное унижение способно испортить мужчине всю жизнь. И пусть Валя уверяла, что Игорь молодец, не стал связываться с бандитами, показывала сочувствие, жалость, облегчение, мол, все нормально, он подыгрывал; чудовищная неловкость осознавалась непоправимой, неизбывной.

Чего испугался, терзал он себя, возвращаясь. Ну набили бы морду. А если б пырнули? Вряд ли до смерти... героем бы выглядел. Обгаженность...

— Леня, — спросила жена, — как же так выходит? Человеку говорят: ты подлец, а он отвечает действием: зато я сильнее тебя; и еще остается прав перед людьми. Бред! Слабый не виноват в своей слабости! А если он —

хороший, умный, тонкий, добрый, любящий? Несправедливо: почему столько выгод победителю?

— Господь Бог создал людей слабыми и сильными, а полковник Сэмюэл Кольт создал свой револьвер, чтобы уравнять их шансы, — с удовольствием процитировал Звягин.

— Горе побежденным! — воздела руки жена. — И милость к падшим призывал! А как же Христос: прощать обидчику и подставлять вторую щеку?

— Святые не имеют детей, — пожал плечами Звягин, — а человечество хочет жить. Заметь — грех тоже привлекает женщину.

— Порочная привлекательность. И чем же привлекает?

— А тем, что грешащий имеет силу, храбрость, страсть достаточную хотя бы для того, чтобы нарушать общепринятую мораль.

Величина, смысл, ценность человека определяются тем, насколько он способен переделать мир, — Звягин оседлал любимого конька — или сел на диван, смотря в какой плоскости рассматривать действие. — Вначале все было просто: побеждал сильнейший, он мог прокормить семью, продолжить род, охранить его от врагов и опасностей. Затем в преобразующую силу все больше превращался ум; недаром женщины испытывают интерес к умным мужчинам...

— Господи, как политинформацию читает, — поморщилась жена, подруга боевая дней суровых, дух един и плоть едина.

— Молчать и слушать старших по званию, — приказал Звягин. — Тот, кто доказывает свою правоту физической силой — по-природному исконно прав: он доказывает, что значительнее своего обидчика и врага на Земле...

Победа привлекает женщину — да! Потому что доля мужчины на Земле — побеждать! Силой, умом, страстью! Выдержкой, волей! Побеждать — значит переделывать мир, оставить свой след, реализовать свои возможности. Это и есть удел и назначение человека.

Вклад женщины — принадлежать к роду победителей, продолжить его, тем самым — продолжить передел

мира, обеспечить саму возможность этого передела, рожая победителей.

И женщина инстинктивно стремится к мужчине, в котором победительное начало выражено сильнее. Ведь любовь — проявление инстинкта жизни, а жизнь — это самореализация и передел мира.

— А почему любят богатых?

— Богатство — свидетельство силы человека в этом мире.

— А знаменитых?

— Слава — свидетельство значительности человека.

— А красивых? — Жена торжествующе посмотрела на замолкшего в затруднении Звягина.

— Красота — это тоже значительность, — нашелся он. — Красивый многим нравится, он заметен, ему легче идут навстречу, он ценен уже сам по себе.

Да... Так, если мужчина избит тремя хулиганами — это не поражение в глазах женщины: ну, втроем они сильнее физически, вот один на один — еще посмотрим. И побитый одним, но не сломленный, неукротимый, — он тоже победитель: в конце концов не он, так дети его своей неукротимостью и устремленностью добьются любой цели. А вот струсивший, отступивший — он проиграл, он слаб духом, и в глазах женщины падает. Ум и благородство на словах — дешевы. Ибо трусость — означает непригодность мужчины в борьбе, которая есть жизнь, добиваться своего, оставлять след в жизни. Трус слаб всегда, потому что трусость не дает ему возможность реализовать силу. Наверное, ничто так не отвращает женщину от мужчины, как трусость.

— Ты у нас известный храбрец, — засмеялась жена.

— Чашку кофе храбрецу! — велел Звягин.

26. Не имей сто рублей.

— Одолжи у него стольник, — посоветовала Лариса. — А лучше двести-триста.

— Зачем? — изумилась Валя.

— Посмотреть — даст или нет.

— Зачем? Мне не нужно. Если будет — конечно даст. Но если б и понадобилось — я не хочу брать у него, это... нехорошо...

Лариса сощурила длинные глаза:

— Если женщина для мужчины что-то значит — он рад для нее на все и с деньгами не считается. Надо знать, с кем имеешь дело. Просьба о деньгах — прекрасная проверка чувств.

Совет был неприятен: презренные уловки!.. Но — верен... Валя разыгрывала в воображении сцену: срочно продается, скажем, фирмовая куртка. А отдаст — постепенно, со стипендии, отдаст.

В Дом журналистов, место престижное, для посвященных, Игоря пускали без пропуска, здороваясь: знали. Потягивая внизу в баре кофе, Валя, невольно кося по сторонам, где обычные на вид люди запросто разговаривали о публикациях и командировках, спросила как можно небрежнее, ввернув в удобную паузу:

— Кстати, ты не мог бы немного одолжить мне?

— Сколько? — улыбнулся он готовно.

— Ерунда. Сотни две. (Улыбка его стала резиновой.) Даже полторы.

Игорю казалось, что он ничем не выдает себя.

— Прямо сейчас?

— Если можно — завтра.

Вот оно. Лариса права. Девочка рассматривает его как дойную корову. Не удержалась. Раз у него машина, раз она ему нравится — деньги и подарки разумеются сами собой.

С оттенком внутреннего презрения (ожидал, ожидал подобной просьбы) шутливо вздохнул:

— У меня нет столько в наличности.

Она как бы не придала значения ответу:

— Ну, может быть, снимешь со сберкнижки.

Откуда она знает про его сберкнижку? Да и много ли там...

— Какие сбережения у нищего аспиранта, — вздохнул он.

— Мне казалось, ты такой бережливый, организованный, — протянула Валя, подпуская нотку разочарования. — Я бы могла взять у родителей, но они и так на меня тратятся.

«Но незачем посвящать их в мои траты», — перевел он ее слова.

Ему хотелось смягчить ситуацию, спустить на тормозах, но Валя вперилась испытующе — внутренняя неловкость нарастала.

— Ты не бойся — я отдам, — произнесла она сакраментальную фразу, пахнущую ледяным насмешливым леденцом.

«Значит, если б мне понадобились деньги, пришлось бы вот так унижаться, и после длительных раздумий и взвешиваний он бы осчастливил золотым дождем на сумму в двести деревянных. И не чувствует, что сейчас получит в рожу свой поганый журналистский кофе!»

Когда двое не понимают друг друга — непонимание взаимно.

«Значит, она уже считает естественным располагать моими деньгами? Дает понять, что не тратить больше, чем было, на такую заметную девочку — фи? Или — намек, что такая сумма сделает ее покладистей? материальный эквивалент ее благосклонности? Да, раз богат, родители не нищие, — что ж будущей родственнице не пользоваться деньгами?»

Он опасался и вызвать презрение, и поступить неверно, и поссориться; сыграл, как всякий нерешительный человек:

— Завтра принесу, — и легко расслабил улыбку.

— А... триста сможешь? — наиграла она.

— Конечно, — проглотил он.

Сомнения ее рассеялись: конечно, откуда у него столько при себе! На миг вновь почувствовала себя влюбленной, глаза ее сказали об этом. Он щедр, добр, бескорыстен, даже не спросил ее ни о чем.

Выражение ее глаз как раз укрепило Игоря в подозрениях. Она даже не считает нужным скрывать, что

рада деньгам и за деньги согласна любить его. Презренье, государь, презренье! Мелкая шантажистка, динамщица, хищная плотвичка.

Результатом мучительных размышлений явился назавтра компромисс в сто рублей.

— Извини... это все, что было у меня на книжке (вранье). И стипендия еще нескоро.

— Спасибо! Но... — Валя спрятала деньги. — Мне срочно. Мне нужно! — с чувством и значением сказала она.

Он смутился, похолодел. Нужно. На что? Лечение? Она кому-то должна? Комплекс содержанки?

— На что? — вслух произнес он.

«Вот и спросил. Вот и все благородство. Жаден, подозрителен, лжив... противен!»

Объяснение про куртку прозвучало очень детально и неубедительно. Эта неубедительность окончательно доказала несчастному, что его водят за нос, причем в неизвестную сторону водят!

— Я боюсь, что в ближайшие дни у меня не будет такой суммы, — размеренным голосом подал он отрепетированный текст.

«Вот и отказал. И дал понять, сколько именно я для него стою. Господи, да он же мелок!..»

Через несколько дней она вернула деньги с милой благодарностью, сделав вид, что все в порядке.

27. Женские преимущества.

За цепью случайностей всегда кроется чья-то воля — будь то воля провидения или конкретных лиц. Ларику нужна была Валя, Ларисе — Игорь, и две эти вполне разумные силы исподволь и непреодолимо растаскивали нашу пару в разные стороны.

Очередное конкретное лицо появилось при дружеском застолье Игоревой компании. Лицо было длинноносое, худое и слегка асимметричное. Обладательница подкачавшего лика искупала некоторый недостаток

природных данных избытком французской косметики и сдержанной ослепительностью туалета — по последней парижской моде!

— Знакомьтесь — Лена, — представила ее Лариса. — Моя подруга. (Лицо подруги чуть поморщилось, что не приблизило его к симметрии.) Мы вместе отдыхали в Пицунде.

Лена подала руку высоко — при желании можно было счесть ее поданной для поцелуя. Игорь, помедлив, ограничился пожатием, и колебание его от Вали не укрылось.

Расселись, и Лена оказалась напротив Игоря, имея полную возможность одаривать его взглядами столь же долгими, сколь претенциозными обдавались остальные.

С дефицитов и политики речь естественно перетекла на заграницу.

— Когда я в последний раз была в Лондоне, англичанка, в доме которой я жила, удивлялась: «Как, вы не знаете, сколько фунтов сегодня потратили?» Я спрашиваю: «А вы знаете?» И она называет с точностью до пенса!

Лена настолько не сомневалась, что является центром компании, что ее и стали воспринимать как таковую: неоспоримые преимущества наличествовали. Красочные картины забугорья разворачивались небрежно, как надоевшие карты соседнего района:

— Но даже немецкую аккуратность нельзя сравнить с французским скупердяйством. Считают каждый сантим, выгадывая на всем: позвонить по телефону из гостей — вот и полтора франка экономии.

— А хороши ли француженки? — сунули неотвратимый вопрос.

— Франция и Париж — разные вещи, говорят французы. Самые дорогие парижские манекенщицы — шведки и американки. Парижанки похожи на серых мышек... но — обаяние! но — шарм! но — макияж!..

Игорь плавал в беседе. Валя сидела на втором плане.

Зашевелились, разбрелись, начали танцевать. Игорь осведомился у Ларисы:

— Кто эта болтунья длинноносая?

— А что?

— Так. Она что, такая выездная?

— Она дочка академика Петрищева. Единственная и незамужняя, если это тебя интересует.

Слоистый дымок, розовый от торшера, уплывал в дышащую морозом форточку. Улучив минуту, Лариса шепнула Вале:

— Не ревнуй: это чисто деловой интерес.

— Да?

— Он строит карьеру, а Леночкин папа при желании может все устроить в два счета.

— Что — все?

— Хорошее место, докторскую в тридцать лет, кафедру...

— Но, видимо, он стал бы стараться лишь для собственного зятя?

Лариса замялась; пропустила смешок:

— Ты ведь не допускаешь, что он променяет тебя на такую..?

— Боюсь, мне нечего противопоставить ее преимуществам.

Вечер был разбит. Осколки составили новую картину, как стекляшки калейдоскопа.

Вообще для того, чтобы соперник потерпел фиаско в любви, не надо прикладывать никаких дополнительных усилий. Достаточно лишь обратить внимание на ошибки, которые он обязательно наделает (как делает их каждый). Подожди, пока он сам выроет себе яму.

Игорь продолжал рыть себе яму с усердием китайского землекопа.

— Вы меня проводите? — спросила (позволила! предложила?) Лена. Он слегка засуетился на месте.

В голове всегда есть место расчету — в первом ли ряду, в пятом ли... Карьера для аспиранта! Цепь поступков уже рисовалась ему. Другое дело — он отнюдь не был готов совершить их все. «Если бы...» — мечтания обычные: если б женился на дочке министра, если б вылизал тому-то... Большинство «если» сразу и навсегда переходят в область нереализованных возможностей: нельзя винить человека в том, что разум его отмечает реальные

средства для достижения цели; так мысль о подлости не равна ее совершению.

Но для Вали подлость его высветилась, как прожектором. Заискивать перед уродиной!.. А что — удачный брак, родители в восторге, и чтоб подняться на ступеньку вверх, изволь спуститься на голову вниз. Как видим, мысль ее изрядно опережала события — что и свойственно горячей юности.

Игорь пошел провожать Лену до такси, чувствуя себя обольстителем с той стороны, что была обращена к ней, и предателем — с той (задней!), что была обращена к Вале. «Ничего страшного, подумаешь. Перетопчешься!»

Можно любить бандита, подлеца, но не лакея!

Когда он поднялся обратно, ее уже не было.

28. Как теряют батальон.

— Девочка хорошая, но надоела.

— На вид она недотрога.

— Черти в тихом омуте.

— Это пикантно. И долго ты ее приручал?

— Три вечера.

— Совсем ручная?

— Абсолютно. Исполнение всех фантазий.

— Ты пресыщен, если собираешься ее бросить.

— Пока не хочется расставаться с ней вообще. Так, иногда...

— Уступи мне!

— Прошу. Сколько дашь? (Смешок.)

Первый голос из-за тонкой двери ванной принадлежал Игорю, другой — его приятелю Алексею. В руках Вали покосился поднос с грязной посудой, который она несла на кухню: звякнули вилки и ножи. Этот вечер, проведенный вместе по инерции, был явно лишним. Инерция уже разносила их.

Фанфаронство — признак бессилия, но оскорбленная девушка мало способна к логическому анализу. Не было желания вышибить тонкую дверь, увидеть лицо и плю-

нуть в него; не было даже омерзения. Лишь легкая спокойная пустота там, в груди, где раньше что-то было.

— То-то он, поди, удивляется, куда пропала несуществующая дочь академика Петрищева, — засмеялся Джахадзе.

— Каждому свое, — безжалостно сказал Звягин, разворачивая газету.

— Слушайте! — возвестил Гриша, не отрываясь от зачитанной книжки. — Прямо к месту: «Женщину теряешь так же, как теряешь свой батальон: из-за ошибки в расчетах, приказа, который невыполним, и немыслимо тяжелых условий. И еще — из-за своего скотства». А?

— Это еще что за любовник-милитарист? — удивился Звягин.

— Эрнест Хемингуэй. «За рекой, в тени деревьев».

— Настоящий мужчина не допустит скотства, — поднял палец Джахадзе.

29. Напоминать о себе надо своевременно.

Железный лес
в стране чудес
И иней на ресницах
Обманный сон
венчальный звон
Пусть счастье ей приснится
Ей дни легки
и сны крепки
и счастье спит, доколе
мы план клянем,
ей строя дом.
Нет доли в чистом поле.

Стихотворение называлось «Стройплощадка». Фамилия с несомненностью свидетельствовала, что написал его Ларик.

— Валька, так это он? — подруга ткнула в газету.

Легкий укол ощутила Валя. «Смену» читал весь Ленинград.

Значит, он не пропал без нее, не уехал, — он печатает стихи, его теперь знают... Тень обмана, шорох кражи язвили ее: из-за нее он пишет стихи, она вдохновила его, — а сама вот, здесь, одна. Стихи по праву принадлежат ей, одной из всех, а она должна делать вид, что не имеет к этому отношения!.. Если б он продолжал бегать за ней — можно повести носом, отвернуться презрительно; или наоборот — показать признательность, здесь ей было бы приятно... и вот — набрался чувств, и теперь выставляет их напоказ.

Пренебрежительно повела плечиком, вернула газету:

— Так себе стишки... ничего.

— А ты знала, что он пишет? — Полгруппы уже запрудили коридор, заглядывая друг другу через плечи.

И — гордость: все знают, как он по мне сох.

— Понятия не имела. — Спохватилась, что, значит, чего-то самого ценного, важного в нем не знала: — Я никогда этому не придавала значения. — И опять прозвучало плохо: не придавала — значит, не разглядела, не поняла, а теперь поздно...

Она была слишком женщиной, чтобы не сомневаться в реакции подруг: он талантливый, пробросалась, и с Игорем не вышло у тебя, больно много о себе мнишь, так тебе и надо...

Вечером она взяла газеты с отцовского стола, вырезала стихи и спрятала в старую тетрадку. Думала: вспоминала... Хотелось, чтоб он позвонил, просил о встрече, приполз на брюхе, виляя хвостом... и тогда можно было бы посмотреть, что с ним делать. И чего он исчез... дурачок. Нет — она же сама его оттолкнула, заставила уйти. Да не нужен он ей, надоеда! Но чего стоят все его клятвы, чувства... Ей и сейчас достаточно пальцем шевельнуть! Ой ли — достаточно?.. Возмутительно, что он смеет хорошо жить без меня, когда мне не очень хорошо, — так можно было бы сформулировать итог ее размышлений — вечерних, предсонных...

Если Ларик надеялся на подобный успех своего литературного демарша, то он мог поздравить себя с полным успехом.

Хотя поздравлять, по совести, следовало Звягина. Ибо отношение Ларика к стихам ограничивалось подписью фамилии.

Стансы сии явились плодом труда всего семейства, апофеозом коллективного начала в литературном творчестве: Звягин задавал тему, дочь перерывала библиотеку в поисках подходящих строк как источника вдохновения и подражания, а жена мечтательно выводила слова. На лучшие рифмы объявляли конкурс. Результат превзошел скромные ожидания инициаторов.

— Ты смотри! — поразился Звягин. — Вполне приличные стихи накатали — за один вечер. — Он задумался. — Эдак через пару месяцев можем сборник отнести в издательство! А что? — развеселился, — пристроим. Не хуже других.

— О, какая ужасная графомания, — сказала жена, берясь за виски.

Дочь же переписала их с намерением обнародовать завтра в классе, каковая попытка и была Звягиным пресечена в корне:

— Поэзия есть таинство, и таинством останется. Предназначено исключительно для печати.

Механизм опубликования, столь мучительно-загадочный для начинающих поэтов, был продернут с четкостью автоматного затвора: звонок знакомому журналисту. Какой журналист не захочет отслужить хорошему врачу — хоть тем малым, чем может? Социальная значимость человека определяется тем, что он может для тебя сделать — а врач может много. Вирши молодого рабочего в газете — услуга нетрудная, безобидная, ответсекр «Смены» — приятель однокашника, тесен литературный Питер, все свои; через три недели напечатали.

Ларик получил двадцать два рубля г о н о р а р а. Гонорар Звягин отобрал, заметив, что деньги принадлежат тому, кто их заработал, с Ларика еще причитается за рекламу, а пойдет все на покрытие накладных расходов. К расходам относился кофе, ненавязчиво перешедший в ужин, со знакомой редакторшей телевидения.

— Познакомь с ведущей «Музыкального ринга», — попросил он, щелкая зажигалкой у ее сигареты и гипнотизируя официанта.

— С Тамарой Максимовой? Зачем?

— Хочу задать вопрос во время передачи.

— Ты? Какой? Спроси так!

— Повторяю для особо одаренных: ...

— Ты хочешь попасть на экран? А тебе на что?

— Хочу устроить одного знакомого.

— Кто такой? А сколько ему лет?

— Двадцать. Молодой рабочий.

— Это не так сложно. Интригуешь, как всегда? Боже, из каких сапог они вырезали этот бифштекс?..

И через неделю после публикации стихов (время расчислили грамотно), когда Валя сидела перед телевизором, внимая «Бригаде С» на ринге, прозвучало:

— А теперь вопрос от сектора «Б»! Сектор «Б»!

На экране встал Ларик — уверенный, улыбающийся, в тонком сером свитере под замшевой курткой, и спросил (она на миг поплыла):

— Вам не кажется, что ваш лобовой напор на нехитрый, иногда и примитивный смысл песен снижает их уровень как искусства?

Все дальнейшее она воспринимала под легкой шандарахнутостью. Когда камера шла по лицам в зале, еще два раза видела Ларика.

Он выглядел прекрасно. Он был почти знаменит. Это задевало. Ей было бы приятнее, если б у него все было плохо. И одновременно — совесть тенькала о зле, причиненном ему. Захотелось позвонить и сказать, что рада за него и просит прощения — но так сказать, чтоб понял, что она живет лучше него и он ей не нужен.

30. Обходите цель с фланга.

Пара из Валиной группы шествовала после занятий по заснеженной набережной: навстречу — о, случайно! — Ларик с двумя друзьями.

— О, Ларик! Ты стал знаменитостью у нас!..

— Привет, Нин! Как дела? — Отмахнулся от поздравлений: — Знакомьтесь: Володя... Коля...

Представленные Володя и Коля изобразили на лицах максимум мужского обаяния.

Нашлось время, поскольку нашлось желание, а почему нет, — отправились в «Гном» пить кофе. Очередь сближает людей: пока достоялись и сели с чашками — и разговор наладился. Направленность разговора была отчаянно интеллектуальной — со студентками Института культуры о чем же и говорить, как не о культуре. Снятые пенки образования взбились в причудливый коктейль: двенадцатитоновая музыка (что за монстр!?), ранняя смерть Пресли, проблемы градостроения, перспективы архитекторов у нас и у них, зарплаты руководителей самодеятельных коллективов, — обсуждение было в высшей степени компетентным.

Умный Володя был сервирован как студент строительного института, правда, перешедший на заочное и сейчас работающий вместе с Лариком.

Девочки торопились читать учебники не настолько, чтоб не пойти в кино. Следующая встреча была установлена естественным порядком.

(— Валька, а знаешь, на кого мы наткнулись вчера на улице? На твоего Ларика! Ну, не твоего, бывшего. Отлично выглядит. Прикинут. Кстати, интересные ребята, есть о чем поговорить.

То-толк под сердце. Не изменяй небрежного выражения, шути!)

...Гостей принимали в чинно-уютной не по-общежитски комнате. Этикетка на бутылке была благопристойной. Еда — вкусной.

— Архитекторы сродни политикам, — беззастенчиво пересказывал Ларик даденую Звягиным книгу. — И те и другие заставляют людей жить в среде, которую организовали по своему разумению.

Он твердо помнил три фамилии: Ле Корбюзье, Оскар Нимейер и Вальтер Гроппиус. Вальтер, как явствовало из имени, был немец, Корбюзье, по тому же прин-

ципу, француз, и Нимейер построил Бразилиа. Главное было не перепутать и огибать неудобоваримые вопросы.

Опасения были излишни: образование слушательниц пополнялось на глазах. Эрудиция Ларика сверкала вне подозрений и даже приблизилась к опасной грани занудства: не сильно ли умный, будь проще — и к тебе потянутся люди.

Студент Володя был проще: рассказал пару анекдотов и попросил гитару; настроил, потренькал, кивнул Ларику свойски-уважительно:

— Давай твою.

Песенка была куда как незатейлива, и к тексту ее, равно как и к музыке, Ларик имел столь же косвенное отношение, как и к стихам, принесшим ему весьма относительную славу.

Нине он определенно нравился. Всей позой она выражала это.

Старая, как мир, комедия «ревнуй к подруге».

Вале пересказали в подробностях. Женской интуицией она допускала возможность подобной игры, но когда задеваются чувства — доводы рассудка бессильны. Ларик и она продолжали существовать в параллельных мирах, раздражения и неприязни не было в помине; и его мир начал наводить какое-то магнитное поле на мир ее.

Неслабое ощущение вызвало явление Нины в институт в заячьем тулупчике — визг моды сезона.

— Нинка, где достала?

— Фирма!

— И за сколько?

— Двести рублей. Ничего особенного. Ларик принес. У них в общаге срочно продавался.

Удар был точен. Тулупчик пришел именно за свою цену,— чтоб никакого чувства обязанности, никаких подарков и услуг. То, что Звягин подключил свою знакомую, а та — продавщицу в комиссионке, никого не касалось; поди найди такой.

Игла вошла, заноза ощутилась: в Вале шевельнулось пренебрежение к недолговечности его чувств, к малоинтересности Нины, не стоившей ее, Вали, ни в чем, и

легкая зависть, что у нее этой вещи нет и никто не достанет, и обида на свою неудачливость, и ревность, — ревность? да нет, что за ерунда!..

— Тебе хочется ее видеть? — мягко спросил Звягин.

— Конечно, — Ларик вертел чашку.

— Этого нельзя. Еще не время.

— Понимаю.

— Выбрось ее из головы! Выбрасывай каждый день!

— Я так и стараюсь.

— И делать будешь то, только то, что я сказал.

— Я так и делаю.

— В бассейн ходишь? Под кварцем загораешь? Ты должен быть сильным, красивым, веселым, уверенным в себе, понял?

31. И если ты своей владеешь страстью, а не тобою властвует она.

«Я схожу с ума. Я боюсь не выдержать. Я хочу видеть тебя ежечасно, ежеминутно. Я люблю тебя. Я думаю о тебе все время. Я помню тебя постоянно, я помню тебя всю, у меня темнеет в глазах, все валится из рук, хочется заснуть, забыться, я устал, я смертельно устал от боли, от муки, у меня нет сил. Какая пытка — знать, что в любой миг я могу схватить такси и через полчаса увидеть тебя, успеть тебя обнять, сказать, что я люблю тебя, — а там будь что будет. Я говорю с ней... с Ниной, а сам плохо соображаю, что говорю, смотрю на нее — и не вижу, но все-таки мне легче с ней, это отвлекает, помогает забыться, и на миг забудешь, зачем это все — и вдруг покажется, что все нормально, что продолжается жизнь, что ничего страшного нет в том, чтобы быть без тебя... А потом вдруг накатит черное, ледяное, страшное — неужели можно прожить без тебя всю жизнь, состариться без тебя, исполнится двадцать пять лет, и тридцать, и сорок, и пятьдесят, старость, все прошло, ты замужем за другим, дети, внуки, седые волосы... я не вынесу этого, не смогу, я хочу умереть, что

толку жить, когда утром просыпаешься с мукой, каждый новый день — тоска, боль, тяжесть, и хочется сбросить этот груз, вздохнуть один раз спокойно всей грудью — и уйти, заснуть, забыться. Я не могу без тебя жить. Мне незачем без тебя жить. Мне не хочется без тебя жить. В жизни без тебя просто нет ничего хорошего. Чего ради... Но можно тебя вспоминать. У тебя сияющие глаза. У тебя такой чудесный смех. У тебя такие маленькие теплые руки. У тебя самая гладкая кожа в мире. У тебя такая узкая талия. Лучше не думать, это слишком больно. Ты с ним. Ты была с ним. Как я могу это пережить. Я жив, я не сошел с ума. Но когда боль чуть утихает, я сам начинаю вновь вспоминать о тебе, и вновь и вновь переживать все, что было, и грезить обо всем, чего не было. Зачем я стремлюсь к этой боли, лишь только она чуть стихнет?.. Ты не мучила меня, ты ни в чем не виновата, ты такая, какая есть, ведь ты ничего мне не обещала, ни в чем не обманывала, ничего у меня не просила, я сам, я все сам. Мне не в чем винить тебя, я благодарен тебе за все, за то, что ты есть, за то, что была со мной, за то, что я узнал, что такое счастье бывает в жизни, за то, что люблю тебя, за то, что были минуты, когда я верил, что ты меня любишь... Мне не жалко будет умирать — я узнал то, что мало кто знает, я пережил то, что редко бывает в жизни. Я хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы у тебя все было хорошо, ты достойна лучшего, чем я, я не стою тебя, ты встретишь лучше, умнее, сильнее, красивее, достойнее, но ты никогда не встретишь того, кто будет любить тебя сильнее, чем я, крепче, вернее, кто примет за тебя столько боли, кто будет счастлив умереть за тебя. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты была вечно. Принцесса из принцесс, самая красивая, милая, милая, желанная, единственная, любимая моя, любимая, светлая моя, я не могу без тебя жить, не хочу, не буду. Еще чуть-чуть, выдержу ли я еще чуть-чуть, немножко, еще час, еще час, еще день. В конце концов я всегда могу прекратить эту муку, броситься к тебе, увидеть, услышать твой голос... Пусть тогда все будет кончено навсегда, у меня нет сил. Сутки

счастья с тобой, несколько часов, один час — и провалились все на свете, у меня будет час счастья в жизни, хоть один час. Я сам не понимаю, как я выдерживаю, как я живу, я будто смотрю на себя со стороны, мое тело как чужое, оно двигается, живет... как странно, я не с тобой, почему я здесь, без тебя, зачем я вообще без тебя. Выдержать, выдержать! Я знаю, это мой единственный шанс, держать себя в руках, держать! Милая, любимая, горе мое, судьба моя, счастье, единственная женщина в мире, которая мне нужна, я сделаю все, я все смогу, всему научусь, все вытерплю, я соберу всю волю, зажму все нервы, я буду каменным, холодным, бесчувственным, только бы ты была со мной, была со мной, была моей, девочка моя, свет мой, милая моя, милая, единственная...»

— Что-то у тебя глазки затуманиваются? — с издевкой спросил Звягин.

Ларик вздрогнул и вздохнул, как очнувшийся от сна.

— Запомни: бывают желания продленнее настроения. Хочешь, чтоб тебя любили? Будь сильным!

— А это что? — Ларик развернул листок.

— Прими сей плод ночей бессонных, — витиевато отвечал Звягин. — И утром, ото сна восстав, читай внимательно Устав!

«Как добиться **любимой** женщины:

1. Всегда держать себя в руках, иначе крышка. Думать, что делаешь.

2. Быть не таким, как все. Выделяться, поражать воображение, иметь какое-то особое качество.

3. Изучить все ее сильные и слабые стороны — чтоб уметь на них играть.

4. Научиться видеть себя и ее — ее глазами.

5. Уметь льстить, уметь вызывать жалость.

6. Пока она не стала полностью твоей, ни в коем случае не давай ей почувствовать всей силы своей любви: она должна быть постоянно неуверенна, что ты не уйдешь в любой момент.

7. Поставь себя существом высшего порядка.

8. Берегись чувства принуждения, зависимости, обязанности по отношению к себе: человеку свойственно стремиться к свободе — в данном случае это свобода выбора, свобода распоряжаться собой. А потому она может стремиться избавиться от тебя — даже если ты „лучший из всех" и очень нравишься ей.

9. Умей создать ситуацию и обстановку.

10. Умей ждать случай — и пользоваться им.

11. Никогда ничего не проси: должна захотеть сама.

12. Делай меньше подарков: не обязывать ее ничем.

13. Никогда не отказывайся ни от чего, что она хочет сделать для тебя. Любят тех, для кого что-то делают, а не наоборот. Она должна реализовать в тебе свои собственные хорошие стороны — и привязаться к тебе поэтому.

14. Помни: основной рычаг — самолюбие, основное средство — боль, основной прием — контрасты в обращении.

15. Умей сказать „нет" и уйти. Этим никогда ничего сразу не кончается. Откажись от малого сейчас, чтобы получить все позднее.

16. Старайся не придумывать и не лгать — но никогда не открывай лжи: это может иметь самые скорбные последствия.

17. Добивайся всего — но не смей травмировать ее душу. Не избегай любых средств. Не принимай во внимание сопротивление.

18. Обрети культуру секса — как хочешь. Иначе окажется мерзость вместо обещанного блаженства.

19. Давай поводы для ревности — но чтоб они не подтвердились.

20. Умей показать ей свое презрение.

21. Не торопи события.

22. Разумеется, выжми все из своей внешности, одежды, речи.

23. Перечитывай постоянно:

Стендаль, „Красное и черное", „О любви".
Лермонтов, „Герой нашего времени".
Пруст, „Любовь Свана".
Гамсун, „Пан".

32.

Когда все силы человеческой души напряжены до предела, а переломный период юности ощущается и сознается решающим в жизни, человек способен меняться сказочно быстро.

Еще недавно ему не хотелось жить, но своей любовью он был пригвожден к жизни, как бабочка иглой к картонке. Картонка была черного цвета.

Недавно внутренняя уверенность в своих глубоких достоинствах совмещалась в нем с абсолютно противоположной убежденной неуверенностью в своих возможностях; что вообще свойственно юности.

Он пер вперед и вверх, как штурмовик на форсаже: остановиться — сорваться в штопор, но такой и мысли не мелькнет. Он будет архитектором. Он первым приходит на работу и последним уходит. Он уважает себя, и его уважают другие. ОН ВСЕ МОЖЕТ!

Энергия и значительность! Значительность и энергия! Он старался чувствовать себя генератором, увеличивающим обороты.

33. День рождения.

Давно не собиралась она никуда так тщательно. Не рисовала глаза так долго. Не поворачивалась столько перед зеркалом, снимая одно и надевая другое. В конце концов, убедившись в своей привлекательности и женской значимости, подумала о Ларике с жалостью. Бедняга, не в первый раз он будет пытаться что-то из себя строить. Ее разбирало любопытство от предстоящей встречи, хотелось взять реванш и поставить все на свои места: она — повелительница, он — проситель. Хотя подсознательно предпочла бы, чтоб от роли просителя он отказался. В этом и заключалась ее ошибка: в любовной борьбе, как и любой другой, опасно недооценивать противника.

Сбор в общежитии назначили на шесть. Она пришла в половине седьмого: пусть подождет, повибрирует, придет она или нет.

Его не было. Еще укол.

В комнате шумели, теснились, сдвинули принесенные столы.

— Валька, привет! Вечно ты опаздываешь.

Веселье раскручивалось, шутки сыпались, тосты имениннице провозглашались... почему он не пришел? Спросить об этом было, разумеется, невозможно. Значит, не очень-то они с Ниночкой и знакомы? Или наоборот — боится, что встретит Валю и переметнется обратно? поэтому не пригласила? Или он тоже опаздывает? Душевное равновесие было утеряно, неизвестность раскачивала нервы.

— Мальчиков мало,— с сожалением сказала Нина.— Ларик с Володей предупредили, что у них срочная работа, не смогут, наверно. Или — очень поздно, к концу.

Так — придет он или нет? Досадно — что, все ее приготовления напрасны? Ведь знал, что она придет — и не смог освободиться? Или — еще придет? Неизвестность затягивалась. Для нее уже имело значение всерьез, придет он или нет, и это злило.

Уже кого-то сводили потошнить в туалет, уже убрали столы, и накинули платок на настольную лампу: интим, и загремел маг, когда в дверь постучали.

Ввалились Ларик с другом, замерзшие и веселые, со свертками:

— Поздравления деятельнице культуры от братства вольных каменщиков! Еще пускают? Извините, раньше — никак: созидаем!

Произошло легкое оживление, зазвенели в поисках чистых стаканов, именинница подставила щечку для поцелуев, каковые и были нанесены подобающим образом.

Валя старалась не смотреть в ту сторону, но это было неестественно, не замечать — значит выдать себя, надо же поздороваться, позволить ему поймать свой взгляд; она сразу утеряла нить разговора, который вела.

Через минуту, адаптировавшись в полумраке комнаты, Ларик заметил ее, кивнул дружески и приветливо, с точно отмеренной дозой радости от приятной встречи — не более; спокойно кивнул. Посаженный рядом с Ниной, он наворачивал из тарелки, в меру прикладывался к стакану и рассказывал с набитым ртом, как вкалывали на оглушающем морозе и добирались потом в кабине трейлера-плитовоза. Он выглядел здесь совершенно освоившимся.

Это не могло не задеть. Валя предпочла бы сейчас, чтоб он не приходил. Раньше — почти ее собственность, он был здесь сейчас независим, сам по себе, званый гость: он как бы занял собой часть жизненного пространства, куда ей входить было неловко; таким он стеснял ее. Отнюдь не несчастный — кандидат в знаменитости, ну прямо восходящая звезда. У нее испортилось настроение, ощутилась своя чужеродность окружающему веселью — на которое он, чужой здесь без нее, не имел права!

Его шутки определенно нравились девчонкам, они смеялись. «Раньше они его жалели. Осуждали меня за жестокость. Завидовали — во как мальчик стелется! Теперь — торжествуют. Нарочно все подстроили, чтоб меня уколоть...»

Она преувеличивала — но доля правды в этом была...

Захотелось уйти... но сделать это сразу было невозможно, не расписываться же в своих уязвленных чувствах. Гордость заставила ее изображать веселье; бутылки на столе еще не опустели. Она смеялась чуть громче, выглядела чуть беззаботнее, чем надо.

Ларик не избегал ее, летуче улыбался, парил в собственном пространстве.

Увидев ее, он сразу утерял способность соображать. Всей силой воли удерживал последовательность программы: стол, шутки, танцы, разговор с Ниной об архитектуре — это вызубрено, думать не надо. Улыбка и взгляд репетировались неделями, задача была в том, чтоб не забыться — не смотреть на Валю слишком долго. Он почти не пил — инструкция была строга: полный самоконтроль.

И когда в танцах они почувствовали, увидели друг друга совсем рядом, он — владел собой полностью, она — была готова и даже не прочь поддаться появившимся чувствам, впрочем, не видя в них никакой опасности для себя. Всем женским существом она жаждала утвердиться, услышать вновь, что она — самая-самая, ощутить свою значимость и власть над мужчиной.

— Как дела? — спросил он первый, ровный голос, добрая улыбка.

— Отлично! — в ответ — сияющая улыбка, явный перебор, выдающий желание казаться более преуспевающей, нежели есть, ответ слишком поспешный, хорошая мина при плохой игре; она выругала себя. Но он сделал вид, что поверил, подыграл:

— У тебя иначе и быть не может. («Может! Идиот!..») Выглядишь ты замечательно.— В последних словах ей послышалась фальшь, снисхождение, пустой комплимент.

Мнительность овладела ею, сразу стало казаться, что выглядит она плохо, гордость заставила распрямиться, сбиться с такта, она искала такие слова, чтоб дать ему почувствовать, что она его жалеет, что она значительнее его, — и не находила.

— Как ты здесь оказался? Не выдержал?

Удивленное лицо:

— Ты здесь не при чем. Спроси у Нины. Вообще-то я не хотел идти, устал ужасно, но Володя просил, ему одному неудобно было.

— Верный друг... — произнесла она иронически.

— Если хочешь, мы можем делать вид, что незнакомы. Но по-моему это детство. Да и зачем?

Музыка развела их, потом пленка кончилась, он подал Нине руку, другою полуобнял за плечи и повел к столу, где резали торт.

— ...Первыми цельнорамные окна применили американцы в конце прошлого века в Чикаго, — доносился голос Ларика.— Но они сразу ставили принудительные вентиляторы с фильтрами, а потом — кондиционеры. А в наших жилых домах отсутствие форточек — дань не столько моде, сколько идиотизму: для проветривания

открывать окно целиком и терять массу энергии на отопление, для мытья — разбирать раму, окномоев нет. Зато строители экономят на оконных переплетах. На макете красиво выглядит. А вдолбить это в головы Госстандарта — задача для бронетанковых сил.

Когда это он стал таким умным? Или всегда таким был?.. Еще недавно выглядел простоват, сероват, ниже их уровня; не студент. А сейчас его слушают...

— ...первым каменным дворцом в Петербурге обзавелся светлейший Алексашка Меншиков — раньше Петра. Петр указал на стрелке место для Двенадцати коллегий и отбыл по делам в Голландию. Меншиков умело провел экономию строительных материалов и прежде, чем приступать к строительству государственного объекта, из излишков моментально соорудил себе дворец, развернув его окнами на Неву. После этого оказалось, что для Двенадцати коллегий места вдоль берега уже не хватает, и Меншиков принял гениальное решение — ставить здание поперек стрелки, к Неве торцом. Что и было сделано — к дикой ярости вернувшегося Петра. Полная длина коридора там — четыреста двенадцать метров, и вот по этой четырехсотметровке царь, лично возглавлявший приемную комиссию, катал пинками вопящего Меншикова. Однако было поздно — средства истрачены, здание построено, и, попинав строителя вволю, дом приняли. С тех пор в принципе мало что изменилось...

Застолье хохотало.

Речь зашла о концертах приезжающей Раффаэллы Карры.

— Вот бы достать билетик!..

У кого-то оказалась знакомая в кассах.

— Лафа Верке.

Опять танцевали, опять они оказались рядом. Она явно стремилась к разговору — в то время как он, судя по всему, относился к ней спокойно и равнодушно. Он показался ей взрослым. Всегда раньше — мальчишкой, и вдруг словно перерос ее.

— Ты же у нас теперь знаменитость, достал бы билетик.

Ларик спокойно пожал плечами:

— Подвернется — достану, — и тут же отвернулся, удалился, давая понять пустоту и необязательность своих слов.

Начинали расходиться; она медлила. Нет, они с Володей уходить не торопились.

— Мальчики, вы поздно пришли, побудьте еще. Намерзлись за день, толком еще не отогрелись.

Народ редел. Тянуть делалось неприличным. Она извлекла из груды на кровати свое пальто. Сейчас он встанет и проводит ее.

Фиг...

— Счастливо оставаться!

— Спасибо, что пришли!

Втроем с подругами они дошли до метро, вход клубился светом и паром. О Ларике тактично не говорили, и это умолчание было хуже разговора...

Перед сном она от досады, унижения, жалости к себе тихонько всплакнула в подушку.

Если б Валя могла знать, что через десять минут после ее ухода Ларик спустился на улицу, качаясь от усталости и горя, крепя все силы, чтоб не позвонить ей из автомата, не схватить тачку и помчаться, чтоб успеть к подъезду раньше нее, дождаться, увидеть, взять за руку, заглянуть в глаза, — она заснула бы счастливой.

Это ее счастье не было бы долгим, сурово предостерег Звягин.

34. Есть лишний билетик.

Удивительно, сколько горя должны принести люди друг другу, прежде чем стать наконец счастливы — если уж очень повезет.

— И помни: если тебе надо пройти по канату сто метров, то даже пройденные девяносто девять ничего не значат. Здесь все решает последний дюйм! — Звягин чуть отодвинул записную книжку от дальнозорких глаз, потянулся к телефону:

— Елена Анатольевна, как самочувствие? Рад... Не за что... На этот раз можете... Пару билетиков на один концерт, решил вот выбраться в свет.

Подмигнул горящему надеждой Ларику и подумал, что если дочка узнает об этих билетах, она его съест. «Причем правильно сделает».

Вот таким образом и подал голос в свой час Валин телефон:

— Ты дома? Привет. Я буду в твоих краях, могу закинуть билеты на Раффаэллу Карру. Через полчасика.

Она слегка заволновалась. Подумала. Переоделась. Разложила учебники по столу: занимается, ей некогда. Поставила чайник; изготовила заранее бутерброды. Решила: для первой встречи вполне хватит часа, пусть знает — у нее много дел поважнее.

Но — пригласил, да куда! Расшибся ведь за эти билеты. Хорошо: она пойдет. Интересно, как он будет держаться. Все-таки она много для него значит, если стоило обмолвиться — и несет в клюве. Валя даже почувствовала разочарование: он по-прежнему ведет себя как паж, это неинтересно... но приятно. «Надо быть помягче с мальчиком». Именно так: «Надо быть помягче с мальчиком».

Прошло не полчаса, а час: она поглядывала в окно; ждать — это всегда выталкивает из равновесия.

Ларик появился — веселый, спокойный, сам по себе.

— Замерз? — (Слышал ли он через дверь ее торопливые шаги?) — Раздевайся. Чаю хочешь?

— Я на одну минуту, — с порога объявил он. — Извини, ждут.

И сразу сломал настрой — выиграл очко.

— Знакомые с телевидения достали. Я-то как раз буду в вечернюю смену — конец месяца, объект горит.

Разве мы не пойдем вместе, удержалось у нее на языке. Значит, отдает просто потому, что сам не может?

— Что ж ты их не вернул? — спросила она едко: даже не попытался пригласить с собой!

— Обидятся: облагодетельствовали, а он еще пренебрег.

Даже не намекает, что она найдет с кем пойти, просто закинул билеты — и покатился дальше по делам.

— И не лень тебе было ехать?

Фи, сказал он, как не стыдно. Но деньги взял, очень просто.

— Я на машине, было почти по пути. Салют!

У окна она отогнула занавеску, чтоб он не заметил ее, если взглянет вверх, как всегда было раньше.

Он не взглянул. У подъезда стояли бежевые «Жигули», пикап. Ларик сел рядом с невидимым ей водителем, машина выпустила клуб ватного дыма, выбросила снежные фонтаны из-под буксующих задних колес — и умчалась.

— Вы что, помирились? — спросила мать за ужином.

— А мы и не ссорились, — качнула ресницами Валя.

— Что ж он приходил? И так ненадолго.

— Просто билеты занес. На концерт.

Она не отказала себе в иезуитском удовольствии пригласить Нину. Горечь рассеялась, лишние билетики стреляли за километр, они протолкались ко входу, млея от причастности к избранным.

Так или иначе, он доставил ей удовольствие.

В принципе он мог бы позвонить позднее вечерком, или назавтра: прекрасный предлог — поинтересоваться, как концерт; возможно, спросит как бы мельком, с кем она была — «с одним человеком», ответит она уклончиво, но будет разговаривать не слишком холодно, чтоб не оттолкнуть; возможно, он пригласит ее еще куда-нибудь. Она ответит, что пока не знает, сможет ли, пусть он позвонит еще раз.

Он не позвонил ни назавтра, ни позднее. На второй день, оправдываясь приличиями вежливости, Валя сама позвонила на вахту его общежития (оказывается, еще помнила телефон).

— А из ихней бригады еще никто не проходил, наверно на объекте еще, — с ответственностью в голосе сообщила вахтерша.

Подумалось про мороз, про леденящий ветер на высокой стене, освещенной прожектором, про то, как легко он достал и как легко отдал билеты...

Еще день она тщетно ждала.

(«Фактор времени играет иногда решающую роль, — поучал Звягин, тонко наслаждаясь игрой старого обольстителя, снисходительно передающего опыт пылкому и глупому юнцу. — Чувства изменчивы, они возникают, растут, ослабевают, исчезают, — необходимо выбирать точный момент, когда ее чувства наиболее располагают к успехам твоих действий. Позвонишь в первый день — это будет немногого стоить, означать, что ты проявляешь к ней повышенный интерес и никуда от нее не денешься. На второй день отсутствию звонка она слегка удивится, ей захочется, чтоб позвонил, будет требоваться подтверждение, что она желанна, одержала победу, занимает важное место в твоих мыслях. На третий — самолюбие будет задето, желание достигнет максимума. На четвертый начнет ослабевать, сглаживаться... но если позвонишь — все вспыхнет, еще не поздно. А вот через неделю все отойдет далековато, и результат твоих предыдущих усилий останется невелик...»)

Ларик позвонил поздним вечером третьего дня. Валя схватила трубку, зная, что это он. Ее душе уже была задана работа, и работа эта происходила помимо ее желания.

Его голос слышался прерывисто, издалека (трубка иногда прикрывалась перчаткой):

— Валя, ты? Не слышу!.. Что?.. Сейчас перезвоню!..

Она прождала у телефона двадцать минут. Через полчаса (ночь):

— Алло! Что?.. Все автоматы неисправны! Алло!!!

На этом сеанс связи окончился.

(«Задача первого этапа — легкие положительные ассоциации, — развивал теорию Звягин. — А чтоб они возникали — надо изящно всадить крючок в ее самолюбие. Приучить думать о себе без досады, создать не избыток, а дефицит внимания со своей стороны, но — этически

безупречный дефицит. Пусть ее душа свыкнется с мыслью, что ты можешь доставлять и радость, и боль, причем первое желательно, а второе — отнюдь. И что твое существование, с другой стороны, ни к чему ее не обязывает. Ты есть — и это значительно, и это неплохо! Понял, нет?»)

35. Мороз и солнце — день чудесный.

— А если бы она не умела ходить на лыжах?

— Всегда что-нибудь есть, — уверил Звягин. — Умела бы бегать на коньках. Или заниматься плаванием. Или любила сидеть в библиотеке (и сам усомнился). Или толклась бы у «Маяковки» или в «Сайгоне». Твой номер шестнадцатый: выяснять обстоятельства и применяться к ним. Впер-ред, хромоногий! Ларион и Тамерлан — похоже, да?

Идею подкинул в общаге друг Володя; компания составилась — на воскресенье. Странно, если бы Валя не приняла участие: хорошие лыжи, приличный костюм, зачет по физкультуре сдала из первых.

Поначалу предлагали Кавголово.

— А кто был зимой в Петергофе? (В Кавголово многовато классных лыжников, такие конкуренты нам ни к чему.)

Никто не был. Решающим прозвучал аргумент:

— А какая там архитектура!

Здравая мысль о приобщении к красоте возобладала. Ларик выглядел большим знатоком архитектуры.

Утром затолкались с гамом в электричку на Балтийском вокзале, заняли три скамейки, протерли замерзшие стекла: поехали!

На Валю смотрели — на нее всегда смотрели: ладная фигурка, грамотный костюм, австрийские лыжи, тихое сияние. Ларик не смотрел. То есть смотрел — не больше, чем на остальных. И не иначе. И не искал возможности поговорить вдвоем. И это сразу создало для нее некоторое напряжение.

Более того — он сидел на другой скамейке, спиной к ней! Он опять смешил всякой всячиной, к нему оборачивались, изредка повертывалась и она, сохраняя естественность поведения и досадуя.

Снег искрился, краски блистали под февральским солнцем, купола золотились, Монплезир светился кармином сквозь серебряный узор ветвей — красота была выдана по первой категории снабжения. Синие накатанные колеи вились по аллеям, и лыжники скользили по ним с протяжным шелестом.

Ларик бежал длинным легким шагом, правильно натертые мазью лыжи держали скольжение, ритм и свет вселяли радость. Смотреть на него было приятно — как на всякого, кто что-то делает хорошо. Валя не знала, что он так спортивен на лыжне.

Он и сам этого не знал еще месяц назад. Пока Звягин не приказал срочно устроиться в секцию — и овладеть в темпе! «Спортсменом можешь ты не быть, но пыль в глаза пустить обязан!»

Он знал повороты и спуски этих аллей наизусть, прокатывая маршрут в лютые морозы, подмечая, где можно лихо скатиться, где удобно тормознуть так, чтоб веер снега взвихрился из-под лыж.

Он скалил зубы — на нее не смотрел.

Трамплинчик на обочье крутой дорожки торчал небольшой, пара любителей из пацанов прыгали раз за разом, пролетая десяток метров над низким настом. Какое ни на есть — а зрелище, ловкость всегда привлекает, нет?

Володя уперся палками вверху разгона, толкнулся, пронесся согнувшись — и преодолел несколько метров воздушного пространства, отчетливо шлепнув лыжами по утрамбованному снегу, сбалансировав руками и неловко тормозя у кустов.

— Ларик, а ты? — подначили.

Ларик утвердился наверху, комично подрожал коленями, покатил все быстрей, кренясь вбок и оседая назад, неуклюже оторвался от обрубленной снежной кромки трамплина и, маша и повернувшись в косом падении

боком, зацепился лыжей, кувыркнулся через спину, проехал на животе и встал на четвереньки, стряхивая снег с лица.

Зрители надрывались в восторге.

— Трамплин кривой, — оправдался прыгун, выковыривая из ушей.

— И снег скользкий, — сочувственно добавил Володя.

— Лыжи тяжелые, — пояснили из толпы.

— Ноги кривые, — поправил мальчишеский голос.

Валя хохотала от всего сердца, и были на сердце этом и злорадство («Так и надо»), и тонкий-тонкий наждачный осадок («Опозорился...»). Володя лихо повторил прыжок; девчонки зааплодировали.

— Утешительный заезд для неудачников! — шутовски завопил Ларик, карабкаясь наверх. Резко пихнувшись, сложился скобкой и со свистом полетел вниз: толчок! носки лыж подняты, корпус вперед! тянуть параллельно земле! — и почти без хлопка ровно коснулся поверхности далеко от снежного уступа. С хрустом раскидывая из-под ребер лыж радугу, развернулся и четкой елочкой побежал в гору.

— Ура!

«Клоун».

Обгоняя Валю сбоку лыжни, он кивнул с одобрением:

— А ты неплохо ходишь. — Слепил снежок, кинул в Нину и с ней рядом побежал по снежной целине, болтая.

В павильончике у шоссе взяли тепловатый кофе с холодноватыми пирожками. Стекла горели красным, морозец поострел, покалывал.

— Во сколько электричка?

Ларик поискал глазами на автомобильной стоянке, оттянул рукав над часами:

— Извините, мне пора!

— Ты куда-а? Бросаешь?

Он шутливо-виновато развел руками, взял лыжи — вышел. И пошел к «Жигулям»-пикап цвета коррида.

— Стрекозел! — с напускным негодованием кинул Володя. — Зальем горе. Официант — еще две морковки!

И воскресенье как-то сразу кончилось.

Уже в вагоне Нина спросила подчеркнуто незаинтересованно:

— С кем это он отбыл? Личный шофер?

— Какая-то знакомая, — уклончиво пожал плечами Володя.

— Покупай машину, Нинка, — был дан не без ехидства совет.

И это ехидство единственно утешило Валю в ее думах.

— Я подожду того, кто мне купит, — не замедлил пренебрежительный ответ.

Весь вечер несчастная жертва любовных интриг и армейской тактики решала и не могла решить задачу: коли Ларик упорно лезет ей на глаза — он делает все специально ради нее, или ему действительно нет до нее дела? А что с Ниной? А что за машина? Сумбур и неразбериха... независимость его и нравится, и задевает...

«Так что — я к нему неравнодушна? Он имеет для меня какое-то значение?» Открытие ее удивило, задело. Но не настолько задело, чтоб из самолюбия запретить себе думать о нем; думать было все-таки не больно, приятно... однако не без горечи.

Ах, и быть любимой девушке потребно, и любить потребно, а вот страдать не хочется, но на самом деле душа без страданий не может... В душе ее наметилось некое движение, и в конце движения того, в перспективе проекторного луча, Ларик летел над заснеженными кустами, прижав руки к бокам и вытянув лыжи, и хлопала дверца «Жигулей».

— А если ты разбил несчастному аспиранту жизнь? — обвинила дочь.

— Каждому свое, — зевнул Звягин. — Настоящего человека не собьешь с пути ничем. От чего можно отказаться — то не очень-то и нужно было.

— А конкретней можешь?

— Отцепись, чадо. У него все в порядке. Поженятся они, уймись!

— А что сейчас, интересно, делает твой бестолковый Ларик? Ну и имечко все-таки!

— Сейчас? Зубрит план похода с Валей в кино.

— Ты им что, сценарий написал?

— Шпаргалку.

36. Из всех искусств для нас важнейшим является кино.

Ларик действительно собирался в кино.

— Я почему-то решила, что ты хочешь мне позвонить, — без обиняков заявила Валя, позвонив на вахту общежития. Наскучив неопределенностью, она брала инициативу в свои руки.

Помолчав, он ответил с извинением в голосе:

— Я действительно собирался.

— Я так и думала. И что ж тебе помешало?

— М-м... Работа допоздна... и телефон вечно занят.

— ...Ну, как живешь? — храня превосходство в интонациях, спросила она.

— Да вот, в кино собираемся.

— На что?

— В Зимнем стадионе фестивальные идут, «Полет над гнездом кукушки».

Пауза. Он не приглашал. Она не напрашивалась.

— А «Скромное обаяние буржуазии» ты уже видела?

— Нет.

— Я тоже. Если хочешь, можем в пятницу сходить.

— Я не знаю, буду ли свободна.

— Нет, если хочешь.

— Ну хорошо, позвони мне завтра вечером...

Она получила приглашение — и интерес к нему сразу ослаб. Итак, она по-прежнему может делать с ним что хочет. Но почему это не радует? Его легко вернуть... или это ей только кажется? Достаточно сознания того, что — может вернуть? И все-таки ей хотелось, чтоб он

пригласил ее в кино! Не пойти? Ну и что. Он все равно не позвонит... Наказать тем, что пообещает, но не придет? А если он не огорчится, а наоборот — больше не согласится? Нет: надо пойти и вызвать его на откровенный разговор.

А Ларик долго бродил по морозным черным улицам — охлаждал пыл. Она позвонила! И захотела пойти с ним в кино! И попросила позвонить ей! Успех! успех! повторял он себе.

И трезвый внутренний голос, копия звягинского, осаживал: спокойно! Без головокружения от успехов. Мелочь! Не размякать, не поддаваться чувствам. Помни, как бывало раньше. Один неверный шаг — и конец всему, она потеряет интерес навсегда. Только не дать ей убедиться, что он любит! Иначе — провал, хана.

— Ты играешь комедию, но смеяться должны не над тобой, — говорил Звягин. — Если ты не умеешь заставить женщину плакать — будешь плакать сам.

— А если и так плачешь? — тихо спросил Ларик.

— Мужчине нельзя запретить плакать, но можно запретить показывать это.

Никчемный сюрприз ожидал Валю у касс: рядом с Лариком торчал чертов Володя с девицей. Вот тебе и наедине!

Когда погас свет, Ларик вытащил кулек с карамельками и, прошептав: «Простите бескультурную серость», протянул ей, а потом и им.

Не получилось уединения: Ларик и Валя сидели словно каждый по отдельности. Она ждала, сделает ли он попытку коснуться ее руки: и близко ничего подобного. Он был всецело прямо-таки увлечен фильмом: отпустил шепотом пару замечаний — не для нее, для всех, смеялся на смешных местах... А фильмец был, в общем, зануден, с ненужными неясными повторами, без действия, а так... непонятно что. И с чего это Ларионочик стал такой вумный?.. И уж лучше бы он проявил навязчивость, откуда в нас столько английской благопристойности?

— Все это — вырождение, — авторитетно заметил он при выходе. — Вторичные идеи.

Володя с Галей мигом потерялись в толпе. Ага: все-таки решил остаться с ней вдвоем, подумала она снисходительно и с удовлетворением.

— Есть хочется — ужасно, — признался Ларик. — Поздно, перекусить уже негде. Можно было бы погулять, но мороз ужасный, правда?

— Да так... бывало и холоднее.

— На верхотуре смену отпахать — рожа деревенеет. Все старые строители — радикулитчики: разогреешься за работой — а ветерок поясницу прохватит, и привет. Японцы, те шерстяные пояса под одеждой носят. И как строят!

То есть: намерзся за день, прогулка не улыбается.

— Зачем же ты выбрал эту профессию? — (Сам захотел, так чего расхныкался?)

— А — интересно. И — со смыслом. Это тебе не конвейер, не штаны в конторе просиживать. Крыша над головой каждому нужна. Но как подумаешь в мороз о горячем борще — аж слюнки капают.

А ведь голоден бедный мальчик, живет один, ест по столовкам, никто не позаботится...

— Поехали — накормлю, — неожиданно велела она. — Борща нет, но если фасолевый суп тебя устроит...

— Поздно уже...

Они прошли мимо «Маяковской», как бы не видя ее, дальше к «Площади Восстания»; время для принятия решения выигрывалось.

— В двенадцать уйдешь, успеешь на метро к себе. Еще не ночь.

Ларик вздохнул:

— Доброта тебя погубит.

Грамотный комплимент: шутливый, с тончайшим оттенком осуждения — поскольку отнюдь не часто была она добра к нему, признающий ее доброту в данном случае, выражающий благодарность — и сомнение.

— И чеснок есть? — предвкушающе сдался он.

— И лук тоже.

За Лиговкой у вокзала переминалась коротенькая очередь на стоянке: такси подъезжали.

— Сэкономим время? На тачке до подъезда. Бедная студентка не против?

В тепле и уюте машины, на мягком сиденье подлокотник не разделял их, как было в кино, касались друг друга краем одежды, на поворотах качало вбок, сдвигало плечами.

Ларик чувствовал: сейчас не выдержит, обнимет ее, прижмется лицом к холодной, гладкой, пахнущей морозом и духами щеке, зароется носом в родные волосы — и все будет кончено, кончено, кончено! Напрягся, вдохнул, сосчитал в уме до десяти. «Надо срочно говорить, говорить что угодно, когда говоришь — легче...»

Валя дремотно смежила ресницы. Ждала.

— На заочном можно сдать два курса за год, — услышал Ларик свой спертый голос. — Но стать настоящим специалистом заочно — это вряд ли. Архитектура требует человека целиком.

«Что за фальшь я несу?! — ужаснулся он. — Она же все понимает, чувствует, разгадает мою игру — и я ляпнул, кроме презрения мне ничего не достанется...»

Но у нее слова его вызывали мысли иные. И первая: еще один самолюбивый эгоист. Вторая: а кто ж за него позаботится о нем, на кого, кроме себя, он может рассчитывать. Третья: неужели он совсем не думает обо мне... сейчас вечер, мы вдвоем, едем ко мне... Четвертая: а все-таки он серьезный человек.

— А что ты хотел бы построить? — заинтересованно-деловитый тон без грусти.

— Нужен проект дома с крытым двором и собственным микроклиматом, а на кровли и перекрытия — солнечные батареи, — сказал Ларик. — Клад для Средней Азии, этой идеи я пока нигде не встретил.

Подъехали к дому.

— Всего доброго, — сказал Ларик, стоя у открытой дверцы. — Спасибо за вечер.

— Не поняла, — она подняла брови. — Ты что?

— Извини, — вздохнул он. — Уже поздно. И общагу закроют.

— Ты хотел есть, — пожала плечиками.

— Да не настолько сильно. — Улыбнулся и вежливо пожал пальцы в мохнатой варежке. — Спокойной ночи. — И сел в машину.

Угревшись на сиденье, расслабился и отплыл в грезы: она была здесь, с ним, в его объятиях, любила его, и он был счастлив.

А Валя открыла холодильник, убедилась, что суп, разумеется, был доеден за обедом, что с того, еды масса, можно было пожарить яичницу с колбасой... Из принципа раскрыла учебник; наука не лезла в голову.

37. Если к вам пришли гости — радуйтесь, что не госбезопасность.

Ларик не звонил. Не показывался. Заготовки уничижительных фраз пропадали втуне.

Вечером третьего дня бимбомкнули в дверь. Он! Валя спокойно выждала, поправила перед зеркалом волосы, придала лицу правильное выражение — занятое, слегка удивленное.

Удивление пригодилось, перейдя в искреннее. В дверях стояла незнакомая девушка.

Девушка была роскошно одета: кожаная куртка на меху, серые стеганые брюки, заправленные в низкие сапожки на шнуровке, и пуховая шапочка с длинными ушами. Челка золотистая, глаза зеленоватые; красивая, спокойная, о п а с н а я.

— Здравствуйте. Вы Валя? — уверенно шагнула она.

— Вы ко мне?.. Здравствуйте...

— Позволите пройти? — Она держалась как-то высока.

— Пожалуйста... — Валя указала на вешалку.

— Я только на минутку. — Села в ее комнате, огляделась.

У Вали упало сердце. Фраза отдалась знакомой интонацией. Каким-то образом она сразу все поняла. Что это имеет отношение к Ларику. Что разговор будет о нем. Что ничего хорошего она не услышит. Грянувшая непоправимость парализовала ее.

— А вы мне нравитесь, — напрямик сказала гостья, бесцеремонно оглядев ее. — Но — к делу. Мы с Ларькой подали заявление, и надо поставить все точки над i.

Ясно постигла: заявление — в ЗАГС, а точки — что они не должны больше видеться.

— Пожалуйста, — выговорила она, плохо владея голосом.

— Я не могу запретить вам видеться, но могу попросить вас.

— Я не искала никаких встреч.

— Не перебивайте, пожалуйста. У нас это совершенно серьезно. Мы нужны друг другу. Он цельный, талантливый человек. У него нет никаких связей, никакой поддержки. Я обязана помочь ему встать на ноги. Он нравится моим родителям, у них есть возможность поддержать стоящего человека. Мужчине нужна женщина, в которой он может быть уверен. Которая свою жизнь посвятит ему. Вы согласны?

— Смотря какой мужчина... и какая женщина... — пробормотала Валя.

— Вот видите. У нас как раз такой случай. Вы ведь не желаете ему зла?

— Я? Пусть он будет счастлив, как может.

— Сможет, — пообещала гостья. — Я знала, что мы договоримся, — непринужденно, аристократически-высокомерно потрепала ее по щеке.

— Вы его любите? — не смогла удержать вопрос Валя. — Он вас любит? — Посмотрела ей в глаза прямо, твердо.

Та помедлила миг... или лишь показалось?

— Мы взрослые женщины, — ответила она. — У меня нет оснований сомневаться в наших чувствах... вы меня понимаете? А что было — то прошло, не надо стараться вернуть.

— Я и не стараюсь, — детски запальчиво отбилась Валя, летя внутри себя в ледяную пропасть.

Она следила в окно, как красавица села за руль знакомых «Жигулей» цвета коррида — и видение исчезло.

Закрыла дверь к себе, села на диван, легла, укрылась пледом и плавно рухнула в мертвый сон.

Ей снилось, что она спрашивает себя: «Неужели я его..?», и во сне знала, что это ей снится, и она проснется — юная, здоровая, веселая, благополучная, и не будет ничего плохого, ни тоски, ни щемления, а потом стало сниться, что это не сон. Через час она поднялась разбитая.

— Кто это приходил? — мать звала обедать.

— Одна знакомая.

— Что-то случилось?

— С чего ты взяла. — Валя насильственно улыбнулась.

Мать разлила суп. На дочери не было лица. Она делала сознательные усилия, чтобы глотать.

«Почему теперь, когда мы встретились... почему не два месяца назад, когда я о нем не думала, и пусть был бы счастлив...» Ей уже казалось, что они встретились, что что-то возникло между ними, появилась надежда, будущее...

Боль будит чувства. Избавление от боли может дать только доставивший ее. Валя не могла сделать так, чтоб потребность ее души исполнилась: независимо от ее желаний Ларик был потерян для нее навсегда.

А «невеста», на первой передаче отъехав за угол, вылезла из-за руля, уступив место передвинувшемуся Звягину.

— Бис! — сказал он. — Жанровая сценка в исполнении будущей великой актрисы. Искусство призвано служить счастью и любви — это прекрасно. Возвышенно! Я надеюсь, Катя, ты сыграла хорошо?

— Как на экзамене по актерскому искусству, — Катя открыла косметичку и ревниво проверила макияж, вертя лицо и кося глазом в зеркальце. — А она в порядке. Я бы на его месте тоже втюрилась.

— В нее? Хм... А в тебя?

— Мне некогда. Служенье муз не терпит суеты. Больше я вам не понадоблюсь в этом амплуа?

— Только на сцене императорских театров!

Звягин придавил газ, проскочил на желтый и свернул на Будапештскую.

— А по-честному — не знаю, как вы меня уговорили.

— Куда б ты делась.

— Любой женщине обидно играть подобную роль... неизвестно для кого... даже оскорбительно!

— Катя, — спросил Звягин, — а когда я тебе накладывал шину и накачивал транквилизаторами, а ты плакала на носилках и клялась, что готова на все, платить всю жизнь, только бы не остаться хромой — тебя не оскорбляло, что я смотрю на тебя как на больную, а не как на женщину? а ведь ты у нас красивая девочка.

— Беспрекословным выполнением вашей детской авантюры подтверждаю свои слова. Только потому и согласилась, говорила уже.

— Катенька, нет в жизни ничего замечательнее, чем когда взрослые люди на деле осуществляют детские авантюры. Актеры-то должны бы это знать.

— Я для вас по-прежнему только больная? — засмеялась Катя.

— Ах, — сказал Звягин, — где мои двадцать лет.

— Не кокетничайте. Вы еще годитесь на роль героя-любовника.

— Сколь безобразно циничны эти лицедеи, — вздохнул Звягин. — У меня другая роль, и менять амплуа уже поздно.

— Ой ли? Вам не кажется, что занимаясь устройством любви других, вы просто сублимируете, загоняете внутрь собственные чувства?

Он ударил по тормозу, пропуская пешеходов:

— Развитая молодежь пошла! Не волнуйся, все мои чувства выходят наружу, еще как!

— Вы или глупый, или не мужчина, — задумчиво сообщила Катя.

— Редкостное нахальство, — одобрил Звягин. — Актрисе по штату положено влюбляться в режиссера, а не во врача «скорой».

— Что?!

— Вылезай, приехали. Мне еще машину владельцу отгонять.

— А вам идет. Вы хорошо водите.

— Мужчина должен все делать хорошо.

— Что же вы не исповедуете золотой принцип на практике?

— Пошла вон. Не целуйся на морозе - губы потрескаются.

— Пошляк, — сказала Катя, засмеялась, вздохнула и вышла.

38. Рыцарский турнир и венец победителю — в наше время.

Валя желала встречи — хотя бы затем, чтобы прервать ее по своему усмотрению, пожелать счастья и мягко убедить в ненужности встреч дальнейших, — то есть остаться на высоте, не являться отставленной, забытой. Резкий разрыв болезнен, чувства не смиряются с ним сразу.

Очередную посиделку в общаге инициировал Володя: у них премия, в институте стипендия, веселье подкреплялось материально.

— Валька, ты придешь?

— Не знаю пока: если буду свободна.

Ларик опять крепко опоздал: уловка древняя, как мир, но неизменно действует на некрепкие нервы. У влюбленных девушек в двадцать лет редко встречаются крепкие нервы.

Он смотрел — как ни в чем не бывало: спокоен, приветлив, весел. Ровен, Равнодушен?..

— Ты меня боишься? — поддела она.

— С чего ты взяла?

— Сел подальше, не глядишь. Опасаешься остаться с глазу на глаз?

— Ты мнительна. — Он подмигнул и пошел с ней танцевать.

Дважды она выходила в коридор — ну, подышать свежим воздухом под форточкой. Он за ней не следовал: никто, казалось, и не замечал ее отсутствия.

Но при шапочном разборе они оказались рядом. Следуя естественности ситуации, он подал ей пальто. Во дворе компания распалась, они остались вдвоем.

— Я тебя провожу до метро. — Он был вежлив.

— Тебе завтра рано вставать, зачем тратить время. Я вполне дойду сама.

— Нехорошо не проводить девушку вечером.

— О, не надо реверансов.

— Что это ты на меня бросаешься?

— Ты слишком мнителен.

— Мне нельзя быть мнительным — такие со стены сваливаются.

За такой пикировкой достигли станции, и как бы само собой получилось, что он ступил на эскалатор вместе с ней. Оба делали вид, что как бы не замечают этого.

Но вой, грохот и трансляция метро не позволяют наладить разговор по душам. Ларик молол про стройку, главное оттягивалось... «Он не хочет никакого выяснения отношений. Но тогда зачем поехал провожать? Начать первой?.. Его Катя лучше меня... Ну посмотрим».

В неопределенности ожиданий и намерений она хлебнула на выходе черную стужу. Ноздри смерзались на вдохе, пар оседал на шарфе, — какой разговор!.. Если он не войдет с ней в подъезд, то ничего не получилось...

Он попрощался в десяти шагах от двери, к которой вела расчищенная от тротуара дорожка.

— Спокойной ночи!

Из подъезда вывалилась троица, один со звоном разбил о стену бутылку, выругался, — двинулись навстречу, со смыслом погогатывая.

Валя сжалась. Ларик крепко взял ее под локоть; оглянулся, сказал в меру громко, свободно:

— Где это они застряли? — как бы ожидая близких друзей.

Трое не отреагировали: приблизились, миновали было, но — остановились вплотную; глянули в глаза, дохнули винцом, осклабились:

— Так как насчет закурить?

— Всем, или одному? — осведомился Ларик.

— Жадный! — огорчился остролицый длинноволосый угорь.

Самый высокий, здоровенный шкаф, обозрел Валю с наглой ласковостью:

— Девушка, который час? — пропел он.

— А вам мама разрешает так поздно гулять?

— Да еще неизвестно с кем.

— От этого могут получиться дети, — пояснил угорь.

— Знаете, каким образом? — просунулся вперед коротышка: смазливое личико качнулось в слабом полусвете дальнего фонаря.

Ларик высвободил руку из-под ее локтя и легким толчком отодвинул Валю позади себя, в снег.

— А чем дело? — спросил он.

— А ты чего дерешь Муму? Витек, разберись с ним.

— На пару слов, — кивнул угорь, напористо схватил Ларика за куртку и потащил его в сторону.

— Не смей! — зазвенела Валя, бросаясь.

Ларик двумя руками зажал кисть противника, крутанул вниз-вбок, опрокинул его, резко ударил вниз ногой в лицо — и полетел в снег от плюхи, которую навесил ему шкаф.

Дальнейшее она воспринимала слабо, забыв в оцепенении испуга кричать и звать помощь. (Да и кто попрется в ночь на крики о помощи?..) Драка выглядела страшно и живописно, как в кино, по сравнению с обычной уличной махаловкой, где калечат безо всяких внешних эффектов. Сознание фиксировало разорванные кадры: один валяется на снегу; Ларик стоит на четвереньках, и двое пинают его, целя по голове, опущенной меж рук; перекатившись на бок, Ларик хватает одного за ногу и дергает с вывертом, тот рушится; Ларик

откатывается, вскакивает, но коротышка хватает его сзади за горло, а здоровый всаживает удары в лицо и грудь, хэкая на выдохах в такт; коротышка перелетает через спину Ларика и падает на здорового, валятся оба; удар ногой в живот; пятерня тычется в глаза; по утрамбованной тропинке в ледяном свете луны движется угорь, выставив перед собой острое сияние лезвия, а Ларик пятится от него, стягивая шапку — шапка летит в лицо, две руки перехватывают кулак с ножом, нырок, выверт с рывком, угорь с резким взвизгом падает на колени, стонет, нож лежит на снегу...

Ларик сунул нож в карман, быстро окинул поле брани: тела; сплюнул длинно темным на снег и, шатаясь, подошел к ней.

— Пойдем отсюда!.. — она схватилась, сухо всхлипывая и трясясь.

— Теперь можно не торопиться, — невнятно проговорил он...

— Куда ты меня ведешь?

— Черный ход есть? Ну, с другой стороны? — он пришамкивал.

— Зачем?

— А ты хочешь, чтобы они запомнили подъезд и еще встретили тебя?

Под фонарем она взглянула со страхом: лицо в крови, струйка из угла рта, глаз заплывает. Он оступился, качаясь.

Во дворе он потянул рифленую дверь над ступенью: открыто.

— Ну пока...

— Куда ты такой? Пошли ко мне! Может быть, надо «скорую»...

— Не ерунди. «Скорая» вызовет милицию. Превышение пределов необходимой самообороны...

— Но они же там!.. А если догонят?

— Сегодня уже не догонят. — Он хмыкнул и скривился.

— А если у тебя сотрясение? Или переломы!

— Ой, без паники. Так схожу завтра в травму.

Он отпустил ручку двери и сел на ступеньку.

— Ну, иди отсюда...

— Никуда я не пойду! — с неожиданной злостью и силой она схватила его под мышки, подняла, потащила наверх.

— Ладно, — сдался он. — Только на минутку... Помоюсь...

— Хорошо, хорошо...

В прихожей, закрыв дверь, чтоб не проснулись родители, сама сняла с него куртку, повела в ванную, пустила теплую воду:

— Больно? Тебе плохо?

Лицо стремительно опухало. Он осторожно потрогал ребра, потер бок:

— Нормально обработали. Свинцовых примочек нет? Разнесет...

— Не разговаривай, тебе больно...

— «Если смерти, то мгновенной...» — пробурчал Ларик невнятно из-под ее рук, бережно обмывающих его лицо (не целовать! не!).

— Надо смазать йодом... — растерянно решила она.

— Давно леопарда не видела? Перекись водорода есть?

Ступая на цыпочках, она притащила аптечку: порылась.

— Нет...

— И хрен с ней.

— А вот мазь календулы, мгновенно все заживляет!

— Если мгновенно — мажь, — согласился он, покряхтывая.

Закрыл глаза, наслаждаясь ее прикосновениями.

— Ты чего улыбаешься?

— Представляю, на кого буду похож завтра, — спохватился, хмур.

— Хочешь чаю?

Он подумал, должен ли по сценарию хотеть чаю. Не напутать бы.

— Если можно, покрепче... а то что-то в голове шумит.

— Тошнит? голова кружится? сотрясение, — всполошилась она. — Я вызываю «скорую»!

— А сухари потом будешь мне в лагерь сушить? — спросил он с холодной насмешкой.

— Почему?

— Да потому, что я их покалечил, и могут впаять срок! Говорю же: превышение пределов самообороны! Законы наши... Этому в Институте культуры не учат?

— Но они же втроем... с ножом!

— Решила избавиться от меня, сдав под суд?

Глотая чай и морщась, с сокрушенным вздохом заметил:

— И не хотел ведь сегодня никуда переться тебя провожать... (Она замерла: что? как, он предпочел бы, чтобы она... ее?..) И как толкнуло... будто предчувствие. Удачно, что ты была не одна. Я бы себе этого никогда не простил.

Она изнутри просияла, теплый ком прокатился из живота к глазам. Захлопотала, обретя удовольствие в роли хозяйки и сестры милосердия.

— Вызови такси.

— Куда ты такой поедешь? Сиди уж...

За ее спиной он одобрительно взглянул в зеркало, видик о'кей.

— Останешься здесь. А вдруг тебе станет плохо?

— Хочешь предъявить своим родителям с утра эдакую рожу середь квартиры? — сварливо возразил он.

Она кратко задумалась:

— Ляжешь в моей комнате. А им я все расскажу.

— Что, интересно?

— Ну, в общем, ты меня все-таки спас... — проговорила она, вслушиваясь в смысл собственных слов: а ведь правда!..

Он встал, покачнулся, осторожно потрогал голову и сел обратно.

— Действительно, что-то мне... — признал слабым голосом.

А Катя ничего не знает, мелькнуло у нее. И он, похоже, не собирается ей звонить. Да если бы Валин жених...

что, жених?! Он — Катин жених? Чушь... Она подумала о Кате с насмешливым презрением: Ларик здесь, он спас ее, она за ним ухаживает, а прочие могут утереться.

Она раздвинула, застелила диванчик в своей комнате. Ларик улегся и подумал, что обрек себя на пытку и заснуть не удастся.

Выключатель щелкнул, во тьме прошуршал халатик, заскрипела кровать.

Помолчав, тихо позвала:

— Тебе не очень больно?

— Нет, — шепотом отозвался он.

Глядя в потолок, прислушивались к дыханию друг друга.

— Спишь?

— Нет.

— Знаешь... ко мне заходила Катя.

— Вот как. — Молчание.

— Она мне все рассказала...

Молчание.

«Дура, зачем я все это говорю — сейчас...»

— Она красивая. И — сильная.

— Зачем ты это мне говоришь?

Она повернулась к нему в темноте. Протяни руку — коснешься.

— Ты действительно решил жениться?

— Я не хочу говорить с тобой об этом.

«Я не имею права, да? Ты прав. Она его за муки полюбила, а он ее — за состраданье к ним...» Ах, ночное течение мыслей и чувств.

— Ты... ты ее любишь?

Пауза.

— Она добрая. И она меня понимает... — прошептал он.

Часы в большой комнате пробили половину четвертого.

А я, хотела спросить Валя. Быстро меняются твои чувства и забываются клятвы, хотела сказать она. Подожди. Не делай этого. Я не хочу, чтоб ты женился, хотела сказать она.

— Пусть ты будешь счастлив, — сказала она. Протянула руку и кончиками пальцев погладила укрывший его плед.

Только не сказать ей, что люблю ее, ее одну, одну в мире! Ларик ущипнул себя, собрался — быстрым движением погладил ее руку, шевельнулся уже для пожатия:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи... — она отвернулась, закрыла глаза, задышала тихо и ровно.

Долго притворялись спящими. Почувствовав, что сейчас вправду заснет, Ларик шевельнулся, тихонько простонал как бы сквозь сон.

— Что с тобой? Тебе плохо? — тут же отреагировала она.

— Жарко... Подташнивает что-то...

Вскочила, зажгла ночник, положила руку ему на лоб. Сделала неумелую попытку нащупать пульс:

— У тебя температура. И сердце частит...

— Ерунда... пройдет...

Рецепт: щепоть толченого графита от карандашного грифеля и две таблетки эфедрина — принять за два часа до нужного момента. Нехитрый симулянтский прием, отлично известный бывалым армейским врачам.

Градусник победно сигнализировал: тридцать восемь и две.

— Я вызову врача!

— Ага, и не забудь священника и гробовщика.

— Ты все шутишь! А если заражение крови?

— Дам ею досыта напиться врагам.

— Надо же что-то делать.

— Не шуметь. Приволокла дочка на ночь хулигана в синяках — во радость родителям.

— Не строй из меня тургеневскую барышню!

— Холодного чаю не найдется? С лимоном. И аспирина. Все.

Она поила его, поддерживая под затылок. «Если ранили друга, перевяжет подруга». Детская романтика всегда жива в глубине душ.

Ларик откинулся на подушке и благодарно поцеловал ей кончики пальцев, тут же отпустив.

«Так равнодушен, что ему ничего не стоит? или?..» Она поправила ему плед.

— Глаза слипаются, — сказал он. — Ох, хорошо...

И мгновенно заснул. Ресурс его нервов на сегодня был исчерпан.

Она слушала его посапывание со смесью умиления и обиды. «Мальчик был сегодня молодцом, — сказала себе. — Он заслужил отдых». И тут же уснула сама.

Утром пришлось вполголоса объяснить ситуацию родителям. Осмотр героя в приоткрытую дверь настроил старшее поколение на крепкие вздохи... Ларик тщательно спал, довольный тем, что она сама захотела выкручиваться — и выкручивается. В этой несколько пикантной истории она выступала на его стороне — отчасти против собственных родителей! — крайне отрадно.

Родителей (м-да...) даже благородная роль ночного гостя мало утешала. Драки, спанье в одной комнате...

— Что же, после всего бросить его валяться на улице в мороз?

— Почему на улице? Он же живет где-то?

— А если бы он не доехал?

— Вообще следовало поехать в травмопункт.

Рассказ о геройстве был воспринят как поножовщина:

— Еще нам только этого не хватало...

Они были, естественно, обеспокоены происшедшим, и дочери высказали раздражение и недовольство: такова психология.

Родители редко понимают, что противоречить детям в том, что дети считают истинным и справедливым — означает лишь подталкивать их поступать по-своему, отчасти уже из протеста. Упрямство — защитная реакция организма против попыток деформации. Поэтому Валя, когда осталась с Лариком вдвоем, выказала ему подчеркнутое внимание и доброту.

Эту азбуку Звягин знал явно. «Совсем неплохо, если ее родители тебя ненавидят: чем больше препятствий на ее пути, тем сильнее она захочет их преодолеть».

Валя объехала четыре аптеки, пока нашла свинцовые примочки. Ларика нашла в ванной: сильным контрастным душем он массировал страшноватое лицо — привычный способ городских драчунов.

Они завтракали и смеялись над приключением. Приятно было кормить завтраком мужчину, который может тебя защитить. Невольно она сравнивала его с Игорем... не все там еще, оказывается, отболело, но вектор этой боли, как стрелка компаса, передвигался на Ларика.

Возникла новая близость — нетягостная, свойская; хорошая.

— Поеду на работу. Бригадир нормальный — поймет.

— Подожди, я тоже. На две пары еще успею.

Она пропустила первые две пары — из-за него; он промолчал.

— И не постесняешься ехать рядом с такой хулиганской рожей? — подначил ее.

— Сейчас я тебя подгримирую, — притащила свою косметику. — Сиди спокойно!

На улице демонстративно взяла его под руку. Полюбовалась своей работой при ясном солнце:

— Сойдет! Шрамы на лице украшают мужчину.

В метро на них косились. Она ждала, когда он заговорит о встрече. Не дождалась.

— Можешь как-нибудь звякнуть, сообщить о здоровье, — небрежно бросила на прощание.

— Телеграфирую медицинский бюллетень, — весело обещал он.

И полетел на крыльях.

39. Бойцы вспоминают минувшие дни.

Небольшой банкет в комнате: водка, хлеб, сигареты, три вчерашних хулигана и один подгримированный герой.

— Я тебе боялся удар ногой в лицо довести. Не дай Бог, думаю, нос сломаю.

— А думаешь — просто бить в лицо по мягким тканям, чтоб не повредить кости, ничего не сломать?

— Ну, если смотреть на тебя со стороны — куда как просто.

— Но ты тоже — как рванул руку из плеча — чуть не вывихнул; соображать же надо. Да — нож-то отдай.

— А разукрасили, в пор-ряде, с тебя еще полбанки! Тут не то что девушка — милиция поверит с судмедэкспертизой!

Долго и с увлечением припоминали детали:

— Можно идти на «Ленфильм» наниматься в каскадеры!

— Ну, если теперь не пригласишь на свадьбу — в самом деле отсвистим. Тем более репетиция уже состоялась!

— Еще кому вломить — давай, опыт есть!

Хохотали.

40. Неужели это конец?

Он опять не звонил — день, и другой, и третий. Конечно: у своей Кати... Та умело врачует его; такие, как она, все делают умело. Если б не она! Неужели я ревную? вот еще...

Если победа в бою завоевывает женское сердце, то врачевание ран героя растапливает женскую душу.

Ларик неукоснительно позвонил вечером на третий день.

— А раньше не мог?

— Ждал, пока вывеска подживет.

Перед кинотеатром она издали увидела его; вблизи осмотрела лицо — умело загримировано, явно чувствуется женская рука. Что ж, все ясно. А чего ты ждала, собственно?

В темноте зала она ждала его прикосновения.

На середине фильма он вдруг обеими руками крепко сжал ее руку, поднес к губам, поцеловал быстро, крепко. Прошептал на ухо:

— Прости. Я не должен был тебя приглашать. — Поднялся и, не пригибаясь, ушел по проходу.

Она сидела еще несколько минут. Дурацкое кино было непереносимо. Поднялась и ушла.

Горечь мешала дышать.

И был вечер, и было утро; дыхание ее было сбито, «свой нерв» потерян. Не умирала. Но сладко не было.

Понимала — конец. Но как-то не верилось.

41. О чем не говорят, чему не учат в школе.

— Ты должна научить его всему. Ясно? Как касаться женщины и как расстегивать на ней одежду. Как снимать штаны и как ложиться рядом. Как все делать вовремя и ничего не делать не вовремя. Во всех деталях! Короче — вышколишь мальчика под романтического любовника для юной девушки.

— Уж и не помню, что такое юная девушка.

— А ты постарайся.

— Не уверена, что одного сеанса хватит.

— Я тебя не ограничиваю.

— А вы уверены, что он придет, такой влюбленный?

— Это моя задача. А вот чтоб не захотел уйти — это твоя задача.

— Но он хоть действительно из себя ничего?

— Вполне. Стану я тебе урода сватать.

— Уж и не помню, что такое двадцатилетний мальчик.

— Надеюсь, хотя бы получишь удовольствие.

— То-то вы заботитесь о моих удовольствиях! А на что-нибудь более материальное тоже можно рассчитывать? Вы цены знаете?

— Я все знаю. А цены на твой курс лечения ты знаешь?

— Но это как бы по дружбе, вы говорили...

— И это тоже по дружбе. Считай, что списываю долг и открываю тебе кредит: сможешь обращаться еще, и по любому поводу.

— М-да-а, вот и пришла мне пора открывать школу... Смешная задачка... даже интересно. Откровенно говоря, я бы предпочла погасить свой долг непосредственно вам.

— Не учи дедушку кашлять.

— Но интересно: почему именно я?

— Я уважаю профессионалов.

42. Раз в жизни сбывается несбыточное.

Ларик позвонил на четвертый день — поздно вечером, разумеется.

— Что это ты вдруг решил о себе напомнить?

— Просто подумал, что поступил не очень вежливо...

— Ах. Мы обретаем манеры. Вращаемся в высоких сферах. Не волнуйся, я все давно забыла.

— В общем, мы тут едем компанией на выходные в Таллинн, и я подумал, что, может быть, тебе захочется.

— Может быть. (Опять Таллинн!..)

— Так как?

— Ты прекрасно знаешь, что я никуда с тобой не поеду.

— Нет, как хочешь. Извини. Счастливо.

Пи-пи-пи — сказала трубка ей в ухо. Ну, и что делать?..

Пораньше с утра (успеть!) позвонила ему на вахту общаги:

— Что ж ты так быстро бросил трубку? — съязвила.

— Ты-ы? А мне показалось...

— Это мне показалось. Если ты на полпути поцелуешь руку и выпрыгнешь из поезда — милая перспектива.

Он засмеялся.

— Скажи сам: с тобой можно куда-нибудь ехать?

— Со стороны виднее. Не только со мной — нас пятеро. Поезд в шестнадцать десять.

— Не уверена, что смогу. В общем, идея заманчивая...

— Билет по студенческому — треха, ну с собой двадцатку.

— А жить там где? Или блат в гостинице?

— У Володи знакомый художник, оставит мастерскую. С камином!

Вале нарисовался вечер, огонь в камине, островерхие таллиннские крыши, компания: один обязательно в старом кресле-качалке, остальные — на матрасах вдоль стен... кругом — картины, мольберты, холсты, запах красок... и художник — бородатый, в растянутом грубом свитере, дымящий трубкой. Хотелось отчаянно.

— Если к обеду не разболеюсь окончательно, — соврала, — то можно подумать... Не обещаю, но на всякий случай ждите.

— До четырех часов в зале, где кассы, — у буфета.

Он не упрашивал...

Пришлось звонить матери на работу, строить легенду о выпавшем срочно месте в двухдневной турпоездке от института, выслушивать сомнения на повышенных тонах... «В конце концов, тебе двадцать лет, ты взрослая девушка, что я могу поделать — взаперти тебя держать? — Мать что-то чуяла, и правильно чуяла... — Только позвони нам сразу, как добралась».

Ларик ждал на Варшавском вокзале, грея ладони о стакан с кофейной бурдой.

— Слушай, — неловко признался он. — Ничего не получилось...

— Что не получилось? (Опять!..) Негде остановиться? Или — поезд отменили, путь взорвали? — она полыхнула злым прищуром.

— Да нет, — вздохнул он. — Просто они не поехали. Там личные отношения... короче, разладилось. Извини...

Он вытащил из кошелька билеты:

— Надо пойти сдать. Или прямо продать в очереди...

Один билет у них схватили сразу, потом еще два. Ларик взглянул на два, оставшиеся в руке, на часы поверх расписания:

— Четыре минуты осталось. А может — рванем! А? Честно говоря, я уже настроился.

Она молниеносно прикинула время до вагона — и не отказала себе в наслаждении сыграть теперь на его нервах небольшой ритмический танец.

— Что-то скучно без компании... Да и не успеем уже.

— Да, разве что галопом, — согласился он легко.

Она взглянула невинно:

— Слушай — а почему ты с сумкой? раз все распалось?

— Так я ж прямо с работы, — удивился он. — С утра все с собой взял, иначе не успеть.

На часах оставалась минута с половинкой.

— Вообще-то мы старые друзья, — неторопливо проговорила она, следя за реакцией на слово «друзья».

— Вот я и подумал, — спокойно согласился он, хватая протянутую ему сумку.

Запыхавшись, они вскочили в последний вагон при негодующем вопле проводницы.

Их кресла были лицом по ходу движения. Оледеневший Ленинград со стуком выпускал путешественников из своего каменного лона.

Ларик извлек из сумки бутылочку с коньяком и четыре мандарина.

— За благополучный проскок! — приветствовал он. — А то не по-джентльменски получилось бы — пригласить девушку, а потом отказаться.

— За джентльменов, — ответила она. Стало тепло: он действительно хотел поехать с ней, а не блефовал. Еще посмотрим, Катенька, чего стоят твои прожекты!

А ночевать — вдвоем?.. Отмахнулась от этой мысли: э, разве не спали они в одной комнате. Но мысль посвечивала запретным, тем самым; она не спрашивала ничего.

Запасливый Ларик разложил Конан-Дойля и Сименона, — не читалось: болтали, смотрели в окно. В Нарве он добежал до буфета, принес в свертке горячие пирожки и бутерброды, Валя налила кофе из термоса.

— Слушай — как мы хорошо едем!

Потом он раскрыл коробку со «скрэбл», каковая игра по-русски получила официальное название «эрудит»: играли в слова...

Летящий пейзаж затягивало темью, электричество задрожало в стеклах, вагон постепенно пустел.

Над перроном горела латиницей надпись «Tallinn», звучала непривычная чужая речь, и Валя почувствовала дух заграницы.

— Нам теперь куда?

— Может, погуляем немного сначала?

— Конечно! А сумки не тяжелые?

— Да ну, одна на плече, вторая в руке. Пошли...

За подземным переходом углубились в витую булыжную улочку. Древняя стена в подсветке прожекторов вздымалась над заснеженным парком. Экспрессивные афиши с непонятными надписями пестрели под фонарем длинной вереницей. Крохотные проулки отделялись от улицы; свежевыпеченной горячей сдобой пахнуло из низких воротец.

Улочка трудолюбиво взобралась на взгорбок и распалась между теснящихся углов на рукава; по лесенкам и подворотням Валя и Ларик спустились на игрушечную площадь; трубач на шпиле ратуши пронзал вишневочерное небо, лепившиеся друг к другу пряничные домики светились стрельчатыми окнами. Прозрачные серые хлопья плыли на фоне луны, яркой и четкой, как на японских гравюрах.

— Красиво-о... — протянула Валя.

— Дарю, — простер руку Ларик. — Не жалеешь, что увидела?

— Пока нет!

Он изучил карманный план города, повел ее за повороты вниз, за перекрестком светилась модерная башня отеля «Виру».

— Нам на сороковой автобус. Езды десять минут.

Автобус вывернул в конце концов на современную безлико-коробочную улицу. Они куда-то свернули за магазином, обошли крохотный парк и углубились меж двух рядов двухэтажных строеньиц, перед которы-

ми росли елки и рдели в редком свете окошек гроздья рябин.

— Ты здесь когда-нибудь уже был?

— Впервые в жизни. Просто строители хорошо ориентируются в городской местности.

Сверил номер на домике с записанным, взял ее под руку и ввел в подъезд. Не поднялись по лестнице, но спустились на несколько ступенек вниз и оказались перед обычной дверью, ведущей в полуподвал.

Валя предполагала, что мастерская будет на чердаке, в мансарде; жаль... но тут тоже неплохо...

— А он дома? — спросила она про художника.

— Хм. Посмотрим, — ответил Ларик и вытащил из-под кнопки звонка записку: «Уехал до понедельника. Ключ под ковриком. Прошу быть как дома». Нагнулся и из-под половичка извлек ключ.

Замок щелкнул.

Ларик протянул руку и повернул выключатель:

— Прошу входить!

Мастерская промерзла. Не раздеваясь, быстро осмотрелись. Крохотная прихожая переходила в кухню, скошенную и безоконную: электроплитка, старенький холодильник, посуда на полке, в углу — поленница вкусно пахнущих березовых дров.

— А зачем дрова? Для камина?

— Здесь парового нет. Видела трубы на крышах?

Она не представляла себе, что где-то сейчас, кроме таежной глуши, люди могут обходиться без центрального отопления. Это внесло романтическую струю: они будут обогреваться живым огнем!

Собственно, камин правильнее было бы назвать очагом: грубая печь с отверстым широким зевом, но это выглядело еще стариннее и привлекательнее.

Рядом с камином висело растресканное зеркало в старинной раме, а за рамой белела записка: «Ребята, пользуйтесь свободно всем, что есть — кроме красок. Белье на диване чистое, второй тюфяк в шкафу. Счастливо отдохнуть!»

— Очаг еще теплый!..

— Ой, он что, специально для нас топил?

В комнате с низким окошком под потолком стены полнились картинами: кривая бутылка с воткнутой хризантемой, косо развевающийся черный плащ с рыжим шарфом, женщина из цветных треугольников; на дряхлом письменном столе — тюбики, разбавители, кисти.

— А он здесь живет?

— Нет, в нормальной квартире. А у отца хутор, он там часто работает.

Ларик раскопал в фанерном шкафу складной столик, накрыл куском ткани, поставил свечу в медном шандале с подоконника:

— Перезимуем?

Радость маленькой девочки: хотелось запрыгать, хотелось чмокнуть его в щеку.

Дрова затрещали в очаге. Зашкворчала сковорода на плитке: в холодильнике нашлась снедь и полбутылки водки.

— Мне ночью всегда ужасно хочется есть, — призналась Валя, сервируя столик щербатыми тарелками и столовскими вилками.

Ларик набрал воды в надбитый кувшин, вышел наружу — принес гроздь рябины и украсил натюрмортом стол:

— Прошу выпивать и закусывать! — Из его сумки материализовались бутылочка французского коньяка и шампанское «Мумм».

— Ого? — протянула она.

— Или плохой праздник? Или не имеем права?

«Неужели вот так и произойдет то самое...», — подумала она, но мысль об этом была как-то нехороша, а все происходящее было хорошо, и очень, и мысль эту она погнала прочь; успокоила:

— Имеем, Ларька, имеем.

— За огонь, чтоб светил и грел всю жизнь, — поднял рюмку, и они чокнулись.

Водку под жареную кровяную колбасу, шампанское под яблоки, коньяк под конфеты: он вел меню грамот-

но. Вале сначала обожгло горло, но сразу стало тепло, приятно зашумело. Время понеслось неизвестно куда, вот уже и три, хотелось спать, но не хотелось, чтоб все кончилось, Ларик сварил кофе в мятом кофейнике, вытащил из-под хлама запыленную гитару, подстроил.

Когда ты научился играть, хотела спросить она, но не спросила, хотелось молчать, слушать, сидеть так рядом с ним, подобрав ноги и укутавшись в плед, и ждать сладко, что будет...

Нехитрый перебор вплелся в треск огня и молчание ночи, в тепло коньяка и тонкую горечь оттаявшей рябины, тени на стене и низком потолке, он хрипловатым речитативом выпевал слова о той, с которой не светло, но с ней не надо света, и это было о них... в этот момент она его любила — еще не его, она любила просто — весь мир, жизнь, свое будущее и свою молодость, этот вечер, но рядом был он, он любил ее, ясно ведь теперь, что любил, иначе не может быть, и он был хороший, добрый, умный, храбрый и мужественный, верный, на все готов ради нее, и в этот миг она любила его, и страшилась, что это может кончиться ничем, — боялась, но знала, что должно быть то, что должно, и страшилась только сожалеюще, что он окажется недостаточно решительным, мальчишкой, не таким как надо: женщина жила в ней, жило предощущение счастья, познания, забвения, всего...

— Пора спать. — Он отложил гитару, бросил на пол тюфячок, накрыл простыней и одеялом. — Я выйду, ты ложись. Туалет на площадке, — добавил он естественно, просто: проинструктирован.

Ах, Том, какой вы благородный, улыбнулась про себя Валя. И хочется, и колется, и мама не велит, подумала она бесшабашно. Если не сегодня, то... Да я что, замуж за него хочу?.. А, да что мучиться! Ей не хотелось ни за что отвечать, принимать решения, пусть решает мужчина, в конце концов...

Он вошел, когда она уже легла, плеснул шампанского, сел рядом, протянул ей:

— Выпьем за золотую рыбку, — полушепотом сказал он.

— Которая исполняет любые желания?

— Нет, только одно, и только раз в жизни.

Очаг догорал. Он лежал на тюфячке совсем рядом.

— Тебе не холодно на полу?

— Да нет.

Рука его была рядом, коснулась ее пальцев, пальцы сжались на ней, теплые, тонкие, сжались нежно, крепко, и он перетек весь следом за своей рукой, обнял, зарылся лицом в волосы, обмер до судороги, теряя сознание от ощущения того, что руки ее сплелись на его шее, щека ее не отодвигается от его щеки, щекотка ее ресниц, поцеловал в закрытый глаз, теплую щеку, мягкие душистые губы, медленно раскрывшиеся, разрываясь от нежности шептал вне реальности: «Я люблю тебя... умру за тебя... как я мог без тебя жить... как я мог без тебя жить... единственная, родная, любимая, всю жизнь, одна светлая, родина, жизнь моя...», и чувствовал невероятную гладкость ее кожи, все ее тепло под мохнатым пледом, вытягиваясь рядом с ней и умирая от прикосновения ее руки на своей спине под свитером, стягивая этот свитер, трясясь, как от озноба, «Тебе не холодно?.. — Нет...», плечи были уже под пледом, рядом с ней, грудь прижалась к ее груди, она не отталкивала его руки, тонкие одежды, ненужные чехлы, сходили с ее тела, он замер, пораженный прикосновением к ней, всей, к ней, не во сне, не в мечтах, освобождаясь от того, что на нем еще было, не надо торопиться, не все сразу, это пока пусть остается, боже мой, это ты, моя любимая, мое чудо, прекраснейшая из женщин, какая ты красивая вся, я сойду с ума, это неправда, какая ты красивая вся, это все — ты, это все — ты, и она с закрытыми глазами чуть меняла положение тела так, чтобы ему было удобнее освобождать ее от всего, от последнего, и уже ничто больше не разделяло их, совсем ничто, боже мой, я сейчас сойду с ума, я сейчас сойду с ума, дыхание ее прерывалось, он ласкал ее всю, игольчатый сладкий ток пронзал, только бы это не кончалось, неужели это правда, неужели, неужели...

Огонь угас. Достигла прохлада. Он укрыл ее, встал, перекинув через плечо одеяло римским плащом, подложил дров, вздул головешки. Часы: четверть пятого. Разлил остатки коньяка, выкопал со дна сумки пачку «Честерфилда», дымок прозрачной струйкой потек в очаг, плавно загибаясь над огнем и тая в языках желтого пламени, с гудением улетающих в дымоход.

— Разве ты куришь?

— Очень редко. Сегодня можно. Я хочу покурить с тобой. Я хочу сегодня ночью выкурить сигарету с тобой, у огня, здесь.

Он осторожно вытащил из пачки сигарету, прикурил от своей и вложил ей в губы.

— Я не умею... Надо тянуть в себя?

— Ага. Вот так. Вдохнуть. Подожди, — сначала выпьем по глотку. За город Верону. По последней.

— Почему за Верону?

— Нельзя спрашивать. Сначала выпить тост, потом вопрос.

Она выпила и затянулась. Дымок показался некрепким, сладковатым, приятным, он заполнил легкие и выдохнулся почти незримым продолговатым клубочком.

— В Италии есть город Верона, — шепотом говорил Ларик, глядя черными прозрачными глазами на нее и сквозь — в себя, в пространство. — В этом городе, маленьком и старинном, есть тесная, булыжная центральная площадь с колокольней и сторожевой башней. А в середине стоит памятник Ромео и Джульетте.

Тихий голос его удалился ввысь, стал едва различимой музыкой, счастливое ощущение легкости и полета объяло Валино тело. Прозрачная струйка сигаретного дыма развеялась и стала деревом, дерево ветвилось, черепичные крыши просвечивали сквозь крону, на сизой, отмытой веками каменной площади светился белизной памятник, и два живых, прекрасных и юных тела сплелись на постаменте, струясь и переливаясь одно в другое.

— И если влюбленный положит белую розу к подножию этого памятника, — покачивал и пересыпался

музыкальный звон, — то он будет счастлив в любви, и любовь его не изменит ему никогда.

Памятник превратился в картину на стене, на его месте появилось пятно неясного цвета, в центре пятна образовался черный четкий прямоугольник, и из него возник Ромео — в коротком плаще, бархатном берете на кудрях, в чулках до бедер, придерживая шпагу на боку. В руке у него благоухала белая роза, бьянка роса. Неслышными шагами приблизившись к ним, он склонился в плавном поклоне и положил розу на стол. Белая роза лучилась в темноте. Из складок плаща Ромео достал коробочку, на белом шелке горело золотое обручальное кольцо, он протянул его Вале и теплой, сухой, крепкой рукой сам надел ей на безымянный палец, опустившись на одно колено. И удалился так же беззвучно, вернулся в пятно света, свет медленно потускнел, померк, и видение исчезло.

Валя, ничуть не удивленная, засмеялась, потрогала колечко, потянулась к розе, ощутив упругость свежего стебля, взмахнула ею, понюхала, провела по лицу Ларика:

— Это тебе или мне?

— Нам.

— Значит, мы будем счастливы в любви?

— Всю жизнь.

— И мы теперь обручены? — повернула руку с кольцом.

— Ромео сам обручил нас.

— Мы теперь муж и жена?

— Да.

И этот прекрасный сон принял медленное вращение лазурной воронки тропического моря, и когда Валя закрыла глаза, улетая на теплой волне прибоя, уносящей ее туда, куда она хотела, она не чувствовала ни боли, ни страха, а была только волшебная и бесстыжая сказка, она была свободна свободой полета, и в остром блаженстве сна делала то, что хотела, и умирала раз за разом, благодарная ему за то, что он делает то, что она хочет, они были одно, и когда, паря и уносясь в забвении, она прошептала:

— Я люблю тебя... — это была такая правда, правдивее которой она никогда ничего не говорила.

...Она уснула, дыша ровно и бесшумно, а он еще долго лежал рядом, боясь пошевелиться, хотя знал, что она не проснется.

Затем повел себя несколько странно. Зажег свечу, всунул в золу очага ее окурок из пепельницы, а на его место, прикурив, положил другой; в золу же последовали еще три сигареты, внимательно извлеченные из пачки. В прихожей он снял ключ с гвоздика, вставил в дверь и повернул поперек. Из глубины письменного стола достал старинную вазу, сунул туда розу, налил воды и спрятал в кухонный шкафчик. Закрыл глухую штору на окошке, которая была отдернута.

После чего лег рядом, проверил фонарик, приказал себе проснуться в половине девятого, обнял Валю и растворился в счастливом сне.

Проснулся во тьме кромешной. Ежась от холода, помылся ледяной водой на кухне, снял лезвием легкую щетинку, брызнул одеколоном и дезодорантом, ворот свежей белой рубашки раскинул над вырезом черного пуловера. Валя спала, свернувшись калачиком под пледом и одеялом.

Из магазина вернулся со снедью, накрыл завтрак, водрузил бутылку шампанского, поставил повиднее треснутую, матовую от возраста вазу — королевским незапятнанным знаменем роза высилась в ней. Из карманчика куртки вытащил диктофон, проверил кассету, включил — отдернул штору.

Комната подсветилась чистым и несильным утренним светом. Музыка звучала негромко.

Валя пошевелилась и с сонной улыбкой открыла глаза.

Ларик, свежий, улыбающийся, сидел на тюфячке возле столика, и две чашки кофе дымились рядом. Неяркий в свете солнца огонь трещал в очаге.

— Доброе утро, — сказал он, подходя и целуя, и это было как продолжение сна и одновременно пробуждение. — Чашку кофе принцессе в постель?

Она увидела розу, что-то припомнила, глаза ее изумленно распахнулись.

— Послушай... — выговорила она и увидела на пальце кольцо.

Шампанское хлопнуло, стакан охолодил ее руку, колечко звякнуло об стекло.

— За лучшую из женщин, — сказал Ларик. — За тебя.

Она машинально глотнула, отдала стакан, — кропотливо припомнила ночь; не почувствовала ожога от горячего кофе, вспомнила, ахнула... кофе пролился на подушку, расплываясь коричневым пятном, похожим на Австралию.

Роза.

Кольцо.

Ромео!

Ночь.

— Я люблю тебя всю мою жизнь, — сказал он.

— Ты прекраснее всех на свете, — сказал он.

Зрачки ее расширились, рот приоткрылся.

— Откуда эта роза? — выговорила она.

— Я сейчас купил возле магазина.

— Откуда это кольцо?..

— Кольцо? — изумился он. — Я надел тебе ночью на палец... ты не помнишь?.. Мы выпили, но...

Она помотала головой, глотнула кофе и стала вытирать ладонью впитавшееся пятно.

— Мне такое чудилось... странный сон... наваждение.

И рассказала ему все.

Он сел рядом, обнял, прошептал в лицо:

— Если ты жалеешь, мне остается только умереть...

— Не надо, — сказала она. — Ты живи. Иначе как же я теперь?..

И потом, в тепле постели, испытывая такую близость с другим человеком, о возможности которой раньше и не подозревала:

— Слушай, но ведь так не может быть... А может, я сошла с ума...

— Мы оба сошли с ума...

— Я не думала, что у меня это будет так...

— Я тоже...

— И ты никогда теперь от меня не уйдешь?

— Никогда. До березки. И после смерти тоже.
— Хм. Не думала, что я такая бесстыжая.
— Любить не может быть стыдно.
— А как же она? — спросила Валя, имея в виду Катю.
— Есть только ты. Одна ты во всем мире.
— А ты мне что-нибудь сказал, когда надевал кольцо?
— Я просил тебя быть моей женой.
— Да? И что же я ответила?
— А ты не помнишь?
— По-моему, я сказала, что мы теперь уже и есть.

Она села, скрестив ноги, и стала водить пальцем по его лицу.

— Слушай, — сказала она, — ты можешь мне ответить сейчас на один вопрос?
— Любой. Всегда.
— О чем ты сейчас думаешь?

Он открыл глаза и потянулся за сигаретой. Она зажгла ему спичку — новым, незнакомым ей самой движением поднесла.

— Об одном человеке,— медленно ответил он.— Который вытащил меня в декабре из метро, когда я собирался... не тянуть дальше без тебя...

43. Джентльмены не опаздывают к завтраку.

Человек, о котором он думал, в этот момент пожал руку водителю и вышел у гастронома на Чернышевской площади. Отоварившись к завтраку, он набрал код у подъезда за углом, поднялся на пятый этаж и позвонил обычным сигналом: один длинный и два коротких.

— Папка приехал! — дочка повисла у Звягина на шее.— А почему ты иногда так звонишь?

— Просто в детстве мы со школьным другом часто ходили на станцию — его отец работал машинистом. Тогда по системе знаков оповещения боевая тревога подавалась гудком локомотивов: один длинный и два коротких. Вот — память о дружбе.

На лице его не было никаких следов утомления

— Ну, — вопросил он, — где субботний завтрак главе семейства?

За столом обе стороны выдерживали характер: женщины не задавали вопросов, а он ждал, чтоб они были заданы.

— Быстро ехали? — сухо спросила жена.

— Не слишком.

— И стоила того поездка?

— Надеюсь.

— А что в сумке?

— Театральный реквизит.

(Каковой реквизит и завез вечером Кате для возврата в костюмерную.)

— Пригодилось?

— Вполне.

— Хороший спектакль сыграли?

— Надеюсь.

— Зрители оценили?

— Увы — как всегда: сплошные действующие лица и никаких аплодисментов.

— А вы жаждете аплодисментов?

— Все гении тщеславны, — скромно признался Звягин.

Отзавтракав, он кинул ногу на ногу и сощурился:

— Главное всегда — детали, — поучающе поведал. — Смазка дверных петель, чтоб не скрипнули. Не забыть снять штору с окна, чтоб фонарик дал пятно света на стене. Не забыть вынуть ключ, чтоб можно было открыть снаружи.

— А что было самое, ну самое трудное? — сгорала от любопытства дочь.

— Во-первых, чтоб он не забыл точно выдержать условленное время. Во-вторых, чтобы к этому времени все было готово. В-третьих, не было уверенности, что он ничего не перепутает, и что она выкурит эту сигарету.

— А что за сигареты? Я видела, как ты их чем-то заряжал!

— Много будешь знать — скоро состаришься. А это девушкам не идет.

Стану я тебе объяснять отличия наркотиков группы ЛСД, хмыкнул он про себя.

— А если б у него что-нибудь не вышло?

— Тогда повесил бы на дверь снаружи клочок бумажки.

— Ну, а если бы все равно что-то лопнуло?

— Понятия не имею, — лениво протянул Звягин. — Получилось бы в следующий раз что-то другое. Хотя, — добавил раздумчиво, — хорошая организация — залог успеха.

— Знаешь, что плохо в твоих историях? — разомкнула наконец уста жена.

— Да? Не знаю.

— Что они напоминают анекдот про джентльмена и лягушку.

— Он приличный? — благонравно осведомилась дочь.

— Пока не для тебя.

— Согласна на салонный вариант. Или ты как учительница предпочитаешь, чтобы я выслушивала похабные истории от подруг, а между мною и родителями выросла стена отчуждения?

— Красиво излагает, — признал Звягин.

— Хорошо. Джентльмен вышел на прогулку в сад и увидел на аллее лягушку. Она сказала ему: сэр, возьмите меня на руки. Он был джентльмен, он не мог ни в чем отказать даме, даже если это была лягушка, и он взял ее на руки. Она сказала: сэр, а теперь отнесите меня в вашу спальню. Он был джентльмен... и так далее. Короче, в самый неподходящий момент лягушка превратилась в обольстительную девушку, а в спальню зашла жена джентльмена, — и всю свою жизнь она не могла поверить этой простой и правдивой истории.

— Очень жизненно, — согласилась дочка.

— Абсолютно правдоподобно, — подтвердил Звягин.

— А что будет с ними дальше? — спросила жена.

— А мне какое дело? — спросил Звягин. — Хоть бы раз удержалась от этого вопроса. Я не собес. Мавр сделал свое дело, мавр может вымыть тело. Я в душ. Горячая вода идет сегодня, надеюсь?

— Твои истории даже рассказать никому нельзя — не поверят, до того неправдоподобны.

— А правдоподобные истории неинтересны. И вообще мой любимый герой — барон Мюнхгаузен. Кстати о баронах. Помнишь, я спрашивал тебя, почему фон Рихтгофена прозвали красным бароном? Так вот, это не имело никакого отношения к его убеждениям и политическим пристрастиям, равно как и к цвету кожи, разумеется. Просто «альбатрос» — истребитель, на котором летал этот знаменитейший из асов первой мировой войны, был красного цвета: чтоб издали видели и боялись.

— Ас — означает туз,— сообщила дочка, гордясь познаниями.

— Верно, на фюзеляже туз и малевали. А почему в картах туз главнее короля и что это означает? Вот именно. Асы — это боги из рода Одина, верховного бога норманнов. Разили с небес. Интересно, следует ли из этого, что карточная терминология имеет скандинавское происхождение?

Еще не эпилог

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

— В чем смысл жизни?

— Для этого надо сначала ответить:

во-первых, — что такое жизнь вообще, в масштабах Вселенной;

во-вторых, — что такое жизнь человеческая, в частности;

в-третьих, — что такое смысл;

в-четвертых, — почему его надо искать.

Разговор этот происходил при обстоятельствах, не совсем для того подходящих: ночной берег, мартовское полнолуние, луч поисковой фазы реанимобиля «скорой помощи».

...Сознание спящих в комнате отдыха фиксировало трансляцию, не давая сигнала проснуться, когда команды к ним не относились, — реагируя лишь на номер своей машины и фамилию своего врача.

— Десять тридцать два! Доктор Звягин, на выезд. Утопление.

Сели на койках, словно включенные, как и не спали.

— Утопление — поедем быстренько, — ровно сказал Звягин, выходя в коридор.— Возьми термос с чаем, Гриша.

История была довольно глупая, как и все подобные истории.

Милицейский патруль, проходя ночью по набережной, услышал сильный всплеск и бултыхание. Бросив-

шись к решетке, увидели в лунном свете расходящиеся круги и голову, раз-другой показавшуюся на черной зеркальной поверхности, где дробились редкие золотые змейки фонарей.

Проклиная раззяву, один — хороший пловец — вмиг содрал с себя форму и прыгнул в обжигающую ледяную воду. Ему удалось почти сразу поймать тонущего за одежду и подтащить к гранитному спуску. Второй по рации сообщил о происшествии, и уже дежурный в центре вызвал к ним «скорую».

Когда звягинская бригада прибыла на место, приходящий в себя утопленник трясся и вяло отплевывался мазутистой водой, а его спаситель, одевшись, махал руками и делал приседания, чтобы согреться.

— Что ты искал в реке, ныряльщик? — ободряюще спросил Звягин, таща с Гришей к машине парня, с которого лили ручьи.

И в ответ получил вопрос о смысле жизни, каковой вопрос и разложил невозмутимо на составные части.

— Вразумительно, — просипел спасенный. — Обстоятельно.

— Мало тебя родитель в детстве порол, — неожиданным мужицким говорком пробасил юный милиционер, влезая следом в салон — посидеть в тепле.

— Хлебни чаю и посиди пока рядом с водителем, — выпроводил его Звягин.

— Кордиамин сделаем? — спросил Гриша, кидая в угол мокрое тряпье. — Как тебя зовут, Ихтиандр? — Надел иглу на шприц.

— Матвей... — Парень проливал чай на курчавую юношескую бородку. Тонкие ребра ходили под голубой пупырчатой кожей.

Звягин раскрыл раскисший студенческий билет: третий курс философского факультета.

— Как ты сверзился в воду, философ?

— В-ва-ва-ва, — простучал зубами философ. Его вдруг заколотила крупная дрожь. — Оступился...

— Ой ли? Что, головушка не выдержала мудрости веков? — съязвил Гриша. — Охладиться решил? Отдохнуть?

— В-вам эт-того не понять... — простучал Матвей.

— Где уж нам, — согласился Звягин, — отставным солдафонам, клистирным трубкам. Нам думать некогда, времени на это не остается. Это вы все философствуете — с моста в реку. Мыслители.

Пока ехали в приемный покой на улицу Комсомола, выяснились некоторые подробности как личного, так и общего плана. К первым относилось то, что жизнь Матвея решительно благополучна: из обеспеченной семьи, учится в университете, здоров, умен, — что называется, ничем не обделен. Ко вторым же Звягин прислушивался иронически: по словам впавшего в возбужденную разговорчивость Матвея, существование его стало непрерывной мукой, и не чаялось от нее избавления, потому что причины были какие-то абстрактные и глобальные.

— Все бессмысленно, — проповедовал Матвей с носилок. — Почему самые лучшие люди должны в жизни столько мучиться? Зачем чего-то добиваться, если все равно когда-нибудь умрешь? К чему все, если Солнце когда-нибудь погаснет, и жизнь на Земле кончится?

Горестные сетования сыпались из него, как в финале античной трагедии.

— Бешенство мозга, — поставил диагноз Гриша, и уточнил, — зажравшегося. Вот поработал бы ты на моем месте, когда каждую смену люди у тебя под руками умереть норовят, а ты их откачиваешь — может, и поумнел бы. Понял бы смысл жизни.

— А вы уверены, что их всех стоит спасать? — вопросил Матвей. — А если кто-то из них приносит лишь зло? А если кто-то все равно скоро умрет, испытав лишь ненужные мучения?..

— Знакомая постановка вопроса, — одобрил Звягин. — Гуманная. Глубоко философская. А главное — позволяющая ничего не делать.

Въехали под арку и остановились во дворе. Гриша поднялся на крыльцо, позвонил.

— Мне жаль вас, — соболезнующе сообщил Матвей на прощание. — Живете, не задумываясь... Верите в пользу... Рабочая пчела... Впрочем, вы счастливы.

— Видал наглецов, — сказал Звягин, — сам наглец, но такой — это редкость. Мотя-обормотя. Мне бы твои проблемы.

— Это не мои проблемы, — проплыл ответ из освещенного коридора. — Это проблемы человечества... И решать их таким, как я, а не таким, как вы...

— Глупости, — сказал Звягин. — Кто работает, тот и решает. А кто плачется, тот поплачет и бросит.

Он заполнил карту и вернулся в машину: — На станцию.

Взлетели на Литейный мост. Гриша спросил:

— Леонид Борисович, а теперь скажите — стоило ли его спасать, свинью неблагодарную? Меланхолик высокомерный...

— Спасать-то всегда стоит, — неопределенно отозвался Звягин, подремывая в кресле. — А вот что дальше...

Назавтра жена, вернувшись из школы, застала его за странным и небывалым занятием: Звягин валялся на диване, задрав ноги на спинку и уставившись в потолок. Вид он имел отрешенный.

Через час такого его неподвижного лежания в доме установилось легкое беспокойство: поведение Звягина выглядело беспрецедентным, решительно ни на что не похожим. Лежать, днем, целый час, молча, ничего не делая...

— Папа, что случилось? — не выдержала наконец дочка. — У тебя неприятности?..

Жена отреагировала иначе:

— Или ты нездоров, или боишься в чем-то признаться.

— Я ищу, — ответствовал Звягин.

— Что?

— Смысл жизни.

Привычные ко всему домочадцы впали в краткое остолбенение.

— Давно? — ехидно спросила дочка.

— Уже полдня.

— И где ты его ищешь? — уточнила жена. — На потолке?

— Если ты против того, чтоб я искал смысл жизни дома, я могу поехать в Академию наук, — предложил Звягин. — Только не жалуйся потом, что редко меня видишь.

— А до сих пор в твоей жизни смысла, значит, не было?

— Наверное, был. Но я его не очень искал.

— А теперь зачем он тебе вдруг понадобился?

— Для разнообразия. А то что ж такое, в самом деле: живешь-живешь, а в чем смысл — не знаешь. Каждый должен когда-то задать себе этот вопрос.

— Леня, — сказала жена, — ответь, пожалуйста: тебе этот вопрос кто задал — внутренний голос или какой-нибудь новый знакомый?

— Какая разница? — возразил Звягин. — Разве смысл от этого меняется?

— Послушай, ты всерьез, или ваньку валяешь?

— А по-твоему у меня не хватит мозгов в этом вопросе разобраться?

— Мудрецы всех эпох бились над этой проблемой! — с учительским пафосом произнесла жена, делая эффектный жест в сторону книжных полок — как бы призывая в свидетели своих слов упомянутых мудрецов всех эпох, написавших библиотеку.

— Это еще не повод, чтоб сию проблему не решить, — здраво заметил Звягин, мельком покосившись на ряды книг.

— Папа, — заявила дочка не без нахальства, свойственного юности, — у тебя слегка мания величия.

Звягин спустил ноги с дивана и добродушно улыбнулся.

— Есть одна замечательная история про знаменитого изобретателя Роберта Вуда, — поведал он. — В свадебное путешествие Вуд отправился в Египет, и там ученые показали ему загадочное розовое золото фараонов, секрет которого пытались раскрыть уже сто лет. Будучи человеком бесконечно любопытным, самоуверенным и бесцеремонным, Вуд украдкой сунул одну безделушку в карман, и в номере гостиницы, пока жена спала после

обеда, раскрыл секрет при помощи ее маникюрного набора, лака для ногтей и спиртовки. Ученые были просто убиты.

И, поскольку от него явно ожидали выводов, заключил:

— Не надо впадать в гипноз авторитетов — раз. И надо уметь обходиться подручными средствами — два.

Переходя к действиям, он вытащил с полки второй том «Войны и мира» и плюхнулся обратно на диван, заметив:

— Давно я собирался прочесть эпилог как следует, да все руки не доходили — скучновато казалось.

Недоверчиво проследив за читающим Звягиным, жена занялась на кухне жаркой котлет: при очередных увлечениях мужа, всегда чреватых неожиданностями, домашняя работа действовала на нее успокаивающе. Дочка, прихватив учебник истории, устроилась с ногами в кресле, поглядывая поверх страниц: на решительном лице Звягина было написано намерение постичь смысл жизни непосредственно здесь и сейчас.

Однако постижение затянулось. День перетек в вечер, вечер сменился ночью. Звягин увлекся всерьез.

Дни отщелкивались, как костяшки счетов.

Он зарылся в книги.

Все свободные от дежурства дни проводил в Публичной библиотеке. Пролистывал том за томом и отставлял их, пожимая плечами... В конце концов на журнальном столике получили постоянную прописку лишь несколько вещей: «Бесы» Достоевского, «Мост короля Людовика Святого» Уайлдера, «Диалоги» Платона, «Война и мир» Толстого. К ним прибавились «Лирика древнего Востока» из двухсоттомника Всемирной литературы, «Мартин Иден» Лондона и, наконец, школьный учебник обществоведения (старший сын уже стал московским студентом).

— Что за дивная профессия — быть философом! — провозгласил он однажды с дивана. — Лежи себе и думай о возвышенном. И почему я не избрал эту стезю?.. Тут недавно по телевизору один аспирант так и выра-

зился: «Я, как философ, считаю...» И всех-то философских мыслей у него в глазах была одна: как скорее защитить диссертацию.

Впоследствии жена вспоминала этот месяц как самый спокойный и счастливый в своей жизни.

«То было чудесное время, — с умилением рассказывала она, — Леня сидел дома и читал книжки. Что-то выписывал. Такой мирный, задумчивый, спокойный. У меня просто душа отдыхала. По-моему, самое замечательное из всех увлечений — это поиски смысла жизни. Во-первых, этим можно заниматься всю жизнь. Во-вторых, не требуется никаких денежных расходов. В-третьих, это не мешает сидеть дома с семьей. В-четвертых, это благотворно сказывается на характере: появляется такая уравновешенность, терпимость. Я просто нарадоваться не могла».

Выписки были небезынтересны. Страницы большого блокнота украсились неожиданными цитатами и рассуждениями.

«Признак первосортных мозгов — это умение держать в голове две взаимоисключающие мысли одновременно, не теряя при этом способности мыслить».

Скотт Фитцджеральд.

(Пометка: «Элементарная диалектика. Единство и борьба противоположностей. Этот парень не был гигантом мысли. На день приближаясь к радостному событию (что хорошо), мы одновременно на день приближаемся к смерти (что плохо), — так и живем: вот простейший пример».)

«Я собираюсь посвятить всю оставшуюся жизнь выяснению одного вопроса: почему люди, зная, как надо поступать хорошо, поступают все же плохо».

Сократ, в изложении Платона.

(Пометка: «В человеке есть как разум, так и чувства, жажда жизни. Когда безраздельно царит разум — полу-

чается легендарный мудрец: питается хлебом и водой, ходит в рубище и ничего не желает, зато обо всем думает и все понимает. Когда безраздельно царит жажда жизни — получается легендарный авантюрист: через все в жизни пройти, испытать, изведать, всем обладать, всего добиться.

В молодости жажда жизни сильнее, сил и желаний больше. Желания заставляют напрягать разум, как этих желаний добиться. Желания развивают разум, жизненный опыт дает пищу для размышлений.

С возрастом силы и желания угасают. А чтобы думать, надо меньше сил, чем чтобы действовать. Разум, когда-то разбуженный желаниями, продолжает свою работу — постигать жизнь. И обычно чем больше стареет человек, тем больше им руководит разум и тем меньше — страсти. Недаром легендарные мудрецы — седые старики.

Ошибка древних философов в том, что они пытались подчинить жизнь разуму, когда на самом деле разум подчинен жизни. Как говорится, любовь и голод правят миром. Страсти владычествуют над человеком.

„Если б молодость знала, если б старость могла..." Старость поучает, но молодость не может принять ее поучений: страсти владеют ею! Каждому времени свое...

Когда человек поступает плохо — это победа чувства над долгом. Долг продиктован разумом, чувство — самой жизнью»).

«Если допустить на одно мгновение, что жизнь человеческая может управляться разумом, то исчезнет сама возможность жизни».

Лев Толстой.

(Пометка: «Вот — гений. В жизни действуют объективные законы. Разумом мы можем эти законы постигать. Но никак не можем заменять другими, которые мы придумали потому, что они кажутся нашему разуму более подходящими, нежели те, что есть. Мы можем влиять на мир и человека. Но любое наше действие — это

проявление объективных законов, которым подчинен мир и человек. Не мы переделываем мир по своему разумению, а мир изменяет себя при помощи нашего разума. Наш разум — лишь частная деталь в общем механизме мира. Разум познает мир, но не подчиняет его себе, как шестеренка не может подчинить себе все устройство часов. Человеку невредно понять, что он отнюдь не властелин мира, а порождение этого мира, его часть, его деталь, принадлежность».)

— Что главное в жизни? — спросил Звягин у Гриши, глядя как весенний ливень полощет крыши «скорых», выстроившихся под окнами станции.

— Чистая совесть,— безапелляционно ответил фельдшер.— И любимая работа.

— Да. Молодец. Но я имел в виду другое: без чего человек никак не может обойтись? Что ему в самую первую очередь необходимо?

— Воздух. Вода. Пища.

— Тогда почему люди иногда отказывались от всего этого — отказывались от самой жизни во имя каких-то высших соображений?

— Что вы меня путаете, Леонид Борисович, — Гриша отложил бутерброд.— Чтобы жил организм, ему необходимо дышать и питаться. Но человек жив не хлебом единым, он тем и отличается от животных, что способен жертвовать собой — во имя истины, или прогресса, или спасения чужой жизни.

— Животные и птицы тоже жертвуют собой ради спасения потомства.

— Это инстинкт продолжения рода! — Гриша решительно укусил бутерброд с той стороны, где колбаса была толще.

— А собака жертвует собой ради хозяина.

— Из любви. Хозяин для нее — высшее существо, важнее ее самой.

— А почему кошка любит валерьянку? Она ведь без нее отлично обойдется?

— Валерьянка для нее — наркотик, доставляет наслаждение. К чему вы гнете?

Звягин сел на подоконник, покачал ногой. Посвистел.

— А вот к чему. Ставился такой знаменитый опыт на крысах. Им вживляли электрод в участок мозга, ведающий наслаждением, и учили вызывать наслаждение, нажимая педальку, замыкающую электрическую цепь. Результат? Крыса прекращала есть и пить, беспрерывно нажимая педальку, и испытывала непрекращающееся наслаждение. Пока вскоре не умирала от нервного истощения и голода. Ясно?

— Не совсем... — сознался Гриша. — Вам чаю налить, или будете наслаждаться так?..

— Налей. Нет, разбавлять не надо. Хочешь еще один опыт? Добровольцев помещали в темную звукоизолированную камеру, пристегивали к эластичным гамакам, на руки надевали специальные перчатки. У людей как бы выключались зрение, слух, осязание, обоняние, исчезало ощущение тяжести тела. Через считанные часы появлялись первые симптомы сумасшествия: нервная система расстраивалась, не могла жить нормально без достаточного количества ощущений...

— Ага! — сметливый Гриша поднял палец. — Вы хотите сказать, что они жили, но не ощущали жизни? А без ощущения жизни не могли жить?

— Ты начал улавливать. А как тебе понравится старинный и жестокий цирковой фокус: гипнотизер прикладывает к руке загипнотизированного линейку и внушает, что это раскаленное железо. И тот с криком отдергивает руку.

— Гипноз.

— Но на руке появляется ожог!!

Гриша поскреб лохматую голову:

— Известно, что внушаемому человеку можно внушить почти любую болезнь, и у него появятся ее симптомы... Но чтоб настолько...

Неизвестно, чем продолжил бы Звягин свою неожиданную лекцию, если б их не прервал вызов на очередной автослучай. После него их тут же отправили на падение с высоты, и к овладевшей им идее Звягин вернулся

только вечером следующего дня, уже дома, отоспавшись и приведя себя в порядок.

Усадив жену на диван, он торжественно встал на середину ковра и раскрыл эпилог «Войны и мира»:

— «В ее жизни не видно было никакой внешней цели, а очевидна была только потребность упражнять свои различные склонности и способности. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т. д. только потому, что у ней был желудок, был мозг, были мускулы, нервы и печень. Она говорила только потому, что ей физически надо было поработать легкими и языком».

— Ну и что? — не поняла жена.

— А то, что основа всех действий человека — инстинкт жизни. Непонятно? Объясняю.

Что такое жизнь человека? Действия. Есть, пить, работать.

Чем вызываются действия? Потребностями. Хочется. Надо.

Почему существуют желания и потребности? Потому, что существует сам человек. Желудку нужна пища, легким — воздух, мышцам — физическая нагрузка.

А кто в организме управляет всем? Центральная нервная система.

Что необходимо центральной нервной системе? Ощущения, напряжения, нагрузки. Голод — и насыщение, жажда — и ее удовлетворение, утомление — и отдых. А также свет и тьма, холод и тепло, движение и покой.

Значит, что такое для человека его жизнь, если смотреть в самую основу? Сумма всех ощущений.

Что человеку безусловно надо? Жить. То есть чувствовать. Чем больше он за жизнь всего перечувствовал — тем больше, тем полнее прожил.

— Но ведь можно много чувствовать, и ничего не делать, — возразила жена.

— А можно много делать, но мало чувствовать, — добавила дочка, наматывая на палец алую ленточку.

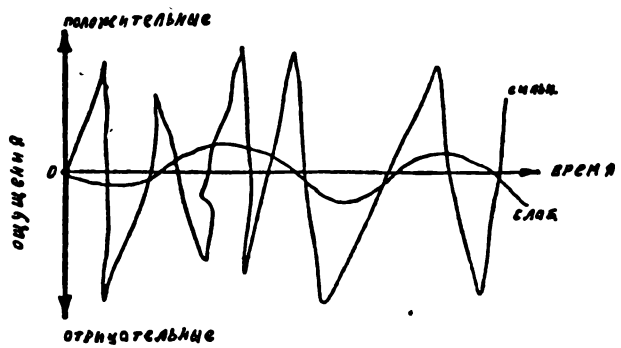
— Верно. Я думаю, что Лермонтов за свои двадцать семь лет прожил более полную и богатую жизнь, чем

пастух в горах — за сто двадцать. Один терзался мыслью и страстью, а другой хранил размеренный покой. В короткую жизнь одного как бы вместилось столько же чувств, сколько в долгую жизнь другого.

— Я не о том, — жена взяла из его опущенных рук книгу и аккуратно поставила на место. — Бывает чувствительный мечтатель-бездельник, и бывает бесчувственный делец, робот. У одного богатая внутренняя жизнь при полном безделье, а у другого богатая внешними событиями жизнь при полной внутренней бедности. Кто из них больше прожил?

— Это крайние исключения. А правило таково, что жажда ощущений толкает человека к действию. Авантюристы обуреваемы страстями. Инфаркт — профессиональная болезнь и гангстеров, и поэтов. И те и другие делают много, только каждый по-разному.

Звягин вырвал лист из большого блокнота и нарисовал график.



— Наглядно? — спросил он. — Чем шире размахи этой линии, чем чаще зубцы, чем больше общая длина — тем больше прожил человек, полнее, богаче. А другой и дольше протянет, да чувствовал-то еле-еле, хилая душа. Разве у такого жизнь? Ни горя, ни радости.

— Ты хочешь сказать, что горе тоже необходимо? — подняла брови жена.

— Обязательно. Вверху — положительные эмоции, внизу — отрицательные. И то и другое — жизнь; и то и другое необходимо испытать нервной системе.

— То есть наверху у тебя как бы счастье, а внизу — страдание?

— Да.

— И по-твоему, нервная система человека сама стремится к страданию? — недоверчиво уточнила жена, глядя на график.

— А по-твоему, только к счастью?

— Ну, в общем, да. Где же ты видел того, кто по доброй воле хочет испытать горе?

— Везде видел. Иначе почему на свете столько людей, которые вроде бы имеют все, что надо для счастья, — а они несчастливы?

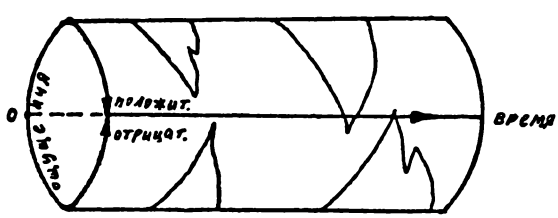
— Но ведь они не хотят быть несчастливыми!

— Э. Думают, что не хотят, а на самом деле хотят.

— Как это?

— Очень просто. Есть сознательные стремления, а есть подсознательные. Сознательно человек рисует себе картину счастья и стремится к нему. А подсознательно стремится к страданию. Потому что нервной системе надо испытать все. Жизнь из горя и счастья пополам, как давно замечено, гораздо полнее, чем сплошное благоденствие. Человек всегда найдет повод для страдания.

Звягин свернул рисунок в трубку и получил подобие цилиндра.



— О, — удовлетворенно сказал он. — Теперь полная наглядность.

— Наглядность чего? — не поняла дочка, силясь постичь новую игру неугомонного папы.

— Того, что от большого счастья до большого горя один шаг: они соседствуют близ границы — видишь, как близко?

Он скрепил цилиндр канцелярскими скрепками, открыл «Обществоведение» на законах диалектики, со вкусом перечитал. Окинул гордым взором творение рук своих и без ложной скромности изрек:

— Гениально. Ну разве я не гигант?

Потянулся с хрустом, посвистал «Турецкий марш» и прыгнул к телефону.

Встреча с Матвеем произошла под портиком Пушкинского театра.

— Вы гигант, — с небрежным недоверием сказал Матвей, выслушав его рассуждения. — И при помощи этой бумажки вы намерены раскрыть мне глаза на устройство мира?..

— Почему бы и нет, раз ты сам не понимаешь.

— Зачем вы меня вообще нашли?

— Заинтересовался забавным вопросом, который ты задал в начале нашего знакомства.

Принаряженная толпа стягивалась к спектаклю: восьмой час. Поглядывали на пару: подтянутый, тщательно одетый мужчина, добродушно посмеивающийся, и интеллектуального облика юноша — бородка, очечки, скептическая гримаса.

— И теперь вы готовы мне на этот вопрос ответить? Здесь и сейчас?

— Ага. Чтобы понять все в жизни, надо лишь усвоить две старые истины.

Первая. Любое явление, продолжаясь, в конце концов переходит в свою противоположность. Видишь — как бы перелезает на моем цилиндре через границу, из положительной половины в отрицательную. Например. Ты помогаешь человеку. Это хорошо. Но если ты будешь помогать ему все больше и больше, непрерывно и во всем, то погубишь его — превратишь в несамостоятельного иждивенца, паразита, живущего твоим трудом и твоей волей; это плохо.

Вторая. Любое явление имеет свою противоположность. Где бы ты ни наметил точку на одной половине цилиндра — ей соответствует такая же точка на другой половине. Например. У листа бумаги всегда две стороны — одна сторона без другой не существует. У магнита всегда два полюса, магнит с одним полюсом невозможен. Где есть верх — там есть и низ. И так далее.

Усвоил ли?

— Азы диалектики, — фыркнул Матвей.

— Верно, — любезно согласился Звягин. — Но от того, что это — азы, лучше они людьми не понимаются. К сожалению.

Они вышли на Садовую и мимо ограды Суворовского училища двинулись в сторону Сенной. Нить беседы раскручивалась. Роль ехидного экзаменатора была Матвею по вкусу.

— Что такое счастье?

— Только не богатство, не почести, не какие-то условия жизни. Ведь в одинаковых условиях один может быть счастлив, а другой — несчастен. Счастье — это не то, что человек имеет, а то, что он при этом испытывает. Счастье — это сильнейшее приятное ощущение.

— Тогда счастье и наслаждение — одно и то же?

— Да.

— Это примитивно и пошло.

— Нет. Человек испытывает наслаждение от достижения трудной цели, от сознания своей победы, от совершенного открытия. От красоты природы. От людской благодарности и признания. От своей значительности. От свободы.

— А как быть счастливым? Как испытывать это наслаждение?

— Ходить по путям сердца своего. Ничего не бояться. Быть храбрым и честным. Не жертвовать своими убеждениями, не поджимать хвост. Самое главное умение — это умение радоваться жизни.

— А если не получается?

— Меняй характер. Займись спортом — это дает радость от своей силы, от своего тела: в здоровом теле — здоровый дух. Старайся постоянно обращать внимание на хорошие стороны жизни. Научись принимать жизнь как подарок природы.

И еще — умей хотеть. Умей добиваться желаемого. Умей заставить себя делать то, что решил, даже когда желание и силы иссякают.

— Если это так просто — все давно были бы счастливы.

— Нет. Взгляни еще раз на мой рисуночек, на цилиндр. Кто хочет счастья — не должен бояться горя. Умение радоваться неотделимо от умения страдать. Потому что в основе того и другого лежит способность остро чувствовать. Привычка снижает чувство. И счастье приедается. Необходимо разнообразие. Нервная система, стремясь к свежести и остроте чувств, всегда переходит от положительных ощущений к отрицательным и обратно.

— А вот Томас Карлейль сказал, что высшее счастье — это самопожертвование.

— Правильно сказал. Ощущения связаны с действиями и побуждают к действиям. Высшее ощущение связано с высшим действием, а самое большое, что может произойти с человеком — это переход последней черты, это смерть. Пожертвовать самой жизнью во имя того, что любишь и во что веришь, — для этого нужно испытывать чувство огромной, всепобеждающей силы — сильнее инстинкта жизни! Испытать такое способен не каждый.

— Почему в хороших книгах обычно несчастливые концы?

— Потому что их герои обычно — сильные люди, которыми владеют сильные чувства. Они так стремятся к счастью, что в конце концов заходят слишком далеко, пересекают границу — и оказываются в горе. Чтобы познать предел счастья — надо перейти этот предел, и тогда познаешь предел горя. Но это — полная, настоящая, предельно насыщенная жизнь. Жизнь Ромео и Джульетты.

(Ты ведь слышал, что от большого счастья люди могут плакать, а от большого горя — смеяться в истерике? Что от большого счастья, так же как от большого горя, люди иногда умирают, — сердце, видишь ли, не выдерживает такой нервной нагрузки.

Посмотри на мой цилиндр — на границе противоположности сходятся и переходят одна в другую.)

— А почему сильный герой иногда кончает с собой? Почему застрелился Хемингуэй?

— Есть два уровня ответа.

Уровень первый. Человек кончает с собой, потому что устал от жизни, не может перенести страданий, смириться с крахом, не желает конца в одряхлении, измучен депрессией.

Уровень второй. Хемингуэй был сильной, активной личностью, с авантюристическими задатками: охотник, боксер, солдат, писатель, мужчина. Ему были необходимы сильные ощущения, которые он и получал от своих действий.

И вот телесно он стар и немощен. Не может писать, любить, драться, путешествовать. А душе, то бишь нервной системе, необходимы сильные ощущения! То есть сильные, крупные поступки! И та самая страсть к ощущению жизни, которая владела им всегда, толкает его на последний, страшный, предельный поступок — зарядить любимое ружье и спустить курки.

— Ладно, это — немощная старость. А в расцвете сил? А Маяковский?

— Как пел Высоцкий, «на цифре тридцать семь с меня в момент слетает хмель»... Страшный возраст. Дуэль Пушкина, болезнь Байрона, конец многих — ведь всего этого, казалось бы, легко можно было избежать. Таланты будто нарочно лезли на рожон — или просто хватались за веревку и пистолет! Почему?..

Талант — это тот, кто совершает что-то крупное, новое. Кто изменяет действительность — будь то в искусстве, науке или политике. То есть человек большой жизненной энергии — взломать рамки привычного и шагнуть дальше слабому не по плечу.

Тридцать семь — как бы вершина жизни, пик духовных сил, переломная точка, здесь кончается взлет и начинается спуск: физические силы уменьшаются. Представляешь, как гоночный автомобиль на скорости не вписывается в вираж и вылетает с трека? Вот так избыток могучей жизненной энергии на главном, вершинном повороте вышвыривает гения из жизни. Тот самый избыток энергии, который вознес его к высочайшему пределу — переносит его через этот предел, через роковую черту, прочь из мира.

(На моем цилиндре — он пересекает границу, и максимум энергии сливается с ее минимумом, с пустотой, со смертью.)

А болезнь, оружие или катастрофы — детали тут неважны...

— Откуда у вас, интересно, столь мудрые суждения? — осведомился Матвей.

— Дорогой друг, — отечески сказал Звягин. — Протрубишь пятнадцать лет по глухим гарнизонам — тут мно-огое, знаешь, передумаешь, пока ветерок в степи свищет. Много разных мыслей придет в голову.

Под яркими фонарями Театральной площади народ тек из подъездов Мариинки с «Лебединого озера». Расторопная лотошница совала мороженое в протянутые руки.

— Вот тебе сахарная трубочка — подсластить горечь знаний, — угостил Звягин подопечного. — На сегодня хватит — мне завтра дежурить. А вон и трамвай.

С площадки махнул рукой. Отражения трамвайных окон вопросительно дрожали в очечках Матвея.

Дома дочка терпеливо выждала, пока Звягин, обронив пару слов о своем времяпрепровождении («Прочищал мозги одному оболтусу, которого мы месяц назад из Крюкова канала выловили»), примет душ и плюхнется на диван, кинув в стакан молока оранжевую соломинку.

— Зачем ты этим оболтусом занялся? — запустила она первый вопрос.

— Чтоб он не стал никчемушником.

— А что такое никчемушник?

— Человек, который вместо того, чтобы толком работать, иметь семью и жить нормальной жизнью, мучится над всякими умными вопросами, мечется в сомнениях, всем неудовлетворен, не знает, что к чему в жизни — и в результате жизнь его проходит бесплодно и зазря.

— А если ты ему все объяснишь? Он изменится?..

Звягин хлюпнул молоком, к негодованию жены, и покачал ногой в красной остроносой домашней туфле:

— Надеюсь. Осознает, как устроен мир. И займется чем-нибудь полезным и продуктивным.

— Твоему самомнению нет границ, — сообщила жена из спальни, протирая лицо на ночь лосьоном.

— Ты всегда умела тонко польстить. Гони наследницу спать, у нее завтра, помнится, контрольная по математике.

— Командовать удается лучше тебе. И почисти мне, пожалуйста, коричневые сапоги.

— Слушаюсь, мэм-сагиб!

Когда человек всецело увлекается какой-то проблемой — он вдруг начинает сталкиваться с ее проявлениями на каждом шагу. Днем на станции «скорой» в руках у Джахадзе оказались хемингуэевские «Острова в океане», и он с восторгом довел до сведения окружающих следующую выдержку:

— «Томас Хадсон лежал в темноте и думал, почему все так называемые хорошие люди непереносимо скучны, а люди по-настоящему хорошие и интересные умудряются в конце концов испортить жизнь и себе, и всем ближним». А?! — Откинулся на спинку стула, обведя слушателей блестящими черными глазами.

Возникла небольшая дискуссия.

— «Правильный» человек следует прописной морали. Он вяловат, банален, не способен на оригинальные мысли и поступки. Вот вроде и хороший человек — а не тянет к нему, — выразил свое коллективное мнение прекрасный пол.

— Хорошим и интересным людям вообще туго живется. Жизнь такая, — сказал Гриша.

— Молодец Хемингуэй, — раскрыл рот молчавший доселе Звягин. — Ведь не знал, почему, но вопрос поставил верно.

Народ развеселился.

— У вас, как всегда, готово решение любого вопроса, Леонид Борисович?

— Любого не любого... «По-настоящему хороший и интересный человек» полон жизни и жаден до жизни. Скука, однообразие, бездействие претят ему. Ему всегда необходимы действия и перемены. Он ищет добра от добра, как говорится. И в этом поиске, в этой жажде жизни как бы пересекает грань счастья и благополучия — и ввергает в горе и себя, и близких, с которыми связана его судьба.

— А проще вы можете?

— Могу. Слишком хорошо — тоже не очень хорошо. Во всем нужна мера. Поэтому сплошь и рядом хороший человек совершает хорошие поступки с плохими последствиями. Пожалеет подлеца, возьмет на себя чужую вину, уступит очередь на квартиру слезливому вымогателю, — в ущерб себе и другим хорошим людям.

Вынужденное безделье привыкших к занятости людей располагает пофилософствовать. Речь завели об «Идиоте» Достоевского. Врачи, в отличие от филологов, предпочитают судить о литературном произведении с точки зрения здравой практичности. Сошлись на том, что князь Мышкин был именно слишком хорош, прямо святой, — и в результате своих действий разрушил жизнь и свою, и тех, кому желал добра. Добрые дела фанатика имеют злые результаты.

Звягин цвел: размышлять о вечных проблемах оказалось занятием более увлекательным, нежели он предполагал. Выступать в качестве наставника-мыслителя было лестно. Ощущая свою власть, он играл с Матвеем, как снисходительный кот с нахальным мышонком. Его зеленые глаза щурились, в голос прокрадыва-

лись мурлыкающие ноты. Подкованные каблуки отмеряли по гранитным набережным ритм мысли, как метроном.

— О добре и зле, — Матвей упрятывал едкий изгиб губ в пушистую бородку. — Что сильнее? Что победит?

— Добро и зло — как две стороны листа бумаги, как два полюса магнита; их не существует по отдельности, они всегда вместе. Как ум и глупость, как сила и слабость: мы сравниваем силу со слабостью и только так узнаем, что она сила. Как ты узнаешь, что я делаю тебе добро? Мысленно сравнишь с тем, что я был волен совершить противоположный поступок, и тебе было бы плохо. Смотри: старшина кормит солдат. Добро это? Нет. Это его обязанность, его служба: не накормит — накажут. А вот ты голодаешь, и незнакомый человек тебя взял да накормил. А другой обругал и камнем кинул. Появились добро и зло: одно сравнивается с другим, подразумевает возможность другого. Добра нет самого по себе, оно добро относительно зла. Если исчезнет зло, то добро не с чем будет сравнивать, слово «добро» потеряет смысл и исчезнет: если ты сожжешь одну сторону листа бумаги, исчезнет и другая сторона — сгорит весь лист. Добро и зло — парное понятие, как верх и низ. Поэтому одно никогда не победит другое, они будут вечно.

— А при столкновении в жизни какой человек победит — добрый или злой? Хороший или плохой?

— Плохой, — без колебаний признал Звягин. — В борьбе всегда победит кто? Сильный. Вот два человека равной силы — физической, ума, связей. Один — плохой: он способен и на плохие поступки, и на хорошие. Другой — хороший: он не способен на плохие поступки! Получается, что плохой как бы в два раза сильнее, вооруженнее хорошего.

Когда мореплаватель Джеймс Кук оставил полинезийцам пару свиней для разведения, он подарил их не самому доброму, или дружелюбному, или трудолюбивому, а самому воинственному и сильному из туземных

царьков: у него никто не сумеет отобрать, у него стадо размножится и со временем достанется всем.

— Получается, что доброта — это слабость? Что такое доброта?

— Доброта — это способность человека принимать чужие интересы и нужды как свои собственные, и действовать во имя интересов другого. Действительно, доброта оборачивается житейской слабостью: она не в силах ломать чужое сопротивление, не в силах противостоять слезам, мольбе, умелому вымогательству, не в силах причинять боль.

А жизнь — это борьба... Совершить что-то — значит изменить что-то в мире. Для этого надо преодолеть сопротивление старого, того, что уже есть. Сопротивление окружающих, обывателей, отсталых начальников, устаревших взглядов. Причинить им неудобство, порой и страдание. Поэтому сила связана с жестокостью... Колесо прогресса многим отдавливает ноги. Кто хочет действовать — должен быть готов к тому, что это не всем понравится.

— Но если человек, плюющий на мораль, сильнее того, кто придерживается морали, если без морали легче и вернее добиться своего, — зачем тогда и почему существует мораль?

— В мире есть две истины. Истина того, у кого в нужный момент окажется меч в руке — и истина того, кто не дрогнув встречает этот меч с открытыми глазами и гордо поднятой головой. Кто из них победитель? Первый. Кто победим? Второй.

Практический расчет — это путь к победе. Мораль — это путь к непобедимости.

Силу можно победить большей силой. Мораль нельзя победить ничем. Чем сильнее сила, тем непобедимее мораль, противостоящая ей: она словно отражение этой силы в зеркале.

По порядку.

Что такое мораль? Мораль — это идеал поведения.

А идеал всегда отличается от реальности. На то он и идеал. К нему можно стремиться, но нельзя достичь,

как нельзя достичь горизонта. Идеал — это всегда улучшение, как бы ни было хорошо положение вещей в действительности.

Почему существует мораль?

Первое. Любое понятие имеет свою противоположность. Как есть верх и низ, лево и право, тепло и холод, так есть действительность — и мечта, реальность — и идеал, практический расчет — и мораль. Мораль — это именно противоположность голому практическому расчету, как бы его обратная сторона: они противоположны — и неразрывны. Жизнь невозможна без практического расчета: необходимо питаться, одеваться, выживать. А коли существует практический расчет, обязательно существует и его противоположность — мораль. Как две стороны листа, как два полюса магнита.

Второе. Человек хочет жить. Это значит — хочет действовать. Это значит — что-то изменять в мире. Поэтому он никогда не может удовлетвориться действительностью, стремясь к дальнейшему, стремясь к большему, к лучшему. Покуда человечество живет — оно имеет будущее, имеет перспективу, имеет идеал. В том числе идеал поведения.

М-да — с древних времен мораль практически не изменилась, а люди не стали лучше... Но это естественно. Законы природы неизменны: побеждает сильный и умелый. Средства житейского успеха всегда те же: расчет, жестокость, эгоизм, коварство. Поэтому неизменной остается и их противоположность — мораль: благородство, честность, доброта. Может практический расчет победить мораль в житейских делах? Конечно. Может уничтожить мораль? Никогда. Как нельзя уничтожить свое отражение в зеркале, как нельзя уничтожить одну сторону листа, сохранив при этом другую.

Зачем существует мораль? Зачем нужна?

Первый ответ прост: чтобы люди не грызлись, как волки. Она отчасти сдерживает. Обеспечивает обществу какой-то покой, комфорт, возможность спокойного со-

зидания, развития. То есть, ограничивая практическую выгоду отдельных людей, приносит практическую пользу обществу в целом.

Второй ответ чуть-чуть сложней. Жить — значит ощущать (мы говорили). Чем сильнее ощущение — тем полнее жизнь. Раздираться противоречием — сильное ощущение: человек хотел бы и преуспеть житейски, и быть на высоте морали. Мораль нужна, чтобы было это противоречие, это сильное ощущение, необходимое живому человеку.

Полнота жизни — это значит испытывать и счастье, и горе. Соблюдая мораль, человек может проиграть житейски. А любой ценой добиваясь выгоды — он то и дело попирает мораль, что влечет презрение окружающих и муки совести. Выигрывая в одном — он проигрывает в другом. Победа и поражение стучатся к нему в дверь бок о бок. И радуясь тому, чем обладает, человек печалится о том, что упустил. Мораль нужна, чтобы испытывать зло, — чтобы жить полной жизнью.

— Категорический императив старика Канта: хотя все практические доводы велят поступать плохо, поступать надо все-таки хорошо... По-вашему, это просто оттого, что мораль и практическая выгода — противоположности?..

— В каком-то смысле. Я тебе это объяснил, как умел.

— Как говорил Эмерсон: «Если тебе нужно что-то, человек, то возьми это, и заплати положенную цену», — задумчиво произнес Матвей, глядя, как старушка кидает куски булки уткам, плавающим в Лебяжьей канавке.

Звягин, впервые слыша имя Эмерсона, кивнул неопределенно. Его собеседник, испытующе косясь, снял очечки, неторопливо протер носовым платком:

— А вообще в философии вы напоминаете мне помесь динозавра с головорезом, — без намека на почтение отвесил он. — Потрясающая комбинация из примитивности и напора!

— В жизни ты напоминаешь мне комбинацию из паралича и чесотки, — в тон ответил Звягин. — Помесь манной каши с волчком.

— Вы учились остроумию в казарме?

— Нет, в медицинском институте. В армии я учился делать свое дело — в любых условиях и без сопливых размышлений.

— Ваше дело — гипсовать переломы и вправлять вывихи?

— Иногда приходится вправлять и мозги. В чем ты имеешь возможность убедиться на собственном примере.

— Ваши лекции способны свести с ума профессора философии!

— А то у них нет иных поводов для сумасшествия. Никогда еще не слышал о профессоре философии, сошедшем с ума после беседы с врачом. Обычно они это делают до беседы.

— Их счастье, что они вас не знают.

— Возможно. Просто они, наверное, редко падают ночью в воду, — предположил Звягин. — Зачем вы свалились в Крюков канал, профессор?

Матвей подумал, обидеться или нет. Обижаться было невыгодно — разговор хотелось бы продолжить (да и взять реванш в пикировке). В молчании они приблизились к воротам Летнего сада, двинулись по пустоватой вечерней аллее меж белеющих статуй.

— «Фельдфебеля в Вольтеры дам...» — проворчал он с интонацией, которую можно было счесть примирительной.

— Какие еще есть претензии у студента к фельдфебелю? — выдержав паузу, откликнулся Звягин.

Глядя под ноги, шаркая по утоптанной земле, Матвей сказал с мрачностью:

— Несправедливо это все...

— Что именно?

— Жизнь несправедлива. Сила зла и слабость добра. Преуспевание подлецов и страдания честных людей. Торжество порока над добродетелью! Понимаете,

во мне самое главное надломилось — вера в справедливость. Скажите, вот вы — верите в торжество справедливости?

— Я предпочитаю не верить, а знать.

— И что же вы знаете?

— Что в природе, в истории нет справедливости или несправедливости, а есть только объективные законы. Человек убивает дерево, чтобы согреться и выжить в стужу. Заяц ест морковку, а волк ест зайца. Черепаха живет дольше человека. Женщины в муках рожают детей, а мужчины от этого избавлены. Камень, брошенный вверх, падает вниз. Какое отношение к справедливости имеет закон всемирного тяготения? Он — истина, и только.

Справедливость — это соответствие происходящего морали. Это мораль в действии.

Но мы говорили, что мораль находится в вечном противоречии с практическим расчетом и проигрывает ему в житейских делах.

Справедливость — это торжество добра над злом, добродетели над пороком.

Но мы говорили, что эта борьба вечна, и никогда одно не победит другое.

Справедливость — это наше представление о том, какой должна быть жизнь.

Но мы говорили, что человек никогда полностью не удовлетворится действительностью, всегда будет стремиться к изменению, к улучшению, к идеалу. Поэтому представление о том, какой должна быть жизнь, всегда будет расходиться с реальной жизнью.

Справедливость — это желаемая действительность.

Но желаемая действительность всегда отличается от той, что уже есть. Потому что человек хочет жить. А это значит — действовать. А это значит — изменять мир. А это значит — стремиться к тому, чего еще нет.

Справедливость — это идеал жизни.

А идеал всегда отличается от реальности. Всегда. На то он и идеал.

Справедливость — это стремление к изменению жизни, улучшению, развитию, достижению идеала.

Это стремление вечно. Поэтому всегда будет представление о справедливости и тяга к ней.

Когда мы говорим, что что-то в жизни несправедливо, — это значит, что наши представления о торжестве морали и добра не соответствуют реальной жизни, в которой торжествует не мораль, и не добро, а сила. Которая, увы, чаще связана со злом. (Если нам кажется, что иногда слабость побеждает силу, то это только кажется. Сила — не то, что кажется силой, а то, что побеждает.)

Несправедливость — это наше несогласие с реальной жизнью. Потому что мы всегда неудовлетворены реальностью и стремимся к ее изменению.

Несправедливость — это разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть по нашему разумению. Разрыв между действительным и желаемым. Между реальным и идеальным. Между настоящим и будущим. Между достигнутым и перспективой.

Этот разрыв вечен, потому что вечно стремление к лучшему. Поэтому всегда будет существовать несправедливость.

— Так что же — так всегда и мучиться?

— Почему мучиться? Бороться!

— Зачем?.. Если так будет всегда?..

— Чтоб быть человеком. А не ходячим кишечником для переваривания пищи.

— Но неужели нельзя принять жизнь такой, какая она есть?

— Понять можно. Примириться нельзя.

— Почему?

— Потому что наша доля — жить. Значит — оставить свой след в мире. Изменить хоть что-то. А иначе — все равно, что и не жил.

В подсветке прожекторов вспыхнул шпиль Михайловского замка. Ветер трещал флагами на Марсовом поле. Город был пропитан историей.

Позднее Матвей говорил, что Ленинград, наверное, наложил свой отпечаток на ход звягинских рассужде-

ний. Прямые перспективы, логически рассчитанные линии, сочетаемая единым планом архитектура оказали влияние (полагал он) на то, как Звягин представлял себе устройство мира.

Звягин пожимал плечами, находя это предположение слишком надуманным и искусственным. И улыбался рассеянно.

Он вообще приобрел некоторую не свойственную ему рассеянность. На прогулках забредал в незнакомые места. Не всегда откликался на обращение. И даже лицо несколько утратило обычную резкость черт.

Зато, словно по закону сообщающихся сосудов, мужская определенность и твердость линий начала угадываться в лице Матвея. Выражение, которое Звягин издевательски называл «любимая кошка сдохла», присутствовало все реже.

«Это естественно, — говорил Звягин жене, излагая за ужином свои успехи на ниве просвещения юных интеллигентов. — Мужчине требуется простой и честный взгляд на вещи, который позволяет действовать согласно убеждениям. Томление юности — как корь, которой надо переболеть и выйти из болезни здоровым. Знающим, что к чему. Жаль, — добавлял он, — люди редко знают, что к чему. Большинство, махнув рукой, перестает задаваться вечными вопросами, а меньшинство мучится ими всю жизнь». Жена, однако, сомневалась, что достаточно объяснить человеку, как создан мир, — и ему сразу станет легче и веселее жить.

— Дело не в том, чтобы объяснить, — возражал Звягин, покачивая туфлей и посасывая молоко, — а в том, чтобы дать человеку страстно желаемое. Заболевшему от несчастной любви дай взаимность — и он выздоровеет. Разорившемуся банкиру верни состояние — и он не застрелится. Короче — напои жаждущего.

— Ты стал разговаривать сплошными афоризмами.

— Ты потолстел, — с неудовольствием сказала дочка. — У тебя стала больше талия.

— Но она еще есть?

— Папка, ты мне не нравишься.

— Дожили, — сказал Звягин. — Вот и признание.

— Ты всегда был чем-то занят. И всегда был веселый. А сейчас валяешься на диване, читаешь книжки и ничего не делаешь.

— Папа просвещается, — сказала жена. — Пусть читает. Лучше поздно, чем никогда.

— Я думаю! — возмутился Звягин. — Можно сказать — мыслю!

— Да-да — «следовательно, существую». Тогда почему у тебя растут бока, а не голова?

— Прекрати оттачивать на родном отце свое остроумие! Почему у тебя растет нахальство, а не благонравие?

— Оно уже выросло. У меня переломный возраст.

— Ирина, хозяйка ты в доме или нет! — воззвал Звягин. — Гони несовершеннолетних спать!

Несовершеннолетние затаились в темноте своей комнаты, бдительно следя сквозь оставленную щель за развитием разговора.

— Леня, — осторожно спросила жена, погремев в раковине посудой, — неужели ты всерьез уверен, что открываешь истину в последней инстанции?

Звягин добросовестно поразмыслил.

— Я допускаю такую возможность, — наконец ответил он.

— Ты полный дилетант. А у этого твоего Моти какникак философское образование.

— По части философских категорий мне с его профессорами не тягаться. Но по части здравого смысла я никому уступать не собираюсь. Почитать умные книги — так на свете много разных истин. Из них человек выбирает ту, которая ему нужна.

— Перестань изрекать афоризмы, это надоедает. Не трогай молоко, я оставила его на утро, сварить кашу!

— Моя истина ему как раз. Без розовых красок и трагических вздохов. Жить и работать, глядя жизни в лицо!

— Пошли спать, — сказала жена, вытирая руки. — Тебе завтра работать. Глядя жизни в лицо.

На «скорой» изменения, произошедшие со Звягиным, также не могли остаться незамеченными. Высказывался ряд предположений: влюбился (но тогда почему поправляется, а не худеет?), заболел (но тогда почему такой здоровый вид?), попал в неприятности (но разве можно допустить, чтобы с неуязвимым Звягиным что-то случилось?).

— Леонид Борисович, о чем вы сейчас думаете? — игриво поинтересовалась диспетчерша Валечка из-за своей стеклянной перегородки.

— А? Что? — не сразу отозвался Звягин, вернувшийся с вызова и так и оставшийся стоять в вестибюле, глядя в окно, за которым уже набухали почки. — А... Видишь ли, существуют так называемые типические сновидения: полеты и кошмары. Почему человек летает во сне? Заметь, в юности летает, а с возрастом — все реже. А потому, что в юности энергии больше, нервная система сильнее. И ей требуются сильные ощущения. И сознание спящего рисует действие, дающее такое ощущение! Взять — и полететь: это уже какое-то сверхдействие, совершение невозможного! Человек стремится к небывало сильным ощущениям — а они связаны с действиями, каких еще в жизни не было. Так же и кошмары... Человек испытывает сильнейшее ощущение, ужас, — и ощущение связано во сне с действием необычным, невозможным: кошка разговаривает, или темная сила в дверь ломится... Человек видит во сне то, чего не бывает, потому что с этим связаны сильные ощущения, которых ему не хватает наяву. Тяга к совершению максимального, небывалого...

— Мама моя родная, — сказала Валечка. — Леонид Борисович, вы в отпуск скоро идете?..

— Вопрос хороший, — туманно ответил Звягин. — Мне самому вся эта история уже начала надоедать. Но надо сначала додумать до конца...

(«Когда я додумал до конца, то аж сам удивился, — рассказывал он впоследствии. — Я не знаю, что такое гений, но гением себя на минуту почувствовал. Стояла тихая такая весенняя ночь, звезды над черными кры-

шами, — романтика, одним словом. Пил я молочко на кухне, шевелил потихоньку мозгами, никого не трогал. И тут вдруг до меня и дошло, как устроен мир. Даже жутко сделалось...»)

Матвей звягинскую теорию воспринял сравнительно спокойно. Возможно потому, что светило солнце, чирикали воробьи, спешили по улицам люди, — настраивала обстановка на бодрый лад. А возможно потому, что воспринять готовую истину из чужих уст или дойти до нее самому — вещи, как известно, весьма и весьма разные.

— Итак, что такое жизнь вообще? — тоном заправского лектора начал Звягин их встречу, которую полагал заключительной и последней. — Что такое жизнь на Земле? И во Вселенной?

Как живет растение? Берет питание из Земли и поглощает солнечную энергию. Растение потребляет энергию земного вещества и Солнца непосредственно своим организмом.

А травоядные животные? Они потребляют ту же энергию, уже сконцентрированную в растениях. И превращают ее в тепло и движение своего тела.

А хищники? Потребляют ту же энергию, добытую и переработанную сначала растениями, а потом животными. Трава растет месяц, коза набивает ею желудок весь день, волк съедает козу за десять минут. Потребление и переработка энергии ускоряется, растет!

А человек? Он не просто ест мясо — он жарит его или варит, поэтому полнее и легче усваивает съеденное. То есть потребляет еще более концентрированную, переработанную энергию. Ест не траву, а перетертое зерно пшеницы, печеное на огне — хлеб: масса энергии! (Цивилизация шагала вперед и переделывала мир быстрее и больше всего там, где ели хлеб — где потребляли больше энергии и больше выделяли ее в окружающий мир, переделывая его!)

История жизни на Земле — это история того, как увеличивалось потребление, переработка и выделение энергии, содержащейся в Земле.

Когда человек стал человеком? Когда овладел огнем! Сумел выделить энергию, содержащуюся в полене: уничтожить кусок дерева, превратив его в тепло и свет. Огонь — это защита от хищников, хлеб, металл, цивилизация, преобразование мира. (Вот почему на огонь тянет смотреть бесконечно — это тяга к максимальному действию, максимальному изменению мира: дерево исчезает, отдавая всю заключенную в нем энергию, рождая тепло и свет. Огонь — это жизнь Вселенной в миниатюре. А живое тянется к жизни.)

Сначала человек жег леса. Потом — каменный уголь и торф.

Потом — нефть. Потом научился выделять энергию, заключенную в атомном ядре. И уже приблизился к выделению абсолютно всей энергии, заключенной в веществе — к аннигиляции. То есть вещество целиком превращается в свет: супервзрыв, исчезновение без остатка.

Итак?

Итак, все имеющее свое начало имеет и конец. Наша Земля не вечна. Есть разные теории: остынут глубины планеты, развеется в пространстве атмосфера, потухнет Солнце. Теперь еще прибавилась возможность ядерной войны.

Галактики гибнут во взрывах звезд, рождающих новые галактики.

Наука полагает, что не вечна и Вселенная.

Какое самое большое действие можно вообще себе представить? Уничтожение всей Вселенной и рождение новой Вселенной. Вселенский взрыв. Аннигиляция. Конец всего и начало всего снова. Выделение и преобразование всей энергии Вселенной.

Вот по этому пути, к этому результату (логически рассуждая) и движется человечество. Поэтому я думаю, что войны не будет. Слишком мелко. Мы созданы для более крупных дел.

— Это невообразимо... — произнес Матвей после длительного молчания, пытаясь переварить услышанное.

— Не более невообразимо, чем то, что Земля круглая, а не плоская, и вертится вокруг Солнца, а не оно вокруг нее. Или я слишком сложно говорил?

— Но человечество этого не хочет!

— Верно. Человечество хочет жить. То есть — действовать и изменять мир. А любое явление (повторяю в сотый раз) со временем переходит в свою противоположность. Созидательная деятельность человечества перерастает в разрушительную. Гробить свою планету мы уже начали.

— Послушайте... вы это всерьез?

— Так же всерьез, как то, что человек произошел от обезьяны.

— Но если допустить, что это правда... это ужасно!

— Отчего? — холодно отозвался Звягин. — Конец будет еще нескоро.

— Вы человеконенавистник!

— О! — удивился Звягин. — Как говорят в Одессе, чтоб у тебя было столько рублей, сколько человек я спас. Прости за хвастовство. — Последовал искушению и отвесил Матвею щелчок — звонко, как по арбузу.

— Но ваша теория — человеконенавистническая!

— Да я-то чем виноват, если это правда. Насколько я понимаю, правда, — уточнил он.

— Но такая правда отнимает надежду. Она вредна. Есть вещи, которые лучше не знать!

— Браво, первая валторна. Вот речь, достойная философа. От правды не спрячешься. Раньше или позже все равно с ней столкнешься. Человек не баран — должен знать все. Почему я тебе долдоню букварные истины? — разозлился Звягин. — У тебя мозги заело?

— Если допустить безумное предположение, что вы правы — тогда зачем все? Зачем прогресс? Зачем наши труды? Если все так кончится...

— Ты веришь в загробную жизнь? — неожиданно спросил Звягин.

— Я?! Нет. А что?..

— Ты знаешь, что когда-нибудь умрешь?

— Н-ну...

— Это не мешает тебе есть, пить, думать? Влюбляться, покупать новый костюм, мечтать о карьере? Радоваться жизни? Смотри, как экономно действует природа: создать человека, наделить его разумом — и за считанные тысячи лет он уже дошел до термоядерной реакции, а ведь так выделяется энергия в звездах! Логично предположить, что человек — одно из орудий Вселенной на определенном этапе ее развития.

— Да какой же смысл в такой жизни?! — возопил несчастный студент.

— Вот мы и подошли к вопросу, с которого началось наше знакомство, — с удовлетворением отметил Звягин. Распахнул плащ, прищурился, подмигнул: — Дай-ка мне определение: что такое смысл? А?

— Я уж лучше послушаю... — было бурчание в ответ.

— Под смыслом мы понимаем цель и конечный результат каких-то действий. Смысл маневров — в выигрыше битвы, смысл изобретения — в облегчении труда. И так далее.

Смысл жизни человечества — в преобразовании мира. Конечный результат жизни человечества — превращение всей массы нашей Вселенной в свет, рождение новой Вселенной.

Смысл жизни отдельного человека — внести максимальный вклад в преобразование мира. Что и выражено в старой истине: человек должен делать самое большое, на что он способен.

Смысл — это предназначение. Смысл жизни солдата — в победе, ученого — в открытии, художника — в создании шедевра.

Исполняя предназначение, человечество живет и идет вперед. Поэтому смысл и в том, чтобы рожать детей и сеять хлеб, — и в том, чтобы открывать новые земли и изобретать новые машины.

Это — объективно. А субъективно — смысл в том, чтобы как можно больше и сильнее перечувствовать всего за время жизни.

Устраивает?

— Как у вас все просто! Получается — смысл в том, чтобы жить на всю катушку?

— Да. Можно сказать и так.

— И все? Но ведь должен быть еще какой-то высший смысл! Иначе почему люди всегда пытались найти его?

— Отвечаю. Смысл книги — в идее, встающей за набором слов. Смысл формулы — в законе природы, который формула обозначает. Смысл — это глубина и суть происходящего, открывающаяся за внешними деталями.

Найти смысл — означает познать до самой глубины, понять до конца.

Найти смысл жизни — значит познать жизнь до конца, до последнего предела.

Но предела познания не существует!! Познание бесконечно!! Увеличим изображение мельчайшей пылинки в миллиард, в триллион раз — и в ней откроется целая вселенная. Самая мельчайшая вещь состоит из еще меньших. Почему камень падает вниз? Потому что он притягивается Землей. Почему? Потому что существует закон всемирного тяготения. Почему? Потому что между элементарными физическими частицами существуют силы притяжения. Почему? А вот потому. Дальше наука еще не раскопала. А когда раскопает, возникнет следующее «почему».

Поэтому такой поиск смысла жизни — как погоня за горизонтом, постоянно отодвигающимся.

— Получается, что такой смысл — непостижим?..

— Да. Принципиально непостижим. Высший, абсолютный смысл всего — это абстракция, противоположность всему ясному, конкретному, постижимому. Непостижимое — противоположность постижимому. Как верх и низ, как две стороны листа. Есть одно — должно быть и другое. Как предмет и его отражение в зеркале. Но проникнуть за плоскость зеркала нельзя.

Почему же смысл жизни все-таки ищут?

Заметь — ищут обычно в молодости. Когда страсти сильнее, тяга к ощущениям острее. В пору сильных же-

ланий. И это желание (понять смысл жизни) не может быть удовлетворено. Ощущение неудовлетворенности — сильное ощущение! — необходимо молодому человеку, как воздух. Без него жизнь неполна. А юноше нужна полнота жизни. Полнота ощущений. Радостей и мук, надежд и разочарований.

Человечеству необходимы неразрешимые задачи! При попытках решить их возникают и решаются другие задачи, разрешимые. Это вечный стимул к постижению мира.

— Я бы хотел когда-нибудь написать обо всем этом книгу... — задумчиво произнес Матвей. Наклонился и завязал шнурок на стоптанной туфле.

— «Хотел бы», «когда-нибудь»... Так возьми и напиши! Или всю жизнь собираться с духом будешь?

— А вы сами?

— А мне это уже не интересно. Я не писатель. С меня достаточно того, что я разобрался в этом сам и объяснил тебе. — Звягин легко улыбнулся, в солнечном проблеске седина на его висках вспыхнула отчетливо и ярко.

— Но мы решили еще не все вопросы!..

— «Мы пахали...» Вот тебе их и решать. Как говорится, вся жизнь впереди.

Они простились коротко. Долгих прощаний несентиментальный Звягин терпеть не мог.

— Навалятся опять неразрешимые проблемы — звони. В крайнем случае.

— Спасибо, Леонид Борисович...

— Привет!

Матвей долго следил за удаляющейся прямой фигурой, пока она не затерялась среди прохожих, не растворилась в сумерках. Потом посмотрел на часы и поехал в общежитие — обсудить с компанией услышанное.

А Звягин, придя домой, послонялся в поисках какого-нибудь занятия, вынес мусорное ведро, прочистил засорившуюся конфорку газовой плиты и решил лечь спать пораньше: завтра пятница, двенадцатое число, ко-

нец недели и день получки, — дежурство обещало быть тяжелым, удастся ли еще за сутки поспать. (В такие дни много происшествий.)

— Как твой Мотя? — поинтересовалась дочка.

— Будет жить, — зевнул Звягин. — Ему скоро сессию сдавать. А тебе, кстати, экзамены. Всех могу вразумить, кроме собственной дочери, — пожаловался он.

— А ты не слишком жестоко огорошил мальчика своими мрачными объяснениями? — спросила жена.

— За одного битого двух небитых дают, — равнодушно отозвался муж. — Послушать тебя — так я вообще изверг и вивисектор. Ему нужна была ясность. Точка опоры. Осознание трудностей жизни. Он их получил. Хуже нет, когда заморочат с детства голову иллюзиями, изобразят мир в розовых красках, а потом жизнь оказывается иной, и впадает человек в черный пессимизм.

— Когда ты перестанешь изъясняться афоризмами?

— Сейчас, — ответил Звягин. Раскрыл книгу и прочитал: — «Моя старость и величие моего духа побуждают меня, невзирая на столькие испытания, признать, что ВСЕ — ХОРОШО». Софокл, «Эдип». — Кинул книгу на диван, сунул руки в карманы, качнулся с носков на пятки, сощурился. — Это ж надо, такое везение. Могли ведь и не родиться.

— Кто? — спросила жена.

— Да кто угодно, — сказал Звягин. — Хоть мы с тобой.

Снял с журнального столика стопу книг и расставил их на полках.

— А что будет с мальчиком дальше, как ты думаешь?

— Врач — не нянька. Не могу же я интересоваться судьбами всех больных бесконечно. У меня их десяток за дежурство бывает.

— Леня, цинизм тебе не удается...

— Папе все удается, — заступилась дочка.

— Папа у нас крупный специалист по просовыванию верблюда через игольное ушко, — с неизъяснимой улыбкой сказала жена.

— Я пошел спать, — решительно объявил Звягин.

Шлепнувшись в постель, он прокричал из спальни:

— А верблюдом, чтоб ты знала, назывался канат для швартовки судов. Так же как маленький якорь до сих пор называется кошкой.

Спальня вокруг него заструилась, волна плеснула у ног, в берег вцепилась голубоглазая сиамская кошка, за нее держался важный двугорбый верблюд, а за верблюдом с шорохом въехал килем в песок крутобокий финикийский корабль под полосатым квадратным парусом: палуба полна знакомых лиц, а у мачты стоит Матвей и записывает тростниковой палочкой на свитке папируса основы интенсивной терапии, которые диктует ему Звягин, засевший в тенистом кусте... Засыпал Звягин мгновенно.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога. СВОЯ РУКА — ВЛАДЫКА 5

Глава I. НИТЬ ЖИЗНИ 27
Глава II. ЧТО ТАКОЕ НЕ ВЕЗЕТ И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ 43
Глава III. НЕКРАСИВАЯ 69
Глава IV. ИГРА В ИМПЕРАТОРА 95
Глава V. ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ 121
Глава VI. ВОЛЬНОМУ ВОЛЯ 155
Глава VII. ДЕТЕКТИВ 193
Глава VIII. ЖИВЫ БУДЕМ — НЕ ПОМРЕМ 235
Глава IX. ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ 305

Еще не эпилог. ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ 441

ISBN 5-17-033962-3

Литературно-художественное издание

Веллер Михаил

Приключения майора Звягина

Роман воспитания

Верстка
А.Р. Вальского

Компьютерный дизайн:
С.В. Шумилин

Корректоры:
А.А. Борисенкова, И.В. Фатеева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

"Побеждай!"